

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№6 2020 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8 (495) 142-8681

E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

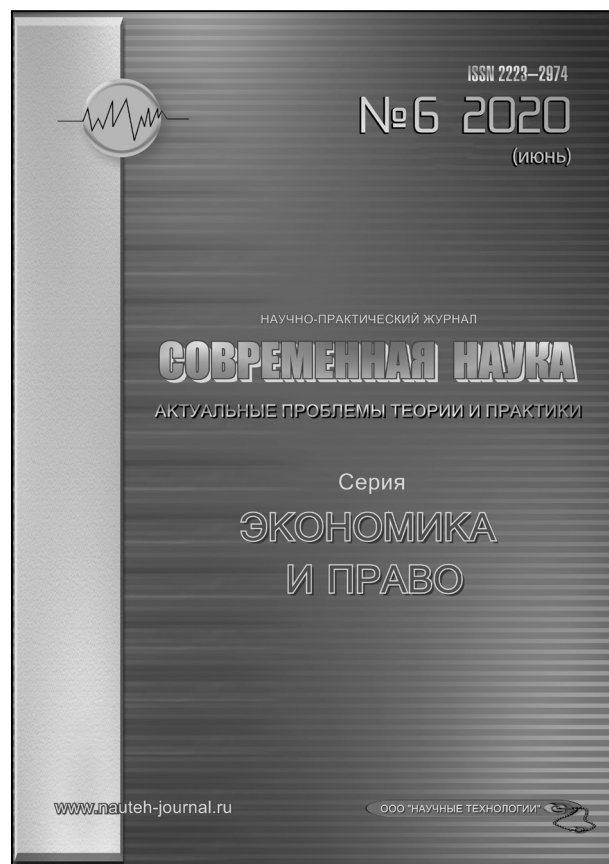
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:

**ЭКОНОМИКА,
ПРАВО**

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 20.06.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая. Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт Государства и Права РАН

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Богомолова А. А., Зяблицкая Н. В., Рауш Я. С., Чернышева Е. М. — Предпринимательство в современной экономике

Bogomolova A., Ziablitskaia N., Raush Ya., Chernysheva E. — Entrepreneurship in the modern economy7

Волотковская Н. С., Волотковская Ю. А., Семёнов А. С. — Мировой рынок энергетических ресурсов: анализ производства и спроса на энергоносители, перспективы сектора

Volotkovskaya N., Volotkovskaya Yu., Semenov A. — The global energy market: analysis of energy production and demand, sector prospects 12

Грузина Ю. М., Мельничук М. В., Белогаш М. А. — От парадигмы лидерства – к экосистеме лидерства в высшем образовании

Gruzina Yu., Melnichuk M., Belogash M. — From paradigm to ecosystem of leadership in higher education 18

Дегтярева И. В., Макаева Л. И. — Институциональные факторы, сдерживающие развитие высокотехнологичных отраслей России

Degtyareva I., Makaeva L. — Institutional factors hindering the development of high-tech industries in Russia 24

Догучаева С. М. — Влияние технологий интернета вещей и больших данных на современную экономику

Doguchaeva S. — The impact of internet of things and big data technologies on the modern economy 32

Догучаева С. М. — Совершенствование цифровой экономики в инновационной политике российских компаний.

Doguchaeva S. — Improving the digital economy in the innovation policy of Russian companies 36

Есаулкова Т. С. — Зарубежный опыт инвестирования пенсионных средств в долгосрочные инфраструктурные проекты

Esaulkova T. — Foreign experience in investing pension funds in long-term infrastructure projects 40

Кожухов Н. И., Тихомиров Е. А. — Усиление роли лесного потенциала малолесных регионов РФ для повышения темпов социально-экономического развития и сбалансированности интересов населения, бизнеса и административных структур

Kozhuhov N., Tikhomirov E. — Strengthening the role of the forest potential of low-forest regions of the Russian Federation to increase the pace of socio-economic development and balance the interests of the population, business and administrative structures 44

Крышка В. И. — Конструктивно-критическая верификация теоретической модели кругооборота товарной формы рабочей силы в постсоветский период современной России

Krishka V. — The constructive-critical verification of the turnover theoretical model of the labor force commodity form in the post-soviet period of modern Russia. 48

Кузьмичева А. А. — Особенности стратегии продвижения предприятий логистической отрасли

Kuzmicheva A. — Features of the promotion strategy of the logistics industry enterprises 54

Лебедев Н. А. — Инновационная направленность развития российской электроэнергетики в контексте модернизации

Lebedev N. — Innovative direction of development Russian electric power industry under the new strategy. 60

Ломакин А. Л., Рудикова С. С. — Пиринговая правовая парадигма как возможное направление трансформации законодательного регулирования виртуального децентрализованного пространства <i>Lomakin A., Rudikova S.</i> — Peer-to-peer legal paradigm as a possible direction of the legislative regulation transformation of the virtual decentralized space 64	Право
Метревели Е. Г. — Совершенствование программ ипотечного кредитования <i>Metreveli E.</i> — Improving mortgage lending programs .. 68	Баранов Г. А. — Критика отдельных положений о судебном примирении <i>Baranov G.</i> — Criticism of certain provisions on judicial reconciliation. 107
Мишин В. Б. — Корпоративная культура и стратегические изменения на предприятии <i>Mishin V.</i> — Enterprise culture and strategic change 77	Воробьев А. С. — Проблема определения понятия адвокатской деятельности как формы квалифицированной юридической помощи <i>Vorob'ev A.</i> — The problem of defining the concept of advocacy as a form of qualified legal assistance 110
Немцов Д. В. — Функциональная модель оценки уровня развития корпоративной культуры <i>Nemtsov D.</i> — Functional model for assessing the level of development of corporate culture 82	Горбунов В. А. — Распоряжение и управление имуществом в договорах доверительного управления <i>Gorbunov V.</i> — Disposal and management of property in treaties of trust management 113
Таранов А. И. — Влияние BIM-моделирования на цифровую трансформацию строительной сферы <i>Taranov A.</i> — The impact of bim modeling on digital construction 87	Грибановская И. А., Чекулаев С. С. — Сравнительно-правовой анализ брачного договора в Российской Федерации и Китайской Народной Республики <i>Gribanovskaja I., Chekulaev S.</i> — Comparative legal analysis of the marriage contract in the Russian Federation and the people's Republic of China 116
Филичев Г. А. — Анализ применимости зарубежного опыта организации пригородных железнодорожных перевозок в России <i>Filichev G.</i> — The applicability of foreign experience of organizing suburban rail transport in Russia 91	Гудков А. И., Красильщиков А. В., Мищенко В. И. — Правовые проблемы толкования понятия «освободившееся жилое помещение»: теоретические и практические аспекты <i>Gudkov A., Krasilschikov A., Mishchenko V.</i> — Legal problems of interpretation of the concept «relaxed residential room» theoretical and practical aspects 120
Чан Тхи Тхань Нга, Лабудин А. В. — Оценка эффективности деятельности лесных предприятий области Тай Нгуен-Вьетнам <i>Tran Thi Thanh Nga, Labudin A.</i> — Evaluating the performance of forest enterprises in the Tai Nguyen region-Vietnam 97	Данилюк Л. А. — Проблемы реализации принципов добросовестности и справедливости при формировании реестра требований кредиторов в Российской Федерации <i>Danilyuk L.</i> — The problems of implementing the principles of good faith and justice in the creation of the list of creditors in the Russian Federation. 124
Шумакова Е. В. — Проблемы гостиничного бизнеса в условиях пандемии (коронавируса) <i>Shumakova E.</i> — Problems of hotel business in the conditions of pandemic (coronavirus) 103	

Ефимова О. К. — Правовой режим недропользования в России (теоретическое моделирование)	Рябинин Д. А. — Освидетельствование и его роль в раскрытии убийств, совершенных по религиозным мотивам
<i>Efimova O.</i> — Legal regime of subsurface use in Russia (theoretical modeling) 130	<i>Ryabinin D.</i> — Inspection and its role in disclosure of murders committed with the religious grounds. 169
Жирова А. А. — Особенности реализации принципа диспозитивности в приказном производстве	Рябова О. А., Кузнецова Н. А., Матвеева Т. П., Кузнецова Н. В. — Трудовой стаж как важнейший институт пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации
<i>Zhirova A.</i> — Features of implementation of the principle of dispositivity in ordered production .. 135	<i>Ryabova O., Kuznetsova N., Matveeva T., Kuznetsova N.</i> — Work experience as the most important institution of pension provision for citizens of the Russian Federation 173
Карпов О. В., Лукашина А. Э. — Анализ малозначительности в производстве по делам об административных правонарушениях	Стулова М. В., Хомушку С. В. — Отдельные аспекты взаимодействия юридических лиц в международном частном праве
<i>Karpov O., Lukashina A.</i> — Analysis of insignificance in the manufacture on affairs about administrative offences 138	<i>Stulova M., Khomushku S.</i> — Certain aspects of interaction of legal entities in private international law 177
Кузнецов А. К., Васильева Ж. С. — Актуальные проблемы правового регулирования организации и проведения единого государственного экзамена в Российской Федерации	Терехова В. В. — Особенности правового регулирования банковской деятельности в условиях борьбы с пандемией covid-19
<i>Kuznetsov A., Vasilieva J.</i> — Current problems in the legal regulation of the organization of uniform state exam in the Russian Federation 143	<i>Terekhova V.</i> — Features of legal regulation of banking activities in the context of combating the covid-19 pandemic..... 185
Лопатина О. А. — Правовое поле инновационной деятельности в практике работы библиотек	Тыщенко Г. В. — К вопросу о нравственных основаниях принципов права
<i>Lopatina O.</i> — Legal field of innovation in the practice of libraries 148	<i>Tyschenko G.</i> — To the question on moral grounds the principles of law 190
Пучков В. О., Пучков О. А. — Об основаниях действительности права, современном правопонимании и научной рациональности правоведения в цифровую эпоху	Христофоров Н. Р., Майоров И. И. — Участники специальной оценки условий труда. Права и обязанности
<i>Puchkov V., Puchkov O.</i> — On the validity of law foundations, modern understanding of the law and scientific rationality of the legal science in the digital age..... 154	<i>Khristoforov N., Majorov I.</i> — Arts of the special assessment of working conditions. Rights and obligations. 194
Рыбина С. Н. — Правовое регулирование вопросов об ответственном обращении с животными	
<i>Rybina S.</i> — Legal regulation of issues about responsible treatment of animals 165	

Чувахин П. И. — Международно-правовые вопросы ответственности международных финансовых организаций по внутригосударственному законодательству
Chuvakhin P. — International legal issues of responsibility of international financial organizations under domestic law 198

Шайдуллина В. К. — К вопросу о правовой природе смарт-контракта
Shaydullina V. — On the legal nature of a smart contract 206

Шершнев М. Н. — Трудовая деятельность осужденных за пределами исправительных учреждений: допустимость и проблемы реализации
Shershnev M. — The labour activities of convicts outside the correctional institutions: the validity and problems of implementation 211

Информация

Наши авторы. Our Authors 215

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 218

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

ENTREPRENEURSHIP IN THE MODERN ECONOMY

**A. Bogomolova
N. Ziablitskaia
Ya. Raush
E. Chernysheva**

Summary. The article considers small business as one of the most important elements affecting the stability of the economy and the political situation in the country. The main barriers to the development of small business are listed. Currently, various mechanisms to support small businesses are being developed and improved by the authorities.

Keywords: small business, regulation, market economy.

Богомолова Алёна Андреевна
Филиал ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет (НИУ)»,
г. Нижневартовск
bogomolova_aa@list.ru

Зяблицкая Наталья Викторовна
Д.э.н., филиал ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет (НИУ)»,
г. Нижневартовск

Рауш Яна Сергеевна
Филиал ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет (НИУ)»,
г. Нижневартовск

Чернышева Елена Михайловна
Филиал ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет (НИУ)»,
г. Нижневартовск

Аннотация. В статье рассматривается малый бизнес как один из важнейших элементов, влияющих на устойчивость экономики и политической ситуации в стране. Перечислены основные барьеры на пути развития малого предпринимательства. В настоящее время со стороны органов власти разрабатываются и совершенствуются различные механизмы поддержки малого бизнеса.

Ключевые слова: малый бизнес, регулирование, рыночная экономика.

Главными критериями эффективности государства Президент страны в своём послании Федеральному Собранию определил два показателя — доходы и качество жизни. Важную роль в их повышении играет развитие предпринимательства.

Рыночная экономика предполагает повышение частной предпринимательской инициативы. Ведь бизнес серьезно влияет на экономику с помощью нескольких ключевых факторов: это, прежде всего, занятость, налоги, производство продукции и услуг. Именно они и определяют рост ВВП, а потому поддержка этой сферы действительно важна.

Доля участия государства в экономике все еще остается высокой. Частный сектор должен выступить ключевым драйвером роста экономики и производительности труда. А планы развития каждой области должны учитывать сильные позиции и укреплять их как якорные. Нельзя расплывать средства и силы на проекты и сферы, от которых не будет большого толка.

Новая модель экономического роста, основана на снижении роли государства и развитии бизнеса. ВВП, должен расти за счет повышения эффективности, производительности труда, усиления малого и среднего бизнеса.

Принимая во внимание все более актуализирующийся вопрос высвобождения рабочих мест в связи с автоматизацией многих рабочих процессов, массовое предпринимательство окажет положительный эффект как на экономику страны, так и на жизнь населения страны.

В последние годы доля МСБ в экономике России остается на уровне 25–27%. Задача — довести ее до 35% к 2025 году и не менее 50% — к 2050-му. В нынешнем году планируется достигнуть показателя в 28,2%.

Все условия для этого есть. Бизнес-климат в России улучшается, устраняются барьеры для предпринимателей.

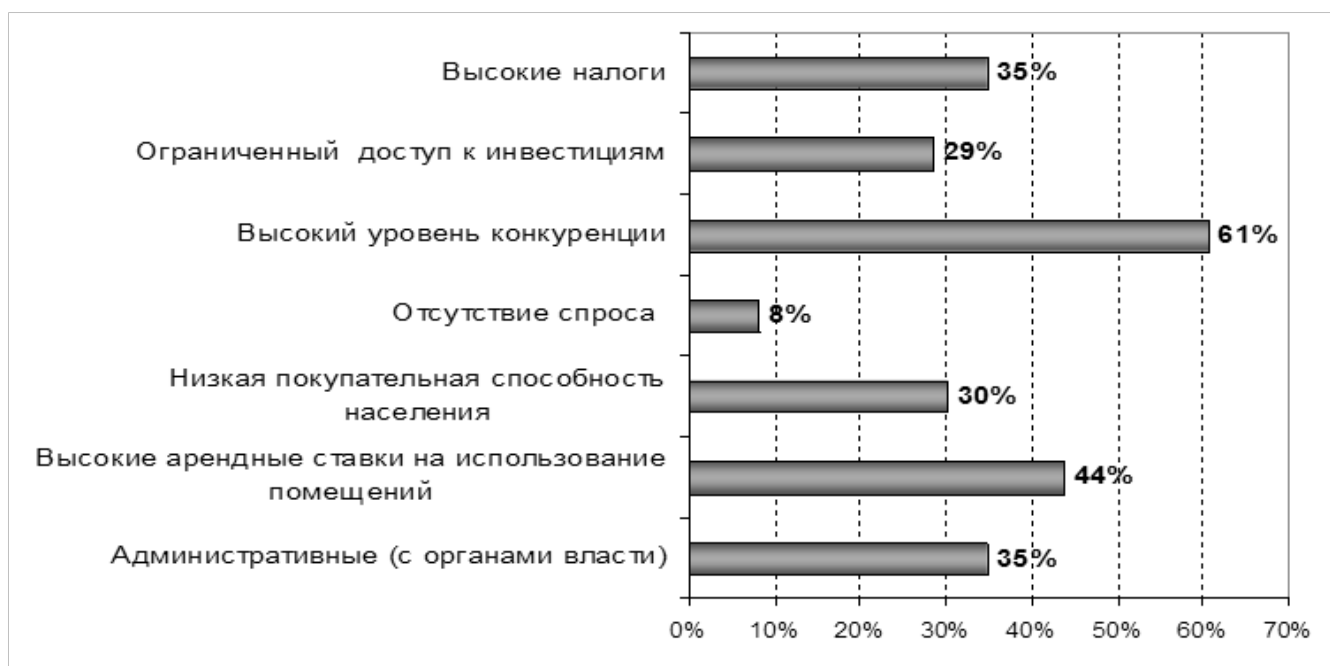

Рис. 1. С какими проблемами внешнего характера Вам приходится сталкиваться в процессе деятельности? [3]

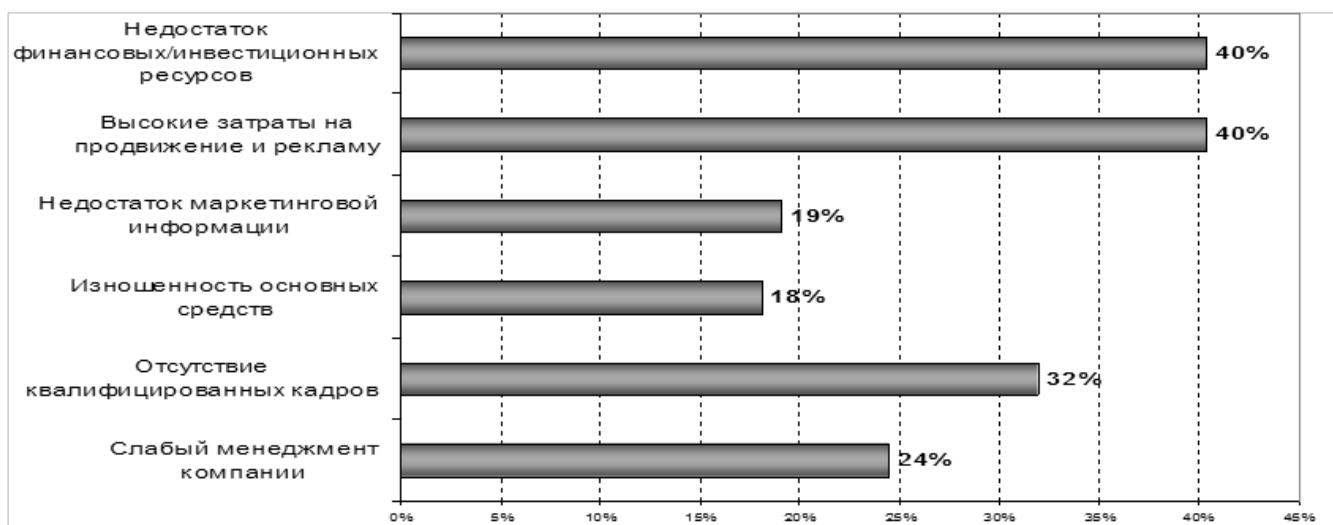

Рис. 2. С какими внутренними проблемами Вам приходится сталкиваться в процессе деятельности? [3]

Всесторонняя поддержка бизнеса уже приносит ощутимые плоды. Так, рост экономики в прошлом году (4,1%) сопровождался опережающим повышением реальных доходов населения на 4,4%.

Однако, в свете нового финансирования необходимо поднимать вопрос повышения ответственности бизнеса перед государством.

Государственные средства необходимо выделять только тем предпринимателям, которые готовы модернизироваться и вкладываться в новую технику. Всесторонняя поддержка бизнесу по сравнению с 2018 годом число субъектов малого предпринимательства увеличилось на 8,3%, появилось около 30 тыс. новых субъектов малого бизнеса. Так что говорить о том, что положение предпринимателей ухудшилось, нельзя.

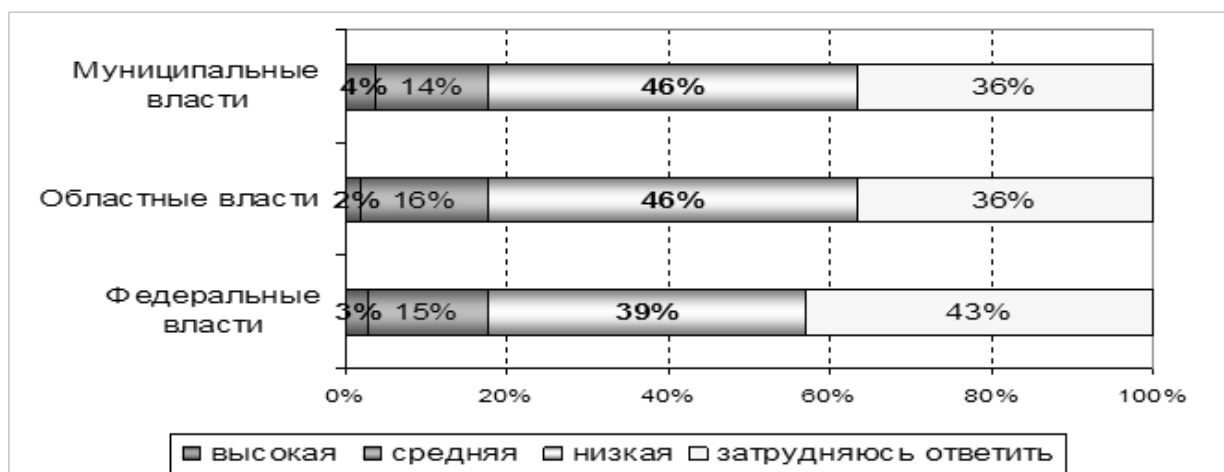

Рис. 3. Оцените эффективность работы федеральных, областных и местных (муниципальных) властей [3]

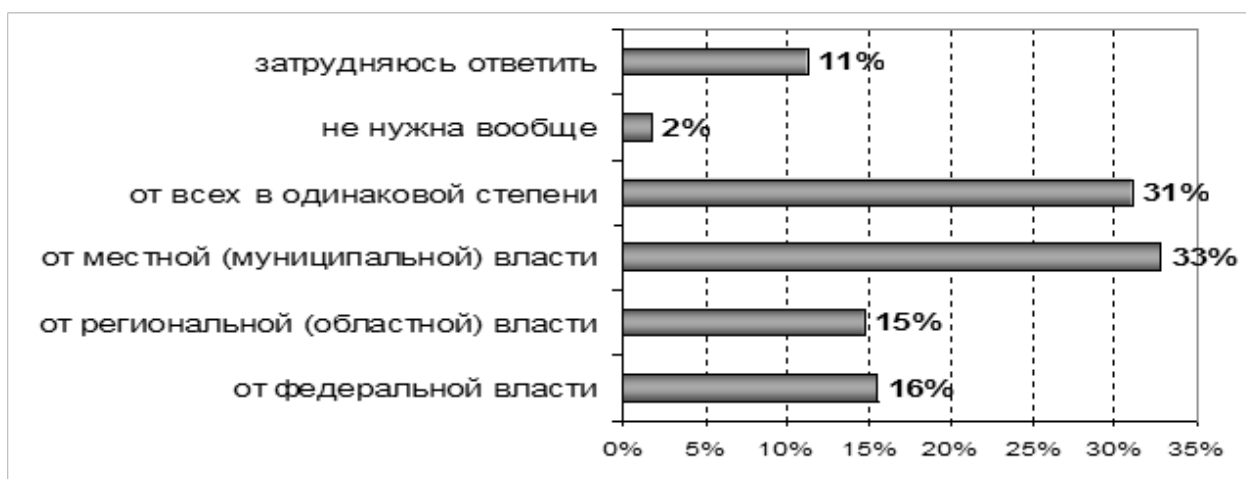

Рис. 4. От какого уровня власти (федерального, регионального, местного), по Вашему мнению, должна быть наибольшая поддержка? [3]

В целях получения наиболее полноценной картины по развитию бизнеса, а также в поисках ответов на волнующие вопросы о проблемах взаимодействия бизнеса и государственной власти, и мерах по их решению, был проведен мониторинг, результаты которого представлены в статье.

Прежде, чем определить спектр необходимой поддержки бизнесу, имело смысл узнать, с какими же проблемами на текущий момент сталкиваются предприятия в своей деятельности.

Предлагаемый респондентам перечень определялся по двум критериям: проблемы внешнего характера и внутренние проблемы бизнеса.

Согласно полученным данным, к проблемам внешнего характера предприниматели отнесли:

- ◆ высокий уровень конкуренции — 61%;
- ◆ высокие арендные ставки на помещения — 44%;
- ◆ высокие налоги — 35%;
- ◆ административные проблемы — 35%.

Среди проблем внутреннего характера предприниматели выделили:

- ◆ недостаток финансовых, инвестиционных ресурсов — 40%;
- ◆ высокие затраты на продвижение и рекламу — 40%;
- ◆ отсутствие квалифицированных кадров — 32%.

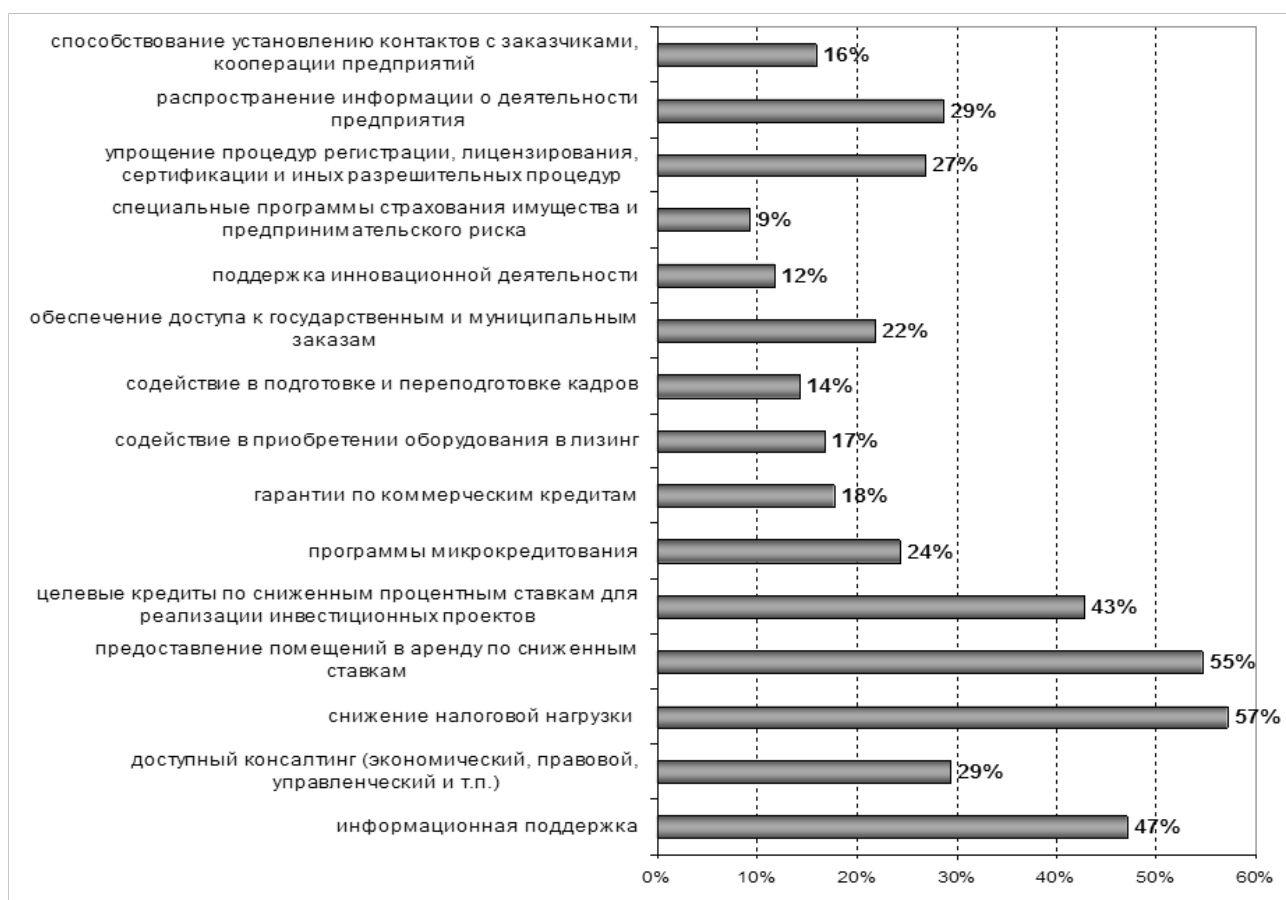

Рис. 5. В чем может быть эффективность поддержки государства для бизнеса [3]

Текущие данные совпадают с данными предыдущего мониторинга (2018 г.). Проблемы у бизнеса остались прежними.

Так, в 2019 году среди основных проблем предприятия выделяли: нехватку финансовых средств — 56%, высокие арендные ставки — 52%, а также высокие налоги.

Прежде чем остановиться на конечном пункте данного мониторинга, следует рассмотреть, как же оценивают предприниматели на данный момент работу федеральных, региональных и муниципальных властей и от кого из них они в первую очередь ожидают помощи и поддержки.

Итак, как мы видим, в отношении эффективности у всех властей практически одинаковые показатели. Причем большинство респондентов оценивает работу властей по поддержке бизнеса как достаточно низкую.

При этом большинство отмечает, что, прежде всего, поддержки и помощи они ожидают все-таки от государственной и муниципальной власти.

Имея представление о насущных проблемах компаний, целесообразно уточнить, какой именно поддержки предприниматели ожидают от Программы.

Итак, прежде всего, бизнес нуждается в снижении налоговой нагрузки (57%). Существенным финансовым подспорьем при этом для респондентов было бы снижение процентных ставок на целевые кредиты (43%) и развитие микрокредитования.

Актуальным остается вопрос о предоставлении помещений по сниженным арендным ставкам (55%). Стоимость арендной платы постоянно увеличивается. Для бизнеса финансовая нагрузка в связи с увеличением арендной платы становится «неподъемной». Рост арендной платы стимулируется дефицитом ввода новых объектов коммерческой недвижимости и активной продажей государственных и муниципальных зданий с переводом всех бывших арендаторов на рыночный уровень аренды.

Можно с уверенностью прогнозировать, что такая ситуация с ростом аренды будет продолжаться в бли-

жайшие 3–5 лет. Дополнительно ситуацию усугубляет и тот факт, что нет достоверной и полной информации о предоставляемых в аренду производственных помещениях. Не обладая достаточно полной информацией, предприниматель не может ориентироваться в новых рыночных условиях. Учитывая, что данная проблема не является временной, а имеет системный долгосрочный характер, требуются более активные и эффективные меры со стороны муниципалитета для снижения этого отрицательного воздействия на предпринимательскую среду, преимущественно для сектора начинающих предпринимателей и производственно-инновационного бизнеса.

Проведенный многосторонний анализ свидетельствует, что в настоящее время в России, во многом благодаря предпринятым мероприятиям по государственной поддержке предпринимательства, ситуация достаточно стабильна. Каждое третье предприятие с уверенностью смотрит в будущее, планируя дальнейшее развитие.

Таким образом, нынешнее взаимодействие бизнеса и власти можно назвать весьма неоднозначным. С одной стороны, Россия очень привлекательна в инвестиционном плане, как со стороны зарубежных предпринимателей, так и отечественных. С другой стороны, некоторые условия, которые ставит власть бизнесменам, являются неприемлемыми, «пугающими» и просто тормозящими поток инвестиций в страну.

Например, власть и бизнес не могут найти точек соприкосновения относительно таможи и логистики. Крупные инвесторы для того, чтобы зайти в Россию, требуют наличие развитых транспортных путей, инфраструктуры и ресурсов.

Возможности для всех представителей предпринимательской среды должны быть равными для всех. Только тогда власть и бизнес России сумеют построить эффективные взаимоотношения, которые неизменно приведут к процветанию страны и стабилизации экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьмина Е. Е. Организация предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]: учебное пособие для бакалавров /Е.Е. Кузьмина, Л. П. Кузьмина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2016. — Режим доступа: <http://www.biblio-online.ru>.
2. Рвачев А. Л. Государственное регулирование предпринимательской деятельности. М.: Экономика, 2019. — 213 с.
3. Першин А.А., Веснин А. В. Общественное мнение: сущность и его роль в управлении государством // Право и образование. — 2019. — № 5. — С. 105–110.

© Богомолова Алёна Андреевна (bogomolova_aa@list.ru), Зяблицкая Наталья Викторовна,
Рауш Яна Сергеевна, Чернышева Елена Михайловна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МИРОВОЙ РЫНОК ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: АНАЛИЗ ПРОИЗВОДСТВА И СПРОСА НА ЭНЕРГОНОСИТЕЛИ, ПЕРСПЕКТИВЫ СЕКТОРА

Волотковская Наталья Сергеевна

Доцент, Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова, Политехнический
институт (филиал) в г. Мирном
volotkovska_n@mail.ru

Волотковская Юлия Александровна

Доцент, Национальный технический университет
«Днепропетровская политехника», Днепр, Украина
kafeiagp@rambler.ru

Семёнов Александр Сергеевич

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, Политехнический институт
(филиал) в г. Мирном
sash-alex@yandex.ru

THE GLOBAL ENERGY MARKET: ANALYSIS OF ENERGY PRODUCTION AND DEMAND, SECTOR PROSPECTS

**N. Volotkovskaya
Yu. Volotkovskaya
A. Semenov**

Summary. The paper analyzes the global demand for various energy sources in recent years. A number of works are considered in which by 2040 a double increase in the global energy production market is forecasted. Also, a number of other works predict the transition of energy demand from the US and EU countries to the Asian market. The percentage distribution of global energy needs is provided, provided by six types of resources, among which oil, gas and coal will remain dominant. Some studies have suggested that the demand for natural gas will continue to grow faster than the demand for oil or coal. To confirm or refute this theory, the authors constructed a mathematical model of the dynamics of gas demand in comparison with the total demand for oil and coal, as a result of which two different polynomial functions were obtained with almost the same probability confirming this forecast. The article also noted such important factors as: a decrease in solid fuel production in the UK; steady growth in the importance of renewable energy in the last few years; slowdown in the development of nuclear energy by some key countries; general shortage of energy resources in the EU countries, etc.

Keywords: demand, energy consumption, oil, gas, coal, renewable energy sources, world market, mathematical model.

Аннотация. В работе проанализирован глобальный спрос на различные источники энергии за последние годы. Рассмотрен ряд работ, в которых к 2040 году прогнозируется двукратное увеличение мирового рынка производства энергии. Также в ряде других работ предсказывается переход спроса на энергоносители от США и стран ЕС к азиатскому рынку. Показано процентное распределение мировых энергетических потребностей, обеспечиваемых шестью видами ресурсов, среди которых доминирующими по-прежнему будут оставаться нефть, газ и уголь. В некоторых работах прозвучало мнение, что спрос на природный газ будет в дальнейшем расти быстрее, чем спрос на нефть или уголь. Для подтверждения или опровержения этой теории авторами построена математическая модель динамики спроса на газ по сравнению с суммарным спросом на нефть и уголь, в результате чего получены две разные полиномиальные функции почти с одинаковой вероятностью подтверждающие этот прогноз. Также в статье отмечены такие важные факторы, как: снижение добычи твердого топлива в Великобритании; стабильный рост значимости возобновляемых источников энергии в последние несколько лет; сокращение темпов развития атомной энергетики некоторыми ключевыми странами; общий дефицит энергоресурсов в странах ЕС и др.

Ключевые слова: спрос, энергопотребление, нефть, газ, уголь, возобновляемые источники энергии, мировой рынок, математическая модель.

Введение

В 21 веке из-за появления новых технологий в производстве происходит количественное и качественное изменение структуры распределения и потребления энергоресурсов. В мировой экономике

большинство государств начинают сокращение внутреннего потребления энергии. Они активно привлекают в промышленный оборот местные виды традиционного топлива и обязательно возобновляемого [1]. В течение 2015–2019 гг. из-за политической нестабильности в мире рост производства основных видов про-

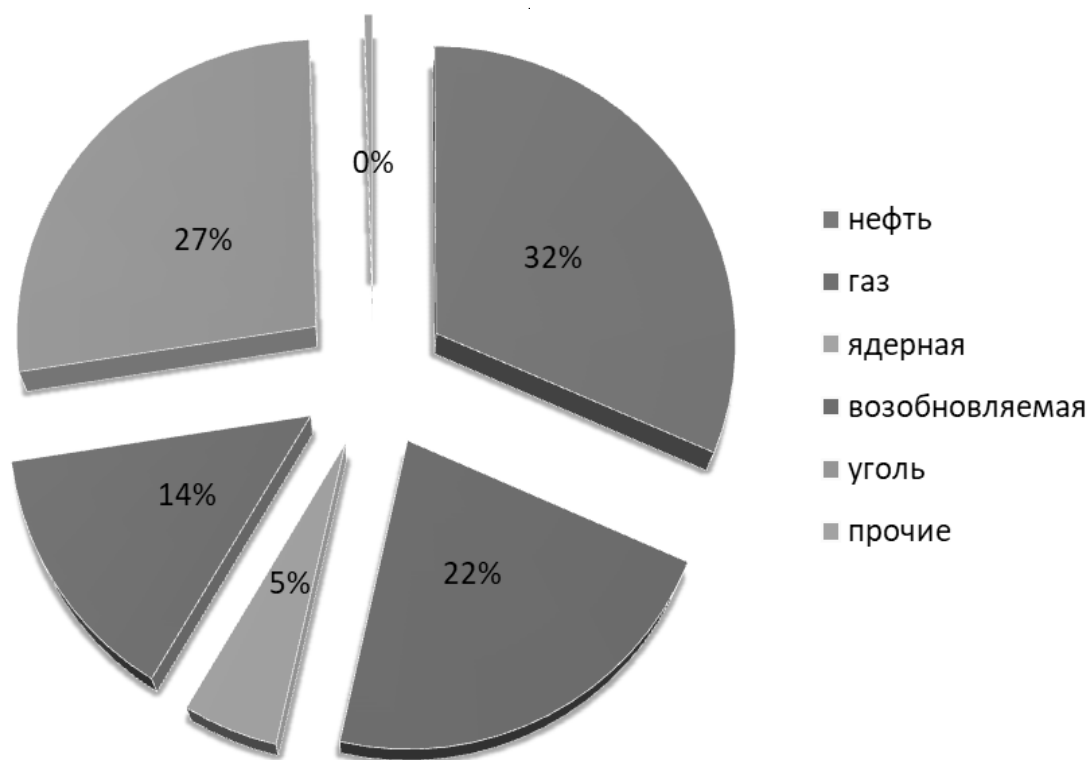

Рис. 1. Мировая потребность (спрос) на разные источники энергии в 2018 году

дукции был относительно скромным в большинстве государств. Кроме того, введение санкций против нашей страны также повлияло на структуру и динамику роста темпов производства [2].

В течение ближайших 20 лет на мировом рынке ожидается, что основной спрос на энергоносители перейдет от США и стран ЕС к азиатским рынкам, которые на данный момент быстро развиваются. Согласно этому ожиданию к 2040 году мировой рынок производства энергии должен без малого удвоиться. Такой прогноз основывается на положительной динамике экономических показателей стран с развивающейся экономикой. В целом они показывают ежегодно трехпроцентный рост и способны в перспективе удвоить эти показатели (при благоприятном сценарии) [3]. Однако эти темпы роста в значительной степени компенсируются повышением эффективности использования энергии. Таким образом, спрос на потребление энергии в целом по миру должен вырасти примерно не на 100%, а только на 30%. При том, что нефть, газ и уголь останутся основными источниками энергии, а новые возобновляемые источники энергии вместе с ядерной и гидроэнергетикой должны будут обеспечить только половину от ожидаемых 30% энергии. Несмотря на это, традиционные источники энергии (нефть, газ и уголь) останутся доминирующими. Ожидается, что в 2040 году на них придется более 75% поставок (по сравнению с 81% в 2018 году) (рис. 1).

В 2018 г. мировые энергетические потребности обеспечивались шестью видами ресурсов. Основу спроса составляли углеводороды (81%): нефть (32% суммарного потребления), газ (22%) и уголь (27%). Данное сырье, как и раньше, в ближайшие десятилетия останется основой энергообеспечения мирового хозяйства, при этом разведанные запасы нефти и газа при современном уровне добычи будут достаточны в течение ближайших 50 лет, уголь — 150 лет [4].

Результаты исследования

В некоторых научных работах [5, 6] встречается мнение, что спрос на природный газ будет в дальнейшем расти быстрее, чем спрос на нефть или уголь. Этому способствует быстрое увеличение объемов добычи сжиженного природного газа, что повышает его доступность по всему миру. При построении математической модели динамики спроса на газ по сравнению с суммарным спросом на нефть и уголь были получены две разные полиномиальные функции почти с одинаковой вероятностью (97,96% и 99,28%), подтверждающие данный прогноз к 2040 году. Как видно из рис. 2, даже без данных о последнем падении спроса на нефть (март-апрель 2020 года), который произошел из-за рецессии на рынке нефти, вызванной пандемией Covid-19 в мире, объем спроса на нефть и уголь в 2020 году по построенной математической модели

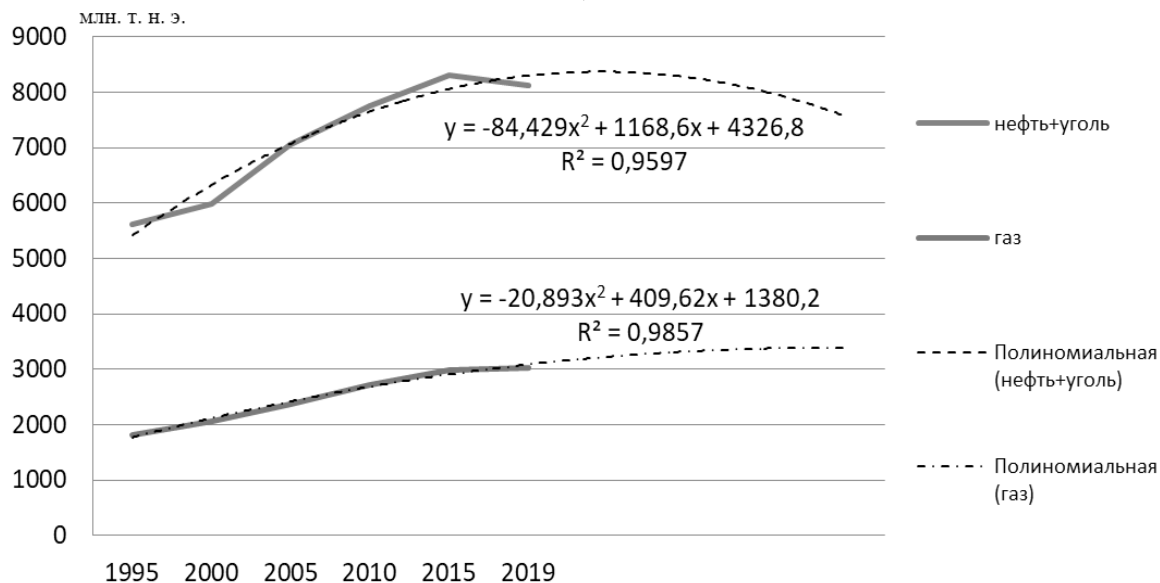

Рис. 2. Прогноз динамики роста спроса на газ по сравнению с суммарным спросом на нефть и уголь

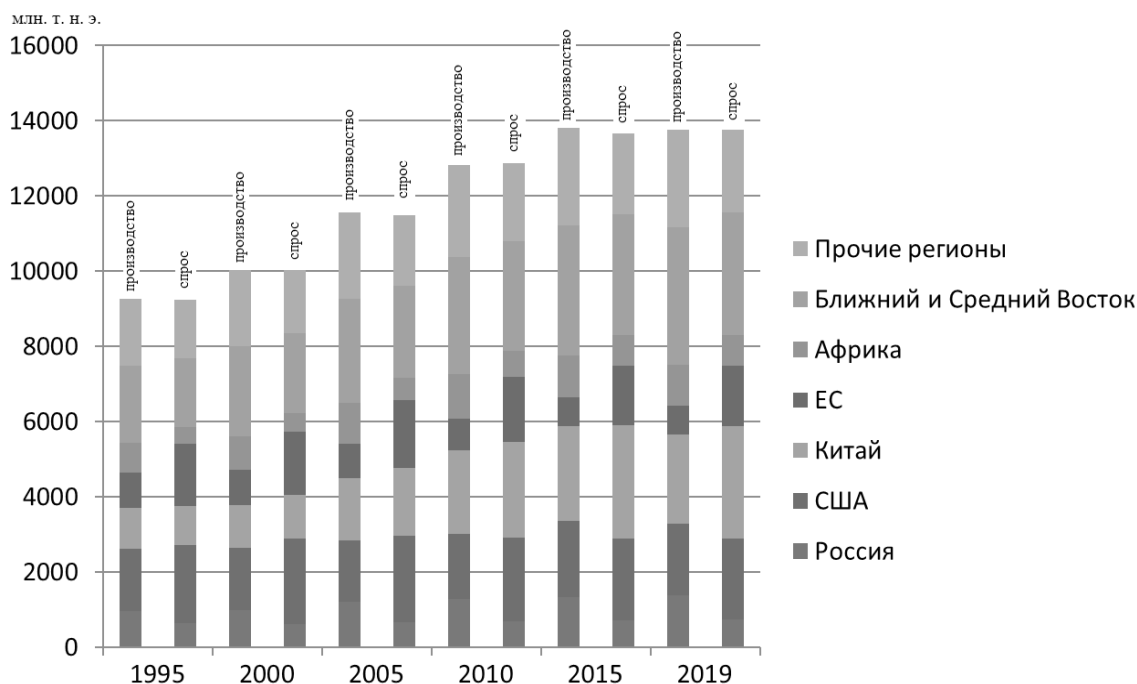

Рис. 3. Динамика производства и изменение глобального спроса на энергоносители по регионам за последние 20 лет

$y = -84,429 \cdot x^2 + 1168,8 \cdot x + 4326,8$ должен был остаться на уровне 2019 года без существенного роста. Оценить масштаб нынешнего падения спроса на нефть в пределах всех стран невозможно, если ориентироваться только на колебание спотовых цен барреля нефти. Тем не менее, после выхода из карантина уже в апреле

2020 г. Китай сократил свое потребление нефти на 17% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.

Динамика производства (предложения) и потребности (спроса) в энергоносителях по отдельным регионам мира приведены на рис. 3.

Таблица 1. Глобальное производство основных видов энергоресурсов в 1995–2019 гг.

Виды энергоресурсов	Временной интервал					
	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Уголь	4996	6001	7331	8660	9552	9594
Нефть	1237	1212	1135	974	973	931
Газ	2116	2747	3701	4810	5552	5794
Атомная	2332	2591	2768	2756	2570	2606
Возобновляемая	2636	2836	3294	4200	5536	5939
в т.ч. гидро	2479	2618	2935	3445	3905	4061
солнечная	33	55	141	408	1132	1330
ветряная	130	164	226	360	517	571
Другая	40	52	58	68	80	82

В 2018–2019 годах добыча нефти увеличилась на 0,5% за счет стран Ближнего и Среднего Востока при одновременном сокращении объемов добычи данного сырья в Китае и США. В целом последние 10 лет наблюдается рост производства энергоносителей, однако, за счет экономических кризисных колебаний производство энергии в странах ЕС резко сократилось. Их место на рынке заняли страны Ближнего и Среднего Востока. При этом добыча газа увеличилась примерно на 0,5%, что стало одним из самых низких показателей темпа роста за последние три десятилетия. Некоторое оживление в развитие газового сектора внесла Австралия, которая приступила к эксплуатации новых мощностей по производству сланцевого газа, что способствовало увеличению на 4,8% объемов межрегиональных поставок этого вида топлива [7].

В структуре энергопотребления экономик развивающихся стран доля углеводородных энергоносителей приблизилась к 12%, а в развитых капиталистических странах этот показатель находится приблизительно на уровне 20%, учитывая более активное использование атомной энергии и энергии из возобновляемых источников [8].

Рост энергопотребления в развивающихся странах наблюдается в основном при развитии транспортной инфраструктуры и индустриального сектора, а также при улучшении условий жизни населения. В настоящее время на их долю приходится около 60% глобального спроса.

В ходе кооперации с развитыми государствами, которая происходила с помощью открытия производственных филиалов транснациональных корпораций на территории слабо развитых стран, данная группа стран

перенимала современные энергозатратные технологии, переходила на более высокий уровень развития энергетики.

Данные, характеризующие производство и потребление основных видов энергоносителей в мире, представлены в таблице 1.

Так, в последние 10 лет основной прирост глобального спроса на энергоносители обеспечивали Китай, а также Индия и Бразилия (близко 56%). С 2016 года в суммарном потреблении первичной энергии спрос отмеченных государств превысил 30% по сравнению с 23% в 2005 году. Однако, следует заметить, что после стагнации, вызванной в начале 2020 года пандемией коронавируса, данная ситуация изменится в сторону уменьшения натуральных показателей с ростом относительных по отношению к таким странам, как США, Россия и страны ЕС. Для сравнения: в США этот показатель вырос на 21,3% за 15 лет, однако, в глобальном масштабе произошло снижение спроса с 20,2% в 2005 г. до 15,7% в 2019 г. от всего мирового потребления энергоносителей.

Отметим также снижение добычи твердого топлива в Великобритании (в 2006 г.— 11,4 млн. т н.э., в 2016 г.— 2,6 млн. т н.э.) и остановку последних шахт в апреле 2017 г. В итоге, данная отрасль национальной экономики, в прошлом — одна из базовых, — завершила свой более чем 200-летний путь.

В последние несколько лет стабильно растет значимость электрической энергии из возобновляемых источников, выработка которой в 2006–2016 гг. увеличилась на 29%. Для сравнения: в этот же период производство базовых видов углеводородного топлива увеличивалось

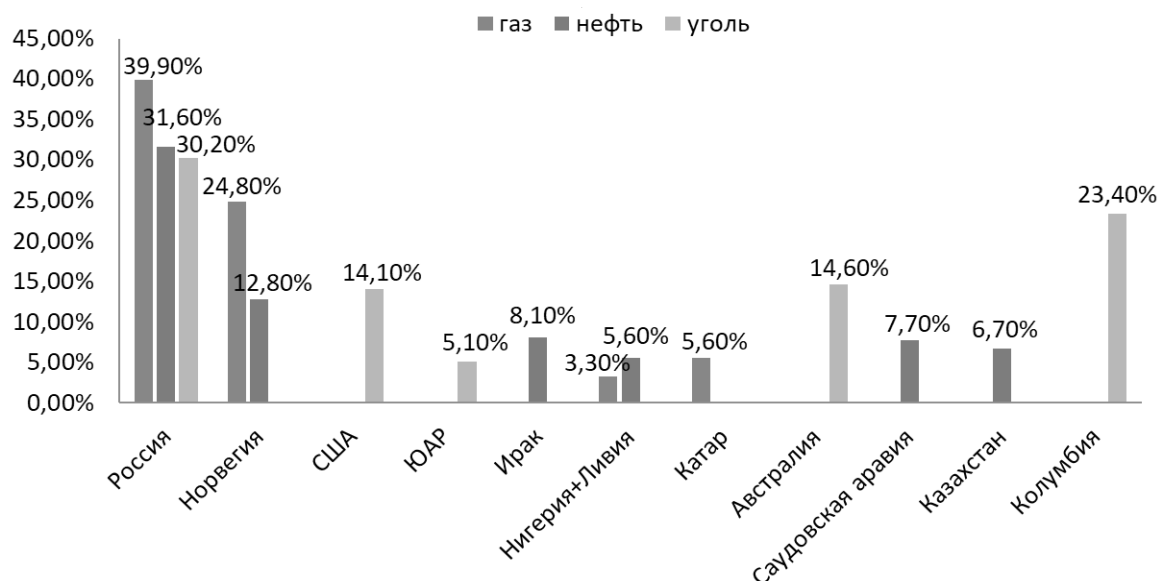

Рис. 4. Структура импорта углеродного топлива в 2016 г в страны ЕС

вдвое меньше — примерно на 15%. В настоящее время в мире важными источниками генерации являются атомные электростанции и крупные ГЭС (мощностью более 10–25 МВт) [9, 10].

Лидерами по масштабам производства атомной энергетики остались США (32,4% мировой генерации) и Франция (15,4%). Германия продолжает придерживаться темпов сокращения атомной энергии.

Япония, которая имела 54 ядерных реактора, остановленных после трагедии на АЭС «Фукусима-1» (март 2011 года), так и не восстановила свои мощности в прежнем масштабе. В 2015 году начался демонтаж блоков, которые находились в эксплуатации более 40 лет. Однако ежегодная закупка угля и газа на 30 млрд. долл. усложнила платежный баланс страны, и в настоящее время наметилось возрождение национальной атомной отрасли (до 2011 г. на ее долю приходилось до 30% производства электроэнергии). Нарастить выпуск Япония сможет после выполнения комплексных работ по повышению безопасности АЭС в соответствии с требованиями МАГАТЭ.

В глобальном энергетическом хозяйстве наибольший прогресс в развитии был зафиксирован в сфере возобновляемых источников (в 2016 г. — рост на 14,4%). Лидер сектора — Голландия. В прошлом году на ее долю приходилось около 50% производимой таким образом энергии, тогда как удельный вес солнечной энергии составил 18%. Тем не менее, страны ЕС испытывают общий дефицит энергоресурсов, который компенсируют за счет импорта из других стран. Основным импортёром при этом остается Россия. Структура импорта приведена

на рис. 4. Как видно из этого рисунка, наша страна поставляет в страны ЕС все виды углеродного топлива [11, 12].

Заключение

В целом за последние 20 лет увеличилась эффективность используемых энергоресурсов, снизились энергозатраты. В 2005–2015 гг. при росте мирового ВВП на 26,5% (в неизменных ценах) глобальное потребление энергии увеличилось лишь на 19%. В последние годы эффективность использования энергоресурсов увеличилась на фоне снижения потерь потребляемой энергии. В период с 2006 по 2010 гг. при росте мирового ВВП на 26,5% (в неизменных ценах) мировое потребление энергии увеличилось лишь на 17,8% [13]. Так в 2006–2010 гг. темпы роста потребления энергоресурсов составили более 2%, и первая половина прошлого десятилетия характеризовалась устойчивым дефицитом энергоресурсов, который составил в среднем 130 млн. тонн.

В период 2011–2015 гг. ситуация начала меняться в обратную сторону. Темпы роста потребления энергии всех видов за последние три года снизились до 1%, а дефицит изменился в избыток. Так, добыча нефти превысила спрос почти на 90 млн. тонн в год еще в 2018 году, в то время цены на нефть упали примерно в три раза по отношению к рекордным уровням 2008 и 2012 годов [14]. В начале 2020 года перед началом мирового кризиса нетто-экспортёры топливно-энергетических товаров не приняли соответствующих мер по стабилизации рынка, несмотря на очевидные издержки и потери национальных бюджетов, вызванные пандемией коронавируса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краковская И. Н. Об устойчивой конкурентоспособности, ресурсосбережении и возобновляемой энергетике // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. — 2017. — № 4 (24). — С. 52–64.
2. Клочков В. В. Анализ влияния технологических сдвигов в энергетике на устойчивость российской экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13. — № 4 (349). — С. 684–698.
3. Иванов А. С., Матвеев И. Е. Мировая энергетика на рубеже 2018 г.: трансформация продолжается, обретая новые оттенки // Бурение и нефть. — 2017. — № 12. — С. 4–13.
4. Костенок И. В., Хоменко Я. В., Ефименко А. В. Современная интерпретация устойчивости нефтегазовых компаний на мировом энергетическом рынке // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. — 2020. — № 1 (109). — С. 93–107.
5. Григораш О. В., Тарасов М. М. О необходимости применения возобновляемых источников энергии // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2016. — № 118. — С. 949–962.
6. Иванов А. С., Матвеев И. Е. Международная торговля энергоресурсами на рубеже 2018 года // Российский внешнеэкономический вестник. — 2018. — № 1. — С. 17–26.
7. Шаховская Л. С., Попкова Е. Г., Джинджолия А. Ф., Кабанов В. А. «Сланцевая революция»: мифы и реальность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2015. — Т. 11. — № 32 (317). — С. 14–24.
8. Усачёв А. М. Анализ динамики мировой индустрии солнечной энергетике // Интернет-журнал Науковедение. — 2015. — Т. 7. — № 4 (29). — С. 49.
9. Волотковская Н. С., Волотковский А. А., Семёнов А. С., Кинаш А. А. Техно-экономическая оценка программы развития и оптимизации электроэнергетики Республики Саха (Якутия) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2019. — № 6. — С. 14–18.
10. Волотковская Н. С., Семёнов А. С., Федоров О. В. Анализ структуры и технического состояния западных электрических сетей Республики Саха (Якутия) // Известия высших учебных заведений. Проблемы энергетике. — 2018. — Т. 20. — № 11–12. — С. 46–55.
11. Бережнов В. П. Стратегические цели угледобывающих предприятия России в условиях санкций // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — Т. 9. — № 9–1. — С. 368–373.
12. Побирченко В. В. Позиции России в основных сегментах мирового рынка энергоресурсов // Электронный мультидисциплинарный научный журнал с порталом международных научно-практических конференций Интернетнаука. — 2017. — № 1. — С. 43–59.
13. EU energy in figures. Statistical pocketbook 2018 [Электронный ресурс]. Доступно по: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/99fc30eb-c06d-11e8-9893-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-78277087> (дата обращения: 07.05.2020).
14. Федоров О. В., Дарьенков А. Б. Энергетическая политика: учебное пособие (2-е издание). — М.: Издательство «КноРус», 2018. — 162 с.

© Волотковская Наталья Сергеевна (volotkovska_n@mail.ru),

Волотковская Юлия Александровна (kafeiagr@rambler.ru), Семёнов Александр Сергеевич (sash-alex@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

FROM PARADIGM TO ECOSYSTEM OF LEADERSHIP IN HIGHER EDUCATION

**Yu. Gruzina
M. Melnichuk
M. Belogash**

Summary. Modern transformation of society and its institutions caused by exponential growth of data and information technologies, i.e. global digitalization of all spheres of activities, energizes the forces able to promote transformation and progress. Since knowledge is the main source of economic growth, education has become a precondition of social, economic and intellectual prosperity. Higher education is on the attacking end of social and economic development. Educational leaders face the challenge of taking the lead of change. The aim of this research is to analyze the models of transformational leadership in higher education in the age of digitalization and identify the sources of leadership efforts. As an object of multidisciplinary studies, leadership is reviewed from psychological, pedagogical, social, managerial perspectives as well as in the context of complexity science, which enables the authors to identify the rules of validation of the phenomenon of 'leadership' in the period of digitizing all segments of a higher educational institution.

Keywords: digital transformation, leadership model, emergent leadership, higher education, digital university, digital ecosystem, ecosystem of leadership.

Высшие учебные заведения, реагирующие на глобальное и национальное инновационное развитие общества, создают основу его развития и способствуют социальному и экономическому процветанию. Хотя российские университеты за последнее десятилетие добились высоких достижений, для дальнейшего повышения уровня преподавательской и исследовательской деятельности необходимо четко определить глобальные силы, формирующие инновационные концепции развития образования, установить баланс между сохранением накопленных знаний, генерированием новых знаний и распространением их в обществе для удовлетворения социально-эконо-

ОТ ПАРАДИГМЫ ЛИДЕРСТВА — К ЭКОСИСТЕМЕ ЛИДЕРСТВА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Грузина Юлия Михайловна

*К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ
YMGruzina@fa.ru*

Мельничук Марина Владимировна

*Д.э.н., профессор, Финансовый университет при
Правительстве РФ
MVMelnichuk@fa.ru*

Белогаш Марина Анатольевна

*Доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ
MBelogash@fa.ru*

Аннотация. Современное преобразование общества и его институтов, вызванное экспоненциальным ростом данных и информационных технологий, и, следовательно, глобальной цифровизацией всех сфер деятельности, активизирует силы, способствующие трансформациям и всеобщему прогрессу. Поскольку основным ресурсом экономического роста становятся знания, образование стало условием социально-экономического и интеллектуального процветания. Перед лидерами в сфере высшего образования стоит вызов — стать лидерами перемен. Целью данного исследования является анализ моделей трансформационного лидерства в высшем образовании в эпоху цифровизации и определение источников лидерских инициатив. Лидерство как объект междисциплинарного исследования рассматривается в психологическом, социологическом, педагогическом, управленческом аспекте и с позиций концепции теории сложных систем, что позволяет авторам определить условия реализации данного феномена в период цифровизации всех сфер функционирования высшего учебного заведения.

Ключевые слова: цифровая трансформация, модель лидерства, эмерджентное лидерство, высшее образование, цифровой университет, цифровая экосистема, экосистема лидерства.

мических и интеллектуальных потребностей его развития.

Для того чтобы стать лидером социально-экономического и интеллектуального развития общества, высшее образование должно меняться в соответствии с изменением приоритетов общества, так как только такое качество организации обеспечивает ей успешное развитие [8]. Следовательно, принципиальный вызов, стоящий перед высшей школой, — это необходимость в трансформации. Трансформируясь в новых социально-экономических условиях, университеты становятся двигателем трансформационных перемен в обществе, так как

способны задать направление его развития и способны развиваться с ним во взаимодействии [6].

Высшие учебные заведения борются за сохранение устоявшихся образовательных традиций, которые воспринимаются как наследие, которыми они гордятся, и, с другой стороны, стремятся опередить время. Дж. Бреннан, Р. Кинг и Я. Лебо утверждают, что университеты являются неотъемлемой частью мирового сообщества и его истории, и подвержены процессу национальной трансформации [6]. Каковы предпосылки к тому, чтобы чаша весов сместилась в сторону трансформаций? Какие силы способны реализовать инновационные образовательные стратегии и провести исследования, необходимые для выхода на новый этап прогресса?

Эти вопросы не новы и актуальны для всех университетов. Новым является повышение актуальности решения этих вопросов. Цифровизация проникает во все сферы деятельности общества. Не остается в стороне от прогресса и высшее образование — трансформация должна происходить не только на уровне базовых образовательных процессов, но и в том, как будут взаимодействовать участники образовательной среды. Цифровизация стала *sine qua non* — неперенным условием развития. Тем не менее, цифровизация образования пока еще находится на его ранних стадиях. В сфере высшего образования необходимы трансформации для сохранения лидерских позиций в обществе.

Как искусство мотивации для достижения поставленных целей, лидерство является объектом междисциплинарных исследований, в частности, в сфере высшего образования психологические, социологические, педагогические, управленческие исследовательские подходы и концепции теории сложных систем позволяют описать этот феномен наиболее эффективно для его реализации в новых условиях цифровизации всех сфер функционирования общества.

Согласно Национальному проекту Российской Федерации «Цифровая экономика», в основе цифровизации лежат успешно функционирующие отраслевые цифровые платформы основных предметных областей экономики. Как следствие, к концу 2023 года все государственные вузы внедрят элементы модели «Цифровой университет», при этом моделью является совокупность методологических подходов, цифровых технологий, ресурсов, сервисов и инфраструктуры, обеспечивающих соответствие образовательной и научно-исследовательской деятельности, управленческих процессов требованиям цифровой экономики [4]. Одной из ключевых мер реализации национального проекта является обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики [3].

По мере реализации национального проекта и претворения идей цифровизации будут происходить фундаментальные изменения вследствие свободных потоков информации, доступных всем участникам образовательного процесса. Возникшие экосистемы станут катализаторами развития новых методик, коренным образом отличающихся от традиционных методов и практик обучения. Следствием данных трансформаций станет то, что традиционные границы между представителями менеджмента высших учебных заведений, профессорско-преподавательским составом и студентами более не будут устанавливаться как сами собой разумеющиеся в иерархической организации. В экосистемном контексте информационные потоки, образовательные ресурсы, информационно-консультационные образовательные услуги, компетенции, профессионализм и экспертная квалификация профессорско-преподавательского состава, прочно усвоенные специальные знания и высокая мотивация студентов к научному поиску будут коалесцировать — утрачивать обособленность — и будут доступны любому инициативному участнику образовательной среды, занимающему активную профессиональную позицию. Успешное развитие образовательной цифровой экосистемы зависит от того, кто проявит лидерские качества в использовании цифровых ресурсов и всех образовательных возможностей, которые она открывает для высшей школы.

Следовательно, Российские университеты должны больше, чем когда-либо ранее, переосмыслить понятие лидерства в образовании, поскольку это самая эффективная движущая сила перемен. Для университетов крайне важно иметь опытных и жизнеспособных лидеров, умеющих выполнять задачу трансформации общества, потому что никакие инновации не происходят сами по себе, и для любого изменения нужен лидер [14].

Обзор основных направлений философии лидерства за последние 100 лет выявляет широкий спектр моделей лидерства — от командно-административных и до поведенческих — иерархические, индивидуалистические, коллегиальные, совместные, трансформационные. В зависимости от объема и интенсивности исследований, предметной области, широты охвата и специализации, университеты сталкиваются с трудностями, решение которых требует комплексного использования различных моделей лидерства. В частности, наиболее эффективным отмечается сочетание авторитарной модели лидерства, действующей по направлению сверху вниз, созданной управленческими иерархиями, и сфокусированных на обучении студентов моделей лидерства профессорско-преподавательского состава, действующих по направлению снизу вверх [5]. Следовательно, руководители высшей школы должны распределять или делегировать официальные лидерские полномочия, типичные

для командно-административной системы управления, так как данный (командно-административный) подход неуместен [7] и является вредным для управления научно-образовательным сообществом [5].

Выражая свою обеспокоенность тем, что менеджмент высшего образования сводится к ранжированию организаций по ключевым показателям эффективности (научное цитирование, успеваемость студентов, оценка работодателей), аналитики феномена лидерства в высшем образовании считают, что наиболее актуальной проблемой является стимулирование лидерских инициатив академического персонала, не исполняющего административные функции. При этом качество лидерства должно выражаться не только в увеличении значимых показателей, но и в воспитании единомышленников и преемников, как в обучении, так и научно-исследовательской деятельности. Таким образом, делегирование руководящих ролей и ответственности для того, чтобы переориентировать и перенаправить управленческую энергию, перераспределяет лидерские полномочия от героического или центрального лидера к другим участникам образовательного процесса и объединяет иерархические, межуровневые и междисциплинарные пути развития и сотрудничества [11]. Деятельность традиционной линейной структуры организации совершенствуется благодаря лидерскому вкладу практических экспертов по внедрению трансформаций, то есть благодаря профессорско-преподавательскому персоналу, который направляет, управляет и мотивирует студентов, факультет, кафедру и т.д. на различных уровнях образовательного учреждения. Такие модели лидерства трансформируют организационную культуру в результате сотрудничества формальных и неформальных лидеров, преподавателей, администраторов, экспертов из числа высшего, среднего руководства и рядового персонала [11].

Представляется логически обоснованным рассмотрение феномена лидерства с позиций теории сложных систем. Концепции данной теории открывают новые возможности прогресса и инноваций в области высшего образования, так как рассматривают лидерство как процесс, развивающийся в межуровневом и в межкластерном режиме в перекрестных направлениях и оказывающий влияние на всех участников в рамках кросс-организационного взаимодействия. Авторы данной концепции лидерства считают, что перекрестное взаимодействие, развивающееся на протяжении всего жизненного цикла организации во всех ее составных частях, создает условия для совершенствования организации, что порождает инновации или новое качество. Таким образом, настоящим катализатором трансформационного процесса является взаимодействие участников образовательной среды [8]. Авторы предлагают ис-

пользовать термин «генерирующее или порождающее лидерство». Выбор термина не случаен, так как означает, что трансформация происходит как проявление накопительного свойства взаимодействия. Инновационные трансформации возможны исключительно благодаря последовательности взаимодействий, происходящих во всей организации, а не за счет усилий одного человека. Подчеркивая превосходство модели генерирующего лидерства над другими различными моделями, авторы заявляют, что она является единственной преимущественной моделью взаимного общения, которое дает новые возможности и раскрывает потенциал развития организации, что, в свою очередь, способствует успешности нововведений, гибкости, адаптивности к динамично развивающейся внешней среде и росту. При этом, инновация является синонимом образования или «эмерджентности» ранее не существовавших конструкций, моделей, процессов, связей или свойств элементов в сложной системе, «непредсказуемых и неотделимых от ее компонентов» [8].

Развивая концепции теории сложных систем в аспекте философии лидерства трансформаций, Джеймс Хэйзи, Джеффри Голдштайн и Бенджамин Лихтенштейн [10] переводят фокус своих научных интересов с руководства высшего и среднего звена в сторону более низких уровней организационной структуры и к новым свойствам организации, которые продвигают ее на более высокий уровень развития. Применяя теорию лидерства сложных систем на практике (Complex Systems Leadership Theory) [10], авторы убедительно заявляют, что лидерство возникает в сложной системе тогда, когда взаимодействие заставляет участников «формировать пары «лидер/последователь» внутри системы».

Таким образом, научный подход к лидерству как эмерджентному свойству сложных систем, проявляющемуся как накопительное качество множественных межкластерных взаимодействий, является на сегодняшний день передовым и в большей степени адекватным тем задачам, которые общество ставит перед высшим образованием в эпоху цифровизации всех сфер деятельности. Именно с позиций концепции эмерджентного лидерства представляется возможным определить, где в такой сложной системе, как организационная структура университета, находится реальный организационный потенциал трансформационного лидерства.

Авторы предприняли попытку проанализировать модели развития трансформационного лидерства в высшем образовании в эпоху цифровизации и определить источник лидерских инициатив. Настоящее исследование сфокусировано на деятельности ФГБОУ высшего образования «Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации» — учреждения с 100-лет-

Таблица 1. Средние оценки учебно-научных подразделений Финуниверситета, в том числе по каждому показателю

весна 2019 / оценивание из 10 возможных баллов									
подразделение	средняя оценка	способен ясно, доступно и последовательно излагать материал	осуществляет связь теоретических знаний с практической составляющей будущей профессии	способен заинтересовать и вовлечь студентов в учебный процесс	выдвигает четкие требования при оценивании	объективен в оценивании знаний и выполненных работ	заинтересован в повышении уровня усвоения студентами знаний	доброжелателен и тактичен со студентами	доступен для внеаудиторного общения по вопросам учебного и научного характера на консультациях и дистанционно
в среднем по университету	8,50	8,51	8,48	8,21	8,43	8,49	8,49	8,78	8,57

ней историей университетских программ в различных финансовых областях и с лучшими выпускниками финансовых специальностей в России. Согласно QS, университет входит в топ лучших российских университетов [12]. В работе использовалось исследование, составленное на основе официальной статистики, предоставленной аналитическим отделом Финуниверситета.

Цифровизация Финуниверситета активно трансформирует его образовательную деятельность и стимулирует лидерские инициативы всех участников образовательной среды. Трансформация умов, гражданской позиции и профессиональных ориентиров происходит в процессе взаимодействия студентов, профессорско-преподавательского состава и администрации с помощью цифровых ресурсов, обеспечивающих регулярный обмен информацией. В частности, анализ успеваемости на базе электронных ресурсов обеспечивает рекомендации по выбору дисциплин, научных проектов и научных форумов, а также мониторинг качества образовательных программ. Облачная нейросеть Финуниверситета в режиме реального времени анализирует вовлеченность студентов в процессы образовательной среды. Анкетирование студентов «Преподаватель глазами студентов» обеспечивает обратную связь, стимулирует участие студентов в управлении университетом, совершенствует качество образовательных услуг и исследовательской деятельности, расширяет потоки управленческой информации, формирует мотивацию ППС. Результаты анкетирования обсуждаются в структурах всех управленческих уровней, в малых профессиональных группах и во всех процессах внутрикомпонентного взаимодействия, так как позволяют проанализировать функциональные, профессиональные, этические, психологические и индивидуальные характеристики академического

персонала, равно как определить образовательные приоритеты студентов (табл. 1).

Цифровые ресурсы Финуниверситета предоставляют данные обратной связи о качестве учебного процесса, анализ которых выявляет потенциал трансформационных изменений в интерактивной образовательной среде. Наряду с организационными и качественно-образовательными характеристиками своей деятельности, Финуниверситет в числе своих трансформационных приоритетов определяет научный поиск аналитических инструментов Big Data, процессных социально-экономических моделей, моделей блокчейн-экономики и криптовалютного рынка. Развивающаяся цифровая среда университета обеспечивает многосубъектность оценки образовательной деятельности университета, принятие обоснованных и своевременных управленческих решений, коллаборативность, коллегиальность и взаимодействие в педагогической и научно-исследовательской деятельности. Анализ цифровых трансформаций, обеспечивающих взаимодействие участников образовательного процесса, предоставляет эмпирическое подтверждение действенности концепции трансформационного эмерджентного лидерства. Анализ научных концепций и моделей лидерства дает основание считать, что трансформация — единственный путь развития для высших учебных заведений, которые ищут гибкие, адаптивные способы преобразования для того, чтобы поддерживать высокие образовательные стандарты и результаты научно-исследовательской работы. Другой логический вывод состоит в том, что лидерские модели в образовании находятся в процессе трансформации и переходят от традиционной административной — командной парадигмы к новой модели лидерства, объединяющей административные и индивидуальные

лидерские инициативы, возникающие сверху и снизу. Национальный проект цифровизации экономики предполагает реализацию модели «Цифровой университет» как совокупности методологических подходов, цифровых технологий, цифровых ресурсов, сервисов и инфраструктуры, обеспечивающих соответствие образовательной и научно-исследовательской деятельности, управленческих процессов требованиям цифровой экономики. Такая модель обеспечивает межуровневое и межкластерное взаимодействие всех участников образовательной среды, гибкость и адаптивность образовательного учреждения к динамическим процессам в обществе, раскрывает потенциал развития организации. Обеспеченные цифровой инфраструктурой университета множественные взаимодействия участников образовательной среды как проявления их лидерских инициатив, порождающие трансформационные процессы в организации, дают основание говорить о возможности перехода от линейной административной лидерской парадигмы к экосистеме лидерства.

Цифровая экосистема университета призвана породить экосистему лидерства и, в свою очередь, формирование экосистемы лидерства является залогом успешного функционирования цифрового университета. Использование термина «экосистема», первоначально связанного с биологическим миром и впоследствии употребляемого в контексте информационных технологий, применительно к моделям лидерства в организации передает аналогию множественных процессов, имеющих место в природных, цифровых и социальных средах [2]. Такие свойства природной и информационной экосистемы, как разнообразие форм, сложность взаимосвязей, целостность функционирования, взаимодействие и взаимозависимость, адаптивность, саморегуляция и эмерджентность, находят аналоги в свойствах моделей эмерджентного лидерства, обеспеченных цифровой инфраструктурой организации университета. Получив цифровые механизмы и цифровые сетевые каналы прохождения информационных сигналов, по которым произойдет взаимодействие лидерских инициатив, экосистема лидерства будет развиваться.

В условиях информационно-динамического развития общества академические руководители высшего звена и разработчики образовательных программ формулируют целевые функциональные установки университетского образования в соответствии с требованиями развития общества, определяют ориентиры и направляют деятельность коллег в образовательном процессе. При этом имплицитное лидерство [13] и взаимодействие всех участников образовательного процесса обеспечивают достижение высоких результатов. Самоидентификация и взаимодействие в процессе интеграции лидерских усилий являются основой для возникновения союзов единомышленников и корпоративных контактов в тех областях образовательного процесса, где прежде отсутствовал диалоговый режим, и участники образовательного процесса становятся одновременно лидерами и последователями. Переход от многоуровневой иерархической парадигмы через омниканальное взаимодействие к самоорганизующейся, саморегулирующейся и саморазвивающейся экосистеме лидерства, как научно-педагогической, информационно-образовательной, поисково-исследовательской интеллектуальной среде взаимодействия всех участников образовательного процесса, упростит принятие решений и станет стимулом к инновационным трансформациям вследствие эволюции сотрудничества [1,9]. Следовательно, комплекс задач лидеров высшего образования экспоненциально увеличивается вследствие необходимости построения искусно сбалансированной стратегии развития с учетом университетской стратегической миссии всестороннего совершенствования общества в целях его интеллектуального, социально-экономического и культурного развития, а также с опорой на взаимодействие лидерских инициатив относительно автономных академических кадров. Это позволит открыть новые горизонты университетского образования, достижимые в условиях коллаборативности, коллегиальности и внутрикомпонентного взаимодействия.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белогаш М.А., Мельничук М. В. Новая парадигма лидерства в высшем образовании // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 253–256.
2. Гаврилов С.Н., Володина С. И. Информационная (цифровая) экосистема адвокатуры в контексте экосистемы цифровой экономики России. Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. Электронный ресурс. Дата обращения 20.09.20. <https://cyberleninka.ru/article/v/informatsionnaya-tsifrovaya-ekosistema-advokatury-v-kontekste-ekosistemy-tsifrovoy-ekonomiki-rossii>
3. Национальный проект «Цифровая экономика». Электронный ресурс. Дата обращения 14.01.20. <http://static.government.ru/media/files/3b1AsVA1v3ZiZip5.pdf>
4. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Протокол заседания Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам № 16 от 24.12.2018. Электронный ресурс. Дата обращения 14.01.20. <http://static.government.ru/media/files/urKHmOgTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf>

5. Black S.A. Qualities of Effective Leadership in Higher Education // Open Journal of Leadership. 2015. No. 4. Pp. 43–66. Available at: <http://dx.doi.org/10.4236/ojl.2015.42006>
6. Brennan J., King R., Lebeau Y. The Role of Universities in the Transformation of Societies. The Open University Report. London. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/e42f/ab64590cb909b3112696f1b98c0c36bb2028.pdf>
7. Goffee, R., & Jones, G. *Clever: Leading Your Smartest, Most Creative People*. Boston, MA: Harvard Business Press, 2009.
8. Goldstein J., Hazy J.K. and Lichtenstein B. B. Complexity and the Nexus of Leadership. *Leveraging Nonlinear Science to Create Ecologies of Innovation*. Palgrave Macmillan, 2010. MAC-US/COMI Page-iii 9780230622272_01_previii
9. Gruzina Yu.M., Melnichuk M. V., Belogash M. A. Leadership ideas shaped by digital insights in higher education // *Управленческие науки*. 2019. Т. 9. № 4. С. 75–84.
10. Hazy J.K., Goldstein J. A., Lichtenstein B. B. *Complex Systems Leadership Theory: New Perspectives from Complexity Science on Social and Organizational Effectiveness* // A Volume in the Exploring Organizational Complexity Series. V.1. Mansfield, MA: ISCE Publishing, 2007.
11. Jones S., Harvey M., Hamilton J., Bevacqua J., McKenzie K.E., McKenzie J. Demonstrating the Impact of a Distributed Leadership Approach in Higher Education // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2017. 39:2. Pp. 197–211. DOI: 10.1080/1360080X.2017.1276567 Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/1360080X.2017.1276567>
12. QS Stars: Methodology. Available at: <https://www.topuniversities.com/qs-stars/qs-stars-methodology>
13. Schyns B. and Kiefer T. and Kerschreiter R. and Tymon A. Teaching implicit leadership theories to develop leaders and leadership: how and why it can make a difference // *Academy of Management learning education*. 2011. No. 10 (3). Pp. 397–408.
14. Scott G., Coates H., Anderson M. *Learning Leaders in Times of Change. Academic Leadership Capabilities for Australian Higher Education*. Sydney: University of Western Sydney and Australian Council for Educational research, 2008.

© Грузина Юлия Михайловна (YMGruzina@fa.ru), Мельничук Марина Владимировна (MVMelnichuk@fa.ru),

Белогаш Марина Анатольевна (MBelogash@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, СДЕРЖИВАЮЩИЕ РАЗВИТИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ РОССИИ

INSTITUTIONAL FACTORS HINDERING THE DEVELOPMENT OF HIGH-TECH INDUSTRIES IN RUSSIA

I. Degtyareva
L. Makaeva

Summary. In the context of a comprehensive global digital transformation of the Russian economy and the search for non-resource-based growth factors, studies of the potential of high-tech industries are of particular importance. The article analyzes the sector of high-tech industries, reveals their main advantages and limitations. Among the factors restraining the development, institutional factors are highlighted.

Keywords: high technology, high-tech business, high-tech industries, institutional factors, "regulatory guillotine".

Дегтярева Ирина Викторовна

Д.э.н., профессор, Уфимский государственный
авиационный авиатехнический университет, г. Уфа
idegtjareva57@mail.ru

Макаева Лиана Ирнисовна

Аспирант, Башкирский государственный
университет, г. Уфа
makaeva_liana@mail.ru

Аннотация. В условиях комплексной глобальной цифровой трансформации экономики России и поиска нессырьевых факторов роста особое значение приобретают исследования потенциала высокотехнологичных отраслей. В статье проведен анализ сектора высокотехнологичных отраслей, раскрыты основные их преимущества и ограничения. Среди сдерживающих развития факторов выделены факторы институционального характера.

Ключевые слова: высокие технологии, высокотехнологичный бизнес, наукоемкие отрасли, институциональные факторы, «регуляторная гильотина».

Высокие технологии кардинальным образом трансформируют социально-экономические процессы по всему миру, вследствие этого многие правительства стремятся выделить высокотехнологические отрасли как отдельное направление развития и стремятся его поддерживать. Высокотехнологичный бизнес отличается высокой долей затрат на НИОКР и занятых с высшим образованием. Такие компании активнее разрабатывают новые технологии, тем самым способствуя технологическому развитию всей экономики.

Развитие высокотехнологичных отраслей для России играет особенно важную роль не только в повышении конкурентоспособности отечественного производства. Ухудшение политической обстановки на международной арене и введение ряда санкций со стороны США и Европейского союза против России наглядно показали необходимость модернизации промышленности и развития высокотехнологичных отраслей экономики.

После распада СССР финансирование науки сократилось, исследовательская деятельность оказалась практически изолирована от экономических отношений, начался распад связей внутри научного комплекса, многие ученые стали массово выезжать за рубеж. У оставшихся исследователей не было мотивации к коммерческой реализации своих разработок, так как в советской системе все было по плану, и с возникновением новых рыночных условий научные сотрудники просто не смог-

ли приспособиться к ним. Переход к рыночным отношениям проходил в условиях высокой неопределенности. Процветала коррупция и экономические преступления, объемы производства сокращались. В такой ситуации предприниматели ориентировались лишь на сохранение активов и функционирование компании в краткосрочном периоде. Данные процессы не давали стимулов предприятиям к инновационной деятельности. Многие созданные мелкие предприятия занимались торговлей и другими низкотехнологичными видами предпринимательства. Конкуренция на рынке не носила рыночный характер, наиболее успешные предприятия либо имели доступ к административному ресурсу, либо к криминальным силам.

Таким образом, более десятилетия у российских компаний не было стимулов к инновациям. При необходимости в новых технологиях предпочтение отдавалось импорту, а не внутренним разработкам.

На сегодняшний день Россия обладает одним из ведущих научно-технических комплексов, занимающих ведущие позиции в мире. Однако потенциал данного сектора не может раскрыться в полной мере из-за системных проблем, обусловленных как незавершенными экономическими и институциональными преобразованиями, так и кризисными явлениями в экономике, связанными с изменением конъюнктуры рынков и геополитической ситуацией.

Таблица 1. Высокотехнологичные отрасли России

Отрасли высокого технологического уровня
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий
Производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования
Отрасли среднего высокого технологического уровня
Производство химических веществ и химических продуктов
Производство электрического оборудования
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов
Производство прочих транспортных средств и оборудования, исключая (производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования)
Производство медицинских инструментов и оборудования
Ремонт и монтаж машин и оборудования
Наукоемкие отрасли
Деятельность водного транспорта
Деятельность воздушного и космического транспорта
Деятельность в сфере телекоммуникаций
Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги
Деятельность в области информационных технологий
Деятельность по предоставлению финансовых услуг, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению
Страхование, перестрахование; деятельность негосударственных пенсионных фондов
Деятельность вспомогательная в сфере финансовых услуг и страхования
Деятельность в области права и бухгалтерского учета
Деятельность головных офисов; консультирование по вопросам управления
Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа
Научные исследования и разработки
Деятельность ветеринарная
Деятельность по трудоустройству и подбору персонала
Образование
Деятельность в области здравоохранения
Деятельность по уходу с обеспечением проживания
Предоставление социальных услуг без обеспечения проживания

Источник: Приказ Росстата от 14.01.2014 N21 [1]

В настоящее время в России, как и во всем мире, под высокотехнологичными отраслями принято понимать отрасли с наиболее высокой интенсивностью НИОКР: производство фармацевтической продукции, производство офисного оборудования и вычислительной техники, производство летательных аппаратов, включая космические, производство компьютеров, включая электронные оптические изделия, и др. Согласно классификации Росстата к высокотехнологическому сектору экономики относятся высокотехнологичные, среднетехнологичные высокого уровня и наукоемкие виды деятельности.

Характеризуя динамику сектора высокотехнологичных отраслей по данным Росстата (рис. 1) видим, что вклад высоких технологий и науки в ВВП заметно вырос в 2016 году, однако к концу 2019 года по сравнению с 2016 увеличился всего на 0,3%. По планам Правитель-

ства Российской Федерации, в 2018 году вклад должен был быть более 25%, однако этот показатель не был достигнут и главной причиной, по мнению ряда экспертов, стали западные санкции. До 2014 года российские компании активно продвигали свои бренды на мировом рынке, однако теперь, наоборот, многие производители стараются скрыть происхождение технологий, перенесут центры прибыли, и их доля не учитывается в ВВП. Вторая причина — застой экономики, и в данный период фирмы существенно экономят на технологиях.

Доля высокотехнологичного экспорта в общем объеме экспорта России составляет менее 15%, в то время как доля высокотехнологичного импорта превышает 60%. Такой сильный разрыв свидетельствует о том, что производство высокотехнологичной продукции в России является недостаточным. Также недостаточным яв-

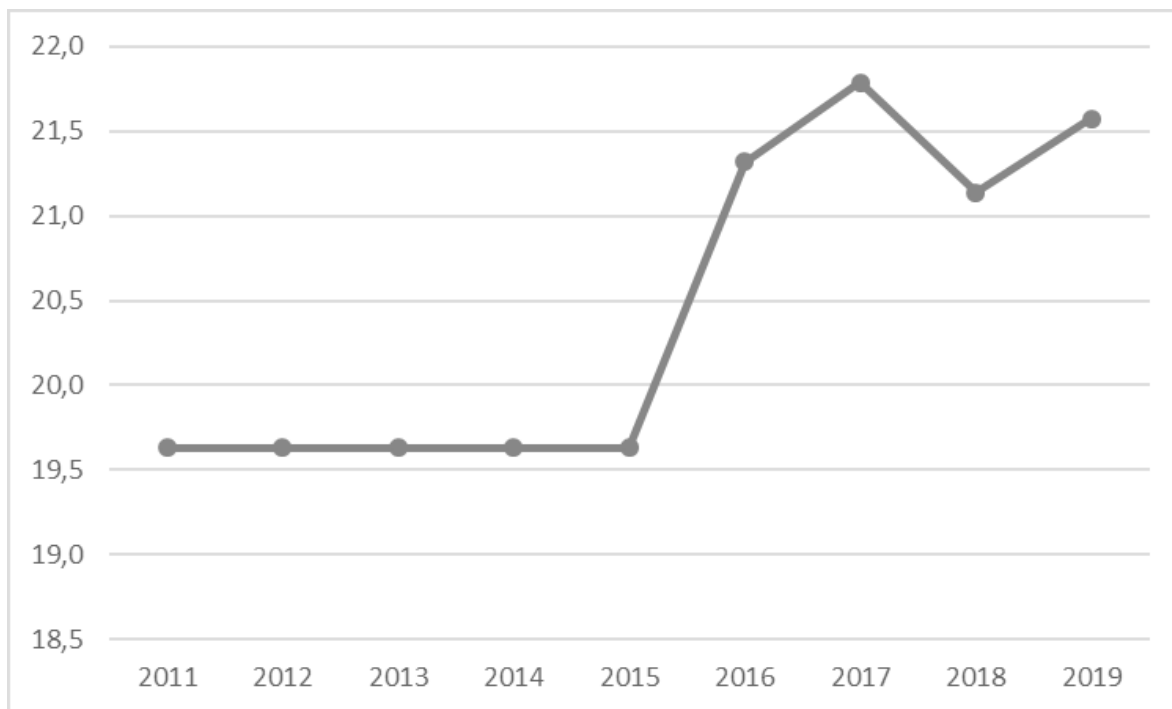

Рис 1. Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП, % по данным Федеральной службы государственной статистики [10]

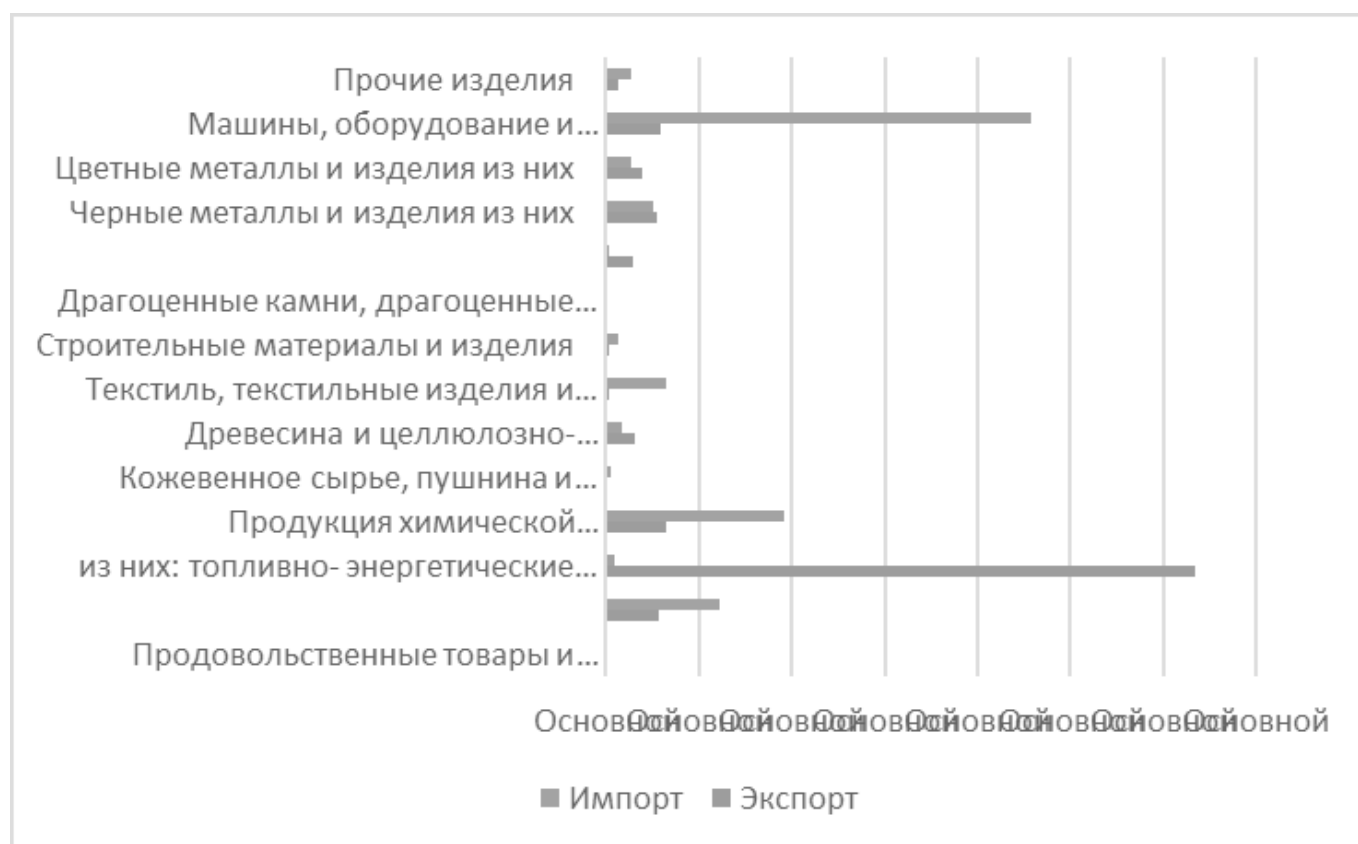

Рис. 2. Импорт и Экспорт Роосии по данным ЦБ России [12]

Таблица 1. Факторы развития и сдерживающие факторы отрасли информационных технологий

Факторы развития	Сдерживающие факторы
<ul style="list-style-type: none"> • Высокая конкуренция на рынке мобильной связи, трансформация телекоммуникационных компаний в провайдеров услуг широко профиля • Увеличение числа пользователей мобильными устройствами • Рост инвестиций в развитие национальных платежных систем, производство отечественного ИТ-оборудования • Создание национальной цифровой платформы для ускорения перехода населения и экономики на инновационные рельсы • Усиление внимания к цифровой безопасности, вследствие роста мониторинга информации, публикуемой в глобальной сети 	<ul style="list-style-type: none"> • Низкий уровень применения цифровых технологий в бизнесе, технологическое отставание российских производителей, вследствие низкой конкурентоспособности с зарубежными ИТ-компаниями • Разрыв в цифровой грамотности среди определенных слоев населения • Рост цифрового пиратства • Дефицит высококвалифицированных ИТ-специалистов • Киберугрозы и увеличение утечек информации • Миграционный отток высококвалифицированных специалистов

ляется и ее экспорт. Доля России в глобальном экспорте высокотехнологичной продукции составляет лишь около 0,5% глобального экспорта, что обеспечивает России по этому показателю 28-е место в мире (ниже, чем в Чехии, Польше, Венгрии и многих других странах.)

Анализ состояния и развития высокотехнологичных отраслей российской экономики позволил выявить факторы, способствующие и сдерживающие их развитие.

Развитие сектора информационных технологий (ИТ) началось в 1990 годы, с использованием советского опыта и кадров. В сектор ИКТ, входят организации, осуществляющие деятельность в сфере:

- ◆ телекоммуникаций
- ◆ производства оборудования
- ◆ оптовой торговли товарами, связанными с информационными технологиями
- ◆ оказания информационно-телекоммуникационных услуг

Крупнейшие ИТ-компании России: Ростех, НКК, Ланит, Soft line, 1С, Kaspersky, ITG, Ростелеком, SAP СНГ, Ай-тека и др. По данным НП «Руссофт» стабильно растет экспорт продуктов программного обеспечения из России: в 2017 году экспорт составил 8,8 млрд. долл., в 2018 года 9,68 млрд. долл., в 2019 году — 11,12 млрд. долл.

Главными технологическими трендами отрасли являются: аналитика больших данных, искусственный интеллект, облачные решения, сети 5 G, интернет вещей, виртуальная и дополненная реальность. В 2019 году в России был создан первый суперкомпьютер «Кристофари», разработанный Сбербанком совместно с компаний NVIDIA. Суперкомпьютер может создавать виртуальных двойников, синтезировать речь, не говоря уже о переработке большого количества информации. Также среди успехов ИТ-разработчиков можно отметить процессор Baikal-M, разработка оптического транзистора для суперкомпьютера нового поколения и др.

По оценкам экспертов «ТМТ-консалтинг» в 2019 году объем рынка телекоммуникационных услуг поднялся до 1,73 трлн. рублей, расходы на мобильную связь на 3,3% в 2019 году против 4,9% в 2018 году. В исследовании отмечается, что сегмент мобильной связи растет все медленнее из-за острой конкуренции и запуска безлимитных тарифов.

По данным ЦБ РФ экспорт компьютерных услуг с 2017 года превышает импорт, в 2017 году это превышение составило 18,57 млн. долл., в 2018 году 539,81 млн. долл. Идет процесс импортозамещения, что связано не в последнюю очередь с Федеральным законом № 188 от 29.002015 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”, согласно которому с 1 января 2016 года государственные органы обязаны закупать отечественное программное обеспечение, вошедшее в «Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных». Одной из главных проблем отрасли является кадровый вопрос. Для того, чтобы получить и удержать высококвалифицированных специалистов данной отрасли необходимо создать соответствующие условия, обеспечить образовательный процесс самыми последними современными технологиями.

В целом анализ современного состояния российской ИТ-сектора, позволил выделить ряд факторов, способствующих и сдерживающих его развитие (Таблица 1)

В фармацевтической отрасли созданы и работают ряд фармацевтических биотехнологических компаний полного производственного цикла: от разработки иммунобиологических препаратов и производства активной субстанции, до вывода готового препарата на рынок. Например, федеральный государственный научный центр «Вектор» в настоящий момент занят разработкой вакцин против новой коронавирусной инфекции, а также создал ряд уникальных тест систем для обнаружения антигенов коронавируса.

Таблица 2. Факторы развития и сдерживающие факторы фармацевтического рынка

Факторы развития	Сдерживающие факторы
<ul style="list-style-type: none"> • Принятие закона об онлайн продаже рецептурных и безрецептурных лекарственных средств. • Гарантированные государственные закупки, вытеснение импорта в государственных закупках • Стимулирование аптечных сетей путем выплаты бонуса напрямую импортером/производителем • Стимулирование аптечных сетей путем заключения с ними договоров об оказании услуг • Взаимодействие с медицинским персоналом • Пандемия коронавируса, нерациональное поведение потребителей 	<ul style="list-style-type: none"> • Несовершенство законодательного регулирования отрасли • Нехватка государственного финансирования программ здравоохранения и поддержки российских производителей • Недостаточная конкурентоспособность российской фармацевтики по сравнению с зарубежной • Сокращение реальных доходов населения • Сдерживание цен на жизненно необходимые лекарственные средства • Ограничение на ввоз/вывоз определенной линейки препаратов • Рост цен (в 2018 году инфляция на российские препараты составила 6,1% на импортные — 5,9%) • Экспорт российской продукции недостаточно развит • Коррупция • Валютный риск • Геополитические риски

Таблица 3. Факторы развития и сдерживающие факторы космической отрасли

Факторы развития	Сдерживающие факторы
<ul style="list-style-type: none"> • Расширение круга потребителей и растущий спрос на результаты космической деятельности • Внедрение платформенных технологий в процессы производства ракетно-космической техники, адитивных технологий, новых материалов, повышение на этой основе эффективности создания космических устройств и аппаратов • С присоединением Крыма система управления наземными космическими аппаратами потеряла остроту 	<ul style="list-style-type: none"> • Старение кадрового состава предприятий РКП • Низкий уровень коммерциализации космических услуг • Большинство предприятий и научных центров данной отрасли были созданы еще во времена СССР • Отсутствует полностью независимый запуск в космос • Существуют проблемы обеспечения создания космических аппаратов с полностью отечественной элементной базой. На данный момент даже на отечественных спутниках ГЛОНАСС используют импортные детали • Коррупция (стройка космодрома «Восточный» сопровождалась рядом коррупционных скандалов, сумма хищения была оценена в 8 миллиардов рублей. В 2017 году Счетная палата выявила нарушений на 1,8 триллиона рублей.) • Плохо налажен пиар, популяризация отрасли среди широких слоев населения, в СССР каждый второй человек мечтал стать космонавтом, престижна была также работа в данной отрасли. Гордость за достижения в области космоса переполняла советских граждан. На сегодняшний день успехи отрасли подобно не анонсируются в средствах массовой информации.

Российский фармацевтический рынок состоит из двух основных частей — коммерческого, или аптечного, и сегмента государственных закупок. Первый — это продажи лекарств в аптеках непосредственно потребителям, второй — закупка медикаментов Министерством здравоохранения, региональными ведомствами и больницами для льготных категорий пациентов. Рынок находится в бурном оживлении. Объем фармацевтического рынка в 2018 году составил 1682 млрд., что на 2,6% процента выше чем в 2017, несмотря на снижение покупательной способности и сокращении реальных денежных доходов. Доля лекарств импортного производства на рынке составила 70,2% в рублях и 39,4% в упаковках.

Основной вклад в рост внес коммерческий сегмент. Первые места в рейтинге составили иностранные компании: Sanofi, Novartis, Bayer. Ведущие российские производители: «Оптисфарм», «Фармстандарт», «Биокад» [8]. Перед рынком остро стоял вопрос онлайн-продажи безрецептурных лекарств. В сложившейся ситуации пандемии коронавируса, в апреле 2020 президент Российской Федерации подписал указ, разрешающий данную торговлю, а 1 апреля 2020 года государственная дума приняла законопроект, разрешающий продажу рецептурных лекарственных препаратов, за исключением наркотических и психотропных препаратов, а также спиртосодержащих лекарств, с долей этилового спирта менее 25%.

Таблица 4. Факторы развития и сдерживающие факторы авиационной и вертолетной отрасли

Факторы развития	Сдерживающие факторы
<ul style="list-style-type: none"> Наличие со времен СССР развитой отрасли производства, накопленный опыт и развитые хозяйственные связи Активная реализация проектов высокоскоростных железнодорожных перевозок в европейской части России служит дополнительным стимулом для повышения эффективности воздушного транспорта Влияние единой таможенно-тарифной политики стран-членов Евразийского экономического союза, формируемой на период до 2025–2030 годов Начало поступления самолетов нового поколения Boeing и Airbus в парк авиакомпаний лидеров, что будет стимулировать спрос на закупку воздушных судов у отечественного производителя Поддержка имиджа гражданской авиации, как наиболее экологичного и безопасного вида передвижения 	<ul style="list-style-type: none"> Низкий платежеспособный спрос на внутреннем рынке России Технологическая отсталость от передовых мировых производителей Высокая зависимость от поддержки государства Ограниченные возможности государства по увеличению или сохранению текущего уровня поддержки В силу наличия на рынке традиционно сильных игроков как Airbus, Robinson, вероятность недостижения приемлемого уровня спроса и окупаемости в целом, что усугубляется целым рядом вероятностных проблем в политической и экономической сферах жизни

В секторе увеличиваются продажи дженериковых препаратов, основной причиной чему стала разница в цене: средняя стоимость оригинального препарата составила в 2018 году 446 рублей, а дженерика 139 рублей.

На рынке космической отрасли и производства летательных аппаратов России на сегодняшний день производятся транспортные и боевые вертолеты, ракеты-носители, спутники, транспортные, пассажирские и беспилотные самолеты, истребители, бомбардировщики, межпланетные зонды и др.

Ракетно-космическая промышленность специализируется на научной разработке и производстве ракетного оружия и космической техники. В 2015 году для проведения модернизации данной отрасли была создана госкорпорация «Роскосмос», однако вопросы конкурентоспособного функционирования отрасли до сих пор не решены. Характерной проблемой данной отрасли является серьезный износ оборудования и неравномерное распределение его эксплуатации, отрасль нуждается в техническом перевооружении, переходе на цифровые методы управления. Средний возраст руководящих должностей «Роскосмоса» за 50 лет, отсутствует преемственность кадров, отрасль испытывает дефицит талантливых молодых высококвалифицированных специалистов. С 2000-х гг. промышленность вела ряд передовых разработок в сфере военного космоса, но по совокупности технических (неготовность производства) и организационных (частое внесение изменений в техзадание заказчиком) причин они не смогли быть реализованы вовремя.

Крупнейшими авиастроительными компаниями являются: «Объединенная авиастроительная корпорация», ракетно-космическая корпорация «Энергия». Россия занимает второе место в мире по производству самолетов, однако более половины из них военные. Российский

парк пассажирских самолетов насчитывает 981 борт. Средний возраст парка воздушных судов составляет 16,8 лет, что выше среднемирового значения (11,4). Характерной особенностью российского парка самолетов является высокая доля самолетов (41%) вместимостью до 120 кресел, в то время как в мире этот показатель равен 30%. В наиболее значимом и капиталоемком сегменте магистральных самолетов устойчиво доминирует зарубежная техника, и перед Россией стоит большой вызов замены импортной техники на отечественную, и темпы, которыми будет проводиться замена, зависят от состояния экономики страны в целом. В последние годы вертолетная отрасль получила положительный импульс благодаря развитию программы санитарной авиации. Данная отрасль практически находится под управлением государства. «Вертолеты России» образованы в 2007 году, входят в структуру Госкорпорации «Ростех». Холдинг объединил активы всех вертолетостроительных заводов России; предприятий по производству комплектующих изделий; компаний, обеспечивающих послепродажное сопровождение вертолетной техники в РФ и за ее пределами.

На сегодняшний день Россия имеет значительный задел для развития высокотехнологичных отраслей, однако необходимы дальнейшие меры для развития гражданских высокотехнологичных отраслей, повышения их вклада в ВВП, стимулирования международного сотрудничества и экспорта.

Несмотря на специфические проблемы определенных высокотехнологичных отраслей, все отрасли характеризуются высокими институциональными барьерами инновационного развития.

Стоит отметить, что коррупция становится неизменно высоким институциональным барьером. Полтеро-

вич В.М. отмечает: поведение агента формирует его репутацию и тем самым оказывает кумулятивный эффект на его возможности в будущем; в поведении агента большую роль играет имитационная составляющая [6]. Таким образом, следует признать необходимость создания моральных кодексов, эффективность которых будет зависеть от мотивации и материального поощрения. Всеобщая цифровизация, электронное взаимодействие между бизнесом и властью, организация информационно-консультационных государственных проектов являются точками противодействия проблемы.

Данный барьер является следствием другого важного институционального барьера — низкой регуляторной среды. Регуляторная политика предусматривает широкий спектр регулирования предпринимательской деятельности в форме создания условий, различного рода допуска на рынок, установления требований к продукции, процессам, контрольно-надзорных процедур, запретов, ограничений и преференций, а также механизмы прогнозной, ретроспективной оценки эффективности такого регулирования [10]. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) рассматривает регуляторную политику наряду с монетарной и бюджетной, выступающей одной из ключевых составляющих экономического роста. Формальные институциональные барьеры или административные барьеры становятся следствием в первую очередь неясности законодательства, что еще больше повышает неопределенность инновационной деятельности. В мировой практике активно используется политика так называемой «регуляторной гильотины». Россия же находится только на начальном этапе преобразования данной политики. Термин был предложен международной консалтинговой группой Jacobs, Cordova & Associates, и в рамках данной политики предлагается ликвидировать различные точки торможения в законодательстве. На данный момент в России действует свыше 9 тысяч нормативных актов, устанавливающих обязательные требования к бизнесу при проверках, причем многие из них еще со времен СССР. Поэтому правительство России приняло решение провести «регуляторную гильотину» и к 1 января 2021 года весь массив норм, устанавливающих обязательные требования, должен быть заменен на новые. Однако следует отметить, что данная политика должна носить долгосрочный и гибкий характер. В противном случае, предприятиям невыгодно переводить свою деятельность на инновационный путь, так как это сопряжено с высокими транзакционными издержками.

Также по причинам низкой регуляторной среды и господства в ряде отраслей крупных корпораций, на высоком уровне остаются барьеры входа на рынок: регистрация, лицензирование, доступ к ресурсам. Создание индустриальных кластеров призвано обеспечить при-

ток предприятий в отрасль (снижаются транзакционные издержки введения инновационной деятельности: предоставляются льготные условия кредитования, льготное налогообложение), однако с другой стороны это способствует образованию горизонтальных связей, образованию холдингов, корпораций, монополизирует отрасль и снижает ее эффективность. Низкая конкуренция не добавляет стимулов к инвестициям и разработкам. В таких условиях, необходимо осуществлять консультационную поддержку малых и средних технологических предприятий для преодоления административных барьеров, помощи в регистрации продукции, участия в выставочных мероприятиях. Диффузии инноваций будет способствовать наличие в отрасли предприятий с разными технологическими возможностями.

Помимо административных барьеров, особо острым для предприятий становится институциональный барьер финансирования инноваций как для вновь созданных, так и для уже действующих [5]. Существуют сложности с получением банковских кредитов малыми и средними технологическими компаниями для участия в тендерах государственных корпораций, крупных холдингов, что делает невозможным переход на новый уровень доходов и проектов для небольшого технологического бизнеса. По данным Российской венчурной компании (РВК) нехватка ликвидности остро стоит перед 36% высокотехнологичных предприятий, получению банковских кредитов — 28% [9]. Льготирование налоговой ставки позволит направить денежные средства на развитие компании: закупку необходимого сырья и оборудования. Введение программ льготного кредитования позволит предприятиям развивать растущие направления бизнеса, особо необходимы они в условиях неопределенности и отсутствия ликвидных средств для выплаты заработной платы. По данным РВК существующие кредитные программы имеют небольшую эффективность. В апреле 2020 года, в связи со сложившейся пандемией коронавируса, Правительство Российской Федерации приняло ряд мер по поддержке бизнеса в России, однако, высокотехнологичные отрасли в данный список не вошли, хотя проблемы потребительского сектора критичным образом каскадируются и на сегменты высокотехнологичного бизнеса. Так острой проблемой является сохранение команды, причем для высокотехнологичных отраслей, где каждый работник представляет ценность, обладает уникальными навыками, вопрос критичнее чем для сферы услуг. Предоставление беспроцентных кредитов или частичное субсидирование государством заработной платы явились бы актуальными мерами поддержки. Существенный вклад в поддержку высокотехнологичного бизнеса могут внести: субсидирование затрат на защиту интеллектуальной собственности, помощь в выходе на экспортные рынки, получение грантов и льгот от институтов развития, при-

ведение образовательных программ инженерных университетов в соответствии с передовыми мировыми технологиями, освобождение от налогов вновь созданных инновационных компаний в срок до одного года, принятие нематериальных активов кредитными организациями в качестве залога, предоставление высокотехнологическому бизнесу налогового вычета НДС в части возмещения расходов физических лиц при венчурных инвестициях на ранних стадиях компании.

В ряде отраслей наблюдается институциональный барьер догоняющего развития. По мнению Полтеровича В.М. [7] в каждой отрасли должны действовать как инновационные предприятия, так и предприятия, ве-

дущие абсорбционную деятельность, что чем активнее предприятия производят инновации, тем активнее они имитируют новшества из других стран. Однако отчасти данное отставание должно способствовать развитию инновационной деятельности.

Таким образом, преодоление институциональных барьеров развития высокотехнологичных отраслей возможно при тесном взаимодействии государства и бизнеса, развитии государственного-частного партнерства, формировании позитивного отношения к инновационной деятельности и самосознания предпринимателей, исходя из принципов социальной ответственности и деловой этики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Росстата от 14.01.2014 N21 «Об утверждении Методики расчета показателей «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП» и «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП» 2014.
2. Бутлов А. М. Рынок вертолетов гражданского назначения/ Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2019
3. Гохберг Л.М., Дитковский К. А., Кузнецова И. А. и др.; Индикаторы инновационной деятельности: 2019: статистический сборник / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2019. — 376 с.
4. Гохберг Л.М /Технологическое будущее российской экономики докл. к Т38 XIX Апр. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 10–13 апр. 2018 г. /; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 193, [1] с.
5. Дегтярева И.В., Баркова Е. В. Механизм реализации трансфера технологий в России: проблемы и источники финансирования // ЦИТИСЭИ, № 1(23) — 2020, — С. 312–325
6. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? / В. М. Полтерович //Общественные науки и современность. — 2004 № 3. — С. 5–16.
7. Полтерович В. М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития в журнале Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, издательство Федеральное государственное бюджетное учреждение науки// «Вологодский научный центр Российской академии наук» — Вологда, 2016, — № 5 (47), — С. 88–107
8. Государственное регулирование: барьеры или стимулы для развития рынка? Тенденции фармацевтического рынка России — 2019 Исследовательский Центр компании «Делойт» в СНГ Москва,
9. Итоги опроса технологических компаний // Российская венчурная компания URL: <https://www.rvc.ru/upload/iblock/d68>
10. Технологическое развитие отраслей экономики // Федеральная служба государственной статистики. 2019. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment (Дата обращения: 15.03.2020)
11. Что такое регуляторная политика?/ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» URL: <https://regulatory-policy.hse.ru/whatisregpolicy> (Дата обращения: 02.05.2020)
12. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации на январь-сентябрь 2019 / Статистический сборник Центрального банка России: URL: <http://www.cbr.ru/content/document/file/71385/bp.pdf> (Дата обращения: 25.04.2020)

© Дегтярева Ирина Викторовна (idegtjareva57@mail.ru), Макаева Лиана Ирнисовна (makaeva_liana@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ И БОЛЬШИХ ДАННЫХ НА СОВРЕМЕННУЮ ЭКОНОМИКУ

THE IMPACT OF INTERNET OF THINGS AND BIG DATA TECHNOLOGIES ON THE MODERN ECONOMY

S. Doguchaeva

Summary. Today, a dynamic ecosystem based on technological IT infrastructure, intuitive devices and interfaces, extensive audience networks and an unlimited amount of content is in demand in companies. The digital economy and the Internet of things technologies make it possible to create new opportunities in working with clients, big data, and innovation management.

New approaches of the Internet of things and Big Data technologies in the modern economy cover the main aspects of the development of network and communication infrastructure. In the digital economy, through close interaction, network and communication infrastructures provide a global platform on which IT companies develop their solution strategies.

Keywords: digital economy, Internet of things, software, network infrastructure, big data, information technology.

Догучаева Светлана Магомедовна

*К.ф.-м.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва
sv-doguchaeva@yandex.ru*

Аннотация. Сегодня динамичная экосистема, основанная на технологической ИТ-инфраструктуре, интуитивных устройствах и интерфейсах, обширных сетях аудитории и неограниченном количестве контента, востребована в компаниях. Цифровая экономика и технологии интернета вещей, позволяют создавать новые возможности в работе с клиентами, большими данными, по управлению инновациями.

Новые подходы технологий Интернета вещей и Больших данных в современной экономике, охватывают основные аспекты развития сетевой и коммуникационной инфраструктуры. В цифровой экономике, благодаря тесному взаимодействию между собой, сетевые и коммуникационные инфраструктуры обеспечивают глобальную платформу, на которой ИТ-компании разрабатывают стратегии своих решений.

Ключевые слова: цифровая экономика, интернет вещей, программное обеспечение, сетевые инфраструктуры, большие данные, информационные технологии.

Возможность применения Интернета вещей (IoT) и Больших данных (Big data) во многих отраслях экономики, позволяют на сегодняшний день существенно улучшить ИТ-процессы. Внедрение ИТ-инноваций в экономику не простой путь, где специалисты, обладающие навыками внедрения новых методов, способны объединить их компетенции с бизнес-лидерами, способными произвести необходимые организационные изменения.[2]

По мнению ведущих ИТ-аналитиков, одним из основных направлений данной отрасли, является рост Интернета вещей и подключенных устройств, а также ожидаемый всплеск киберрисков, которые могут повлиять на рост цифровой экономики и не только. Поставщики технологий, ведущие экономисты, отраслевые аналитики и правительственные эксперты, указывают на необходимость обеспечения безопасности Интернета вещей в целом. Тем не менее, чтобы действительно способствовать росту Интернета вещей и Больших данных, компаниям следует ввести последовательное обучение сотрудников, включая лучшие практики в области развития новых ИТ-инноваций, что неизменно приведет

к росту развития российской цифровой экономики в целом. [3]

Современный мир благодаря растущей роли цифровой экономики проходит через стадию радикальной трансформации, технологии и инновации перешли в разряд быстрого глобального распространения. Сегодня IoT и сенсорные данные, такие как интеллектуальная собственность и конфиденциальные данные клиентов, в основном, направлены на конкурентов. Промышленные организации начинают подготовку, прежде всего, признав реальную возможность инсайдерских угроз, и нахождение новых способов защиты активов как от злонамеренных внешних, так и внутренних угроз. Такие технологии, как искусственный интеллект (AI) в экономике, дополненная реальность (AR) и машинное обучение (ML), сегодня играет все большую роль в промышленных условиях.

Компания по исследованию рынка IoT, Analytics в экономике, прогнозирует, что расходы на продукты и услуги Индустрии 4.0 резко возрастут с \$119 млрд. в 2020 году до \$310 млрд. в 2023 году. Компании, которые возглавля-

ют сбор, получают больше всего от инвестиций в технологии IoT, включая производство, транспорт, логистику и коммунальные услуги — каждый из них, по прогнозам, потратит \$40 млрд. на IoT-платформы, системы и услуги к 2022 году.[1]

Для предотвращения интеллектуальных угроз, по мере их возникновения, в промышленных условиях команды по обеспечению безопасности оперативных технологий, все чаще используют механизмы защиты с использованием искусственного интеллекта и Интернета вещей. Экспертные аналитические ИТ-исследования, такие как IDC, показывают, что данные инструменты могут подвергнуться опасности. [4,5] Сегодня по мнению ведущих аналитиков-экономистов, крайне важно, чтобы ИТ-операторы оставались вовлеченными в промышленную среду с интеллектуальными и автоматизированными активами и процессами. Сегодня компании в развитии цифровой экономики, в рамках циклических структур, учитывают человеческий фактор, который сочетает технические подходы, а также аспекты управления с развертыванием и использованием Интернета вещей и Машинного обучения.

По мере того, как все больше устройств Интернета вещей выходят в сеть, идея пограничных вычислений, становится популярной как способ борьбы с большими объемами генерируемых данных, которые в свою очередь, могут существенно повлиять на экономику в целом. В частности, основное внимание уделяется обработке и анализу данных на устройствах, расположенных на краю сети, а не на центральном узле или центре обработки данных. Цель состоит в том, чтобы обеспечить более высокую производительность для снижения эксплуатационных нагрузок и затрат в направлении нового вектора развития российской экономической цифровизации. Сегодня это может усугубляться, при анализе разнообразия случаев IoT-устройств, насколько они могут отличаться от более старых, к примеру, унаследованных ИТ-технологиями.[2]

Простое отслеживание и мониторинг устройств может привести к проблемам в ИТ-исследовании, так как сегодня существует проблема дефолта и слабых учетных данных для этих устройств. Но следует заметить, что не все устройства рассматриваются как критические, даже кажущаяся незначительной информация может быть ценной для злоумышленников — к примеру, мониторинг ежедневного использования термостата, который может сигнализировать о нахождении людей в здании. Ведущие экспертные аналитики также сообщают о том, что не следует забывать о физическом риске безопасности вокруг пограничных вычислений, таких как фальсификация и повреждение. Как решения, на базе искусственного интеллекта, так и передовые техноло-

гии, обладают огромным потенциалом реализации новых возможностей в современной индустрии цифровой экономики.

Понимание того, что мобильные приложения являются новыми конечными точками в современной экономике, ведет к тому, что ИТ-специалисты переходят к более зрелой стратегии по их развитию и их защите данных. И как следствие, перспективные компании рассматривают данную возможность как доступ к вещам, которые имеют значение, независимо от того, какую мобильную операционную систему или устройство используют его пользователи. [6]

В связи с растущим вниманием к решениям IoT-технологий, ИТ-аналитики испытывают необходимость в удовлетворении требований конечных пользователей, в предоставлении безопасных приложений для бизнес-линий и партнеров, а также обеспечении быстрого выхода на рынок, ориентированный на клиентов. Интеллектуальные устройства IoT в промышленных условиях изменили точку зрения на среду оперативных технологий. В последнее десятилетие ИТ-специалисты по безопасности сосредоточились на одной общей задаче: выявление и сдерживание нарушений данных, которые сильно влияют на развитие экономики. Экономисты и ИТ-аналитики понимают, что новый рубеж подключенных устройств представляет собой следующее поколение угроз безопасности. В текущем году ИТ-аналитики и ведущие экономисты, увидели четкую тенденцию: безопасность Интернета вещей меняет способы совместной работы информационных и операционных технологий в экономике и не только. Эффективное реагирование на угрозы с учетом специфического контекста, начинается с оценки — понимания текущей стратегии сегментации, оценки слабых мест и построения плана смягчения последствий. [3,9]

Интеллектуальные IoT-устройства, такие как энергетика и производство, изменили подход к информационным и операционным технологиям. IoT и интеллектуальный мониторинг особенно важны в таком стремлении, и именно поэтому ИТ-практики и экономисты делают серьезные инвестиции в технологии прогнозной аналитики. Решения для прогнозного технического обслуживания могут демонстрировать рентабельность инвестиций, но при реализации таких программ особое внимание должно уделяться безопасности. Неспособность реализовать правильные элементы управления, может фактически повредить доступность и производительность системы, что неизменно скажется на экономике.

Интеллектуальные устройства IoT и информационные операционные технологии продолжают интегри-

роваться и объединяться в цифровых средах организаций, что в свою очередь, существенно может повлиять на экономическую составляющую компаний. ИТ-отделы и группы поддержки осознают важность безопасности в данном процессе, что приводит к смещению акцента ИТ-персонала в сторону сотрудников, которые сосредоточены на производственных вопросах. По мнению ведущих ИТ-специалистов, в компаниях ИТ-отделы, применяя технологии IoT, должны выйти за пределы своего фокуса и работать вместе с другими ИТ-коллегами других компаний, понимать роль и приоритет систем и процессов развития цифровой экономики в целом по стране. Это может помочь ИТ-отделам ведущих компаний коррелировать и ускорить оповещения для улучшения решений, основанных на рисках в цифровизации экономики и не только. [3]

По мнению ведущих аналитиков, для того чтобы компании могли обеспечить безопасность и эффективную оптимизацию промышленных операций, им необходимо сделать производственные и охранные данные доступными и удобными для совместного использования в рамках конвергентной архитектуры ИТ-сети, которые часто интегрируются с системами планирования общеорганизационных ресурсов (ERP) и другими системами. Для этого потребуется платформа или набор интегрированных решений, которые могут как принимать данные, так и интегрировать их для расширенной корреляции данных.

Данная концепция, с применением IoT-устройств и Больших данных, способна в корне изменить экономические и общественные процессы, путем исключения влияния человека на произведения большинства операций. Сегодня по мнению ведущих экономистов — аналитиков, это ключ к быстрому доступу и анализу важных для безопасности производственных данных.[7]

Все данные устройства, с применением Больших данных, генерируют огромные массивы производственных данных, также их можно использовать для мониторинга взломанных учетных данных или несанкционированного доступа. Изучение и анализ производственных или технологических простоев и инцидентов безопасности в конвергентных ИТ-сетях может обеспечить неожиданные корреляции и помочь повысить точность оценки рисков.

Сегодня сотрудникам следует быть готовыми к обнаружению скрытых моментов безопасности, которые они могут пропустить, рассматривая производственные данные и данные безопасности отдельно. Подключенные устройства быстро распространяются, это означает, что ведущие экономисты и ИТ-специалисты находят варианты для потенциального использования технологии Интернета вещей.

IoT быстро перешел от простых подключенных к Интернету гаджетов и носимых устройств к более сложным интерактивным функциям, что, в свою очередь, привело к значительному росту цифровой экономики страны. Темпы внедрения технологии различных помощников обогнали смартфоны и планшеты, ведущие ИТ-специалисты предсказывают, что к 2022 году в домах по всему миру появится до 360 миллионов умных динамиков. [8] Устройства с голосовым помощником полагаются на «навыки» или комбинации словесных команд, которые инструктируют помощника выполнять задачу, каждый умный помощник имеет возможность стать еще умнее с помощью Больших данных.

Сегодня все больше специалистов и разработчиков используют наборы инструментов для создания новых навыков, существует неограниченный простор для инноваций, но с небольшими гарантиями или твердым пониманием пользователями рисков, связанных с новой технологией. Аналитические исследования показывают, что технология обработки голоса не всегда правильно интерпретирует команды, такие потенциальные ошибки подвергают пользователей риску активации навыков, которые они не хотели использовать, поэтому открывают новые возможности для использования киберпреступниками.

Сегодня исследование [2,5] предлагает пять основных способов трансформации экономической деятельности с помощью цифровых технологий:

1. Сбор и анализ данных — компании смогут собирать большое количество информации о предпочтениях клиентов, которые могут быть использованы для прогнозирования поведения клиентов и улучшения качества предоставляемых услуг.
2. Персонализация — компании смогут поставлять индивидуальные продукты и услуги. Клиенты ожидают упорядоченного опыта и рассчитывают на то, что продавцы будут обладать соответствующей информацией о своей истории покупок, предпочтениях в выставлении счетов, адресах доставки и других деталях.
3. Экспериментирование и непрерывное развитие — компании смогут использовать большие массивы данных и применять мощные алгоритмы прогнозирования для автоматизации систем и принятия обоснованных решений по производству и распределению ресурсов.
4. Инновации в контрактной деятельности — компании и потребители смогут отслеживать, контролировать и проверять работу других лиц, с которыми они проводят сделки.
5. Устойчивая тенденция информатизации процессов управления дает возможность ИТ-ресурсам взаимодействовать с большей гибкостью, неза-

висимо от того, где они находятся. Компании смогут легче обслуживать глобальный рынок своих товаров и услуг.

Анализируя работы [6,8] следует сделать вывод, что технологические прорывы в экономике быстро смещают границу между актуальными задачами, выполняемыми людьми, и задачами, выполняемыми машинами и алгоритмами, глобальные рынки труда претерпевают серьезные преобразования. Эти преобразования, при разумном управлении, могут привести к новой эре активной работы, достойных рабочих мест в компаниях и улучшения качества жизни. В противном случае, они могут привести к увеличению раз-

рыва в навыках, усилению неравенства и более широкой поляризации.

Сегодня информационно-коммуникационные технологии с навыками цифровой экономики — это формула успеха любой компании. [9] IoT- технологии с применением Больших данных, делают упор на инновации, используя новейшие технологии, что помогает стартапам решать более сложные задачи с различными цифровыми перспективами. В цифровую экономическую эпоху, компаниям необходимо стать более инновационными, им практически необходимо оставаться конкурентоспособными в глобальной бизнес-среде, так как именно здесь большую роль играют совместные ИТ-инновации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тенденции мирового ИТ-рынка // (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php/> свободный (дата обращения 12.04.2020).
2. Интернет вещей и цифровая трансформация экономики // (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://lib.broadcasting.ru/articles2/tsifrovaya> свободный (дата обращения 15.03.2020).
3. Цифровая трансформация клиентского сервиса // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://vc.ru/u/414944-vitaliy-chesnokov/97787-cifrovaya> свободный (дата обращения 01.04.2020).
4. IoT-устройства цифровой экономики // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://ria.ru/20191230/1562653998.html> свободный (дата обращения 27.03.2020).
5. Большие данные в экономике // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://data-economy.ru/science> свободный (дата обращения 07.04.2020).
6. Цифровые технологии // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://data-economy.ru/science> свободный (дата обращения 01.04.2020).
7. Информационные и IoT-технологии // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://fb.ru/article/147139/ikt---eto-perspektivy-razvitiya-ikt> свободный (дата обращения 12.04.2020).
8. Управление базами данных // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://finfocus.today/sfery-primeneniya-blokchejna.html> свободный (дата обращения 21.03.2020).
9. Цифровизация экономики и Интернета вещей // (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://bit.samag.ru/uart/more/67> свободный (дата обращения 30.03.2020).

© Догучаева Светлана Магомедовна (sv-doguchaeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ.

IMPROVING THE DIGITAL ECONOMY IN THE INNOVATION POLICY OF RUSSIAN COMPANIES

S. Doguchaeva

Summary. Today, a dynamic ecosystem based on an IT technology environment and intuitive devices provides a global platform on which leading companies can create new customer service capabilities based on Big Data. Digitalization of the economy contributes to the growing need for highly qualified specialists who are able to work with modern technologies.

Machine learning and Artificial Intelligence is a tool that can fundamentally change the methods for evaluating a number of economic processes. New approaches and Big Data analysis help companies make real-time decisions. The high speed of decision-making and the exclusion of the human factor make it possible to speak of the superiority of this technology over man. Today, artificial intelligence has a wide potential for application in business.

Keywords: digitalization of the economy, information technology, economic potential, the Internet of things, data analysis, artificial intelligence, machine learning, big data.

Догучаева Светлана Магомедовна

*К.ф.-м.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва
sv-doguchaeva@yandex.ru*

Аннотация. Сегодня динамичная экосистема, основанная на технологической ИТ-среде, интуитивных устройствах, обеспечивает глобальную платформу, на которой ведущие компании позволяют создавать на основе Больших данных, новые возможности по работе с клиентами. Цифровизация экономики способствует росту потребности в высококвалифицированных специалистах, способных работать с современными технологиями.

Машинное обучение и Искусственный интеллект — инструмент, который может кардинально изменить методы оценки ряда экономических процессов. Новые подходы и анализ Больших данных помогают компаниям принимать решения в режиме реального времени. Высокая скорость принятия решений и исключение человеческого фактора позволяют говорить и превосходстве данной технологии над человеком. На сегодняшний день у искусственного интеллекта есть широкий потенциал применения в бизнесе.

Ключевые слова: цифровизация экономики, информационные технологии, экономический потенциал, интернет вещей, анализ данных, искусственный интеллект, машинное обучение, большие данные.

Технологии искусственного интеллекта постепенно выходят на плато продуктивности, интерес у пользователей вызывают технологии автоматизированного машинного обучения и бизнес-приложения со встроенными механизмами. Растет спрос на платформы искусственного интеллекта, предоставляемые в виде услуги, и соответствующие облачные сервисы. Они оказывают огромное влияние на цифровую экономику в целом, способствуя повышению продуктивности в компаниях и, как следствие, дают толчок для конкуренции и роста индивидуальных предприятий. Анализ больших объемов данных и искусственного интеллекта стали фундаментом новой волны роста производительности труда.

На сегодняшний день имеет большое значение формирование и развитие понимания особенностей и возможностей современных и перспективных информационно-коммуникационных технологий, составляющих основу цифровой экономики. Анализируя работы [2,5], следует понимать, что проникновение цифровых тех-

нологий в экономику будет иметь свои последствия, как положительные, так и отрицательные, внедрение современных технологий способствует появлению новых источников дохода, что скажется на экономическом росте компаний. Внедрение инноваций не простой путь, где специалисты, обладающие навыками внедрения новых методов, способны объединить их компетенции с бизнес-лидерами, способными произвести необходимые организационные изменения. Успешное внедрение машинного обучения требует целостной стратегии, которая позволит вовлечь в этот процесс все бизнес-функции на всех уровнях экономического управления компаний. [4] Примерами использования являются системы распознавания лиц, разработанные для прогнозирования поведения клиентов, виртуальные помощники (чат-боты), а также системы на основе машинного обучения, управляющие динамическим ценообразованием.

Искусственный интеллект (AI) и облачные составляющие — это инновационные технологии, так как главное преимущество использования облачной модели потре-

бления продуктов искусственного интеллекта для компаний в том, что «Облако» делает AI доступным, снижает порог входа для клиентов, которые готовы использовать искусственный интеллект в своих продуктах и услугах. Использование искусственного интеллекта, машинного обучения и глубокого обучения требует значительных вычислительных мощностей. По исследованию ведущих специалистов в области ИТ-инноваций, далеко не каждая компания, организация могут приобрести столь дорогое оборудование и имеют соответствующих специалистов в области искусственного интеллекта для повышения эффективности и результативности экономики. [1]

Структура качества больших данных неизбежно ориентирована на оперативные аспекты усилий компании по обеспечению качества данных, что не мало важно в экономике. Чтобы поднять качество экономических данных на новый уровень, компании могут использовать интеллектуальный подход к качеству этих данных, который дает возможность достичь гораздо более широкого уровня понимания, анализа, отчетности. Это, в свою очередь, позволит компаниям собирать и хранить историческую информацию о качестве данных, включая частоту изменения элемента и частоту ошибочной пометки данных — хорошие показатели уровня ошибок, а также качества правил проверки. В более широком смысле это даст возможность критического анализа любых возникающих проблем с данными и эффективности ключевых элементов управления данными в современном анализе цифровой экономики.

Сегодня автоматизация производства привела к фундаментальному прогрессу в промышленности, и, как следствие, в экономике и других сферах жизни, пришло время роботизации интеллектуального труда. Искусственный интеллект способен освободить человека не только от тяжелого труда и рутинных обязанностей, но и помочь ему в творческой деятельности. Согласно недавнему исследованию признанного лидера в области аналитики PWC, искусственный интеллект (AI) и интернет вещей (IoT) могут внести до \$15,7 трлн. в мировую экономику в 2030 году, что больше, чем текущий объем производства Китая и Индии. [3] Этот вклад был рассчитан на основе повышения производительности труда и усовершенствования продуктов, которые будут стимулировать потребительский спрос. Единственным крупным недостатком является то, что они требуют подключения к сети интернет и, соответственно, могут подвергаться хакерским атакам, что не совсем приятно, а иногда и опасно для частных потребителей, а применение их в промышленности может быть чревато техногенными катастрофами.

Вопрос о том, в какой степени и кем должны быть проверены алгоритмы искусственного интеллекта,

до сих пор остается предметом дискуссий. По мнению ведущих экономистов, для повышения экономической эффективности, ИТ-аналитики стремятся обеспечить некоторую уверенность в том, что алгоритмы искусственного интеллекта грамотно разработаны. Данные технологии работают так, как ожидали аналитики отрасли, они достаточно прозрачны для пользователей, и они не подвергают компанию риску из-за непреднамеренных результатов.

Современный уровень развития информационных технологий позволяет создавать системы (платформы), в которых «защиты» все существенные условия отношений между субъектами и которые при реализации определенного алгоритма создают новую запись, которая порождает новые права и обязанности субъектов этих отношений, а часто и третьих лиц. В результате образуется новый актив или происходит переход прав на существующий. Именно по такой модели работают алгоритмы, которые сейчас называют «смарт-контрактами», и идет рост потока конкурентоспособных инноваций

В аналитической компании IDC полагают, что успех в экономике ждет компании, которые в своей кадровой политике будут опираться на такие три элемента как культура, пространство и ресурсы. Речь идет о корпоративной культуре, отвечающей всем новым реалиям, гибком совмещении виртуального и физического рабочего места и, конечно, о людях.

Рекомендации IDC, касающиеся рабочего пространства, следующие:

- ◆ расширение возможности сотрудников с помощью технологий, которые способствуют инновациям;
- ◆ улучшение взаимодействия и обеспечение безопасной работы из любой точки мира. Согласно прогнозам компании, уже к 2021 году 65% компаний перейдут к модели будущего рабочего пространства — гибкой, интеллектуальной, совмещающей виртуальную и физическую рабочую среду, что положительно повлияет на будущее развитие цифровой экономики во всем мире. По мнению ведущих специалистов в цифровой экономике, компаниям следует иметь в виду, что их «сотрудниками» могут стать не только живые люди, но и цифровые, работа будущего будет выполняться как человеком, так и машинами, а это значит, что придется решать вопросы, связанные в том числе и с их взаимодействием.

По прогнозам аналитиков [8], к 2024 году 50% структурированных повторяющихся задач будут автоматизированы, а 20% работников, занятых в наукоемких задачах, будут иметь программное обеспечение с использова-

нием искусственного интеллекта или другие цифровые технологии в качестве «коллеги». По мнению вице-президентов ведущих российских компаний, сегодня главная проблема заключается в подготовке «креативных людей», специалистов, которые не просто обладают знаниями, а быть максимально готовыми к обучению и самообучению, то есть по их мнению, именно такие люди нужны для цифровой экономики.

Цифровизация финансовых услуг в России переходит на следующую ступень своего развития. По данным исследования KPMG «Цифровые технологии в российских банках», опросившего в текущем году 100 крупных российских компаний, в том числе топ-20 банков, 86% руководителей банков заявили о наличии программ цифровой трансформации. Этот показатель выше рынка, где около 64% компаний заняты цифровизацией. По данным KPMG, банкиры рассчитывают, что цифровизация повысит операционную эффективность и сократит издержки, среди проблем они отмечают нехватку компетентных кадров и незрелость текущих процессов.[6]

Применение машинного обучения можно во многих отраслях, и практически везде оно позволяет существенно улучшить процессы. Некоторые из них уже работали специальные средства, ежедневно тестируя влияние различных аспектов, такие как изменения цен, дизайн упаковки или веб-страниц, привлекая реальных клиентов. [10] Многие ведущие корпорации не случайно позиционируют себя как двигатель когнитивного бизнеса во всем мире. Когнитивный бизнес осуществляется посредством использования более продвинутых инструментов для работы с динамическими данными, что помогает доминировать на рынке.

Сегодня в сфере творческой деятельности человек по-прежнему имеет преимущество перед машиной: сложные коммуникации, экспертное мышление, гибкость, креативность. Машина пока не умеет слушать, выстраивать беседу и договариваться с источниками. Тем не менее искусственный интеллект может помочь чело-

веку оптимизировать его труд, может помочь сделать контент более персонализированным и адресным.

Привлечение юридических компаний, имеющих опыт работы в законах о больших данных, может помочь провести оценку пробелов в соответствии с правовыми требованиями. Эти оценки принимают форму опроса и оценивают технические средства контроля конфиденциальности в соответствии с требованиями законодательства в процессе развития цифровой экономики. Сегодня анализируя работы [9,11], эксперты отрасли экономики готовы работать с ведущими ИТ-директорами для обеспечения всеобъемлющей стратегии управления данными.

Использование современных технологий управления данными обеспечивает технические и технологические возможности для решения проблем по соответствию требованиям. Решение заключается в правильном балансе выбора и наличии правильной инфраструктуры, которые касаются не только экономики. Все это способствует стимулированию модернизации отраслей экономики за счет передачи инновационных знаний и технологий в рамках единого информационно-технологического пространства.

В заключении, следует отметить, что меняющийся правовой ИТ-ландшафт, сложность и различия в правилах конфиденциальности с большими данными, искусственного интеллекта, касающиеся экономики в целом, представляют собой некоторые проблемы. Требования ИТ-безопасности и конфиденциальности совпадают во многих ИТ-областях, общие правила защиты данных, изменения, вызванные защитой конфиденциальности — это небольшая часть из множества изменений, связанных с конфиденциальностью, которые имеют побочные эффекты не только в экономике. По мнению ведущих аналитиков [7], чтобы ориентироваться и решать проблемы в меняющейся правовой ИТ-среде, компании должны тесно сотрудничать с ведущими специалистами по вопросам конфиденциальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разработки Искусственного интеллекта// (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://tlg.fyi/s/bolshiedannye/209/> свободный (дата обращения 26.03.2020).
2. Искусственный интеллект изменят бизнес в ближайшем будущем // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://lookatnews.info/post/> / свободный (дата обращения 06.04.2020).
3. Машинное обучение сегодня// (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://cnews.ru/articles/2019-11-12/> свободный (дата обращения 17.03.2020).
4. Система управления Искусственным интеллектом // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://ria.ru/20191107/1560642841.html>// свободный (дата обращения 23.03.2020).
5. Технологии Искусственного интеллекта <https://cnews.ru/articles/2019-1-ogij> // свободный (дата обращения 20.04.2020).
6. Технологии, вышедшие на плато продуктивности // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://compress.ru/article.aspx?id=21903#01>// свободный (дата обращения 03.04.2020).

7. Цифровая экономика Российской Федерации// (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.gks.ru/anketa1-4/> // свободный (дата обращения 21.04.2020).
8. Экономика управления большими данными // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://oecd-russia.org/analytics/ekonomika> // свободный (дата обращения 11.03.2020).
9. Влияние Больших данных на экономику// (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://itcrumbs.ru/tehnologii-big-dat> // свободный (дата обращения 15.04.2020)
10. Машинное обучение в экономике // (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://itcrumbs.ru/tehnologii-big-dat/> // свободный (дата обращения 19.04.2020).
11. Искусственный Интеллект// (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.techportal.ru/glossary/artificial_intelligence.html // свободный (дата обращения 10.04.2020).

© Догучаева Светлана Магомедовна (sv-doguchaeva@yandex.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИНВЕСТИРОВАНИЯ ПЕНСИОННЫХ СРЕДСТВ В ДОЛГОСРОЧНЫЕ ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ

FOREIGN EXPERIENCE IN INVESTING PENSION FUNDS IN LONG-TERM INFRASTRUCTURE PROJECTS

T. Esaulkova

Summary. The problem of investing pension funds in infrastructure projects exists not only in Russia but throughout the world. To date, the rich experience of foreign countries has already been accumulated in this regard, which requires generalization and analysis. In the article highlights the main current models for the participation of pension funds in infrastructure projects: direct investment; through various investment funds; collective financing with other institutional investor. The objectives of investing pension funds in long-term infrastructure projects for funds are variable: the need to diversify the investment portfolio, ensuring a stable income (as a rule, due to a predetermined rate of return), long-term nature of liabilities (which corresponds to the maturity of pension obligations), ensuring an acceptable level of risk due to low volatility. At the same time, there are risks associated with the low quality of infrastructure projects, limited availability of high quality assets, come from which exceeds the risk-free rate of return, high costs of acquiring these assets, etc.).

Keywords: investment, pension assets, infrastructure projects, pension funds, investment portfolio, risks.

Есаулкова Татьяна Станиславовна

*К.э.н., Всероссийский научно-исследовательский институт труда при Минтруде России (Москва)
sovets@vcol.info*

Аннотация. Проблема инвестирования пенсионных средств в инфраструктурные проекты существует не только в России, но и во всем мире. К настоящему времени в этом отношении уже накоплен богатый опыт зарубежных стран, который требует обобщения и анализа. В статье выделены основные существующие в настоящее время модели участия пенсионных фондов в инфраструктурных проектах: прямое инвестирование; через различные инвестиционные фонды; коллективное финансирование с другими институциональными инвесторами. Цели инвестирования пенсионных средств в долгосрочные инфраструктурные проекты для фондов вариативны: необходимость диверсификации инвестиционного портфеля, обеспечение стабильного дохода (как правило, ввиду заранее определенной нормы доходности), долгосрочный характер обязательств (что соответствует срокам исполнения пенсионных обязательств), обеспечение приемлемого уровня риска в виду низкой волатильности. Одновременно имеют место и риски, связанные с низким качеством инфраструктурных проектов, ограниченностью наличия высококачественных активов, доход от которых превышает безрисковую ставку доходности, высокие затраты на приобретение данных активов и пр.).

Ключевые слова: инвестирование, пенсионные активы, инфраструктурные проекты, пенсионные фонды, инвестиционный портфель, риски.

Традиционно пенсионные фонды инвестировали/размещали пенсионные средства в акции и облигации, но постепенно их инвестиционные портфели стали занимать так называемые «альтернативные инвестиции», куда вошли прямые инвестиции, инвестиции в инфраструктуру, недвижимость. Суммарно за последние 20 лет доля этих активов в инвестиционном портфеле пенсионных фондов, по мнению Аналитического центра «Thinking Ahead Institute», изучившего данные процессы в 22-х экономически развитых странах мира, «возросла с 4% до более чем 20%» [11; 3, с. 5], что свидетельствует об устойчивом интересе участников пенсионного рынка к долгосрочному инвестированию. В отдельных странах (например, в Австралии, Канаде и пр.) доля вложений пенсионных фондов в инфраструктурные проекты может быть на уровне 10–15%. К этому следует добавить еще вложения в муниципальные облигации, связанные с вложениями в инфраструктуру — около 15%, что в совокупности составляет 25–30%.

Согласно рейтингу крупнейших мировых инвесторов, опубликованному «Investment & Pensions Europe» осенью 2019 года [9], среди лидеров названы: Управляющая активами канадского пенсионного фонда корпорация «Canada Pension Plan Investment Board» (2 место в рейтинге: совокупные активы \$293,5 млрд., из них \$24,9 млрд. вложены в инфраструктурные проекты); Государственный пенсионный фонд Южной Кореи «National Pension Service» (3 место в рейтинге: \$575,2 млрд. — совокупные активы, из них \$20,5 млрд. вложены в инфраструктурные проекты). По расчетам экспертов МВФ и как показывает опыт 120 стран, увеличение объема инвестиций в инфраструктурные проекты на 1% от ВВП приводит к росту последнего на 1,5% [5].

Цели инвестирования в долгосрочные инфраструктурные проекты вариативны: необходимость диверсификации инвестиционного портфеля, обеспечение стабильного дохода (как правило, ввиду заранее опре-

деленной нормы доходности), долгосрочный характер обязательств (что соответствует срокам исполнения пенсионных обязательств), обеспечение приемлемого уровня риска в виду низкой волатильности и пр.

Среди основных отраслевых направлений инфраструктурных вложений зарубежных пенсионных фондов: транспорт, энергетика (в том числе возобновляемая энергия), трансфер, телекоммуникации, водоснабжение, дорожное строительство, коммерческая недвижимость, социальная инфраструктура и пр. Объем инвестиций пенсионных фондов в различные сектора в разных странах существенно различается.

Эксперты нередко разделяют инфраструктурные инвестиции не по отраслевой структуре, а способам возвратности инвестиций (например, с одной стороны, выделяют социальное инвестирование с низкой доходностью и одновременно с низким уровнем риска, так как данное инвестирование нередко поддерживается государством, а, с другой стороны, инвестирование в коммерческие объекты — с высокой доходностью, но и высоким уровнем риска). В связи с развитием концепции социально ответственного инвестирования большую роль начинают играть так называемые «зеленые облигации» в инвестировании пенсионных активов (в том числе через «зеленые» инфраструктурные фонды).

Анализ зарубежного опыта позволяет выделить разные модели участия пенсионных фондов в финансировании инфраструктурных проектов, среди них:

- ◆ самостоятельные поиск инфраструктурных проектов и их финансирование (прямое инвестирование);
- ◆ участие в финансировании через различные инвестиционные фонды (например, инфраструктурные фонды и инвестиционные платформы);
- ◆ коллективное финансирование с другими институциональными инвесторами (в связи с этим в последние годы сформировалось понятие «инвестиционный управляющий» /«infrastructure assets managers»/) [7].

Инвестиции в инфраструктуру можно классифицировать и на основе типологии используемых финансовых инструментов [10], в связи с этим выделяют:

- ◆ долевыми и долговыми инвестициями (описывает тип экономического воздействия на инфраструктурные активы);
- ◆ прямое воздействие (инвестиции в проектный капитал и инфраструктурные фонды, инвестирующие в собственный капитал проекта) и долговые обязательства (например, облигации проекта или кредиты);

- ◆ косвенные инвестиции, например, через котируемые корпоративные акции или корпоративные облигации, а также такие инструменты, как взаимные инвестиционные фонды и трастовые фонды, которые инвестируют в акции инфраструктурных корпораций или в проекты.

Прямое самостоятельное инвестирование в объекты инфраструктуры, как правило, реализуют лишь крупнейшие пенсионные фонды (такие инвестиции не превышают 1% суммарных активов [6]). Большая часть пенсионных фондов применяют косвенные инвестиции.

Одной из распространенных форм инвестирования пенсионных фондов в инфраструктурные проекты является использование инвестиционных фондов. Пенсионные фонды могут быть сами учредителями данных фондов (например, один из таких инвестиционных фондов в Великобритании был создан «Партнерством муниципальных пенсионных фондов Великобритании LGPS Central» [4, с. 5]). Вместе с тем можно выделить ряд пенсионных фондов, которые совершают самостоятельные инвестиции в инфраструктуру (например, «Пенсионный фонд учителей Калифорнии /CalSTRS/», «Пенсионный фонд государственных служащих Калифорнии /CalPERS/» [4, с. 5]) и др.). Нередко сделки по вложениям пенсионных средств в инфраструктуру совершаются через «проектные компании» (special-purpose vehicle, SPV), «которые позволяют управлять отдельными бизнес-процессами или финансовыми потоками» [4, с. 5]. Среди иных форм: инвестирование через инфраструктурные компании (Бразилия, Перу, Китай), фонды частных акций (Бразилия, Колумбия, Южная Африка); покупка инфраструктурных облигаций (Чили, Колумбия, Перу, Южная Африка). В США на уровне отдельных штатов присутствуют все формы инвестирования пенсионных средств в инфраструктурные проекты, которые реализуются через механизмы частно-государственного и государственно-частного партнерств, разнообразные фонды (например, водоснабжения, электроэнергетики) и пр.

Следует отметить и появление как результата государственно-частного партнерства нового класса активов в сфере инфраструктурных инвестиций, а именно нелистинговых неликвидных инфраструктурных активов, которые существуют наряду с листинговыми инфраструктурными активами (акции, облигации), но не обращаются на бирже. К таким активам относятся: недвижимость, объекты инфраструктуры и частные инвестиции. Данные активы привлекательны для инвесторов не только своей возможной стабильной (например, через договоры аренды, тарифные соглашения), но и повышенной доходностью (при условии эффективного управления рисками), а также ее долгосрочностью.

Таблица 1. Распределение инвестиций в инфраструктуру в общей структуре инвестиционного портфеля пенсионных фондов на примере ряда стран ОЭСР в 2017 году, в %

Страна, головной офис	Название Фонда	Распределение инфраструктурных инвестиций	Где размещены в структуре инвестиционного портфеля	Инвестирование в зеленые проекты	Фактическое размещение в нелистинговые инфраструктурные активы (2017) (% от всех активов)	Заявленная цель по размещению пенсионных активов в нелистинговые инфраструктурные активы (% от всех активов)
LPFs						
Германия	BASF Pensionskasse	Выделены отдельно	альтернативные активы, инфраструктура	да	4,7	6,0
Япония	Pension Fund Association	Выделены отдельно	инфраструктура	нет	0,5	1,0
Португалия	CGD Pensões (2,4)	Не выделены	инфраструктура	нет	1,7	-
Юж. Африка	GEPF	Не выделены	прямые инвестиции	да	1,2	
Великобритания	USS (2,6)	Выделены отдельно	инфраструктура	да	8,7	5,0
Великобритания	Eurocontrol	Выделены отдельно	инфраструктура	нет	5,2	7,5
PPRFs						
Аргентина	Sustainability Guarantee Fund (2,7)	Выделены отдельно	инфраструктура	нет	-	5,0–20,0
Канада	Canada Pension Plan Investment Board (8)	Выделены отдельно	инфраструктура	да	7,5	-
Канада	Quebec Pension Plan	Выделены отдельно	инфраструктура	да	5,5	8,0
Франция	FRR	Не выделены	инфраструктура	да	0,1	-
Швеция	AP1(2)		инфраструктура	да	1,4	5,0
Швеция	AP3(2)	Не выделены	недвижимость, другое	рассматривается	3,3	-

Источник: расчеты ОЭСР, основанные на ответах, сформулированных в ходе обследования, проведенного в рамках ОЭСР [10].

Среди новых объектов инвестирования выделим и проектные облигации, введенные по совместной инициативе Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) и Европейской комиссии (ЕК) [2, с. 7]. Данные облигации могут быть как листинговыми, так и нелистинговыми, использоваться для финансирования, как коммерческих проектов, так и проектов в рамках государственно-частного партнерства. Они выпускаются проектными компаниями и погашаются за счет их финансовых средств.

В таблице 1 представлено распределение инфраструктурных инвестиций в общей структуре инвестиционного портфеля пенсионных фондов (крупных пенсионных фондов — LPFs и государственных пенсионных резервных фондов — PPRFs) на примере ряда стран ОЭСР в 2017 году [10].

Еще в 2016 году инвестиции в инфраструктуру в ряде стран ОЭСР были выделены в отдельный класс активов —

реальные активы («real assets»). Реальные активы — это вложения в инфраструктуру, недвижимость, альтернативные инвестиции (активы), прямые инвестиции, инвестиции в развитие. Что касается понятия «инфраструктурные облигации», то, как правило, этим термином обозначаются облигации, выпущенные для финансирования того или иного объекта инфраструктуры¹.

Потенциал увеличения объема инфраструктурных инвестиций достаточно большой (в 2017 году совокупный объем таких активов по 99 LPFs и PPRFs составил сумму \$9 трлн. [10]). Фонды инвестируют как в нелистинговые инфраструктурные активы (не включенные в листинг до-

¹ В законодательстве ряда стран есть свои нюансы: например, в ряде штатов США этот термин обозначает облигации для финансирования строительства объекта инфраструктуры, причем строительство рассматривается и как реконструкция, и как возведение нового объекта; однако в некоторых случаях употребляется иной термин «revenue bonds», означающий облигации, приносящие доходы, обеспеченные поступлениями [1].

левые инструменты), в частности, через прямые инвестиции, или инфраструктурные фонды, так и в выделенные целевые ассигнования для этой категории активов. Доля инфраструктурных инвестиций может составлять 10–10,1% в структуре инвестиционного портфеля фонда (как, например, в Австралии — Hostplus Superannuation fund; в Канаде — ОТПП(1), а Canada Local Authorities Pension Plan намерен увеличить эту долю до 15%). Существует и потенциал фондов в расширении институциональных инвестиций в инфраструктуру. Целевые ассигнования на инфраструктуру колебались на низком уровне от 1% до 20% от общего объема активов (данные за 2017 год [10]).

Среди причин, по которым пенсионные фонды не инвестируют в большом объеме пенсионные активы в инфраструктуру, — ограничения со стороны госрегулятора (например, инвестиции в нелистинговые активы в Бразилии могут составлять не более 20%; в Южной Африке — разрешено инвестировать 5% в акции, не имеющие листинга, хотя интерес самих фондов к подобному инвестированию существует; однако ограничения есть не везде, в частности, в Канаде такие ограничения отсутствуют вовсе). Во многих странах разрешено инвестирование пенсионных средств только на листинговых рынках. Вместе с тем глобальные потребности в новых

инфраструктурных активах достаточно велики (по оценкам ОЭСР, «с 2015 по 2030 год глобальные потребности в новых инфраструктурных активах составляют \$90 трлн., что больше, чем стоимость существующего фонда инфраструктуры во всем мире» [8]).

Отмечая расширение объема инвестиций пенсионных активов в инфраструктурные проекты, а также связанные с этим возможности для широкой диверсификации инвестиционного портфеля фондов, относительную стабильность и предсказуемость доходности таких вложений, одновременно следует указать и на их риски (например, риски, связанные с низким качеством инфраструктурных проектов, ограниченность наличия высококачественных активов, доход от которых превышает безрисковую ставку доходности; высокие затраты на приобретение данных активов и пр.). Одновременно, по данным опроса, проведенного в июле 2019 года информационно-аналитической службой Preqin, большинство инвесторов в целом удовлетворены вложениями в долгосрочные инфраструктурные проекты (так, 70% респондентов отметили, что такие инвестиции отвечали их ожиданиям, для 14% респондентов — превосходили ожидания и лишь 16% респондентов не были удовлетворены подобными инвестициями [4, с. 23]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулкадыров С. С. Понятие, содержание и сущность проектных облигаций в России и за рубежом //Международное публичное и частное право.— 2014.— № 4.— С. 23–26.
2. Аналитическая записка «О состоянии и направлениях развития рынка долгосрочных инвестиций в инфраструктуру России» Экспертного совета по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. — М., 2018.
3. НАКДИ. Ежеквартальный информационно-аналитический бюллетень «Институциональные инвестиции в инфраструктурные активы. Пенсионные фонды и управляющие компании». — 2019. — № 1(16), 1-й квартал.
4. НАКДИ. Ежеквартальный информационно-аналитический бюллетень «Институциональные инвестиции в инфраструктурные активы. Пенсионные фонды и управляющие компании». — 2019. — № 3(18), 3-й квартал.
5. НАКДИ. Investinfra [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://investinfra.ru/novosti/pensionnye-resursy-standart-vazhnyim-istochnikom-dolgosrochnyh-investitsiy.html>. — (дата обращения: 05.05.2020).
6. НАПФ. Предложения по механизмам инвестирования средств НПФ в инфраструктурные проекты [Электронный ресурс]. Режим доступа: naef.ru/files/71536/pf_infr_inv_doc. — (дата обращения: 05.05.2020).
7. Национальное рейтинговое агентство. Привлечение активов пенсионных фондов в инфраструктурные проекты: Модели участия и барьеры инвестирования [Электронный ресурс]. Режим доступа: investinfra.ru/frontend/images/PDF/Виктор%20Четверяков%20«Привлечение%20активов%20пенсионных%20фондов%20в%20инфраструктурные%20проекты%20Модели%20участия%20и%20барьеры%20инвестирования».pdf — (дата обращения: 05.05.2020).
8. Пенсионные инвестиции: глобальные вызовы и мегатренды [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gavrilenko.ag/wp-content/uploads/2018/01/koncessii-block-Final_Part2.pdf. — (дата обращения: 05.05.2020).
9. IPE, TOP-100 Infrastructure Investors 2019.
10. OECD (2019), Annual Survey of Large Pension Funds and Public Pension Reserve Funds [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.oecd.org/finance/survey-large-pension-funds.htm. — (дата обращения: 05.05.2020).
11. The Global Pension Assets Study 2019 <https://www.thinkingaheadinstitute.org/en/Library/Public/Research-and-Ideas/2019/02/Global-Pension-Asset-Survey-2019>. — (дата обращения: 05.05.2020).

© Есаулкова Татьяна Станиславовна (sovets@vcot.info).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УСИЛЕНИЕ РОЛИ ЛЕСНОГО ПОТЕНЦИАЛА МАЛОЛЕСНЫХ РЕГИОНОВ РФ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ТЕМПОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ИНТЕРЕСОВ НАСЕЛЕНИЯ, БИЗНЕСА И АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУР

STRENGTHENING THE ROLE OF THE FOREST POTENTIAL OF LOW-FOREST REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION TO INCREASE THE PACE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AND BALANCE THE INTERESTS OF THE POPULATION, BUSINESS AND ADMINISTRATIVE STRUCTURES

**N. Kozhuhov
E. Tikhomirov**

Summary. Forest deficient regions of the Russian Federation, which are located mainly in the European part of the Russian Federation, are included in the steppe and forest-steppe zones of our country. On the example of the Orenburg, Samara and Saratov regions of the Volga Federal District, which have a low forest cover, the possibilities of enhancing the role of the forest potential due to the intensification of recreational and protective forest management, streamlining the spatial organization of agroforest landscapes are shown. It justifies the need for agricultural producers of various forms of ownership to create new and reconstruction of existing agroforestry objects. It is proposed, on the basis of neural network tools, to develop models for the rational distribution of economic entities and the development of a regional economic space for the constituent entities of the Russian Federation, which allow balancing the pace and scale of modernization of both technogenic and socio-natural subsystems in order to increase the combined synergetic effect in the interests of the population, business and territorial governance structures.

Keywords: forest potential, forest cover of the territory, agroforest landscapes, regional economic space.

Кожухов Николай Иванович

*Академик РАН, д.э.н., профессор, независимый
Исследователь*

Тихомиров Евгений Александрович

*К.э.н., доцент, МФ Московский государственный
технический университет им. Н.Э. Баумана
tikhomirov@mgul.ac.ru*

Аннотация. Лесодефицитные регионы Российской Федерации, которые размещены преимущественно в Европейской части РФ, входят в степную и лесостепную зоны нашей страны. На примере Оренбургской, Самарской и Саратовской областей Приволжского федерального округа, имеющих низкий уровень лесистости, показаны возможности усиления роли лесного потенциала за счет интенсификации рекреационного и защитного лесопользования, упорядочивания пространственной организации агролесных ландшафтов. Обосновывается необходимость для сельскохозяйственных производителей различных форм собственности создания новых и реконструкция действующих агролесомелиоративных объектов. Предлагается на базе нейросетевых инструментов разрабатывать для субъектов РФ модели рационального размещения хозяйствующих субъектов и развитие регионального экономического пространства, позволяющие сбалансировать темпы и масштабы модернизации как техногенной, так и социоприродной подсистем, чтобы повысить совокупный синергетический эффект в интересах населения, бизнеса и территориальных структур управления.

Ключевые слова: лесной потенциал, лесистость территории, агролесные ландшафты, региональное экономическое пространство.

Таблица 1. Характеристика лесных территорий и запасов древесины в трех субъектах ПФО

Субъекты РФ	Общая площадь земель ЛФ, тыс. Га	Леса, не входящие в лесной фонд, тыс. Га	Лесные земли, тыс. Га	Земли, покрытые лесом, тыс. Га	Общий запас древесины, млн. м ³	Общий средний прирост, млн. м ³
Оренбургская область	696,5	27,9	590,2	563,9	70,14	1,44
Самарская область	764,5	15,5	704,5	682,6	94,93	1,92
Саратовская область	712,6	27,3	646,5	603,3	59,66	1,28

Лесной кодекс РФ, введенный в действие в конце декабря 2006 года, передал функции хозяйственного управления землями лесного фонда с федерального на региональный уровень [7].

За более чем десятилетний период применения на практике положений этого документа, даже с учетом многочисленных дополнений и изменений отдельных статей Кодекса, выявились некоторые принципиально важные элементы этого правового документа, требующие серьезной корректировки [1,10].

В этой связи начата работа по формированию новой редакции Лесного Кодекса РФ, которую планируется завершить в 2020 году.

Как известно, в Стратегию 2020 [11] основные положения которой направлены на обеспечение долгосрочного устойчивого социально-экономического развития России и ее регионов, была заложена задача сбалансирования интересов государства, населения и бизнеса, функционирующего в региональном экономическом пространстве.

Лесной потенциал РФ, как в многолесной зоне, так и в регионах страны, малообеспеченных лесными ресурсами, нередко выступает в качестве звена регионального пространства. В многолесной зоне нашей страны за счет использования и воспроизводства сырьевых ресурсов леса, в лесодефицитных районах за счет рекреационного и защитного лесопользования. Для местного населения, и особенно, живущего в так называемой «российской глубинке», леса являются частью социально-культурного и экологического благополучия, источником экономических элементов жизнедеятельности.

Значительно выросшая в стране экологическая грамотность населения, способствует бережному отношению к лесам, окружающей природной среде и росту требований к усилению роли лесного потенциала в регионально экономическом пространстве. Основные аспекты таких требований должны найти отображение в Лесном кодексе РФ.

Рассматривая уровень обеспеченности лесными ресурсами субъектов РФ, входящих в Приволжский фе-

деральный округ, можно отметить, что несмотря на достаточно высокий средний уровень лесистости этого округа, равный 36,5%, минимальный уровень этого показателя имеют лишь Оренбургская (4,6%) и Саратовская (6%) области [8]. Самарская область, при её, казалось бы, неплохом показателе лесистости (отношение площади лесов к общей площади области) равным 12,7%, также является лесодефицитным субъектом РФ.

В таблице 1 приведены краткие сведения о лесном фонде и лесах, не входящих в лесной фонд, перечисленных субъектов РФ.

Все леса, указанных областей, относятся к категории защитных лесов. Преобладают молодые и средневозрастные насаждения. Во всех трех областях основными лесообразующими породами являются лиственные: дуб, липа, берёза, осина. Хвойные древостои представлены сосной и занимают от 13 до 14% лесопокрытой площади [8].

Леса, не входящие в лесной фонд, представлены в основном городскими лесами. Кроме лесных земель в лесном фонде имеются незначительные площади нелесных земель — это сенокосы и заболоченные территории.

Информация, представленная в таблице 1 свидетельствует о низком уровне развития лесного потенциала, его незначительной роли в социально экономической сфере данных субъектов РФ.

Все три области находятся в степной зоне. Лишь незначительная часть северных территорий каждой из данных областей затрагивает лесостепную зону в Российской Федерации. Один из «островков» соснового бора в южной части лесостепи — Бузулукский бор площадью 7,2 Га расположен как в Оренбургской (преимущественно), так и в Самарской областях.

Тем не менее, в возможностях по усилению роли лесного потенциала в рассматриваемом регионе имеются. Прежде всего следует исходить из необходимости повышения уровня лесистости каждого из указанных субъектов Российской Федерации за счёт создания новых и реконструкции действующих адрес агролесомелиора-

тивных объектов: полевых защитных лесных полос, противоэрозионных насаждений по берегам водоемов, вокруг оврагов и балок, ветрозащитных и снегозадерживающих лесных полос.

Наступил период, когда окрепшие фермерские хозяйства и сельхозпредприятия могут позволить себе возобновить ранее проводившуюся регулярную работу по формированию системы агролесомелиоративных мероприятий. Такая работа вполне логично приведет к упорядочиванию пространственной организации агролесных ландшафтов [2].

Наряду с увеличением площади защитных лесонасаждений, которые способствуют заметному приросту урожайности сельскохозяйственных культур [5], значительный эффект может быть получен и за счет интенсификации рекреационного лесопользования.

В степных районах Оренбургской и Самарской областей имеется осязаемая потребность в создании искусственных водоемов, на базе современных технологий, не допускающих чрезмерной фильтрации воды, формирования вокруг них зеленых зон для рекреантов. Настоящий «оазис», сформированный в Каменной степи (Павловский район Воронежской области), показал огромную силу воздействия как на окружающую природную среду, так и на социально-культурные, а также экономическое представление общества о реальных достижениях неравнодушных к природе людей [5].

Рекреационный потенциал всех вышеназванных областей ПФО, даже при незначительных площадях лесного фонда, может быть увеличен на базе частно-государственного партнерства и стимулирования темпов роста инвестиций в сферу рекреационных услуг за счет грамотного администрирования на местах, снижения налоговой нагрузки на малый бизнес и других средств поддержки инициативных предпринимателей.

Развитие прудового рыбоводства и создание мест отдыха для любителей рыбной ловли, организация летнего отдыха для детей и взрослых в кемпингах и палаточных «биваках», организация пунктов для сбора и переработки пищевых и лекарственных недревесных продуктов леса — далеко не полный перечень многообразных направлений рекреационных услуг.

До сих пор слабо задействован механизм использования защитных услуг лесного хозяйства для сельхозпроизводителей, как с точки зрения оплаты этих услуг, так и в отношении проектирования, авторского надзора и организации выполнения агролесомелиоративных проектов.

Повышение уровня использования и расширенного воспроизводства лесного потенциала малолесных регионов невозможно в отрыве от комплексной модели развития регионального экономического пространства. В настоящее время, когда Россия уверенно включилась в процесс модернизации производительных сил на этапе шестого технологического уклада [9], имеется возможность для каждого субъекта Российской Федерации на базе нейросетевых инструментов, разрабатывать модель рационального развития природно-ресурсного потенциала региона.

При таком подходе к эффективному управлению региональным экономическим пространством, исключается проблема некомплексного, разбалансированного развития территории, возрастает конкурентный потенциал региона. Оптимизируя параметры развития экономического пространства каждого субъектов РФ, необходимо учитывать местные специфические особенности произрастания лесов, социально-культурные модели отношения населения к использованию и воспроизводству лесных ресурсов всех видов: древесины, недревесных продуктов леса, рекреационному и защитному потенциалу лесов.

В интересах достижения цели устойчивого развития Оренбургской, Самарской и Саратовской областей, целесообразно сбалансировать интересы и темпы развития как техногенной, так и природной подсистем, чтобы повысить совокупную эколого-экономическую эффективность [2].

Доля увеличения вклада лесного потенциала в социально-экономическое развитие данных областей ПФО, необходимо более тесное сотрудничество смежных органически взаимосвязанных отраслей — сельского и лесного хозяйства при формировании агролесных ландшафтов. Адаптивно-ландшафтная система земледелия, хорошо зарекомендовавшая себя в ряде регионов малолесной зоны Российской Федерации, ориентирует сельхоз товаропроизводителей к оптимизации пространственной организации агролесных ландшафтов и стимулирует создание необходимых агролесомелиоративных объектов [5].

Повысить уровень лесистости Оренбургской и Самарской областей на 2–3% возможно за счет лесоразведения на неудобных для сельхоза работ землях, при реализации противоэрозионных проектов, создании лесозащитных полос вдоль транспортных магистралей. Исходя из условий местопроизрастания для древесных пород этой зоны, наиболее приемлемая схема создания лесных полос путем чередования рядов дуба и липы. Как правило, достаточно 6–8 рядов основных древесных пород, которые оконтурены

с обеих сторон засухоустойчивыми рядами кустарников.

На неудобных для обработки и ухода за сельскохозяйственными культурами средствами малой механизации землях, следует создавать биогруппы древесных пород, ориентируясь на специфику местного ландшафта и эстетические критерии. Состав древесных пород биогруппы может представлен березой, липой, дубом и единичными экземплярами сосны, а также декоративными кустарниками.

В идеале для осуществления подобного рода масштабных работ, следует разработать региональную целевую комплексную программу лесоразведения в степной зоне ПФО, которая может стать частью будущего национального проекта. В рамках такой программы можно предусмотреть создание лесопитомника для выращивания сеянцев дуба из элитных желудей, получаемых в процессе генетических и селекционных работ [4].

Исходя из классического опыта отечественного лесоразведения в степной зоне [5], в основу стратегии и тактики реализации таких проектов закладывается принцип сбалансированности как возможностей, так и объективно существующих ограничений в региональном экономическом пространстве. Однако, следует учитывать, что преобразования, направленные на оптими-

зацию пространственной организации хозяйствующих структур региона, например, агролесных ландшафтов сельхоз организаций, создают условия для получения заметного эффекта, к тому же обладающего всеми признаками синергизма [4,5].

При этом четко проявляют себя такие элементы синергического эффекта, как социально-экологический синергизм, инвестиционно-финансовый синергизм межотраслевой интеграции и кооперации, оперативно-тактический синергизм. Интегральный эффект самоорганизующейся системы и метод определения совокупного синергического представлены в работе [4].

Россия вступила в эпоху серьезных перемен, невзирая на мировую пандемию COVID-19 и связанные с ней негативные эффекты и последствия, появились новые управленческие кадры, меняются в лучшую сторону структуры органов управления на федеральном уровне, стабилизируются финансово-экономические механизмы, что дает основание ожидать в перспективе начала работ по эколого-экономическому и социоприродному преобразованию степных регионов страны. Достойное место в этой работе несомненно будет занимать проект лесоразведения и повышения лесистости лесодефицитных районов, реализация которого нормализует баланс интересов местного населения, бизнеса и управленческих структур, стимулирует развитие необходимых элементов инфраструктуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 538-ФЗ "О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений, связанных с обеспечением сохранения лесов на землях лесного фонда и землях иных категорий"
2. Mindlin Y.B., Tikhomirov E. A., Kozhuhov N. I., Nazarenko E. B. The mechanism of introduction of clusters in the Russian Federation // *Humanities and Social Sciences Reviews*. 2019. Т. 7. № 4. С. 767–772.
3. Tikhomirov E.A., Bykovskiy M. A. The current state of the Russian forest industry complex and calculation of costs of forest operations on the basis of activity-based costing in the Russian Federation // *FORMEC2019 — Exceeding the Vision: Forest Mechanisation of the Future 6–9 October 2019 — Sopron, Hungary*, pp 546
4. Кожухов Н.И., Кострикин В. А., Топчеев А. Н. Инновационный продукт лесной генетики и селекции и его синергетический эффект для лесного хозяйства и смежных отраслей. // *Лесотехнический журнал*. — 2019. — Т. 9. — № (36). — с. 6–12.
5. Кожухов Н.И., Топчеев А. Н. Некоторые аспекты формирования и устойчивого развития агролесных ландшафтов в условиях Воронежской области // *Лесотехнический журнал*. — 2019. — Т. 9. — № (36). — с. 25–32.
6. Леса России. Состояние лесного фонда. // Федеральное агентство лесного хозяйства — URL: <https://roslesinforg.ru/atlas>
7. Лесной кодекс России. — Москва.: ВНИИЛМ, 2007. — 856 с.
8. Лесной фонд России. — Москва.: ВНИИЛМ, 2003. — 637 с.
9. Малинецкий Г. Г. Техногенные ресурсы в контексте новой индустриализации России. // *Вестник РАН*. — 2015. — Т. 85. — № 4. — с. 344–350
10. Приказ от 29 марта 2018 г. N122 «Об утверждении лесостроительной инструкции».
11. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года // — URL: <https://digital.gov.ru/common/upload/2227-pril.pdf>

© Кожухов Николай Иванович, Тихомиров Евгений Александрович (tikhomirov@mgul.ac.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНСТРУКТИВНО-КРИТИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ КРУГООБОРОТА ТОВАРНОЙ ФОРМЫ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Крышка Виктор Иванович

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Алтайский
государственный университет» (Барнаул)
kryshka@mail.ru

**THE CONSTRUCTIVE-CRITICAL
VERIFICATION OF THE TURNOVER
THEORETICAL MODEL OF THE LABOR
FORCE COMMODITY FORM
IN THE POST-SOVIET PERIOD
OF MODERN RUSSIA**

V. Krishka

Summary. The article is devoted to the practical verification of the turnover theoretical model of the labor force commodity form, based on a) the methodology of reproductive processes circular models of the economy, and b) the experience of post-Soviet period, connected with the transformation of command economy into a market one.

Keywords: labor force; reproduction of labor force; commodity, monetary and consumer forms of labor turnover; the turnover stages of the labor force commodity form.

Аннотация. Статья посвящена практической верификации теоретической модели кругооборота товарной формы рабочей силы, созданной на основе а) методологии круговых моделей воспроизводственных процессов экономики, и б) опыта постсоветского периода, связанного с трансформацией командно-административной модели экономики в рыночную.

Ключевые слова: рабочая сила; воспроизводство рабочей силы; товарная, денежная и потребительская формы кругооборота рабочей силы; стадии кругооборота товарной формы рабочей силы.

Актуальность статьи заключается в том, что модель кругооборота товарной формы рабочей силы была выведена преимущественно логическим способом, методологически опираясь на круговые модели воспроизводственных процессов, разработанные в работах Ф. Кенэ, К. Маркса, М. И. Туган-Барановского, А. А. Богданова, М. А. Бунятына, Н. А. Кондратьева и многих других. Однако чисто теоретическое выведение модели недостаточно. Требуется ее теоретическая и практическая верификация, подтверждение или опровержение данными опыта постсоветского периода и другими концепциями.

Цель статьи — это конструктивно-критическая верификация теоретической модели кругооборота товарной формы рабочей силы на основе опыта рыночных преобразований в постсоветский период и критического анализа концепций современного мейнстрима и других альтернативных концепций.

Исходя из поставленной цели, в статье решаются следующие задачи.

1. Адаптация марксистской модели кругооборота капитала в целом и его денежной, товарной и производительной форм в частности, к пробле-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-010-00491 «Исследование взаимного влияния уровня оплаты труда и воспроизводства рабочей силы в условиях макроэкономических и институциональных изменений в российской экономике в 1992–2018 гг.».

ме воспроизводства и кругооборота товарной формы рабочей силы.

2. Выяснение вопроса о *товарном* или *нетоварном* характере рабочей силы в постсоветский период, т.е. начальной и конечной «точек» модели кругооборота товарной формы рабочей силы.
3. Характеристика *стадий* кругооборота товарной формы рабочей силы.
4. Выделение, наряду с кругооборотом товарной формы рабочей силы, *денежной* и *потребительской* форм кругооборотов рабочей силы.
1. К. Маркс во втором томе «Капитала» выделил: 1) денежную ($D - T...P...T' - D'$), 2) товарную ($T' - D' - T...P...T'$) и 3) производительную ($P...T' - D' - T...P$) формулы (фигуры) кругооборота капитала [1, с. 75–172]. Однако, очевидно, ввиду концентрации внимания на проблеме прибавочной стоимости, он не придал значения тому, что есть еще одна *фигура* кругооборота товарного капитала, $T...P...T' - D' - T$, связанная с кругооборотом товарной формы факторов производства, т.е. а) средств производства ($T_{СП}$) и б) рабочей силы ($T_{РС}$). Остановимся на этом подробнее.

Если оставить в стороне а) кругооборот средств производства, б) прибавочную стоимость, в) время производства и обращения, то формула кругооборота переменного капитала (V) по Марксу со стороны собственников средств производства (работодателей) будет иметь такой вид:

$$D_{ЗП} - T_{РС}...P(T_P)...T_{ЗП} - D_{ВЗП} \quad (1)$$

где $D_{ЗП}$ — денежная заработная плата, $T_{РС}$ — товар рабочая сила, $...P(T_P)...$ — процесс производства, включая процесс труда (T_P), $T_{ЗП}$ — товарная форма оплаты труда; $D_{ВЗП}$ — возмещенная из выручки заработная плата.

Со стороны наемных работников этот же кругооборот, на наш взгляд, будет выглядеть так:

$$T_{РС} - D_{ЗП}...P...T_{ЗП} \quad (2)$$

где P — выполненная работа, $D_{ЗП}$ — располагаемая денежная заработная плата.

Если сравнить формулы 1 и 2, то можно выделить следующее.

Во-первых, взаимное проникновение и сопряженность указанных кругооборотов вплоть до стадии реализации товарной продукции, $T - D$.

Во-вторых, можно выделить так называемый «внешний рынок труда», т.е. «куплю-продажу» рабочей силы, где $D_{ЗП} - T_{РС}$ (купля рабочей силы) и $T_{РС} - D_{ЗП}$ (продажа рабочей силы).

В-третьих, можно также выделить «внутренний рынок труда», который формируется внутри предприятий, где, на наш взгляд, возникает товар особого рода — «выполненная работа» — как совокупность трудовых актов, имеющих относительно законченный и предметный характер.

Таким образом, исходя из указанных кругооборотов, так называемый «рынок труда» в целом необходимо делить на внешний и внутренний рынки труда. На первом рынке «продается-покупается» а) «рабочая сила», на втором — б) «выполненная работа».

Если оставить в стороне формулу 1 в целом, то с позиции товарной формы рабочей силы ее собственный кругооборот, связанный с воспроизводством рабочей силы, выходит за рамки определенного выше «рынка труда» в целом и включает, на наш взгляд, акты: 1) потребительского выбора средств потребления; 2) процесс потребления купленных средств потребления; 3) удовлетворение потребностей и производство (воспроизводство) рабочей силы, или

$$\frac{T_{РС} - D_{ЗП}...T_P...P - D_{РЗП}...D_{РСЗП} - T_{СПТ}...}{P_T...U_{П} - T_{ВРС}} \quad (3)$$

где $D_{РСЗП}$ — поток расходов денежной заработной платы, $T_{СПТ}$ — товарная форма средств потребления; P_T — процесс потребления купленных средств; $U_{П}$ — удовлетворенность потребностей, $T_{ВРС}$ — воспроизведенная рабочая сила.

2. Как хорошо известно, в марксистско-ленинской литературе советского периода в СССР однозначно утверждалось следующее.

При капитализме, т.е. при господстве частной гражданской собственности на средства производства, рабочая сила является *товаром особого рода*, специфика которого заключается в том, что *потребительная стоимость рабочей силы* посредством конкретного, полезного труда производит *прибавочную стоимость* для владельцев средств производства (капитала), а *меновая стоимость рабочей силы*, или «цена труда», является превращенной формой стоимости средств существования рабочих [2, с. 210–219].

При социализме, напротив, утверждалось, что при ликвидации частной собственности на средства производства рабочая сила перестает быть *товаром*, поскольку сами рабочие являются *сособственниками* средств

производства, хотя сохраняется видимость существования *оплаты труда* ввиду действия при социализме *закона распределения по труду* в соответствии с его качеством и количеством. В частности, парадигма отсутствия наемного труда при социализме с 1922 г. по 1991 г. выражалась в модели кругооборота средств социалистических (общенародных и коллективных) предприятий, или

$$Д - T_{СП} \dots П \dots T' - Д'. \quad (4)$$

Сравнивая две вышеприведенные доктрины и парадигмы, возникает вопрос, является ли рабочая сила *товаром* в современный постсоветский период? От ответа на этот вопрос зависит верифицируемость модели кругооборота *товарной* формы рабочей силы в постсоветский период в ее начальной и конечной «точках».

Ответ на этот вопрос заключается в следующем.

Во-первых, *переходный период* от командно-административной системы хозяйствования к рыночной экономике в нашей стране, как известно, *знаменовался* масштабным процессом *приватизации* основных средств производства, находившихся ранее в собственности у тотального собственника — государства. В результате процесса приватизации возникла, точнее, была возрождена плюралистическая, децентрализованная система института *гражданской* частной собственности на основные средства производства и средства потребления. Возникновение указанного института привело к тому, что частная гражданская собственность приобрела не только законный, но и фактический характер.

Во-вторых, в этой связи по *сути дела* возникла *двойная* форма соединения факторов производства, т.е. труда и капитала. Первая — на основе «своего» труда и «своих» средств производства, т.е. система самозанятости населения в рамках натурального и товарного типа хозяйствования. Вторая — на основе «своих» средств производства и «чужого» наемного труда, т.е. система *наемной занятости* населения на основе купли-продажи рабочей силы.

Таким образом, возникновение института гражданской частной собственности, в частности, на средства производства, подтверждает, верифицирует модель кругооборота товарной формы рабочей силы в ее исходной и конечной точках (T_{PC}), выражающих *товарный* характер рабочей силы.

3. Исходя из модели 3, можно выделить следующие стадии, рассмотрение которых конкретизирует верификацию данной модели.

Первая стадия. $T_{PC} - Д_{ЗП}$. Со стороны наемных работников, это стадия трудоустройства, заключения трудовых договоров (контрактов) по временной продаже рабочей силы, потенциального труда. Со стороны работодателей $Д_{ЗП} - T_{PC}$ — это прием на работу в соответствии со сложившимися вакансиями рабочих мест. При этом обратимся к этому двойному процессу купли-продажи T_{PC} внимательнее.

В целом рассматриваемый здесь и сейчас «внешний рынок труда» — это особый рынок, который имеет следующую специфику.

Во-первых, продажа рабочей силы имеет *временный* характер и связана с *определенной* продолжительностью рабочего времени. Вневременная продажа означает рабство. Рабочее время ограничено не только законодательно, но и связано с интенсивностью труда, т.е. затратами труда в единицу рабочего времени. Так, чем выше интенсивность труда, тем быстрее наступает по учению маржиналистов *предельная тяжесть труда*, отрицательная полезность труда, выраженная, зачастую, в возникновении произвольных и нерегламентированных перерывов в труде и, даже, преждевременном уходе с работы.

Во-вторых, на этом рынке рабочая сила и ее реализация в процессе труда для наемного работника является *средством* продажи, а *целью* является получение *заработной платы*. Деньги на этом рынке выполняют функцию *средства платежа*, которая возникает тогда, когда *в момент времени* реализация потребительной стоимости товара, не совпадает с реализацией его меновой стоимости. Другими словами, работодатели на этом рынке вынуждены *авансировать* заработную плату, т.е. выполнять функцию *предоплаты* потенциального труда, а рабочие вынуждены *авансировать* свой «труд». Эта двойная форма авансирования ставит под сомнение марксистскую *теорию эксплуатации* и вызывает ее критику со стороны современных представителей неоявстрийской школы [3].

В-третьих, получение наемным работником авансированной суммы заработной платы, обычно в размере 40% от ее гарантированной (окладной) части, в частности, говорит о том, что работодателю необходимо предусмотреть *авансирование фонда оплаты труда (ФОТ)* для поддержания работоспособности наемных работников до окончания рабочего периода и получения выручки от реализации, при этом необходимо учесть то, чем больше рабочий период, тем больше должна быть величина *авансированного фонда оплаты труда*.

В-четвертых, в современной учебной микроэкономической литературе мейнстрима эта стадия отражена

прежде всего в виде геометрической модели кривых спроса на рабочую силу и предложения рабочей силы (потенциального труда) в связи с заработной платой. Эта модель не верифицируется данными опыта постсоветского периода, поскольку в ней нет предложения, как указывалось выше, рабочих мест.

Вторая стадия. ... $\Pi(T_p)$... — стадия процесса производства готовой товарной продукции со стороны работодателей и стадия процесса труда, включая выполнение определенных работ со стороны наемной рабочей силы.

Процесс производства включает в целом а) естественные, б) технологические и в) трудовые процессы. Значение этих процессов меняется и зависит от отраслевого характера производства. Так, в сельском хозяйстве преобладает доля естественных, природных процессов без непосредственного участия средств производства (капитала и труда). В промышленности — капитал (средства производства). В отраслях сферы услуг основным фактором является труд. В процессе труда, с позиции цели статьи и ее задач, как уже отмечалось, можно выделить товар особого рода, т.е. «выполненную работу».

Третья стадия. $T - D$ и $P - D_{PЗП}$. Со стороны работодателей — это продажа произведенного товара по окончании рабочего периода, $T - D$. Со стороны рабочего — это $P - D_{PЗП}$, т.е. «продажа работы» и получение за нее валовой (начисленной) заработной платы ($D_{НЗП}$), которая за вычетом налоговых платежей переходит в форму $D_{PЗП}$.

Из начисленной заработной платы в настоящее время, начиная с 2001 г., удерживается единый фиксированный налог на доходы физических лиц (НДФЛ) по ставке 13%¹. Оставшаяся часть заработной платы обычно называется располагаемой заработной платой (доходом). Располагаемая заработная плата как доход физических лиц в современной макроэкономике традиционно делится на потребление (C) и сбережения (S), или $D_{PЗП} = C + S$.

Начисление заработной платы осуществляется по Марксу и подтверждается практикой постсоветского периода на основе двух ее форм: а) повременной и б) поштучной (сдельной), которые в советский период входили в «жесткую» тарифную систему оплаты труда. Эта «жесткость» сохраняется в настоящее время прежде всего для лиц, работающих в бюджетной сфере. Здесь следует отметить, что «жесткость», в частности, ставок заработной платы, как показывает опыт, при определен-

ных условиях может выражаться в двух эффектах. Первый — связан с возникновением *вынужденной* безработицы по Кейнсу в условиях капитализма [4, с. 22–24], второй — возник при социализме в советский период и связан с образованием *дефицита* низкоквалифицированной рабочей силы.

Четвертая стадия. $D_{PЗП} - T_{СПП}$. Расходование денежной заработной платы $D_{PЗП}$ связано с *потребительским выбором* или, другими словами, с формированием «потребительской корзины». В практическом плане этот выбор не представляет, на наш взгляд, *существенной* научной проблемы, поскольку он доступен любому нормальному покупателю, обладающему так называемым «здоровым смыслом». Поэтому, вероятно, К. Маркс оставил его вне «Капитала». Однако в литературе мейнстрима этому выбору, напротив, придается *существенное* значение, поскольку потребителю отводится роль начальной и последней «инстанции рыночного механизма», действующего на основе потребительского спроса [5]. По этому поводу отметим следующее. Так называемые бюджетные линии, кривые безразличия, предельные нормы замещения и др. инструменты маржинального анализа потребительского выбора, несмотря на их «элегантный характер», не поддаются опытной верификации. Поскольку в практическом выборе важно не «безразличие», а, наоборот, «различие», связанное с дифференциацией товаров и торговой маркой изделий.

Пятая стадия. ... Π_T ... Процесс потребления средств потребления с целью удовлетворения потребностей и производством (воспроизводством) рабочей силы.

В переходный период в связи с приватизацией многие наемные работники стали частными собственниками квартир, ведомственного жилья и других подобных средств потребления длительного пользования. По аналогии с классическим и марксистским делением производительного и торгового капитала на а) основной и б) оборотный в настоящее время потребительские фонды (капитал), на наш взгляд, также можно подразделить на 1) основные и 2) оборотные потребительские фонды (капитал).

Основные потребительские фонды — это жилье, домашнее оборудование, соответствующая инфраструктура и другие элементы, которые по частям, по мере их износа необходимо переносить на стоимость товара рабочая сила. Их возмещение должно осуществляться за счет указанных выше сбережений.

Оборотные потребительские фонды (капитал) — это предметы питания, одежды, обуви, т.е. предметы потребления, служащие менее одного года, их возмещение должно происходить за счет текущего потребления, вхо-

¹ Здесь следует отметить, что в поздний советский (1984–1991 гг.) и переходный (1992–2000 гг.) периоды использовалась прогрессивная шкала подоходного налога лиц наемного труда.

дящего в один оборот, или кругооборот, стоимости товара рабочая сила.

В этой связи теория предельной полезности, определяющая, в частности, пределы потребления, имеет свое опытное подтверждение в постсоветский период, поскольку связана с *ограничением* объемов потребительского спроса и образованием минимальных потребительских *запасов* для поддержания непрерывности процесса потребления.

Шестая стадия. $У_{П} - T_{ВРС}$. Состояние удовлетворенности и воспроизводство рабочей силы как товара. В рассматриваемую стадию входит досуг, воспитание детей, полноценный отдых в период отпусков и др. В этой связи маржинальный анализ выбора между «досугом» и «трудом» для наемного работника невозможно верифицировать в массовом масштабе, поскольку для наемного работника, лишённого средств производства и наличия значительных сбережений, нет указанного выбора, а есть довольно «жесткая» необходимость вновь и вновь продавать свою рабочую силу.

В кратко рассмотренные стадии процесса кругооборота товарной формы рабочей силы входят также в кругооборота а) денежной формы кругооборота стоимости рабочей силы,

$$D_{РСЗП} - T_{СПП} \dots П_{Т} \dots У_{П} - T_{ВРС} \dots T_{РС} - D_{ЗП} \dots T_{Р} \dots P - D_{РЗП} \dots D_{РСЗП} \quad (5)$$

и б) потребительской формы кругооборота стоимости рабочей силы,

$$\dots П_{Т} \dots У_{П} - T_{ВРС} \dots T_{РС} - D_{ЗП} \dots T_{Р} \dots P - D_{РЗП} \dots D_{РСЗП} - T_{СПП} \dots П_{Т} \dots \quad (6)$$

Рассмотрим их подробнее.

4. Как видно из модели 5, воспроизводство рабочей силы начинается и заканчивается денежной формой заработной платы, которая имеет характер *потока денежных расходов*.

В этой форме, во-первых, у наемных работников в краткосрочном периоде одного оборота может возникнуть так называемая «денежная иллюзия».

Во-вторых, именно в этой форме возникает деление заработной платы по стоимости на а) номинальную и б) реальную, которая отрицает указанную «денежную иллюзию».

В-третьих, из понимания взаимной связи денежных расходов и уровня цен на потребительские товары вытекает двойная эмпирическая закономерность.

Первая. При данной величине денежных расходов в краткосрочном периоде одного оборота уровень потребления наемных работников зависит от уровня цен на потребительские товары.

Вторая. Если уровень цен на потребительские товары дан, то уровень потребления наемных работников зависит от величины расходов денежной заработной платы.

В модели 6, круговое воспроизводство рабочей силы начинается и заканчивается процессом потребления. Если присмотреться к данной модели, то можно отметить следующее.

В целом данная фигура подчеркивает *непрерывность* процесса потребления. С позиции непрерывности процесса потребления, по аналогии с категорией «воспроизводство», можно сформулировать категорию «воспотребления», означающую непрерывность и возобновляемость процесса потребления для поддержания жизни наемных работников.

В эту фигуру в качестве скрытых, но существенных моментов, входит а) процесс профессионального обучения, доведения пассивной рабочей силы до ее активного состояния; б) выход наемных работников на заслуженный отдых, т.е. пенсию; и в) простое и расширенное воспроизводство рабочей силы, связанное с рождением и воспитанием детей, новой рабочей силы.

По-видимому, именно на основе этой фигуры можно вслед за Марксом утверждать, что, например, денежная заработная плата сводится к стоимости товара рабочая сила, а стоимость товара рабочая сила сводится в конечном счете к стоимости потребляемых жизненных средств, включая моральный, исторические и др. институциональные аспекты.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, теоретическая модель кругооборота товарной формы рабочей силы, выведенная на основе критического анализа кругооборота капитала, рассмотренного и изложенного во втором томе «Капитала» К. Маркса, подтверждается (верифицируется) данными опыта постсоветского периода.

Во-вторых, при конструктивно-критической верификации указанной модели оказалось, что эту модель можно рассматривать как наиболее *общую*, в которую можно включить многие соответствующие проблема-

тике воспроизводства рабочей силы подходы, модели мейнстрима и маргинализма.

В-третьих, кругооборот товарной формы рабочей силы на стадиях «внешнего рынка труда» и «внутреннего рынка труда» сопрягается с кругооборотом капитала. Это означает, что воспроизводство рабочей силы в целом, несмотря на свой особенный кругооборот, нельзя абсолютизировать, т.е. необходимо видеть *единство* интересов как рабочих, так и работодателей, что является экономической основой концепции социального партнерства «труда» и «капитала», включая, разумеется, двусторонний кон-

троль как со стороны профсоюзов, так и работодателей.

В-четвертых, проведенная верификация позволила выделить фигуры а) денежной и б) потребительской формы кругооборота стоимости рабочей силы. В частности, воспроизводство рабочей силы с позиции стадии *воспотребления*, отраженной в формуле 6, позволяет выйти на формулировку нового *третьего*, наряду с *первым* и *вторым* по Марксу, подразделения общественного воспроизводства, связанного с «производством людей посредством людей» на основе потребления средств потребления, досуга, рождения, воспитания новой рабочей силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Том II: [пер. с нем., фр., англ.] / Карл Маркс: [предисл. Л. Л. Васиной, В. С. Афанасьева; послесл. В. И. Маевского]. — дораб. — М.: Эксмо, 2012 — 1200 с.
2. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. I.: [пер. с нем., фр., англ.] / Карл Маркс; [введ. О. И. Ананьина; пред. Л. Л. Васиной, В. С. Афанасьева]. — М.: Эксмо, 2012. — 1200 с.
3. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Людвиг фон Мизес; пред. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. — Челябинск: Социум, 2012. — 878 с.
4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Гелиос АРВ, 1999. — 352 с.
5. Теория потребительского поведения и спроса (серия «Вехи экономической мысли» Вып. I) / под ред. В. М. Гальперина. — СПб.: Экономическая школа, 1993. — 380 с.

© Крышка Виктор Иванович (kryshka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Барнаул

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

FEATURES OF THE PROMOTION STRATEGY OF THE LOGISTICS INDUSTRY ENTERPRISES

A. Kuzmicheva

Summary. The article presents an analysis of the market of transport and logistics services in the Russian Federation, the scientific approaches to the definition of “market promotion strategy” are analyzed, the strategic analysis of the external and internal environment of the organization is carried out, the features of the strategy of “promotion to the market” of a transport and logistics enterprise are studied.

Keywords: strategy, market promotion strategy, transport and logistics company, SNW- analysis, analysis of the “Five forces of competition” by M. Porter, analysis of the key success factor (KSF), market of transport and logistics services.

Кузьмичева Алла Александровна

*Доцент, ФГБОУ ВПО “Московский авиационный институт” (Национально-исследовательский университет)
allamai@list.ru*

Аннотация. В статье представлена анализ рынка транспортно-логистических услуг (ТЛУ) в РФ, проанализированы научные подходы к определению “стратегия продвижения на рынок”, проведен стратегический анализ внешней и внутренней среды организации, исследованы особенности проводимой стратегии “продвижения на рынок” транспортно-логистического предприятия.

Ключевые слова: стратегия, стратегии “продвижения на рынок”, транспортно-логистическое предприятие, SNW-анализ, анализ “Пять сил конкуренции” по М. Портеру, анализ КФУ (ключевые факторы успеха), рынок транспортно-логистических услуг (ТЛУ).

Процесс интеграции России в мировую экономическую систему сложен и долговременен. Тенденция развития национальной экономики РФ и наших ближайших соседей по СНГ заключается в том, что они становятся частью мирового экономического пространства. Налаживание мировых экономических связей невозможно без развития международной транспортной системы. Российская транспортная система является частью мировой. Ввиду этого ситуация на российском рынке транспортно-логистических услуг определяется динамикой экономического развития страны и оборота розничной торговли, темпы роста которых напрямую коррелируют с динамикой грузоперевозок. По причине прозрачности границ рынка ТЛУ (транспортно-логистических услуг) данный сегмент экономики РФ испытывает серьезное влияние внешней ситуации. Замедление темпов роста грузоперевозок связано с ухудшением экспортной конъюнктуры на мировом рынке (оказывает влияние американо-китайская торговая война) и стагнацией внутреннего спроса в преддверии расширения антироссийских санкций. В рамках ежегодного исследования “Рынок логистического аутсорсинга. Итоги 2018–2019 и прогноз до 2022 г.” специалисты агентства M. A. Research провели анализ текущей ситуации и перспектив развития мирового и российского рынка ТЛУ. По оценке M. A. Research, совокупный объем российского рынка ТЛУ в 2019 г. составит 3567 млрд. руб., номинальные темпы роста снизятся до 6,6%. На российском логистическом

рынке достаточно широко представлены многие крупнейшие мировые провайдеры. Укрепление их позиций связано с ростом масштабов деятельности западных розничных сетей и транснациональных компаний, ориентированных на широкое привлечение комплексных логистических услуг. Зарубежные логистические компании обладают огромным опытом в области организации транспортно-экспедиторской деятельности и являются сильными конкурентами для российских компаний. Несмотря на привлекательность российского рынка, объемы деятельности большинства западных логистических компаний внутри РФ еще не велики и не превышают 3% их оборота в масштабах мирового рынка [7]. Российский рынок транспортно-экспедиторских услуг находится на стадии роста и невелик в денежном выражении. Поскольку транспортная отрасль в РФ активно развивается, все компании ищут наиболее эффективные способы привлечения новых и удержания существующих потребителей. Логистические организации вынуждены вкладывать огромные средства в продвижение своего бренда. Современная практика такова, что для продвижения логистических услуг активно используются различные виды, формы и каналы маркетинговых коммуникаций. Маркетинговые коммуникации на рынке “B-2-B” принципиально отличаются от коммуникаций на рынке “B-2-C”, и очевидно, что для работы с клиентами — юридическими лицами нужно применять особые подходы. В случае неудачи рекламной кампании логистическое предприятие по-

несет потери не только финансовые, оно рискует своим имиджем и позициями на рынке. Комплексные методы по продвижению логистической услуги потенциальным потребителям заключаются в следующем: использования рекламы на промышленном рынке, связей с логистической общественностью (PR), специальных методов стимулирования сбыта, личных продаж и т.п. Особенно важно информировать потребителя о характеристиках услуг и дополнительных возможностях. Важным моментом укрепления имиджа логистической компании становятся публикации сведений о ней в специализированной прессе и отзывы других корпоративных клиентов. Транспортно-экспедиторские компании, поставившие цель расширение рынка, чаще всего используют стандартные рекламные средства: модули в специализированной прессе и Интернет — рекламу (банерную или контентную) [2]. Медиа — пространство тщательно подбирается, выбираются тематические медиа — ресурсы, но главный недостаток в том, что оказать воздействие на клиента невозможно, его можно только проинформировать. В ситуации высокой степени насыщенности рынка логистических услуг этого недостаточно, чтобы выиграть борьбу за потребителя.

В классических работах по стратегическому менеджменту устоялась точка зрения, согласно которой “стратегия продвижения на рынок” услуг базируется на обязательном проведении сегментации целевого рынка, выделении специфических групп клиентов, изучении индивидуальных потребностей, запросов и предпочтений потребителей целевой группы, их требований к элементам стратегического процесса, участниками которого они являются [1]. Другая точка зрения по данному вопросу заключается в том, что продвижение услуг — это все формы деятельности компании, направленные на информирование, разъяснения, напоминания потенциальным потребителям о своих услугах [3]. При разработке “стратегии продвижения” организациям ТЛУ рекомендуется использовать следующие принципы: данная стратегия должна быть сконцентрирована на особенностях покупательского поведения потребителей услуг, необходимо определять целевую аудиторию и направленность рекламных сообщений, включать персонал во вторичную целевую аудиторию, подчеркивать интерактивное взаимодействие персонала и потребителя, влиять на мнение потребителей в сторону укрепления имиджа, подчеркивать преимущества трех «Р» логистической компании (процесса обслуживания, материальной среды и персонала) по сравнению с конкурентами [4]. Если удастся соблюдать данное положение на практике, то клиенты почувствуют уникальность предлагаемой логистической услуги.

При проведении “стратегии продвижения на рынок” руководителям компании ТЛУ необходимо помнить

о том, что для небольших организаций с ограниченным финансовым потенциалом конкурентная борьба за большой сегмент рынка может грозить разорением. Руководители должны отдавать себе отчет в том, что на рынке с большим количеством сильных игроков мелким логистическим организациям уготована роль аутсайдера. Альтернативной стратегией для таких компаний может стать ориентация на “узкую рыночную нишу”, которая не интересна крупным игрокам. Нацелив специфику логистической услуги под потребность клиентов, фирма имеет все шансы стать одной из лучших в своём сегменте рынка.

Предметом данной статьи является определение особенностей “стратегии продвижения” логистической организации. Для изучения предмета были использованы методы социологического опроса, экспертных оценок, анализ первичных и вторичных документов. Была сформулирована и проверена гипотеза.

Логистическая компания работает на российском рынке ТЛУ с 2002 года [6]. Согласно Уставу организация предоставляет своим клиентам следующие услуги: перевозки крупногабаритных и негабаритных грузов всеми видами транспорта в любую точку мира: морские перевозки, авиаперевозки, ж/д — перевозки, автоперевозки, контрактная логистика: складские услуги, дистрибуция, страховые услуги многое другое. В РФ были открыты пять офисов в четыре представительства компании в следующих регионах: Москва, Санкт-Петербург, Южно-Сахалинск, Мурманск, Сочи, Краснодар. Т.е. география размещения территориальных организаций обширна и охватывает почти всю Россию. Также компания арендует пять современных многофункциональных складских центров.

Стратегическое исследование стратегии логистического предприятия состояло из нескольких этапов. На первом этапе для изучения внутренней среды предприятия с точки зрения её влияния на характер стратегии было проведено интервью с директором по продажам и маркетингу компании. В ходе интервью было выявлено следующее: корпоративная стратегия, которой придерживается компания, — это стратегия развития, предполагающая расширение логистических услуг и пополнение кадрового состава для удовлетворения требований заказчиков. Директор говорит, что компания не использует организационный потенциал для реализации стратегии продвижения своих услуг. Комментируя слабые стороны организации, он отметил, что бренд компании не имеет достаточной известности в России. Работа отдела по продажам и маркетингу организована неправильно. Компания использует следующие маркетинговые мероприятия для реализации маркетинговой стратегии: связи с общественностью, стимулирование

Таблица 1. Использование рекламы для продвижения услуг компании

Варианты ответов	Удельный вес, %
Нет –50чел.	100
итого	100

Таблица 2.— Эффективность программ стимулирования сбыта

Варианты ответов	Удельный вес, %
Совершенно не эффективны	26
Могли бы быть более эффективны	62
Эффективны	12
Итого	100

Таблица 3. Перечень основных сильных и слабых сторон организации

Сильные стороны	Слабые стороны
Функциональная зона управления «Персонал»	
коммуникабельность	-
образование	
Функциональная зона управления «Организация общего управления»	
электронизация управления	-
Функциональная зона управления «Маркетинг»	
деловая репутация	доля рынка
	ценовая политика
	Реклама
	стимулирование сбыта
Функциональная зона управления «Финансы»	
-	Прибыльность

сбыта и прямой маркетинг. Компания не использует рекламу для продвижения своих услуг на рынке, а именно активное участие в ведущей международной выставке по транспорту и логистике «ТрансРоссия». Недостатком стратегии компании является ее англоязычный сайт. Компания занимает небольшую долю рынка, однако потенциал для роста в отрасли очень велик. В процессе экспертного опроса подтвердилась гипотеза: «Отсутствие рекламы приводит к тому, что потенциальные клиенты не проинформированы о возможностях компании».

Вторым шагом стратегического исследования стал анализ методом КФУ (ключевых факторов успеха) для определения сильных и слабых сторон логистической компании как ресурса проведения «стратегии продвижения» на рынок. Анализ был нацелен на внутреннюю среду и проводился по методу оценок стратегических ключевых факторов успеха организации (КФУ), влияющих на ее стратегический потенциал: персонал, организация общего управления, маркетинг и финансы. В ка-

честве показателей, дефиницирующих основные КФУ, были выбраны следующие: КФУ «Персонал»: коммуникабельность, образование, уровень овладения специальным знанием. КФУ «Организация общего управления»: согласованность структуры и функции, электронизация управления. КФУ «Маркетинг»: деловая репутация, соотношение цены и качества, реклама, эффективность программ стимулирования сбыта. КФУ «Финансы»: рентабельность продаж. Для оценки значений показателей было проведено экспертное опрос. В исследовании приняло участие 50 человек, все — сотрудники компании, имеющих дело со стратегией по роду работы. Поскольку первые КФУ не имеют непосредственного отношения к стратегии, остановимся на факторе «реклама». Транспортно-экспедиторские компании используют рекламу, как для формирования долговременного образа организации, так и для распространения информации об услугах. Согласно полученным результатам экспертного опроса, логистическая компания не использует рекламу для продвижения своих услуг на рынке, см таблицу 1.

Второй показатель, имеющий отношение к стратегии — это показатель «Эффективность программ стимулирования сбыта». Стимулирование сбыта включает в себя комплекс мероприятий по продвижению продаж. Компания проводит следующие мероприятия по стимулированию сбыта: участие в конференциях, банерная и контекстная реклама. Согласно полученным результатам экспертного опроса программы стимулирования сбыта, которые проводит компания, могли бы быть более эффективны, таблица 2.

На основе полученных данных можно выделить основные сильные и слабые стороны компании ТЛУ.

В результате исследования внутренней среды компании подтвердилась гипотеза «Отсутствие рекламы приводит к тому, что потенциальные клиенты не проинформированы о возможностях компании».

Третьим шагом стратегического анализа явился отраслевой анализ методом «Пяти сил конкуренции по М. Портеру». Результаты исследования следующие:

1-я конкурентная сила — внутриотраслевая конкуренция. Данная сила характеризует интенсивность конкуренции среди действующих логистических компаний отрасли. На российском рынке ТЛУ действует множество мелких и средних транспортно-экспедиторских компаний, каждая из которых имеет незначительную долю рынка. Количество компаний, занимающихся грузоперевозками и транспортным экспедированием — около 4000. Все эти компании отличны друг от друга по спектру выполняемых операций, по типу обслуживаемых грузов, по опыту и профессиональному уровню и другим параметрам. Компании ТЛУ растут, расширяют спектр предоставляемых услуг и выходят в новые сегменты. На рынке усиливается как ценовая борьба, так и соперничество за счет улучшения качества услуг и расширения продуктовой линейки. Для компаний ТЛУ, уже завоевавших серьезные позиции на рынке и имеющих в своей клиентской базе крупных покупателей, ключевой задачей является удержание этих клиентов. 2-я конкурентная сила — возможность появления новых конкурентов. Новых конкурентов в отрасли транспортно-экспедиторских услуг привлекают: низкие барьеры на входе в отрасль, а также высокие темпы роста объема рынка. 3-я конкурентная сила — рыночная власть поставщиков. Власть поставщиков проявляется в их возможности влиять на потерю конкурентных позиций компаниями-потребителями, регулируя цены, качество, и возможности использования своей продукции или услуг. Изменения цен поставщиков или качества их продукции подействует на организацию в той мере, в которой она использует продукцию данного поставщика. Для транспортно-экспедиторских компаний наиболее значимыми поставщиками являются перевозчики — ави-

акомпани, железнодорожные перевозчики, компании, осуществляющие контейнерные морские перевозки, автотранспортные предприятия. Перевозчики, являющиеся поставщиками транспортно-экспедиторских компаний, оказывают существенное влияние и на имидж компаний, на доверие со стороны клиентов. Основными поставщиками организации выступают:

1. В сегменте железнодорожных перевозок: ОАО «РЖД», Транспортная группа FESCO и ООО «Фирма «Рейл Сервис».
2. В сегменте автомобильных перевозок: ООО «Альфатрансгрупп», ООО «Совтрансавтоэкспедиция» и ICT Logistics A/S.
3. В сегменте авиaperезовок: Авиакомпания «Атлант-Союз», Амэрикан Эйрлайнз Инк. и Авиакомпания ЭйрБриджКарго.
4. В сегменте морских перевозок: Мирасела Логистикс, ЗАО «Маэрск» и ЗАО «Контейнершипс Санкт-Петербург».

4-я конкурентная сила — рыночная власть потребителей.

Количество клиентов на бизнес — рынке намного меньше, чем на потребительском, а размер одной закупки, наоборот, значительно больше.

Конкурентная сила потребителей на рынке B2B сильна. Чем крупнее покупатели и чем большие объемы закупок они делают, тем больше они имеют возможностей влияния на ход переговоров с продавцом. Клиентами компании являются как крупные фирмы, которые постоянно пользуются услугами компании и приносящие большую часть прибыли, так и небольшие клиенты, осуществляющие разовые перевозки. На основании анализа клиентской базы договоров компании за 2018–2019 года были получены следующие результаты: доля российских компаний, составляет 45%, оставшуюся часть (55%) составляют международные компании, имеющие представительства в России или работающие с филиалами за рубежом.

5-я сила — потенциальные конкуренты для организации не существует.

Четвертым шагом стратегического анализа явилось исследование конкурентных преимуществ компании. Для определения конкурентной позиции компании был применен SNW-анализ. SNW-анализ (от англ. Strength, Neutral, Weakness) — это анализ сильных, нейтральных и слабых сторон организации. Результаты изложены в таблице.

Вывод по SNW-анализу: по не взвешенной оценке компания «ФМ Ложистик» обладает наибольшей кон-

Таблица 4. Оценка конкурентоспособности компании

Ключевые факторы отрасли	Вес (для взв.)	Кюн-Нагль		Шенкер		Панальпина		ФМ Ложистик	
		н/в	взв.	н/в	взв.	н/в	взв.	н/в	взв.
качество услуг	0,3	5	1,5	4	1,2	5	1,5	4	1,2
географический охват	0,1	2	0,2	4	0,4	3	0,3	4	0,4
благоприятный имидж	0,1	4	0,4	4	0,4	4	0,4	3	0,3
комплексность услуг	0,25	4	1	3	0,75	4	1	3	0,75
наличие собственных складских помещений	0,05	1	0,05	3	0,15	1	0,05	5	0,25
возможность отслеживания груза через Интернет	0,05	5	0,25	2	0,1	2	0,1	3	0,15
объективность стоимости услуг	0,15	3	0,45	4	0,6	4	0,6	4	0,6
общая оценка	1	24	3,85	24	3,6	23	3,95	26	3,65

Таблица 5. Оценка конкурентной позиции компании

Ключевые факторы отрасли	Оценка конкурентной позиции конкурентов				Оценка конкурентной позиции организации		
	Шенкер	Панальпина	ФМ Ложистик	Средний бал	S (=3)	N (=2)	W (=1)
качество услуг	1	2	1	1	*		
географический охват	3	3	3	3			*
благоприятный имидж компании	2	2	1	2		*	
комплексность услуг	1	2	1	1	*		
наличие собственных складских помещений	3	2	3	3			*
возможность отслеживания груза через Интернет	1	1	1	1	*		
объективность стоимости услуг	3	3	3	3			*
средняя оценка	2	2	2	2		*	

курентоспособностью (общая оценка — 26 баллов); на 2-м месте — компании «Кюн-Нагль» и «Шенкер» (по 24 балла); компания «Панальпина» имеет наименьшую конкурентоспособность (23 балла). По взвешенной оценке наибольшей конкурентоспособностью обладает компания «Панальпина» (общая оценка — 3,95 баллов), на 2-м месте компания «Кюн-Нагль» (3,85 балла), на 3-м — компания «ФМ Ложистик» (3,65 балла) и на 4-м компания «Шенкер» (3,6 балла). Наиболее точные результаты отражает метод по взвешенной оценке, т.к. учитывает значимость ключевых факторов отрасли для ее развития в целом и каждой компании в отдельности. В этой связи конкурентная позиция компании «Кюн-Нагль» по отношению к группе основных ее конкурентов определяется методом SNW на основании взвешенной оценки в соответствии с таблицей 5.

Конкурентная позиция логистической организации совпадает с конкурентной позицией ее основных конку-

рентов. Таким образом, компания имеет равные шансы с конкурентами на победу в конкурентной борьбе.

Пятым шагом стратегического анализа стал анализ стратегических альтернатив. Базовой корпоративной стратегией компании ТЛУ является «стратегия роста» (См. Интервью с директором). Данная стратегия предполагает постоянное повышение уровня показателей предыдущего периода. Альтернативной стратегией компании является «стратегия постоянных улучшений позиции на рынке». Стратегия «постоянных улучшений позиции на рынке» направлена на защиту и укрепление положения на освоенных рынках за счет увеличения объема продаж существующих продуктов. При реализации выбранной базовой стратегии «стратегия роста» возникают проблемы, которые будут препятствовать ее реализации, а именно отсутствие рекламы, недостаточное количество мероприятий по стимулированию сбыта, нехватка высококвалифицированного персонала в области маркетинга.

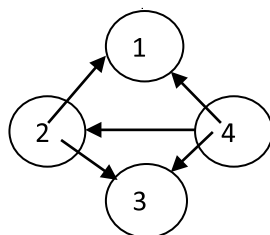

Рис. 1. Граф решения стратегических проблем

Для определения последовательности решения выявленных стратегических проблем строится граф решения стратегических проблем (рисунок 1):

Стратегические проблемы организации ТЛУ можно решить с помощью следующих функциональных стратегий: кадровая стратегия, финансовая стратегия, маркетинговая стратегия. Исследуя все виды стратегического анализа, можно однозначно отметить, что оптимальным вариантом для логистической компании может стать маркетинговая стратегия и её разновидность — “страте-

гия продвижения на рынок” с учетом работы над выявленными слабыми сторонами организации.

В заключении можно отметить, что проведенное стратегическое исследование выявило следующий ряд проблем, существующих в компании и негативно влияющих на реализацию “стратегии продвижения” логистических услуг: основным фактором, тормозящим развитие, препятствующим расширению присутствия компании на российском рынке ТЛУ, является не разработанная в деталях и не последовательно осуществляемая стратегия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котлер Ф. «Маркетинг менеджмент». 9-е международное издание, СПб: Питер, 1999, 325 с.
2. Пономарева Ю. Выставка, как способ продвижения на рынок логистических услуг. Журнал “Конъюнктура товарных рынков”, 2008, № 4.с.6–8.
3. Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005, 320 с.
4. Кузьмичева А. А. Влияние маркетингового потенциала на повышение конкурентоспособности инновационной организации. Транспортное дело в России. 2017. № 1 (128). С.С.6–9.
5. Тультаев Т. А. Маркетинг услуг. Московская финансово-промышленная академия. — М., 2005, 97 с
6. Интернет источник www.kuhn-ngl.com. Дата обращения 25.04.2020
7. Официальный сайт «Складской портал» <http://www.skkladportal.ru/> Дата обращения 25.04.2020

© Кузьмичева Алла Александровна (allamai@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИННОВАЦИОННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

INNOVATIVE DIRECTION OF DEVELOPMENT RUSSIAN ELECTRIC POWER INDUSTRY UNDER THE NEW STRATEGY

N. Lebedev

Summary. The content parameters of the Unified energy system of Russia are briefly analyzed. Certain types of products of the Russian electric power industry that have an innovative orientation and require effective modernization structure are considered.

The efficiency of the program of import substitution of equipment, technologies, and domestic producers of electrical equipment is evaluated. The conditions and ways of increasing the efficiency of electric power engineering enterprises that form the search for a new direction of development, based primarily on innovations in the application stage, are defined.

Keywords: innovative system, electric power industry, resource management, import substitution, generating capacity.

Лебедев Никита Андреевич

*Д.э.н., профессор, в.н.с., ФГБУН Институт экономики Российской академии наук
ieras@inecon.org*

Аннотация. Кратко проанализированы содержательные параметры Единой энергетической системы России. Рассмотрены отдельные виды продукции российской электроэнергетики, имеющие инновационную направленность, требующие результативной модернизационной структуры.

Дана оценка эффективности Программы импортозамещения оборудования, технологий, отечественных товаропроизводителей электротехнического оборудования. Определены условия и пути наращивания эффективности предприятий электроэнергетического машиностроения, формирующих поиск новой направленности развития, в основе которых лежат в первую очередь инновации в стадии применения.

Ключевые слова: инновационная система, электроэнергетика, управление ресурсами, импортозамещение, генерирующие мощности.

Рынок российской электроэнергетики — один из важнейших рынков народного хозяйства. Его фундамент составляет Единая энергетическая система России (ЕЭС России) как совокупность энергетических объектов, охватывающих обширную часть территории страны в составе систем Дальнего Востока и Сибири, Средней Волги и Юга, Урала, Северо-Запада и Центра в соответствии со сложившимися региональными экономическими пропорциями и потреблением электроэнергии.

Так, в 2018 году было выработано 1 млрд. 055,6 кВт/ч электроэнергии, в 2019 г. — 1 млрд. 080,6 [1], тогда как динамика потребления электроэнергии по энергосистемам распределилась следующим образом: ОЭС Центра — 22,98%, Северо-Запада — 9,0%, Урала — 24,74%, Юга — 9,69%, Средней Волги — 10,44%, Сибири — 19,91%, Дальнего Востока — 3,24%. Прогнозом спроса на электроэнергию на пятилетие с 2021 по 2025 годы возможный прирост её потребления по сравнению с 2018 г. оценивается в 8,3%, до 1 млрд. 143,1 кВт/ч. [2].

Конкретные параметры Единой энергетической системы России в текущих условиях определены схемой

и программой её развития, разработанной и утверждённой в перспективе до 2025 года [3]. Содержательные экономические показатели деятельности субъектов электроэнергетики показывают, что, в частности, в 2019 году на электростанциях страны были введены следующие генерирующие мощности: на ТЭС — 1252 МВт; на АЭС — 1150 МВт; на ГЭС — 417 МВт; на СЭС и ВЭС — 1382 МВт. [4].

В то же время, перед электроэнергетической отраслью остро стоит необходимость модернизации устаревшего оборудования, не отвечающего современным условиям, преимущественно на низкоэффективных ТЭС, старше 40 лет, каких в энергосистеме порядка 60%, регенерации технологий и подготовки специалистов, в т.ч. и для инновационной сферы, и т.п.

С учётом сложившейся ситуации, Минэнерго на основе Генеральной схемы размещения объектов в объёме до 76 ГВт [5] определило базовые принципы программы технической модернизации энергоблоков в период до 2035 г.

Опять таки, ключевая роль в создании условий технической модернизации электроэнергетических пред-

Таблица 1. Изменение структуры мощности мировой энергосистемы

№ п/п	Источники энергии	Доля источников, %	
		2016 г.	2050 г.
1.	Невозобновляемые источники	68	9
2.	Прочие возобновляемые	1	9
3.	Гидроэнергетика	18	9
4.	Ветроэнергетика	8	30
5.	Гелиоэнергетика	5	43

Источник: данные Института энергетических систем

приятый отводится инновационным проектам, которые должны быть ресурсообеспечены, экологичны, исходить из специфики электроэнергетических предприятий, что при корреляции с совокупностью отдельных мероприятий даст возможность добиться максимальной эффективности от их осуществления.

Структурный характер модернизации электроэнергетических предприятий ориентирован на инновации, обеспечивающие развитие технологий узкоотраслевого потенциала. Нельзя отрицать, что обеспечить конкурентоспособность отечественных технологических разработок на принципах научных достижений для ревалвации эффективности электроэнергетических предприятий призвана в т.ч. и нормативно-законодательная база, фиксирующая на перспективный горизонт научно-технические параметры разработки инновационных технологий и развития рынка модернизируемых энергообъектов [6]. В этом аспекте хотелось бы, прежде всего, отметить правительственную поддержку развития цифровой сертификации электрической энергии; 6 ноября 2019 г. для нашей страны вступило в силу Парижское соглашение, принятое 12 декабря 2015 года на XXI сессии Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН по климату, после чего Минэнерго России в соответствии с правительственным Постановлением, а затем и поручением [7] подготовило проект закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением низкоуглеродных сертификатов» [8]. Законопроектом обусловлено сформировать систему обращения так называемых зелёных или низкоуглеродных сертификатов, которые станут подтверждать факт производства электроэнергии на источниках возобновляемой электроэнергии (ВИЭ) или атомной энергии и станут ещё одним источником инвестиций.

Инновационность же состоит в позитивности эффектов от снижения углеродного следа, показатель которого составляет 515 г. выбросов на 1 кВт ч. произведённой электроэнергии. Анализ показывает, что к 2035 году отечественная электроэнергетика, возможно, повысит углеродоёмкость в 3,5 раза, что снизит несырьевой экспорт, что ещё дальше введёт экономику в зону риска.

Учитывая, что запасы классических энергоресурсов относительно стабилизировались, во главу угла поставлено рациональное и эффективное использование альтернативных гелиоэнергетики и ветроэнергетики, запас которых неисчерпаем. Уже сегодня ресурсы ветряной и солнечной энергии обеспечивают промышленность и население электричеством. В Дании на ветряных электростанциях (ВЭС) в 2019 г. вырабатывалось 20% электричества, в Ирландии — 9%, в Германии — 7%.

В России воплощён точечный проект — в районе Кисловодска работает мощная ветроэнергетическая установка. В перспективе совокупная мощность этих источников возрастёт, но, как показывает анализ, у ЕЭС России не видит необходимости в интеграции в сеть с большим количеством ВИЭ как у Дании, Ирландии или Германии.

Но, кроме нормативно-законодательного обеспечения развития энергообъектов, перед субъектами электроэнергетики внутренним спросом поставлены ключевые номенклатурные задачи модернизационного развития, которые могли бы быть решены технико-экономическими компетенциями и системностью применяемых средств энергетического машиностроения.

Одна из задач, поставленных около двух десятилетий назад с запланированными сроками решения, сводилась к необходимости освоить серийное производство газовых турбин до 2010 года. В 2021 году запущена первая газовая турбина ГТД –110М и планируется всё же запустить их в серийное производство, чем будет преодолена зависимость от зарубежных технологий. А через два года, как отметил О.П. Токарев (Минпромторг), технологию, возможно, будут тиражировать — предмет производства турбины в серии рассматривается [13].

С учётом того, что да настоящего времени серийное производство газовых турбин большой мощности в нашей стране не развёрнуто, модернизацию, в частности, газовой турбины ГТД-110М проводил с 2014 года центр «Газотурбинные технологии», включающий «Интер РАО», «ОДК-Сатурн» и «Роснано». В итоге КПД установки турбины возросла от изначального уровня в 35,5% до 37%

Таблица 2. Направленность импортозамещения в электроэнергетике

№ п/п	Группы электротехнического оборудования	Показатели доли в закупках российского оборудования, %	
		2019 г.	2030 г.
1.	Силовые трансформаторы, автотрансформаторы 110–750 кВ	70	95% В соответствии с Энергетической стратегией России на период до 2030 года
2.	Шунтирующие реакторы 110–750 кВ	77	
3.	Управляемые шунтирующие реакторы 110–500 кВ	64	
4.	Выключатели 110–750 кВ	51	
5.	Разъединители 110–750 кВ	81	
6.	Трансформаторы тока 110–500 кВ	57	
7.	Трансформаторы напряжения 110–500 кВ	41	
8.	Силовой кабель с изоляцией из сшитого полиэтилена 110–330 кВ	39	

Источник: составлено автором по: elec.ru

на первом этапе, а в конструкции комплексного парогазового блока — уже до 52%. Достигнутый формат улучшит экономическую составляющую установки; будет вполне достаточно текущих тарифов на электроэнергию, рост цен потребителям электроэнергии не грозит. С середины 2019 г. турбину перенесли в серийный блок ПГУ (парогазовых установок) гор. Иваново мощностью 325 МВт., и после подтверждения её безопасности планируют оставить в эксплуатации на Ивановских ПГУ.

Ещё один путь, который обсуждается машиностроителями и энергокомпаниями — перенос технологии зарубежного турбостроения в нашу страну, хотя это не просто: Минпромторгом поставлены жёсткие условия: максимально должны быть локализованы критические компоненты: почти весь лопаточный тракт, литые заготовки, камеры сгорания, системы управления.

Вместе с тем, нельзя не учитывать, что в последнее десятилетие на мировом рынке пользуются большим спросом паросиловые установки с повышенными энергетическими характеристиками, а в нашей стране в программе модернизационного развития тепловой энергетики они стали эксплуатироваться с 2005 года. Но с учётом отсутствия отечественных, применялись импортные турбины, стоимость услуг по обслуживанию которых постоянно возрастала.

Подобная зависимость, а также санкционное давление потребовали в т.ч. и развития импортозамещения, предусматривающего Энергетической стратегии России на период до 2030 года сокращение доли импортного оборудования [9].

В электроэнергетике запланирована реализация импортозамещения по ряду групп электротехнического оборудования (табл. 2).

Обеспечение развития энергообъектов ориентировано в целом на поступательное производство отечественного электротехнического оборудования, соответственно на модернизацию электротехнической отрасли промышленности и формирование в нашей стране конкурентоспособных предприятий, выпускающих электротехническое оборудование.

В частности, оценка эффективности Программы импортозамещения оборудования, технологий, материалов и систем в ОАО «ФСК ЕЭС» ориентирована на увеличение в закупках объёма отечественного электротехнического оборудования, повышения степени локализации выпуска электротехнического оборудования и увеличения в производстве инновационной продукции, которая разрабатывалась согласно корпоративным проектам ОАО «ФСК ЕЭС» и отечественных товаропроизводителей.

Если анализировать достоинства Программы импортозамещения ОАО «ФСК ЕЭС», то можно охарактеризовать вполне чёткий алгоритм решения проблем импортозамещения, указание в закупках объёма отечественного оборудования. Видимые слабые места — это, безусловно, локальность импортозамещения, обусловленная в целом балансовыми параметрами сетевой компании — так, интерес ОАО «ФСК ЕЭС» направлен на узкий ассортимент электротехнического оборудования — единственно на силовые трансформаторы, разъединители, кабели, средства релейной защиты автоматики, выключатели, и т.п. сетей с напряжением 110–750 кВ. А импортозамещение электротехнической продукции, используемой в сетях низкого и средне-низкого напряжения, в т.ч., установки по компенсации реактивной мощности сетей 6–10 кВ., делегировано сетевым организациям и бизнес структурам, которые подключили свои предприятия к сетям напряжения 0,4–10 кВ.

Между тем, с учётом неослабевающего интереса к импортозамещению и необходимости решения проблемы, в перспективе вполне можно увидеть замену импортных установок, комплектующих и оборудования на отечественном рынке электротехнической продукции на отечественную продукцию, при том, что российские предприятия имеют наработки и потенциал производства подобной продукции, а многие из отечественных компонентов (в частности, установки компенсации реактивной мощности и плёночные конденсаторы) даже без государственной поддержки уже много лет успешно конкурируют с импортным электротехническим оборудованием.

Опять таки, раскрывая проблему импортозамещения, О. П. Токарев (Минпромторг) выразил уверенность, что «собственные компетенции в турбиностроении выведет нашу страну на уровень высокотехнологической державы» [10]. И уже имеются видимые результаты модернизации генерирующего оборудования. В каче-

стве базового было предложено использовать Постановление № 719 от 17 июля 2015 г. «О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации» [11], в котором изложены критерии, разрешающие считать оборудование отечественным. В нём перечислены практически все виды оборудования, — и газовые и паровые турбины, котельное оборудование, генераторы, прочее оборудование. Процедуру получения заключения Минпромторга прошло, в частности, новосибирское НПО «Элсиб» ПАО, получившее заключение о подтверждении производства промышленной продукции на территории РФ — завод изготавливает экологичное, ресурсообеспеченное оборудование с учётом специфики ТЭС, ТЭЦ, ГЭС, ГРЭС, АЭС [12].

Чтобы достичь более высоких результатов в модернизации энергетического машиностроения, важно добиться его конкурентоспособности, а стратегия отрасли должна опираться на чёткие ориентиры развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отчёт о функционировании ЕЭС России в 2019 году // Системный оператор единой энергетической системы. Табл. 1.2. — С. 6.
2. Схема и программа развития Единой энергетической системы России на 2019–2025 годы // Утв. Приказом Минэнерго России № 174 от 28 февраля 2019 г. — С. 4–5; 27.
3. Приказ Министра энергетики РФ № 174 от 28 февраля 2019 г. «Об утверждении схемы и программы развития Единой энергетической системы России на 2019–2025 годы» // minenergo.gov.ru
4. Схема и программа развития Единой энергетической системы России на 2019–2025 годы // Утв. Приказом Минэнерго России № 174 от 28 февраля 2019 г. С. 52. // minenergo.gov.ru
5. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2017 г. № 1209-р «О Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2035 года»; поручение Президента РФ от 12.12.2017 г. № Пр-2530 // consultant.ru
6. <http://www.rushydro.ru/activity/energetika-dalnego-vostoka/stroyki/stroitelstvo-i-modernizatsiya/>
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2019 года № 1228 «О принятии Парижского соглашения»; Поручение Председателя Правительства РФ от 26.10.2019 г. № ДМ-П13–9288 // <http://www.pravo.gov.ru>
8. Федеральный закон «Об электроэнергетике» № 35-ФЗ от 26.03. 2003 г. и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением низкоуглеродных сертификатов // consultant.ru
9. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года // Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 г. № 1715-р; Приказ Минпромторга России от 31 марта 2015 года № 653 об утверждении «Плана мероприятий по импортозамещению в отрасли энергетического машиностроения и электротехнической промышленности Российской Федерации» // consultant.ru
10. www.kp.ru/daily/27039/4104162/
11. Постановление № 719 от 17 июля 2015 г. «О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации» (с изм. на 30 апреля 2020 года) // www.fzakon.ru
12. [Elsib.ru/](http://elsib.ru/)
13. www.tek-all.ru/news/id6198/
14. www.kp.ru/daily/27039/4104162/
15. www.kp.ru/daily/27039/4104162/

© Лебедев Никита Андреевич (ieras@inecon.org).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПИРИНГОВАЯ ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА КАК ВОЗМОЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ПРОСТРАНСТВА

PEER-TO-PEER LEGAL PARADIGM AS A POSSIBLE DIRECTION OF THE LEGISLATIVE REGULATION TRANSFORMATION OF THE VIRTUAL DECENTRALIZED SPACE

**A. Lomakin
S. Rudikova**

Summary. Nowadays, socio-economic relations in society are rapidly transforming under the influence of its digital development. In turn, the development of online processes causes the emergence of new financial threats. Consequently, such situation should be accompanied by appropriate changes in the law. However, traditional law is clearly undergoing a crisis, being unable to adapt to the new online system quickly. In this article the authors propose a fundamentally new approach to understanding the modern law, which is called "peer-to-peer legal paradigm". The authors determine the basics of the new concept, reveal its main principles and explain the need for its application in modern realities. There are new interpretations of well-known terms such as a legal provision and a normative legal act in the peer-to-peer legal paradigm. Such interpretations emphasize the refusal from the traditional legal system through the use of the IT sphere modern terminology. The article also reveals the functioning processes of peer-to-peer networks, identifies and describes the characteristic features of a decentralized peer-to-peer system. The authors find out the idea of using Big Data technology and smart contracts in a new paradigm and highlight the advantages and disadvantages of the new concept. The presented view of the transformation of the traditional legal system is the key decision to eliminating and minimizing the probability of financial threats (especially Internet fraud). Due to the transformation of law in the digital period, both economists and lawyers will be interested in this peer-to-peer legal paradigm.

Keywords: peer-to-peer networks, legal paradigm, digitalization, decentralized peer-to-peer systems, financial threats.

Ломакин Андрей Леонидович

Д.э.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

lomakin-al@ranepa.ru

Рудикова Софья Сергеевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)
rudikovasofia@gmail.com

Аннотация. В настоящее время социально-экономические отношения в обществе стремительно преобразуются под влиянием его цифровой эволюции. В свою очередь развитие онлайн-процессов порождает возникновение новых финансовых угроз, поэтому такая ситуация должна сопровождаться соответствующими изменениями в законодательстве. Однако традиционное право явно претерпевает кризис, будучи не в состоянии быстро подстроиться под новую онлайн-систему. В данной статье авторами предлагается принципиально новый подход к пониманию современного права, который получил название «пиринговая правовая парадигма». Авторы детерминируют основы новой концепции, раскрывают её базовые принципы и объясняют необходимость её применения в современных реалиях. В рамках пиринговой правовой парадигмы предлагаются новые трактовки таких общеизвестных терминов, как правовая норма и нормативно-правовой акт, в которых подчеркивается уход от традиционной системы права благодаря использованию современной терминологии IT-сферы. В статье также раскрываются процессы функционирования пиринговых сетей, выделяются и описываются характерные особенности децентрализованной пиринговой системы. Авторами раскрыта идея использования технологии Больших данных и смарт-контрактов в новом контексте, а также выделены преимущества и недостатки новой парадигмы. Представленный взгляд на трансформацию традиционной правовой системы является ключом к устранению и минимизации вероятности реализации финансовых угроз, в особенности мошенничества в Интернете. Ввиду того, что затронуты актуальные процессы трансформации права в эпоху цифровизации, такой взгляд будет интересен специалистам как в области экономики, так и в области юриспруденции.

Ключевые слова: пиринговые сети, правовая парадигма, цифровизация, децентрализованные пиринговые системы, финансовые угрозы.

Введение

Пиринг (от англ. peer-to-peer, или P2P) — это взаимовыгодный обмен данными между двумя и более пользователями сети, основанное на принципе взаимного использования ресурсов (дискового пространства и информации в любых ее формах). Так как пиринговая система представляет собой распределенную базу данных, она позволяет пользователям получать доступ к открытой информации друг друга [4, с. 24].

Парбануэлл Йохнухуйтсман впервые использовал словосочетание «peer to peer» при разработке сетевой архитектуры Advanced Peer to Peer Networking для фирмы IBM в 1984 году. Так и возникло само название технологии P2P. В настоящее время системы P2P успешно используются для проведения сложных расчетов и оказания различного рода услуг (например, интернет-телефония) [4, с. 24].

Децентрализованные, или одноранговые пиринговые системы являются одним из видов таких систем: их характеризует полное отсутствие централизующего звена — выделенного сервера, поскольку каждый узел (peer) одновременно является и клиентом, и сервером. Главным преимуществом децентрализованной системы является надежность, которая обеспечивается отсутствием сервера, генерирующего информацию о пользователях [4].

В связи с активным развитием современных технологий и трансформацией экономики в цифровую, многие социально-экономические процессы (инвестирование, торговля, страхование, образование в Интернете и т.п.) начали активно развиваться и стали децентрализованными, а значит, требующими нового подхода к их законодательному регулированию. Однако, все чаще происходит так, что возникновение и функционирование подобных явлений намного опережают их правовое регулирование или вовсе контроль таких явлений невозможен, так как государство не в состоянии усовершенствовать традиционное право таким образом, чтобы децентрализация функционировала эффективно и в рамках правового поля.

Сложившиеся обстоятельства заставляют искать иные, более современные пути разрешения данной проблемы, которые должны основываться на передовых достижениях человека.

Литературный обзор

Научные статьи последних лет посвящены идеям и примерам того, как используются пиринговые сети и как они способны видоизменить традиционную эко-

номику. Так, формулируется академическое определение шэринговой экономики и её ключевые принципы функционирования (принципы пиринга, экологичности, саморегулирования, рациональности, открытости)[5], даётся описание принципа работы пиринговой системы [2] и даже рассматривается влияние пиринговых сетей на развитие телекоммуникаций и изменения в сфере образования [2].

Вопросы законодательного регулирования различных сфер, функционирующих на базе таких сетей также поднимаются в ряде работ. Например, американский ученый J.M. Walter затрагивает вопросы нарушения авторских прав в цифровую эпоху и невозможности традиционным способом эффективно контролировать этот процесс. Основным выводом является то, что попытка закрыть доступ к файлам нелегальных источников (или посредников) пиратских товаров по-прежнему остается сложной задачей для регулирования [6].

Однако имеющиеся работы вовсе не рассматривают пиринговую сеть как основу для формирования новой системы взглядов на существующее право, поэтому предлагаемая пиринговая правовая концепция является принципиально новым подходом к пониманию современного права. Данная статья подробно раскрывает идею парадигмы, впервые выдвинутую авторами в своей работе, посвященной анализу функционирования хайп-проектов в Интернете [3].

Содержание
исследования

Пиринговая правовая парадигма (далее — ППП) представляет собой принципиально новую систему права, построенную на функциональных закономерностях.

Пиринговая правовая парадигма — это концепция свода правил (алгоритмов) о создании пространства нового права, выработанных для регулирования децентрализованных процессов в обществе вследствие его цифровой трансформации.

Идея новой парадигмы состоит в создании концепции свода правил, или свода алгоритмов — одноранговой системы в пространстве нового права, которая будет реализовываться через новые информационные и облачные технологии [3, с. 44].

В рамках ППП привычным для нас понятиям «правовая норма» и «нормативно-правовой акт» присваивается иное значение. Так, в контексте новой концепции данные термины приобретают новый смысл и будут трактоваться следующим образом.

Правовая норма — элементарное общеобязательное правило поведения в Интернет-пространстве, выраженное в форме цифрового кода.

Нормативно-правовой акт (цифровой акт, или нормативно-цифровой акт) — строго определенный набор кодов, содержащий в себе общеобязательные правила поведения внедренный в цифровое пространство с целью регулирования Интернет-отношений в обществе.

При этом, привычная форма систематизации нормативно-правовых актов исчезает. ППП представляет собой цифровые алгоритмы и программные коды, предполагающие исключительно прямой характер действия в установленных границах, поэтому необходимость в изучении правовых норм (в традиционном их понимании) утрачивается.

Помимо базовых дефиниций для более полного понимания ППП необходимо рассмотреть и принципы, на которых она основывается:

1. Непрерывность процесса регулирования.
2. Превентивный характер действия.

Интерес и угроза сосуществуют на основе закона единства и борьбы противоположностей: устранение угрозы возможно только посредством устранения интереса, поэтому самым эффективным способом воздействия на угрозу является управление интересом. Необходимо так сформулировать норму права, чтобы менеджмент интересов не позволял угрозе реализоваться. Такой подход ведет к принципиальной невозможности совершения какого-либо действия в обход существующих норм права.

3. Безальтернативность.

Данный принцип обеспечивается посредством перехода от «стохастической» модели традиционного права к функциональной зависимости, то есть появляется однозначное соответствие факторного и результирующего признаков.

Первые три принципа имеют фундаментальный характер, так как только при условии их выполнения остальные принципы будут иметь смысл в процессе реализации рассматриваемой концепции.

4. «Растворение» права в Интернет-пространстве.
5. Наднациональный характер. Устраняется географическая ограниченность действия права в Интернет-пространстве.
6. Равенство каждого участника перед системой (равноправие).
7. Отсутствие риска потерять денежные средства как дополнительная, ранее отсутствующая свобода граждан в своих действиях.
8. Справедливость.

9. Общеобязательность.

10. Принудительность (сочетание убеждения и принуждения).

11. Высокая скорость внедрения новой нормы, динамизм, выражающийся в быстрой реакции со стороны права на проблему в обществе.

12. Стабильность и бесперебойность функционирования.

13. Законность.

14. Гласность.

15. Высокая эффективность.

Известно, что любой закон имеет свою географию действия, следовательно регулирование деятельности в Интернете возможно исключительно через интеграцию права в новое пространство — цифровое, где оно, наряду со всеми сетевыми процессами, станет децентрализованным.

Известно, что технология «Больших данных» (Big Data) позволяет анализировать большие пласты информации. Также общеизвестно, что в юриспруденции есть такие понятия, как «буква закона» и «дух закона». Какая же взаимосвязь между этими двумя фактами в новой концепции? Так, в Big Data под «буквой закона» будет пониматься структурированная база данных (т.е. описание протекающих между субъектами процессов), а под «духом закона» будет пониматься неструктурированная база данных (например, информация о продажах, покупках и т.д.). Фундаментом для новой правовой парадигмы станет новая технология блокчейн (blockchain). Если записи в блокчейн-реестре были получены без нарушений, то они могут быть представлены в суде в качестве доказательств. С юридической точки зрения это станет возможным благодаря хэш-коду, которым фиксируется запись в блокчейне: это не что иное, как электронный документ, который может являться письменным доказательством в суде при нарушении законодательства и прав граждан и выявлении мошеннических операций.

В рамках пиринговой правовой парадигмы контакты между субъектами строго регламентируются, а функционирование осуществляется аналогично механизму смарт-контрактов (самоисполняемых соглашений)- способу исполнения обязательств посредством сценария, заложенного в программном коде, и его реализации в системе блокчейн [3, с. 44].

Согласно описанной концепции, контакты изначально будут находиться в регулируемом новой системой права Интернет-пространстве, что сделает проведение незаконных операций сложнореализуемым, практически невозможным на данном этапе развития IT-технологий действием.

Важно подчеркнуть, что появление новой парадигмы не предполагает отказа от традиционной правовой системы. Когда большая часть контактов между субъектами будет проводиться в виртуальном пространстве, новая концепция станет основой регулирования взаимодействий в обществе, а существующее законодательство — её частным случаем [3, с. 44]. В данный момент времени наблюдается обратная ситуация — идея концепции понимается как частный случай традиционного права и так будет до тех пор, пока общество полноценно не «цифровизуется» под влиянием научно-технического прогресса. Однако, как показывает практика, уже сейчас процессы в обществе развиваются достаточно стремительно, поэтому уже в течение ближайших 20 лет (а то и меньше) мы заметим существенные изменения в праве в пользу предлагаемой концепции.

Результаты

Данное направление трансформации правовой системы является новым подходом к устранению экономических (в первую очередь финансовых) угроз. Преимуществом новой концепции является иной механизм работы, который предполагает полную интеграцию надзора за исполнением закона в виртуальное пространство с целью регулирования реальной деятельности, а также функционирование системы права на основе принципа превентивности, который сводит возможность нарушения законодательства к нулю. К недостатку можно отнести сложность внедрения и затяжной переходный

период, так как долгое время два типа подходов — традиционный и новый — будут сосуществовать вместе.

Всё названное возможно осуществить только с помощью полноценной цифровой трансформации общества, к которой сейчас стремится каждое государство. Обязанность правительств в таком случае (согласно одному из основополагающих правил Хартии глобального информационного пространства) состоит в согласовании своих действий по созданию безопасного киберпространства, безопасности информационных систем, защищенных от преступности, в том числе от транснациональной организованной преступности.

Заключение

Цифровая трансформация традиционной экономики — неизбежный процесс, с которым параллельно должны происходить изменения и во всех других сферах жизнедеятельности человека. В частности, право должно одним из первых реагировать на новые реалии, изменяться также радикально, как и сами регулируемые им процессы, дабы не допускать роста мошенничества и преступности в виртуальном децентрализованном пространстве ввиду отсутствия должного контроля за данными процессами. Пиринговая правовая парадигма — это система права, отвечающая требованиям цифровизации социально-экономических отношений в современном обществе и способная регулировать процессы, не подвластные традиционному праву.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жмакина М. В. Пиринговое обучение как результат трансформации системы взаимодействий в школе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». — 2017. - № 3. - С. 49–53.
2. Касаева Д.Р., Саханский Ю. В. Пиринговые сети как основное направление развития глобального информационного обмена // Научные исследования и перспективные проекты 2017. Сборник трудов 2-й научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, ученых. — 2017. - С. 22–27.
3. Ломакин А.Л., Рудикова С. С. Хайп-инвестирование в Интернете как угроза финансовой безопасности личности и способы борьбы с ним [Электронный ресурс] // East European Scientific Journal #2 (42), 2019 part 3. С. 41–45. URL: https://eesa-journal.com/wp-content/uploads/EESA_journal_3_part15.pdf (дата обращения: 03.05.2020).
4. Симоненко В. В. Пределы законного использования систем P2P в России // Юрист. — 2010. - № 2. - С. 24–29.
5. Швед В.В., Омельченко Е. В. Шэринговая экономика как путь развития мировой экономики // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: теория и практика управления. — 2017. - № 18 (23). - С. 117–121.
6. Walter, J. M. Regulating mediators of internet piracy: P2P websites and cyberlockers (2019) Digital Policy, Regulation and Governance, 21 (5), pp. 494–509. DOI: 10.1108/DPRG-05–2019–0035.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОГРАММ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ

IMPROVING MORTGAGE LENDING PROGRAMS

E. Metreveli

Summary. The publication discusses the key credit and financial aspects of the development of housing mortgage lendings (HMLs) in the Russian Federation, analyzes mortgage programs implemented by credit organizations, and suggests priority ways to solve identified problems. HML programs offered by credit organizations of the Russian Federation are classified into general programs; joint programs implemented mainly with developers; specialized programs with a reduced rate with or without funding from the budget and extra-budgetary funds. According to the analysis results, the analysis of HML programs of 50 commercial banks of the country, represented in all subjects of the federation related to the TOP-100 commercial banks by capital size, and working in the HML for over 3 years, concluded that all available programs are characterized by one or another degree of imperfection. The main problems of the implementation of housing mortgage lending programs in Russian commercial banks are identified, ways of improvement are proposed that combine public policy measures aimed at a general increase in business activity and a decrease in the cost of credit resources, as well as the development and completion of reforming the stock market and the banking system of the Russian Federation; and measures to develop banking mortgage programs based on overcoming the problems of high interest rate risks, pressure on capital and limited funding.

Keywords: housing mortgage lending, housing problem, mortgage programs, subsidized rates, escrow accounts, mortgage lending programs, mortgage rate.

Метревели Елизавета Георгиевна

*Аспирант, преподаватель, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
metrevelieg@yandex.ru*

Аннотация. В публикации рассмотрены ключевые кредитно-финансовые аспекты развития ИЖК в Российской Федерации, проанализированы реализуемые кредитными организациями ипотечные программы, и предложены приоритетные пути решения идентифицированных проблем. Классифицированы программы ИЖК, предлагаемые кредитными организациями Российской Федерации, на общие программы; совместные программы, реализуемые преимущественно с застройщиками; специализированные программы со сниженной ставкой с привлечением финансирования из бюджета и внебюджетных фондов или без такового. По результатам анализа программ ИЖК 50 коммерческих банков страны, представленных во всех субъектах федерации, относящихся к ТОП-100 коммерческих банков по размеру капитала, и работающих в сфере ИЖК на протяжении более 3 лет, сделан вывод, что все имеющиеся программы характеризуются той или иной степенью несовершенства. Выделены основные проблемы реализации программ ипотечного жилищного кредитования в российских коммерческих банках, предложены пути совершенствования, сочетающие меры публичной политики, направленных на общее повышение деловой активности и снижение стоимости кредитных ресурсов, а также на развитие и завершение реформирования фондового рынка и банковской системы РФ; и меры развития банковских ипотечных программ на основе преодоления проблем высоких процентных рисков, давления на капитал и ограниченного фондирования.

Ключевые слова: ипотечное жилищное кредитование, жилищная проблема, ипотечные программы, субсидируемые ставки, эскроу счета, программы ипотечного кредитования, ставка ипотечного кредита.

Актуальность проблематики развития ипотечного кредитования связана с сохраняющейся низкой обеспеченностью населения нашей страны жильем. При этом, с учетом того обстоятельства, что активными и неотъемлемыми участниками процесса ипотечного жилищного кредитования (далее также ИЖК) выступают коммерческие банки, вопросы совершенствования реализуемых ими программ ИЖК выступают важнейшим вопросом теории и практики управления кредитно-денежной системой и, в целом, финансами. Сохраняющиеся высокие процентные ставки по ИЖК,кратно (в 4–5 и более раз) превышающие аналоги в развитых экономиках с доказавшими успешность моделями организации ипотечных рынков, весьма строгие требования к заемщикам, в сочетании с общей нестабильностью сферы жилищного строительства, сдерживают ускорения темпов решения жилищной проблемы, пре-

одоление которой уже длительное время рассматривается в качестве приоритетной задачи государственного социально-экономического строительства на самом высоком уровне публичного управления.

В настоящей публикации будут рассмотрены ключевые кредитно-финансовые аспекты развития ИЖК в Российской Федерации, проанализированы реализуемые кредитными организациями ипотечные программы, и предложены приоритетные пути решения идентифицированных проблем.

Жилищный вопрос, не решенный в советский период, значим и на текущий момент, тем более, с учетом положительных демографических прогнозов развития Российской Федерации. Жилищная проблема формируется в двух аспектах: недостаточной обеспеченности

собственно жильем (то есть, жилой площадью на душу населения), а также комфортным жильем, соответствующим стандартам качества жизни. На сегодняшний день, по различным оценкам, от 45 до 55% россиян [10] проживают в аварийном, ветхом жилье, в условиях, не соответствующих общепризнанным критериям качества жилья. При этом, средняя обеспеченность жилой площадью составляет 25,8 кв. м. на человека, и данный показатель весьма условный: в то время, как одни граждане владеют несколькими квартирами и домами, более половины семей проживает в стесненных условиях, и данный показатель по отдельным субъектам РФ может достигать 75% и более [14].

В развитых экономиках мира, жилищная проблема решается, преимущественно, двумя путями: через развитие ипотечного жилищного кредитования и расширение социального найма жилья, причем, если второе направление реализуется, преимущественно, в социально развитых государствах, то развитие ипотечного кредитования является универсальным решением, пригодным для реализации в различных социальных и экономических условиях.

На важность развития ипотечного кредитования как приоритетного инструмента жилищной проблемы указывается на высших уровнях власти. Президент Российской Федерации В.В. Путин в обращении к Федеральному собранию РФ 15 января 2020 года призвал коммерческие банки страны активно включаться в реализацию программ по предоставлению ипотечных кредитов по льготным ставкам, прежде всего, в рамках проекта по выдаче ипотечных кредитов в дальневосточном регионе под 2% годовых [9]. В настоящее время, Правительством РФ прорабатываются предложения по формированию «Дорожной карты» по снижению ставки ипотечного кредитования в целом по России. Завершены значимые этапы реализации приоритетных национальных проектов, федеральных и региональных программ повышения доступности комфортного жилья, важными разделами которых выступали и продолжают выступать меры по развитию ипотечного жилищного кредитования.

На протяжении более десятилетия устойчиво функционирует и развивается специализированный коммерческий банк «Дом.РФ», ставший преемником Агентства по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК). Банк «Дом.РФ» входит в ТОП-20 кредитных организаций страны по размеру капитала, и в ТОП-30 по показателям финансовой устойчивости. Кредитная организация выдает ипотечные кредиты по привлекательным ставкам, в том числе, выступает основным кредитно-финансовым институтом, предоставляющим ипотечные кредиты по льготным ставкам (по предварительным итогам

2019 года, порядка 78% новых ипотечных жилищных кредитов по льготным ставкам, выданы банком «Дом.РФ» в целом по стране). По состоянию на февраль 2020 года, банк реализует 5 специальных программ ИЖК по сниженным ставкам, от 2% (программа «Дальневосточная» ипотека), до 7,7–7,8% (рефинансирование ИЖК и покупка жилья) и 8,5 (программа «Военная» ипотека).

Одновременно, значительное число коммерческих банков страны реализует собственные программы ИЖК (далее также — ипотечные программы), которые, впрочем, по ряду объективных и субъективных причин могут быть не столь выгодными для заемщиков, как ипотечные программы банка «Дом.РФ», однако же, по меньшей мере, доступными в части регионального присутствия конкретной кредитной организации, ее сотрудничества с застройщиками, требований к заемщикам и др.

Все предлагаемые кредитными организациями Российской Федерации программы ИЖК могут быть разделены на несколько групп (авторская классификация):

1. «общие» программы, разрабатываемые кредитными организациями с учетом состояния спроса и предложения, характеристик собственных ресурсной и кредитной базы;
2. совместные программы, реализуемые с застройщиками, реже — агентствами недвижимости;
3. специализированные программы со сниженной ставкой без привлечения финансирования из бюджета и внебюджетных фондов:
4. 3.1) основанные на преимущественном использовании внешних (по отношению к коммерческим банкам) ресурсов снижения кредитной ставки по ИЖК (например, через привлечение дополнительных гарантий, софинансирования от заинтересованных лиц, финансирования с использованием средств т.н. «материнского капитала» и др.);
5. 3.2) основанные на преимущественном использовании внутренних ресурсов и резервов снижения ставки по ИЖК (в первую очередь, через специализированный инструментальный снижения кредитного и процентного рисков, например, разработка специализированных кредитных ипотечных продуктов, ориентированных на наиболее надежных заемщиков, постоянных клиентов данной кредитной организации и проч.);
6. специализированные программы ИЖК с софинансированием из средств бюджета и внебюджетных фондов, включая федеральные и региональные программы и проекты.

Нами проведен анализ программ ИЖК 50 коммерческих банков страны, представленных во всех субъектах федерации, относящихся к ТОП-100 коммерческих банков по размеру капитала, и работающих в сфере ИЖК

Таблица 1. Результаты анализа ипотечных программ коммерческих банков РФ, реализуемых в I квартале 2020 года

Тип программ	Медианная ставка процента	Тип заемщиков	Региональная доступность	Преимущества	Недостатки
общие программы	10,56%	Все	Высокая	Общая доступность, умеренные требования к заемщикам	Дороговизна, как правило, отсутствие альтернативного выбора
совместные программы	9,4%	Все; ограничения по жилью	Средняя, высокая	Пониженная ставка, оперативное делопроизводства	Ограничение выбора и конкуренции. Более дорогое жилье
специализированные программы со сниженной ставкой без привлечения финансирования из бюджета и внебюджетных фондов	9,2%	Целевые группы, жесткие требования	Низкая	Пониженная ставка, высокая социальная эффективность	Ограничения по кругу заемщиков, малое число программ
специализированные программы ИЖК с софинансированием из средств бюджета и внебюджетных фондов	8,75%	Социальные целевые группы	Селективная, выбранные регионы	Низкая ставка, дотации государства	Минимальная доступность

Источник: составлено автором

на протяжении более 3 лет. Оценки положительных и негативных сторон программ, а также их ключевых условий (ставка, доступность) усреднены по выборке (для обеспечения большей достоверности результатов анализа, в качестве обобщающих показателей принимались не средние арифметические, а медианные значения, что несколько исключало влияние случайных факторов на оценку). В качестве описания преимуществ и недостатков представлены авторские суждения, выведенные на основе личного опыта практической работы, наблюдений, а также материалов релевантных научных исследований.

Итоги анализа приведены в Таблице 1.

Обсуждая полученные результаты, хотелось бы, прежде всего, отметить, что все имеющиеся программы характеризуются той или иной степенью несовершенства; обобщенно говоря, предлагаемые программы или не позволяют полноценно решить жилищную проблему по причине дороговизны кредита и неоптимальных условий программ, включая требования к заемщикам, либо ориентированы на узкие группы потенциальных заемщиков, не позволяя решать массовые задачи. Наиболее привлекательные программы не только ориентированы на небольшое число целевых заемщиков, но также основываются на активном государственном участии, пределы которого весьма узкие, по причине ограниченности бюджетного финансирования.

По результатам проведенного исследования, а также на основании данных, представленных в литературных источниках, представляется целесообразным выделить основные проблемы реализации программ ипотечного жилищного кредитования в российских коммерческих банках.

А. Внешние проблемы (для населения и рынка жилья).

1. Сохраняющаяся низкая доступность ипотечных кредитов (высокая ставка в целом, ограниченная доступность ипотечных программ по льготным ставкам). Все предпринимаемые на различных уровнях государственного управления, а также собственно коммерческими банками, в том числе, в инициативном порядке, меры по снижению ставки по ИЖК не позволяют снизить ее размер до уровня ниже 8–9% годовых, в то время как в международной практике данный показатель составляет 1–2%, что, собственно, обеспечивает одновременно доступность ИЖК и решение жилищной проблемы [12].
2. Достаточно жесткие требования к заемщикам (высокий размер первоначального взноса, повышенные требования к подтверждению источников дохода). Как результат, несмотря на то, что на бумаге, число граждан (семей), улучшивших свои жилищные условия, растет, такие улучшения нередко производятся одними и теми же гражданами и/или теми, кто имел реальную воз-

возможность улучшить свои жилищные проблемы не прибегая к ИЖК, о чем также свидетельствует высокий удельный вес досрочной выплаты кредитов, не всегда выступающей в интересах кредитной организации.

3. Региональные диспропорции (в ряде территорий страны программы являются безальтернативными, что усугубляет проблематику №№ 1 и 2). При этом, имеет место существенное расслоение между населением различных регионов страны по уровню жизни, включая располагаемые реальные доходы. Более того, формируется исключительно негативная комбинация факторов, когда в регионах с меньшим уровнем платежеспособности населения, с более высокими кредитными и процентными рисками, вариативность программ ИЖК является минимальной, предоставление ипотечных кредитов осуществляет 2–3 банка с государственным участием, по повышенной ставке (обусловленной, помимо прочего, теми же высокими банковскими рисками) и с максимально жесткими требованиями к потенциальным заемщикам.
4. Существенная привязка основных ипотечных программ к пулу банков и конкретным застройщикам. Данное обстоятельство приводит к целому ряду негативных следствий, включая крайне медленное распространение ИЖК на рынке вторичного жилья, а также ограничение конкуренции как на рынке жилищного строительства, так и на ипотечном рынке.

Б. Отраслевые (внутрибанковские) проблемы.

1. Низкая привлекательность ипотечного кредитования для коммерческих банков (проблема дороговизны ипотечных кредитов для капитала банка). ИЖК, с учетом доходности, дюрации и размеров необходимых резервов, для российского банковского сектора являются низко рентабельными активными операциями. При этом, многие кредитные организации, несмотря на имеющиеся сложности, все же стремятся предпринимать все возможные меры по снижению стоимости ипотечных кредитов, в рамках добровольного принятия на себя повышенных социальных обязательств. Все это влияет на условия кредитования, включая требования к заемщикам, размер первоначального взноса. Оказывается давление и на уровень ставки, впрочем, менее существенное, чем через ограниченность фондирования.
2. Высокий уровень процентного риска. Наблюдается существенная разница между средним сроком размещения средств на депозитах или же привлечения средств на межбанковском рынке, и длительностью ипотечного кредитования,

порождающая процентные риски. На развитых рынках такие риски, во-первых, существенно ниже, по причине высокого удельного веса длинных депозитов в источниках ресурсов коммерческих банков, и, во-вторых, активно хеджируются через инструментарий ликвидных ипотечных ценных бумаг. Риски отражаются на стоимости кредита и на готовности банков кредитовать.

3. Недоступность / ограниченность фондирования.

Одна из системных проблем кредитно-денежной системы нашей страны выступает крайне низкая капитализация банковского сектора, ставшая следствием многих системных диспропорций и не завершенных реформ. Турбулентность внешней среды дополнительно обуславливает риски возникновения кризиса ликвидности; без вливаний ликвидности, без роста фондирования в целом, банковский сектор страны в целом не готов наращивать ИЖК и не в состоянии самостоятельно удовлетворить общественный запрос на снижение процентной ставки. Источников дополнительного фондирования, в особенности, в условиях кризиса и санкций, немного, практически все они сводятся к государственному финансированию, сдерживаемому бюджетными ограничениями. Инновационные решения по расширению фондирования на консервативном банковском рынке не просто не реализуются, но и нередко сдерживаются регулятором.

3.1. Следует дополнительно отметить, что на доступность ипотечных кредитов влияет также и стоимость возводимого жилья, на потенциальный, потом достаточно ощутимый рост которого (вместо потенциального снижения) влияют новации, связанные с введением счетов эскроу, в результате которых дополнительно замораживается ликвидность на рынках.

Многие из представленных проблем не возникли в одночасье, и решаются на протяжении длительного периода времени, впрочем, с различной интенсивностью и результативностью. К решению проблематики достаточно давно подключился и научный мир. Ежегодно издаются десятки монографий, защищаются исследовательские и научные работы, а также публикуются многочисленные академические статьи, посвященные вопросам развития программ ИЖК, в том числе, конкретным финансовым аспектам и проблемам. В научных работах последнего времени предлагаются меры по созданию специализированных ипотечных банков и фондов [2], управлению рисками ИЖК [1; 6–7], сотрудничеству кредитных организаций, государства и субъектов рынка недвижимости [5], развитию рынков ипотечных ценных бумаг и внедрению инструментов финтех в решение жилищных проблем [3].

Материалы многих исследований или же были учтены в рамках государственной политики по развитию ИЖК, или имеют высокий потенциал реализации. Параллельно реализуются практические меры по снижению финансовых рисков, связанных со спецификой (диспропорциями) жилищного рынка, включая введение счетов «эскроу» при возведении нового жилья, заменяющих использование инвестиционных средств граждан кредитными ресурсами.

Как уже отмечалось, полноценно функционирует специализированная ипотечная кредитная организация «Дом.РФ», впрочем, не являющаяся в чистом виде ипотечным банком (является универсальной кредитной организацией, активно занимающейся, в частности, розничным кредитованием), что не способствует генеральной идее создания специализированных ипотечных банков для снижения ставок, поскольку не снижает аппетитов универсального банка к рискам. Полноценно специализированный на ИЖК коммерческий банк, не осуществляющий непрофильных и более рискованных операций в стране по-прежнему отсутствует.

«Точечное» решение жилищной проблемы, путем эпизодического и фрагментарного субсидирования ставок, хотя и позволило решить жилищную проблему десяткам тысяч семей, что само по себе имеет высокую социальную ценность, однако не позволило приблизиться к решению имеющихся системных проблем и диспропорций. При этом, во всех случаях целесообразно понимать нерациональный характер преимущественного бюджетного финансирования льготных ставок по ипотечному кредитованию, поскольку в общем случае имеется немало других приоритетных задач, решаемых через прямое бюджетное финансирование. Так, например, в теории экономики государственного сектора считается аксиомой, что правительство в большей степени стимулирует развитие жилищного рынка через непосредственно строительства государственного и муниципального социального жилья, а не через субсидирование ставки по кредиту (который также необходимо обслуживать и возвращать гражданам) [16]. Впрочем, кроме сторонников позиции, также имеются и противники, полагающие, что через субсидирование ставки по ипотечному кредиту, по меньшей мере, формируются предпосылки для развития жилищного рынка не меньшие, чем при строительстве социального жилья [17].

Так или иначе, на уровне правительства после более чем десятилетия попыток развивать и совершенствовать систему ипотечного жилищного кредитования различными инструментами и средствами, в настоящее время принято фокусироваться на целевом индикаторе — снижении ставки по ИЖК [11]. Несмотря на некоторый прогресс (в 2019 году показатель колебался в ди-

апазоне 9,12–10,09% годовых, в то время как 10 годами ранее составляет 12,4–13,5%, между тем, темпы снижения ставок не позволяют рассчитывать на ожидаемые показатели, соответствующие ставкам по ИЖК на Западе, в обозримом будущем.

Безусловно, ключевых акторов рынка ИЖК данная ситуация не устраивает, тем более, учитывая, что предлагаемые на текущем этапе меры по снижению давления на капитал коммерческих банков путем ослабления требований к резервированию по ИЖК, могут расцениваться как потенциально угрожающие стабильности банковского сектора, и вовсе не обязательно найдут понимание и поддержку у мегарегулятора.

Говоря о публичной политике, ее совершенствование представляется нецелесообразным также опускать, поскольку дальнейшее развитие банковского сектора путем системного снижения банковских рисков и повышения капитализации, а также общее улучшение макроэкономических условий в сочетании с траекториями реализации кредитно-денежной политики находятся в компетенции мегарегулятора и Правительства РФ. Решение данных задач требует, при этом, комплексных и долгосрочных мер, а не текущего «латания дыр» и оперативного (хотя и не всегда своевременного) реагирования на новые вызовы и угрозы со стороны внешней и внутренней среды.

В актуальных «Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов» [8] ставятся амбициозные планы по ежегодному улучшению жилищных условий не менее, чем у пяти млн. семей. Этого планируется достичь при условии снижения процентной ставки по ИЖК до 8%, в том числе, посредством реализации следующих мер:

- ◆ формирование ликвидного рынка ипотечных ценных бумаг;
- ◆ реализация программ субсидирования, направленных на отдельные категории граждан, включая семьи с 2-мя и более детей, с дифференциацией ставки по регионам;
- ◆ трансформация процедур оформления ипотечных кредитов с переводом в электронную форму;
- ◆ дофинансирование строительства замороженных и проектных объектов с привлечением средств уполномоченного банка;
- ◆ развитие индивидуального жилищного строительства и прочие меры по стимулированию строительного рынка, включая, например, развитие доступности проектного финансирования застройщиков с применением счетов эскроу.

Критические замечания по поводу предложенных мер связаны с фрагментарностью и неполнотой мер.

Таблица 2. Направления совершенствования ипотечных программ российских банков как меры реагирования на системные проблемы банковского ипотечного кредитования

Проблема	Решение (–я)
1. Проблема дороговизны ипотечных кредитов для капитала банка	Расширение системы государственного софинансирования ставки, распространение на широкий круг заемщиков. Государственные гарантии / сопоручительство вместо первоначального взноса
2. Высокий уровень процентного риска	Предоставление «длинных» денег государством и специализированными фондами Расширение возможности использования материнского капитала для погашения/обеспечения ипотечных займов
3. Недоступность / ограниченность фондирования	Вовлечение в число инструментов фондирования (п. 2) средств пенсионных накоплений и части средств ФНБ
3.1. Ограничение ликвидности после введения счетов эскроу	Введение возможности получения средств с эскроу-счета по этапам завершения стадий строительства

Источник: Составлено автором

То есть, решая поставленные задачи, также требуется реализовывать подкрепляющие мероприятия и меры общего характера, направленные на развитие ипотечного и фондового рынка.

Основная оговорка касается того, что, во-первых, меры не касаются структурных диспропорций на трех рынках — кредитно-денежном, фондовом и рынке жилья, или же не предлагают конкретных мер по их решению — например, задача формирования ликвидного рынка ипотечных ценных бумаг по своей сути является верной, однако с учетом состояния фондового рынка страны, по сути, не реализуемой; более того, постановка задачи как тезиса без подкрепления конкретными инструментами и мерами представляется не более, чем популистской. Успешных кейсов построения полноценных высоколиквидных и, главное, устойчивых рынков ипотечных ценных бумаг на диспропорциональном, спекулятивном и низко капитализированном фондовом рынке, которым является российский рынок ценных бумаг, мировая история попросту не знает [15].

Более перспективными выглядят решения по системной докапитализации банковского сектора и снижению стоимости кредита через целевое инвестирование средств ФНБ — однако данные решения требуют значительной государственной воли.

Также требуется системно содействовать росту деловой активности в целом по экономике, включая строительный сектор, через снижение бюрократических барьеров и системное преодоление коррупции, развитие электронного правительства, совершенствования публичного контроля на основе применения методов саморегулирования, перевода исполнения и регистрации договорных обязательств и прав в высоконадежные распределенные реестры типа «блокчейн». Требу-

ется завершить реформирование банковского сектора, включая разумную консолидацию участников рынка, рационализацию надзора и требований, развитие технологий класса Регтех и Саптех. Параллельно должны быть осуществлены системные реформы, направленные на рост привлекательности фондового рынка, снижение спекуляций, обеспечение ликвидности всех системообразующих эшелонов, а не только отдельно взятых.

Одной из приоритетных и, как было показано выше, не решенных проблем развития ипотечного банковского кредитования и снижения стоимости ипотечного кредита, выступает создание истинно ипотечных банков, с имманентно низкой склонностью к рискам. Функционирование прежде АИЖК, а ныне — банка «Дом.РФ», по изложенным выше причинам, не рассматривается как полноценное решение задачи — АИЖК вовсе не было классической кредитной организацией, а «Дом.РФ» осуществляет другие виды кредитования, нарушая логику снижения ставок по кредитам через деятельность менее склонных к повышенным рискам специализированных банков. Соответственно, данный вопрос должен быть решен, либо путем введения специализированных узкопрофильных банковских лицензий, либо через императивное (через инструменты владения) превращение банка «Дом.РФ» в строго специализированную кредитную организацию, либо вовсе путем создания такой организации с нуля с преимущественным государственным владением.

При этом, меры совершенствования государственной политики, хотя и направлены на интегральное совершенствование ИЖК, тем самым, поспособствуют совершенствованию ипотечных программ, между тем, при формировании и реализации собственных программ ИЖК, коммерческие банки, как думается, также должны идти навстречу государству и заявленным им публичным интересам.

По перечню основных внутрибанковских проблем развития программ ИЖК, ниже нами представлены приоритетные пути решения, см. Таблицу 2. В целом, речь идет о комплексных направлениях развития ипотечных программ, которые, будучи реализованными по отдельности, не обязательно обеспечат кардинальные улучшения.

Кроме того, в рамках развития специализированных программ ИЖК в коммерческих банках, предлагаем рассмотреть возможность реализации программ ипотечного кредитования приобретения жилищного фонда коммерческими организациями. Как известно, в советский период времени, в значительной мере, решение жилищной проблемы обеспечивалось не только возведением государственного жилого фонда, выделяемого под социальный найм, но также путем возведения ведомственного жилья. Хотя, конечно, предприятия и организации не могли находиться в частной собственности, однако ведомственное жилье возводилось из балансовых средств предприятий, организаций и учреждений, как правило, хозподрядным способом. Подобным образом решались проблемы временного удовлетворения работников и их семей качественным (как правило) жильем, а также формировалась специфическая система поддержки работников и патерналистской привязки к работодателю, которую ныне замещает то, что принято именовать социальным пакетом. Нельзя говорить о том, что корпоративное (для нужд и в собственность компаний, корпораций) жилищное строительство в настоящее время умерло — таким способом возводится примерно 1–7% вводимого жилого фонда, в зависимости от региона и муниципального образования и конкретного года [13–14].

При этом, подобного строительства, безусловно, недостаточно для приближения решения жилищной проблемы, а для негосударственного корпоративного сектора такая социальная нагрузка остается существенной: из хозяйственного оборота на длительное время выводятся значительные денежные средства, доходность от непрофильной деятельности даже при условии продажи части возводимого жилья на коммерческом рынке, минимальная или отрицательная. Большая же часть такого жилья и вовсе не возводится (что затратно и требует значительного времени), а приобретается компаниями (корпорациями) в собственность на первичном или вторичном рынке, причем крайне редко через инвестирование в строящееся жилье по причине необходимости его передачи в дальнейшем пользование работникам по принципу «заезжай и живи».

При этом, для многих хозяйствующих субъектов, подобное строительство или приобретение объектов жилищного фонда, представляется актуальным и важ-

ным, особенно, речь идет о столичных предприятиях и предприятиях, расположенных в крупнейших мегаполисах страны: значительное число работников высокой квалификации переезжает из других регионов и даже стран, и в ряде случаев для обеспечения привлекательности условий работы, а также долгосрочного сотрудничества с конкретными работниками, целесообразно обеспечивать их жильем за счет работодателей. Как показывают материалы качественных исследований рынка жилой недвижимости [4], в подавляющем большинстве случаев, такое жилье передается работникам в найм, нередко возмездный, и передается в собственность, как правило, через длительный период непрерывной работы у данного работодателя, как правило, равный 10–15 и более лет; впрочем, в ряде случаев, может быть предусмотрен опцион досрочного выкупа жилья работником с дисконтом к рыночной цене или даже по балансовой цене с поправкой на износ, через определенное время непрерывной работы (5–7–10 лет). Важность представленной информации заключается в том, что такая схема может быть практически полностью воспроизведена в перспективном ипотечном продукте (программе) коммерческого банка:

- ◆ вместо возведения собственного жилья или приобретения готового жилья на рынке, компании (корпорации) вступают с коммерческими банками в ипотечные кредитные отношения;
- ◆ коммерческая организация уплачивает проценты по ипотечному кредиту и возвращает основной долг, в том числе, частично из средств, получаемых от работника по договору коммерческого найма, если таковой предполагает платность;
- ◆ для большого числа коммерческих организаций, прежде всего, постоянно обсуживающихся в данном коммерческом банке и по общим основаниям отнесенным к категории надежных заемщиков, процентная ставка по ипотечному кредиту может быть даже ниже, чем для граждан, по причине того, что начисляемые резервы создают меньшее давление на капитал кредитной организации;
- ◆ по истечению срока действия кредитного договора, не обремененное ипотечным обязательством жилье может быть передано в собственность работнику, если им выполнены соответствующие условия по трудовому договору (контракту), прежде всего, в части срока непрерывной работы, в противном случае, или же по первоначальной инициативе, обращается в маневренный жилой фонд предприятия;
- ◆ через определенный период времени (7–10 лет), может быть предусмотрена перемена должника по ипотечному кредиту (с согласия кредитной организации), в качестве которо-

го может выступать соответствующий корпоративным требованиям работник. Он может также досрочно погасить остаток ссудной задолженности, в соответствии с условиями договора, полноценно приобретя жилое помещение в собственность.

При этом, предлагаемые к реализации программы ипотечного жилищного кредитования при покупке жилья юридическими лицами, характеризуются многочисленными преимуществами для всех заинтересованных сторон, что позволяет рекомендовать их к практической реализации, а именно:

- ◆ предприятия получают возможность существенно расширить собственные жилищные программы, при этом, снизив ежегодный отток денежных средств, тем самым, повысив, как правило, их эффективность. Параллельно решается вопрос развития мотивации и стимулирования работников, укрепления патерналистских отношений с ними, формирования имиджа социально-ответственного работодателя;
- ◆ большее число работников коммерческих организаций из числа внутренних и внешних трудовых мигрантов (а в перспективе и вовсе попросту нуждающихся в улучшении жилищных условий), а также их семей, получают перспективный инструмент текущего улучшения жилищного положения с возможностью приобретения жилья в собственность на перспективу;
- ◆ для государства и общества, тем самым, речь идет о перспективном и ранее не использованном активно инструменте решения жилищной проблемы, более того, не требующего бюджетного финансирования;

- ◆ для рынка жилья — дополнительный немаловажный стимул дальнейшего наращивания мощностей и объемов.

В целом, представленные рекомендации видятся целесообразным реализовывать в комплексе и системной взаимосвязи, что призвано обеспечить ожидаемый синергетический эффект, повысив доступность ипотечного кредитования через инструментальный совершенствования условий функционирования финансовых рынков и оптимизации и развития реализуемых коммерческими банками программ ИЖК.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что программы и механизмы ипотечного жилищного кредитования на современном этапе нуждаются в совершенствовании и доработке. Приоритетные направления оптимизации касаются одновременно:

- ◆ мер публичной политики, направленных на общее повышение деловой активности и снижение стоимости кредитных ресурсов, а также на развитие и завершение реформирования фондового рынка и банковской системы РФ;
- ◆ меры развития банковских ипотечных программ на основе преодоления проблем высоких процентных рисков, давления на капитал и ограниченного фондирования.

Развитие вариативности программ ИЖК также рассматривается в качестве важного направления совершенствования ипотечного кредитования. Предложена программа ипотечного кредитования коммерческих предприятий — работодателей, на основе которой возможно выстраивать перспективную линейку кредитных ипотечных продуктов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева, А. В. Модели оценки и управления рисками ипотечного кредитования: автореф. дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.13. — М., 2018. — 28 с.
2. Ермилова, М. Е. Система ипотеки: национальные и международные аспекты в России. — М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2013. — 131 с.
3. Криворучко С. В., Лопатин В. А. Влияние имплементации открытого банкинга на развитие национального сектора Финтех // Экономика. Налоги. Право. — 2018. — Т. 11. — № 6. — С. 80–90.
4. Маркетинговое исследование рынка строительства жилой недвижимости в России 2014–2018 гг., прогноз до 2023 г. — М.: Гидмаркет, 2019. — 45 с.
5. Мацнев, О. В. Механизм ипотечного кредитования в жилищном строительстве: на примере Рязанской области: автореф. дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. — М., 2006. — 24 с.
6. Наточеева Н. Н. Механизм повышения устойчивости банковского сектора в современных условиях // Микроэкономика. — 2014. — № 3. — С. 88–98.
7. Наточеева Н. Н., Ровенский Ю. А., Белянчикова Т. В. Социальные приоритеты как факторы и инструменты управления банковскими рисками // Актуальні проблеми економіки. — 2015. — № 12. — С. 346–356.
8. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов (утв. Минфином России). — М., 2019.
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Российская газета. — 2020. — № 7. — 16 января.
10. Сечкарева Я. Ю., Сафонова С. Г. Уровень жизни населения России по отношению к другим странам // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности. — 2020. — С. 51–53.

11. Финансовый рынок России в современном мире: учебник / [Ю. А. Ровенский, Т. А. Архангельская, А. А. Архипов и др.]. — М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. — 515 с.
12. Цветова Г.В., Матвишин М. С. Параметры доступности услуг ипотечного жилищного кредитования //Власть и управление на Востоке России. — 2019. — № . 1 (86). — С. 60–67.
13. Шепелев И. А. Обеспечение питанием, жильём и врачебной помощью железнодорожников СССР в условиях коренной модернизации отрасли (1965–1985 гг.) //Манускрипт. — 2017. — № . 3–1 (77). — С. 197–201.
14. Ярных Э.А., Агентова Г. В., Барш Т. И. Статистическое изучение обеспеченности россиян жильем //Россия: тенденции и перспективы развития. — 2019. — № . 14–1. — С. 928–932.
15. Buchanan B. G. Securitization in Emerging Markets //Securitization and the Global Economy. — Palgrave Macmillan, New York, 2017. — P. 141–171.
16. Clapham D. Housing theory, housing research and housing policy //Housing, Theory and Society. — 2018. — Vol. 35. — N. 2. — P. 163–177.
17. Frederickson H. G. Public ethics and the new managerialism: An axiomatic theory //Ethics in public management. — Routledge, 2016. — P. 173–191.

© Метревели Елизавета Георгиевна (metrevelieg@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ

ENTERPRISE CULTURE AND STRATEGIC CHANGE

V. Mishin

Summary. The article discusses the objective links between corporate culture and the ongoing strategic changes in connection with the implementation of the new enterprise strategy. The results of the analysis of the structure and content of corporate culture are presented, dialectical unity of material, relational and spiritual culture is revealed as one of the foundations of the enterprise activity, as a source and driving force during the period of major changes. The use of article materials will help managers to effectively plan and implement strategic changes in the enterprise.

Keywords: strategic changes, corporate culture, economic activity, improving the efficiency of the organization, cultural values of the enterprise, making management decisions.

Мишин Валерий Борисович

*К.э.н., доцент, Рязанский государственный радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина
vbm6565@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются объективные связи между корпоративной культурой и проводимыми стратегическими изменениями в связи с реализацией новой стратегии предприятия. Изложены результаты анализа структуры и содержания корпоративной культуры, раскрывается диалектическое единство материальной, отношенческой и духовной культуры как одной из основ деятельности предприятия, как источника и движущей силы в период осуществления крупных изменений. Использование материалов статьи поможет менеджерам эффективно спланировать и реализовать стратегические изменения на предприятии.

Ключевые слова: стратегические изменения, корпоративная культура, экономическая деятельность, повышение эффективности организации, культурные ценности предприятия, принятие управленческих решений.

Введение

Первоначально слово «культура» означало «обрабатывание» земли, которая в истории возникновения и развитии человечества являлась и является субстанцией экономической деятельности, выполняющей роль как предмета труда, так и средства производства [1].

Позднее, в трудах Цицерона появляется понятие «обработка, совершенствование души». Во втором тысячелетии н.э. слово культура, как синоним обработки и возделывания чего-либо (земли, дерева, металла, человеческой души) получило тесную связь с образованием, воспитанием, развитием человека, с совершенствованием его восприятия мира и поведения в обществе. По мнению автора, в современных условиях культура человека проявляется в его деятельности, которая имеет материальную (вещественную, предметную), ценностную (духовную) и деятельностьную стороны, которые выражают взаимодействие между людьми по поводу совместного создания (производства) и использования материальных ценностей.

Поэтому, близкими по значению к понятию «культура» можно считать такие понятия как «способ жизнедеятельности», «способ взаимодействия людей», «способ

создания материальных благ», то есть способ производства и потребления произведённого из природных материалов необходимых благ для удовлетворения жизненных потребностей. В условиях высокоразвитого общественного разделения труда и рыночной экономики, характеристики культуры распространяются и на отношения распределения материальных объектов и их рыночного обмена.

Культура суммирует и обогащает накопленный опыт, строится и видоизменяется на всем протяжении человеческой истории

Следует заметить, что духовная культура — является результатом осознания материальной жизни и подразумевает воспитание, просвещение, науку, мораль, право, философию, религию, искусство, фольклор, которые являются формами сознания, отражающими материальный образ жизни. Все эти духовные образования в своей специфической, конкретной форме, присущие любой организации, также являются элементами корпоративной культуры.

Культура — важный фактор регуляции отношений между людьми в хозяйственной деятельности, социальных отношений и политики, но она не растворяется в этих сферах деятельности. Она есть качество этих от-

ношений, уровень их развития, морали и нравственности. А также знаний и опыта.

Основная часть

Рассматривая экономическую деятельность с точки зрения культуры, важно отметить, что деятельность людей внутри различных экономических организаций невозможна без совокупности материальных объектов, нематериальных предметов и сложившихся норм, регулирующих отношения в процессе взаимодействия между людьми.

Следует отметить, что материальный способ существования порождает более сложный — нематериальный уровень культуры предприятия, который подразумевает образование, воспитанность, общие и специальные знания, умение работать в коллективе и другие.

Экономическая деятельность, как совместное сотрудничество людей в рамках хозяйственного объединения, невозможна без осмысленно принятых норм производственного взаимодействия, которые также приобретают свои культурные характеристики.

Существенное влияние на формирование корпоративной культуры оказывают все сферы общественной жизни — экономическая, социальная политическая, духовная, политическая и другие.

Корпоративная культура воплощается во всех гранях деятельности:

- ◆ в уровне и качестве использования материальных (основных и оборотных) средств корпорации;
- ◆ в организационной и управленческой структурах предприятия;
- ◆ в миссии и целях организации;
- ◆ в отношениях работников между собой;
- ◆ в договорных и финансовых отношениях с поставщиками и приобретателями производимого продукта;
- ◆ в характере системы управления и других сторонах деятельности организации.

С точки зрения аксиологического (ценностного) подхода ядром и источником корпоративной культуры являются индивидуальные, групповые и общекорпоративные ценности.

Исходя из сказанного выше можно утверждать, что корпоративная культура — совокупность созданных или сложившихся и укоренившихся на предприятии духовных и нравственных ценностей, а также норм делового общения, предопределяющих способ и качественный

уровень коллективного использования материальных ресурсов в корпорации и характер отношений работников между собой и к общему делу [1].

Следует сформулировать принципы корпоративной культуры, на которых она формируется и развивается, благодаря которым она имеет свой внутренний смысл.

1. Корпоративная культура не должна противоречить общественным нормам и ценностям, сложившимся в обществе, конституционному строю и правовому порядку.
2. Корпоративная культура есть результат осознания возможностей и необходимости именно такого способа существования предприятия.
3. Корпоративная культура должна иметь накопительный характер, и сочетаться совершенствоваться с развитием производственного процесса на предприятии.
4. Разумное сочетание этических норм с денежными процессами становится принципиальным требованием корпоративной культуры ввиду того, что целью предприятия должна быть не прибыль, а устойчивое функционирование и развитие предприятия, направленное на удовлетворение здоровых потребностей людей и улучшение условий жизнедеятельности сотрудников предприятия. Прибыль в современных культурных условиях становится средством обеспечения этого развития.

Анализ структуры и содержания корпоративной культуры показывает, что она имеет три основные стороны — материальную (производственный капитал); отношенческую (выражается через взаимодействие членов трудового коллектива); духовной стороны. И материальная, и отношенческая стороны корпоративной культуры фиксируются в совокупности норм, правил, принципов принятых в трудовом сообществе, которые и образуют третью сторону корпоративной культуры — духовную.

Сообразно этому в содержании корпоративной культуры можно выделить три основные части.

Первая составляющая часть — материальная культура предприятия, которая воплощается в характере производственного оборудования, технологии, организационной структуре, производственном и складском помещении, наличии и порядке взаимодействия рабочих мест и так далее. Она является первоосновой в деятельности предприятия.

Вторая часть — реальная отношенческая культура, существующая в сообществе, которая характеризуется структурой производства, производственными отношениями между персоналом, функциональными отноше-

ниями, производственной дисциплиной сотрудников, управленческой системой, договорным, системой мотивации и стимулирования.

Она выражается уровнем образования и направленностью подготовки специалистов, в опыте их работе, в научно-исследовательской деятельности. В системе повышения квалификации и переподготовке кадров, в должностных инструкциях, приказах, внутренние документах.

Третья часть, составляющая корпоративную культуру, (нормы, правила, должностные инструкции, миссия, цели, ценности) существует как сформулированный совокупный идеал деятельности предприятия. В этом смысле корпоративная культура как идеал является источником и движущей силой культурного развития материального объекта (предприятия). На крупных предприятиях создаются творческие коллективы, которые, используя различные виды искусства (живопись, музыка, литература, поэзия, скульптура и другие), которые побуждают работников предприятия на честный и добросовестный труд. Например, на многих передовых предприятиях используется музыкальное сопровождение производственных процессов. Третья часть культуры на предприятии ярко выражается в приказах, положениях, правилах, нормах, распорядке, решениях и других внутренних документах организации.

При рассмотрении изменении содержания и роли культурных ценностей компании в период стратегических изменений следует отметить, что существует два подхода к изучению явлений и процессов — онтологический (изучение сущности, содержания и форм) и аксиологический, который рассматривает отношение людей к предмету с точки зрения его полезности (ценности). Ценности — это материальные или идеальные предметы, которые нужны и полезны человеку с точки зрения удовлетворения его нужд (потребностей).

Аксиологический (ценностный) подход к рассмотрению стратегических изменений на предприятии предполагает анализ диалектического совершенствования культурных ценностей предприятия в период глубоких перемен в его деятельности.

Культурные ценности предприятия — это наиболее значимые рукотворные материальные и духовные предметы, имеющие наиболее важную ценность и оказывающие значимое влияние на жизнедеятельность предприятия и его работников.

Рассматривая закономерности функционирования системы ценностей в период стратегических изменений, отметим, что в этот период на предприятии корпо-

ративные ценности не подвергаются коренной ломке, а совершенствуются в соответствии с новыми условиями деятельности. Их можно разделить на 2 группы: базовые (постоянно действующие, фундаментальные) и надстроечные (актуальные, наиболее важные в текущих условиях), которые устанавливаются, чтобы добиться стратегических целей, направленных на достижение лидерства на рынке, выхода на международный уровень или решения других крупных задач.

Наиболее актуальными ценностями в деятельности компании при проведении стратегических преобразований является управляемость и командность. Они носят принципиально важный характер. Это обусловлено тем, что фундаментальной ценностью коллектива в этот период должен быть командный дух, коллективность, подразумевающие единство отношений между работниками и начальниками на основе исполнительности.

К этой внутрикорпоративной культурной ценности тесно прилегает такая культурная ценность как достижимость результата, определённого руководством. Внедрение в корпоративную жизнь такой ценности позволит обеспечить чёткую функциональность каждого подразделения и структурность предприятия в целом.

Поскольку время является важнейшим ресурсом, а процесс изменений состоит из отдельных частей и имеет определённую логику, то координация усилий во времени по возникновению (началу), развитию работ и их окончанию становится важнейшим элементом корпоративной культуры. Особенно это важно в период проведения сложных преобразований, связанных с диверсификацией предприятия. Таким образом, соблюдение темпа и координации в производственной деятельности предприятия (корпорации) отдельных производственных единиц становится важнейшей культурной ценностью. Эта ценность лежит в основе выполнения требований одного из важнейших экономических законов — экономии времени и структурности производственного процесса.

В период конкретных стратегических изменений существуют высшие ценности корпоративной культуры, являющиеся основой для деятельности всего трудового коллектива. Среди них следует отметить следующие.

Проактивность — это стремление опередить рынок, предложить продукт раньше остальных, предвидеть проблемы и подготовить решения до того, как их найдут конкуренты [2]. Это принципиальный элемент в культуре меняющегося предприятия. Эта ценность побуждает к инновационным устремлениям в производственной деятельности. Генерация идей, разработка инновационных проектов — важнейшее условия развития организации.

Инновационный подход и стремление к совершенствованию продукта. Обеспечение конкурентоспособности товара. Понимание в чём состоят конкурентные преимущества производимой продукции.

Высшей культурной ценностью в период изменений становится целенаправленность каждого сотрудника на достижение личных результатов и общей цели. В этой ценности проявляется единство каждого работника с переживаемыми изменениями на предприятии. Главный результат действия этой культурной ценности — отсутствие сопротивления изменениям со стороны отдельных работников или групп.

Высшей культурной ценностью в период инновационных изменений является доверие работника своему руководителю. Это ключевой фактор сотрудничества в период изменений. Полной информацией о необходимости изменений владеют только топ-менеджеры, они вырабатывают программу и в сложных условиях реализуют план изменений. Не всегда этот процесс идёт гладко, нужны решительность, смелость для принятия решений, поэтому нередко эта ценность становится базовой в период реформ.

Ещё одна культурная ценность, действующая остро в период стратегических изменений состоит в том, что менеджер должен проявлять заботу об условиях труда работников и его материальном доходе.

Следующая высшая культурная ценность — концентрация внимания сотрудников на работе с потребителями продукции и клиентами. Потеря заказчиков из важной группы потребителей является чрезвычайным происшествием, требующим выявления причин и анализа допущенных ошибок.

Ключевыми корпоративными ценностями культуры в период стратегических изменений следует считать следующие:

- ◆ Любая награда для сотрудника должна быть и денежной, и моральной, чтобы человек чувствовал себя ценным и признанным в трудовом коллективе.
- ◆ От успешной деятельности каждого зависит не только его благополучие, но и будущее всей организации.
- ◆ Смелое отношение к инновациям. Постоянный поиск нового. Постоянная работа над новыми продуктами.
- ◆ Компания нуждается в информации, данных, идеях. Любая информация, данные, идеи — всё имеет ценность (например, анализ конкурента).

Таким образом, корпоративная культура и ценности являются важнейшим фактором развития предприятия,

формирования его бренда. В критических ситуациях и на крутых поворотах функционирования организации, именно культура и её нормы становятся стержневыми основами, сохраняющие предприятие в целом, так как сотрудники принимают решения исходя из своей внутренней убеждённости, которая является проекцией культуры и идеологии коллектива.

Основные правила, составляющие содержание корпоративной культуры делятся на базовые и высшие.

Наиболее важные правила называются принципами. Принципы и деловые правила всегда должны быть наполнены нравственными нормами.

Базовая часть корпоративной культуры неизменна. Она должна быть сформирована и существовать на всех этапах деятельности компании и позволяет корпорации быть таковой. Ведь сам смысл совместной деятельности предполагает их постоянное существование.

Высшие принципы и правила взаимодействия сотрудников становятся наиболее актуальными и тесно сопрягаются с целями стратегических преобразований и становятся наиболее актуальными в период изменений производственной деятельности.

В основе базовой части ценностей лежат общепринятые нормы морали и человеческой культуры. Высший слой культуры предприятия выражает особенности деятельности предприятия в конкретном этапе своего развития.

Корпоративные ценности в период стратегических изменений имеют важное значение в практической деятельности предприятия.

В период реализации стратегических изменений сотрудникам важно чувствовать себя частью одного проекта, ощущать свою ценность для коллектива. Это является одним из мотивов к активной деятельности в коллективе. Персонал, работающий в единой культуре и системе ценностей, успешно противодействует нарушениям.

Единая корпоративная культура в период изменений предопределяет доверительный характер взаимоотношений работников на рабочих местах. Поэтому доверие и открытые отношения в этот период становятся базовыми культурными ценностями.

Сотрудники рассматривают проблемы роста и изменений через призму системы личных и корпоративных ценностей. Поэтому именно культура и ценности корпорации становятся основой поведения сотрудников

в критических ситуациях, в том числе и в период глубоких изменений на предприятии.

Место и роль культурных ценностей на предприятии в период стратегических изменений определяется их функциями, которые они выполняют.

Главная функция ценностей — регулятивная. Благодаря ей создаются условия, когда культурные ценности являются камертоном, образцом в производственном поведении сотрудника, основным образом деятельности на своей должности. Понимание несоответствия идеалам, целям, миссии предприятия и другим ценностям корпоративной культуры вызывает у коллектива совокупное стремление измениться в лучшую сторону, утвердить в обыденных отношениях предлагаемые культурные отношения.

Регулятивная функция тесно примыкает к функции внутреннего контроля, которая успешно реализуется благодаря ценностям, усвоенным коллективом и личностями в процессе социализированной жизнедеятельности. Осознание несоответствия высоким требованиям порождает потребность в корректировке своего поведения, становится мотивом личностного развития. Соответствие этим требованиям вызывает чувство удовлетворённости и душевного комфорта, позволяет сотруднику почувствовать себя полноценным и полноценным членом производственного коллектива.

Важной функцией ценностей является прогностическая, позволяющая определить тот образ будущего, к которому следует стремиться коллективу и индивиду в частности.

Важнейшей функцией культурологических ценностей является аксиологическая, которая сама по себе имманентна, внутренне присуща этим ценностям. Она подсказывает людям, что является ценным в их деятельности, а что уже не является таковым.

Заключение

Ввиду сказанного выше можно утверждать, что корпоративная культура является важным элементом механизма развития предприятия в целом.

С точки зрения исторического движения предприятия в период стратегических изменений корпоративная культура имеет накопительный характер, но изменяет соотношение ценностей в своём содержании. В процессе своего развития культура корпорации, сохраняет в себе всё полезное, базовое и обогащается новым содержанием и характеристиками.

Совершенствование содержания корпоративной культуры и ценности предприятия являются ядром развития и совершенствования предприятия, так как они предопределяют отношение производственного коллектива к стратегическим изменениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесников, А. В. Корпоративная культура: учебник и практикум для вузов / А. В. Колесников. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 167 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-02520-0. — Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <http://biblio-online.ru/bcode/451227> (дата обращения: 2.05.2020).
2. Шифрин, М. Б. Стратегический менеджмент: учебник для вузов / М. Б. Шифрин. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 321 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-03440-0. — Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <http://biblio-online.ru/bcode/453560> (дата обращения: 5.05.2020).

© Мишин Валерий Борисович (vbm6565@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

FUNCTIONAL MODEL FOR ASSESSING THE LEVEL OF DEVELOPMENT OF CORPORATE CULTURE

D. Nemtsov

Summary. This article provides an example of building a graphic profile of the level of development of corporate culture. The approach of D. Denison and his colleagues was taken as the basis of the model building mechanism. The main distinguishing feature in the proposed model of corporate culture of the organization is a functional approach.

Keywords: corporate culture, functions of Corporate culture, graphic profile of Corporate culture, level of development of Corporate culture, D. Denison model.

Немцов Денис Владимирович

Аспирант, Университет «Синергия»
alesana.sanders@gmail.com

Аннотация. В данной статье приведен пример построения графического профиля уровня развития корпоративной культуры. За основу механизма построения модели был взят подход Д. Денисона и его коллег. Главной отличительной особенностью в предлагаемой модели Корпоративной культуры организации является функциональный подход.

Ключевые слова: корпоративная культура, функции Корпоративной культуры, графический профиль Корпоративной культуры, уровень развития Корпоративной культуры, модель Д. Денисона.

Введение

На сегодня в Российских предприятиях промышленной и не только отраслях предпринимаются попытки оптимизации процессов и повышения операционной эффективности путем внедрения различных концепций организации бизнеса, но только в исключительных случаях они приводят к значимым положительным результатам. Это делает актуальным исследование факторов, влияющих на восприимчивость данных концепций отечественными предприятиями. Одним из таких значимых факторов является уровень развития Корпоративной культуры, определение которого способствует правильному выбору стратегии внедрения концепций.

В последние годы вопрос корпоративной культуры приобретает особую значимость, привлекая к себе внимание как теоретиков, так и практиков управления. В условиях формирования рыночных отношений, усиления конкуренции, глобализации и интеграции стран в мировое сообщество, предприятия вынуждены постоянно эволюционировать и быстро реагировать на изменения [1]. Движущей силой в этих процессах выступает корпоративная культура, которая объединяет предприятие и персонал единственной миссией, единственной философией, стратегией развития, принципами, ценностями, традициями, создает репутацию в деловом мире, формирует его имидж, повышает конкурентоспособность и обеспечивает конкурентное преимущество.

Корпоративная культура является специфической формой существования взаимосвязанной системы, включающей в себя: во-первых, иерархию ценностей, доминирующих среди сотрудников организации; во-вторых, совокупность способов их реализации, которые преобладают в ней на определенном этапе развития [2].

Но все приведенные выше примеры является способом качественной оценкой Корпоративной культуры, а именно определением типа Корпоративных культур и присвоения им набора особенностей отличающих друг от друга. Данные методы являются неподходящими для получения информации связанной с конкретным уровнем развития Корпоративной культуры, поскольку носят качественный характер. В этой связи была доработана модель Корпоративной культуры Д. Денисона и его коллег, которая включает в себя четыре фактора (адаптивность, миссию, взаимодействие и вовлеченность), оказывающих, по мнению Д. Денисона, наибольшее влияние на эффективность Корпоративной культуры.

В качестве доработки модели Д. Денисона, учитывая рационально-прагматический подход к Корпоративной культуре можно выделить её функции и индикаторы, влияющие на результативность выполнения данных функций (см. таблица 1).

Рассмотрим подробно каждую функцию и выбранные индикаторы:

Таблица 1. Функции Корпоративной культуры и их индикаторы

Функции корпоративной культуры	Индикаторы эффективности
Мотивационная	1. Оценка работы сотрудников 2. Решение проблем 3. Качество исполнения работы
Управленческая	1. Постановка целей 2. Стратегическое планирование 3. Координация
Адаптивная	1. Организационное обучение 2. Чувство принадлежности 3. Перемены в компании
Системообразующая	1. Работа в команде 2. Понимание взаимосвязей 3. Внутренняя информация
Вовлекающая	1. Развитие способностей 2. Система поощрений 3. Удовлетворенность от работы
Идентифицирующая	1. Ответственность и полномочия 2. Ценности 3. Согласие
Имиджевая	1. Ориентир на потребителя 2. Психологическое состояние 3. Положительное отношение к компании

Характеристика «Мотивационной функции» указывает на степень отдачи персонала в выполнении поставленных задач, которая способствует качественному и эффективному достижению целей организации

Мотивирующая функция включает индикаторы:

1. Оценка работы сотрудников — характеризует справедливую мотивирующую и стимулирующую надбавку за достижение каких либо результатов;
2. Решение проблем — характеризует ситуацию, когда сотрудники самостоятельно оказывают инициативу в решении возникающих проблем;
3. Качество исполнения работы — характеризует ситуации, когда дефектные продукции не передается, не изготавливается и не принимается. Так же подразумевает наличия моратория на ошибки.

Характеристика «Управленческой функции» указывает на степень проработки норм и правил управления подразделениями или командами/рабочими группами.

Обозначим индикаторы, входящие в управленческую функцию:

1. Формализация целей — предполагает выбор ясных, четко обозначенных целей и задач, которые согласуются со стратегией и миссией предприятия, а также дают возможность каждому работнику осознать вектор его работы, понять, каким образом его деятельность влияет на достижение целей и задач предприятия в целом [3]

2. Разработка стратегического плана. Данный индикатор включает в себя четко выбранные стратегические установки, которые определяют целенаправленность действий предприятия [4]
3. Координация — отражает четкость соблюдения норм и правил работы команд или рабочих групп, а так же быстрое и адекватное реагирование на получение обратной связи.

Характеристика «Адаптивной функции» свидетельствует о способности организации осуществлять нововведения, а также возможности управленческого звена определять свои ошибки и извлекать из них уроки, навыки при необходимости быстро вливать новых сотрудников в коллектив и рабочий процесс.

Адаптивная функция включает индикаторы [5]:

1. Организационное обучение. Этот индикатор свидетельствует о том, что предприятие способно идентифицировать и верно интерпретировать сигналы внешнего окружения и на основании этого принимать действенные решения, направленные на повышение эффективности бизнеса.
2. Чувство принадлежности — показывает, степень чувства принадлежности сотрудника к достигнутым результатам предприятия.
3. Возможность меняться — это означает, что предприятие способно создавать эффективные механизмы, направленные на удовлетворение потребностей в переменах и совершенствовании бизнес-процессов.

Таблица 2. Шкала оценки уровня эффективности Корпоративной культуры

Оценка в баллах	Уровень развития корпоративной культуры
0–0,25	Очень низкий
0,26–0,5	Низкий
0,51–0,75	Средний
0,76–1	Высокий

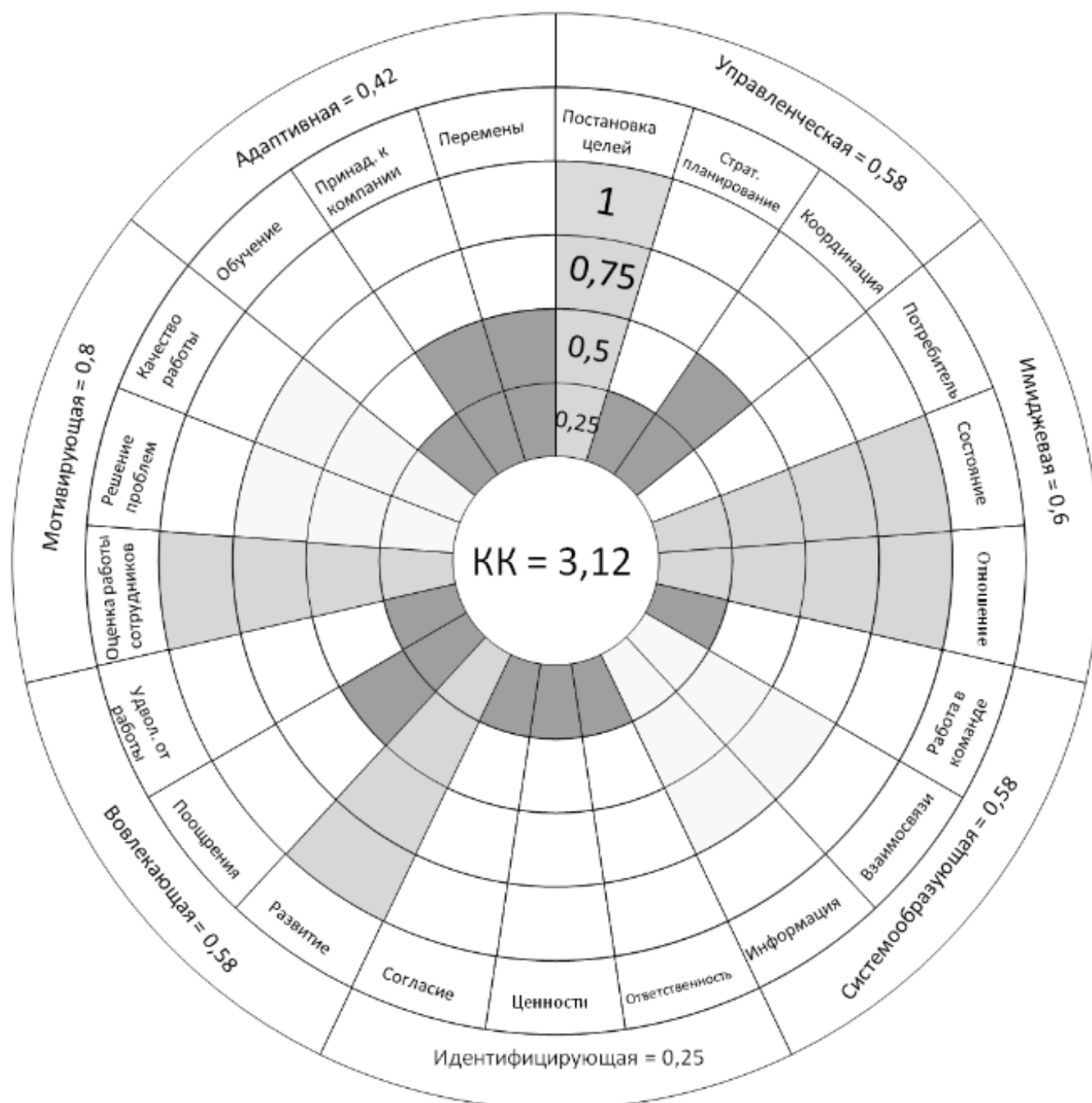

Рис. 1. Пример графического профиля оценки эффективности корпоративной культуры

Характеристика «Системообразующей функции» указывает на степень проработки и системности правил взаимодействия как внутри конкретного подразделения так на предприятии в целом

Системообразующая функция включает индикаторы: [6]

1. Способность работать в команде — свидетельствует о том, что работники компании в процессе совместной работы ориентированы на эффективное сотрудничество и взаимную поддержку, а не на конкуренцию. При этом каждый работник ощущает свою личную ответственность за решение общекомандных задач.
2. Понимание взаимосвязей — означает прозрачность всех необходимых для понимания сотрудников процессов.
3. Внутренняя информация — означает что новая информация о реализации проекта или достижения предприятия каких-либо результатов, а так же информация касающаяся исполнительской деятельности, доходит до всех сотрудников в оперативные и сроки и необходимом объеме.

«Вовлекающая функция» показывает о степени участия работников в деятельности предприятия. Кроме того, она отражает состояние, при котором персонал чувствует, что его деятельность напрямую связана с целями предприятия, что у каждого работника есть полномочия, что высоко ценится работа в команде, а приоритет, в свою очередь отдается развитию и усовершенствованию человеческих способностей.

Вовлекающая функция включает индикаторы: [7]

1. Развитие навыков, повышение квалификации — означает, что предприятие регулярно инвестирует в профессиональный рост своего персонала, с целью повышения конкурентоспособность, а также роста эффективности решения определенных производственных задач.
2. Система поощрений — говорит о наличии работоспособной системы дополнительного стимулирования сотрудников на выполнения задач не входящих в прямые обязанности.
3. Удовлетворенность от работы — характеризует моральное удовлетворение сотрудников от как самого процесса исполнения и решения поставленных задач так и от полученных результатов работы.

Характеристика «Идентифицирующей функции» указывает на степень понимания каждым сотрудником его необходимости предприятию и отождествлению с самой организацией

Идентифицирующая функция характеризуется такими индикаторами:

1. Полномочия и ответственность — отражает ситуацию, когда у сотрудников компании есть инициатива, кроме того они располагают достаточным объемом возможностей для того, чтобы влиять на протекающие рабочие процессы, в которых они участвуют. [8]
2. Ценности — является свидетельством того, что персонал предприятия разделяет установленные принципы корпоративной культуры и определенный ею набор ценностей.
3. Согласие — характеризует ситуацию, когда что персонал предприятия способен достичь консенсуса в спорных ситуациях. Возникающие конфликты быстро улаживаются. [9]

Характеристика «Имиджевой функции» указывает на степень привлекательности предприятия как для заказчика для и для потенциальных профессиональных сотрудников, а так же на формирование внутреннего положительного образа.

Имиджевая функция включает индикаторы:

1. Ориентир на потребителя — характеризует степень удовлетворения потребителей продукции, выпускаемой предприятием, тем самым говоря о степени привлекательности
2. Психологическое состояние — характеризует степень морального состояния сотрудник при нахождении на рабочем месте, при выполнении должностных обязанностей или взаимоотношении с другими сотрудниками
3. Положительное отношение к компании — говорит, что сотрудники готовы отстаивать честь, а так же интересы предприятия, в котором они работают.

Для оценки индикаторов эффективности по каждой функции необходимо провести анкетирование, состоящие из утверждений, описывающих различные аспекты Корпоративной культуры. Получив среднее значение по каждому индикатору функции, путем выведение среднего значения мы формируем значение эффективности функции в целом.

$$\text{ЭФ} = \frac{И1 + И2 + И3}{3},$$

где ЭФ — количественный показатель эффективности функции;

И1, И2, И3 — индикаторы функции.

Общий количественный показатель состояния Корпоративной культуры рассчитывается путем получения суммы значений эффективности всех функций, где мак-

симальный показатель будет равен 7, а минимальный 0. Полученные показатели можно оценивать в соответствии со шкалой развития Корпоративной культуры, представленной в таблице 2.

Итоговый графический профиль оценки развития и эффективности корпоративной культуры предприятия представлен на рисунке 1. Так же одной из особенностей графического изображения эффективности Корпо-

ративной культуры является правильное расположение функций по окружности. Представленный способ делит графический профиль на 2 полярные группы, предложенные в модели Д. Денисона:

1. Группа направления фокуса Корпоративной культуры на внешние или внутренние качества;
2. Группа реакции Корпоративной культуры на воздействия путем сохранения стабильности или гибкости самой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клещев А. Г. Развитие корпоративной культуры предприятия. Кострома: Об-во «Знание», 1999.
2. Кучкаров З.А., Шаляпина С.К, Левенец В. В. Автоматизированное проектирование системы управления персоналом. // Справочник по управлению персоналом. 2002, № 1.
3. Спивак В. А. Корпоративная культура. СПб: Питер, 2001. 10. Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента / пер. с англ. М.: Контроллинг, 1991.
4. Файоль А. Общее и промышленное управление / пер с франц. М.: Контоллинг, 1992.
5. Davis S. Managing corporate culture. Cambridge, MA: Ballinger. 1984.
6. Eisen A. The meanings and confusions of Weberian rationality, British Journal of Sociology № 29, 1978.
7. Kotter J.P., Heskett J. L. Corporate Culture and Performance. N.Y.: The Free Press. 1992.
8. Sathe V. Culture and related corporate realities: Text, cases and readings on organizational entry, establishment, and change. Homewood, IL: Irwin, 1985.
9. Schein E. H. Organizational culture and leadership. The Jossey-Bass Business & management series, 2004.
10. Smirich L. Concepts of Culture and Organizational Analysis// Administrative Science Quarterly. 1983. № 28.

© Немцов Денис Владимирович (alesana.sanders@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Университет «Синергия»

ВЛИЯНИЕ BIM-МОДЕЛИРОВАНИЯ НА ЦИФРОВУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ

THE IMPACT OF BIM MODELING ON DIGITAL CONSTRUCTION

A. Taranov

Summary. The introduction of the digital economy is one of the most important factors in the development of the Russian economy. In construction, the core of the emerging common information space should be a technological platform based on the technology of information modeling of buildings and structures (BIM modeling). The paper considers the concept of information modeling and analyzes the legislation and the practical application of BIM modeling.

Keywords: digital economy, information model, bim-modeling, construction.

Таранов Артемий Игоревич

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
artyom848@gmail.com

Аннотация. Формирование института цифровой экономики является одним из важнейших факторов развития экономики РФ. В строительстве ядром формирующегося единого информационного пространства может стать технологическая платформа, основывающаяся на технологии информационного моделирования зданий и сооружений (BIM-моделирование). В работе рассмотрено понятие информационного моделирования и проведен анализ законодательства и практического применения BIM-моделирования.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационная модель, bim-моделирование, строительство, цифровая трансформация.

Один из наиболее значительных процессов в начале века стал переход от одной технологической платформы к платформе электронно-цифровых технологий. Это было обусловлено тем, что знание по внедрению инноваций стало ключевым критерием к переходу к шестому технологическому укладу, соответственно возросла потребность в высокой обработке и передаче больших массивов информации.

Объектом исследования в данной статье является цифровая трансформация строительной сфере в контексте шестого технологического уклада. Предметом исследования является состояние нормативно-правовой базы и процесс внедрения BIM-технологий в строительной отрасли.

Развитие цифровой экономики затронуло вопросы, связанные с функционированием рынков его продукции, среди которых одними из важнейших являются вопросы ценообразования. Они имеют большую значимость для разных отраслей экономики, в том числе и строительства.

Одним из векторов развития электронно-цифровых технологий стала цифровая экономика, переход на которую в РФ является одним из ключевых приоритетов развития страны. В 2017 году распоряжением Президента № 96 от 03.04.2017 [7] был утвержден состав рабочей группы Экономического совета при Президенте РФ по направлению «Цифровая экономика», которая

реализует программы развития, определяет подходы к цифровой трансформации рынков и отраслей экономики, разрабатывает проекты по созданию, развитию и модернизации инфраструктуры цифровой экономики, обеспечивающей сбор, хранение, обработку и передачу данных [5].

Основопологающим нормативно-правовым актом по реализации цифровой экономики на территории Российской Федерации является распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 года № 1632-р, а также «Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы», где было дано следующее определение цифровой экономики: ««Цифровая экономика — это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». [2].

Цели внедрения цифровой экономики в РФ заключаются в увеличении конкурентоспособности компаний, снижении издержек производства, создании новых рабочих мест для квалифицированных специалистов.

В области строительства одним из мостов цифровой трансформации строительной сферы является инфор-

УРОВЕНЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА

■ Широко применяется в компании ■ Частично используется ■ Не используется

мационное моделирование (BIM — Building Information Modeling). Отсутствие в правовом поле понятия информационной модели было одним из главных барьеров к переходу отрасли на информационное моделирование в проектировании и строительстве.

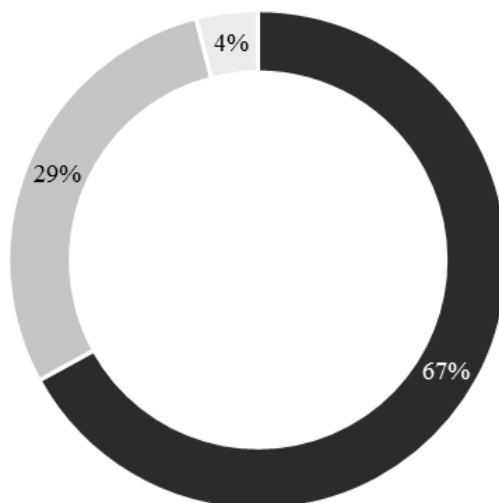
Теперь, согласно Градостроительному кодексу, информационная модель объекта капитального строительства — совокупность взаимосвязанных сведений, документов и материалов об объекте капитального строительства, формируемых в электронном виде на этапах выполнения инженерных изысканий, осуществления архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, эксплуатации и (или) сноса объекта капитального строительства [2].

Данный шаг позволит более активно переходить к цифровой трансформации строительства, а соответственно и экономики.

Однако процесс внедрения цифровой экономики в строительство идет не слишком быстро. В исследовании, проведенном автором, совместно с Strategy Partners Group, показано, что лишь 4% компаний имеют относительно высокий уровень цифровизации производственного процесса. У 25% широко распространен электронный документооборот (безбумажная стройка) и облачные решения для коллаборации — 22%. У 12% BIM является стандартом при проектировании. Только 4% респондентов активно используют интернет вещей — предиктивное обслуживание инфраструктуры, и лишь 8% — контроль за передвижением людей на строительных площадках.

Только 4% респондентов имеют относительно высокий уровень цифровизации корпоративных функций. Наиболее популярное решение — автоматизированное планирование; 25% его широко применяют и 61% используют частично. Интегрированные системы управления проектами и другие информационные системы

Сводные результаты опроса по уровню цифровизации
производственного процесса
% компаний по уровню цифровизации

■ Низкий уровень ■ Средний уровень ■ Относительно высокий уровень ■

широко применяют 7% компаний и частично реализуют 68%.

Процесс цифровой трансформации позволяет не только улучшать уровень строительства, но и служит одним из инструментов повышения конкурентоспособности организации.

Уровень цифровой трансформации производственного процесса служит одним из показателей, позволяющих определить конкурентоспособность организации (рентабельность и долю рынка). Положительная динамика по этим показателям говорит о наличии спроса на продукцию компании и, соответственно, о ее конкурентоспособности. [11, с. 273]

Для активного перехода к цифровой трансформации строительной отрасли 6 августа 2019 года в Министерстве строительства была представлена концепция внедрения системы управления жизненным циклом объектов капитального строительства с использованием технологий BIM-моделирования до 2024 года.

По состоянию на 2019 год и будущие периоды, в концепции отражены следующие задачи:

В 2019 году — внесены изменения в Градостроительный кодекс Российской Федерации, обеспечивающие внедрение технологий информационного моделирования в Российской Федерации, установлен порядок введения обязательного применения информационного моделирования при создании и эксплуатации объектов капитального строительства в первоочередном порядке в социальной сфере.

2020 год — необходимо сформировать правовую базу обеспечивающую внедрение технологий информационного моделирования, разработать/актуализировать нормативно-технические документы, регламентирующие процессы управления жизненным циклом объектов капитального строительства с использованием технологий информационного моделирования.

2021 год — ввести в постоянную эксплуатацию подсистему единой государственной отраслевой цифровой платформы, обеспечивающую формирование и ведение классификатора строительной информации, реализовать возможность использования сервиса участниками инвестиционно-строительной деятельности

2022 год — ввести в постоянную эксплуатацию подсистему единой государственной отраслевой цифровой

платформы, обеспечивающую накопление, хранение, анализ и обмен данными об объектах капитального строительства на протяжении всего жизненного цикла.

2023 год — создать подсистему единой государственной отраслевой цифровой платформы, обеспечивающую создание и ведение реестра цифровых нормативно-технических документов.

2024 год — обеспечить переход на обязательное применение информационного моделирования при создании и эксплуатации объектов капитального строительства в первоочередном порядке в социальной сфере [3].

Анализ правового регулирования информационного моделирования показал, что наблюдается положительная динамика с точки зрения законодательства. Предпринимаются необходимые меры для более прогрессивного перехода к цифровой трансформации строительной сферы. Однако практическая сторона вопроса позволяет сказать, что внедрение BIM-технологий осложнит процесс реализации BIM-технологий и перехода к шестому технологическому укладу в контексте строительства из-за необходимости крупных вложений в использование и развитие информационного моделирования для отдельно взятых организаций.

По мнению автора, одним из ключевых факторов в реализации BIM моделирования может стать совместная разработка российского программного обеспечения и единой платформы. Для соблюдения правил антимонопольного законодательства необходимо распределение ресурсов между компаниями, которые смогут создать и реализовать ПО и платформу.

При внедрении данных разработок необходимо готовить специалистов, разбирающихся не только в строительной сфере, но и программной части. На данном этапе развития технологии информационного моделирования наблюдается нехватка специалистов. Данную проблему можно решить подготовкой специалистов, обладающих необходимым набором компетенций и навыков в сфере BIM-технологий, а также способных работать как с зарубежными программами и отечественными.

Без комплексного подхода к внедрению BIM-моделирования, как разработки программ и платформы, так и подготовки кадров — выполнение пунктов, указанных в концепции внедрения системы управления жизненным циклом объектов капитального строительства с использованием технологий BIM-моделирования до 2024 года невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добрынин А.П. и др. Цифровая экономика — различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA и другие) // International Journal of Open Information Technologies. — 2016. — Т. 4. — № 1. — С. 4–11.
2. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N190-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2019). — consultant.ru
3. Концепция внедрения системы управления жизненным циклом объектов капитального строительства с использованием технологий информационного моделирования в российской федерации / 2019 URL: <https://www.faufcc.ru/cifrovoe-razvitie/bim/kontsepciya/Концепция.pdf>
4. Куприяновский В.П. и др. Умные города как «столицы» цифровой экономики // International Journal of Open Information Technologies. — 2016. — Т. 4. — № 2. — С. 41–52.
5. Малахов В.И. «BIM-NET — Базис цифрового строительства». Москва. 2019 г.
6. Мариненков, Д. В. Информационное моделирование для управления жизненным циклом объекта с помощью технологий Intergraph [Электронный ресурс] / Д. В. Мариненков // Цикл авторских публикаций. — 2015. — URL: http://neolant.ru/presscenter/aboutus/index.php?ELEMENT_ID=2476 (дата обращения: 27.10.2019).
7. Распоряжение Президента РФ от 3 апреля 2017 г. N96-рп «Об утверждении Положения о рабочей группе Экономического совета при Президенте Российской Федерации по направлению «Цифровая экономика»
8. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102431687>
9. Чегодаева М. А. Функциональность информационной модели на этапах проектирования, строительства и эксплуатации здания // Молодой ученый. — 2016. — № 25. — С. 102–105. — URL <https://moluch.ru/archive/129/35716/> (дата обращения: 27.10.2019).
10. Чегодаева, М. А. Информационная модель как основа современных проектных решений [Электронный ресурс] / М. А. Чегодаева // Молодой ученый. — 2017. — № 10. — С. 108–111. — URL: <https://moluch.ru/archive/144/40482/> (дата обращения: 27.10.2019).
11. Голев Д.И., Малинина К. В., Асаул В. В. Обеспечение конкурентоспособности компаний // Вестник гражданских инженеров — 2016. — № 6 (59) — С. 273–277.

АНАЛИЗ ПРИМЕНИМОСТИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ПРИГОРОДНЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПЕРЕВОЗОК В РОССИИ

THE APPLICABILITY OF FOREIGN EXPERIENCE OF ORGANIZING SUBURBAN RAIL TRANSPORT IN RUSSIA

G. Filichev

Summary. The article is devoted to the analysis of the applicability of foreign experience in the organization of suburban rail transportation in Russia. The author noted that in modern conditions of the functioning of the market and the development of public processes, railroad suburban transport has better performance than competitors, which makes it the most socially oriented and safe. In this regard, the industry should reorganize its work in a certain volume of transportation with the simultaneous implementation of measures that reduce the negative impact on society and the environment, which is typical for sustainable development. The author also focuses on the fact that the reorganization concerns, first of all, the administrative structure of the Russian railway. To implement the management functions in rail transport, foreign countries use various organizational models (organizational structures) of management or the form of distribution of functions between the links and the management structure, indicating the composition and mutual subordination of these links, which are studied in this paper.

Taking into account the results of the analysis of the possibilities of continuity of the experience of foreign countries in reforming and developing mechanisms, methodologies and strategies for organizing suburban rail transportation in Russia, the author determined that the improvement of the existing system of domestic passenger traffic control in suburban communication can be implemented by:

- development of scientific principles and research concepts for building management models;
- theoretical and methodological approach to comparing different organizational models of passenger transportation management.

Keywords: suburban transportation, railway transport, organization, management, foreign experience, improvement.

Филичев Григорий Андреевич

Доктор государственного управления — Doctor of Public Administration (DPA), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
gfilichev@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проведению анализа применимости зарубежного опыта организации пригородных железнодорожных перевозок в России. Автором отмечено, что в современных условиях функционирования рынка и развития общественных процессов железнодорожный пригородный транспорт имеет лучшие показатели по сравнению с конкурентами, что делает его наиболее социально направленным и безопасным. В связи с этим отрасль должна реорганизовать свою работу в определенном объеме перевозок с одновременной реализацией мероприятий, которые уменьшают негативное влияние на общество и окружающую среду, что характерно для устойчивого развития. Также автором в работе акцентировано внимание на том, что реорганизация касается, прежде всего, управленческой структуры железной дороги России. Для реализации функций управления на железнодорожном транспорте зарубежные страны используют различные организационные модели (организационные структуры) управления или формы распределения функций между звеньями и структурой управления с указанием состава и взаимной подчиненности этих звеньев, которые исследованы в данной работе.

С учетом результатов проведенного анализа возможностей преемственности опыта зарубежных стран в реформировании и развитии механизмов, методологий и стратегий организации пригородных железнодорожных перевозок в России, автором определено, что усовершенствование существующей системы отечественного управления пассажирскими перевозками в пригородном сообщении может быть реализовано за счет:

- разработки научных принципов и исследовательских концепций построения моделей управления;
- теоретико-методического подхода к сравнению между собой различных организационных моделей управления пассажирскими перевозками.

Ключевые слова: пригородные перевозки, железнодорожный транспорт, организация, управление, зарубежный опыт, совершенствование.

Постановка проблемы

Пассажирские перевозки в пригородном сообщении в современных условиях развития сферы железнодорожного транспорта являются массовыми и наиболее доступными для населения, а, следовательно, имеют высокую социальную значимость. *Актуальность* данного исследования заключается

в том, что накопленный отечественный и зарубежный опыт работы по совершенствованию организации пригородных пассажирских железнодорожных перевозок свидетельствует о необходимости применения новых организационных и технологических решений в управлении перевозками. Для рационального использования пассажирского подвижного состава и повышения удобств, комфорта пассажиров на железных дорогах

России нужно постоянно проводить исследования плотности использования вагонов в поездах пригородного сообщения в зависимости от сезонности, уровня сервиса, качества предоставляемых услуг, а также интервала отправления и дальности перевозок пассажиров. Дальнейшее увеличение перевозок требует формирования нового уровня транспортного обеспечения потребностей экономики и общества. Однако на сегодняшний день технология пригородных перевозок происходит без учета существующего колебания спроса на перевозки, который может меняться.

Основная задача организации пригородных пассажирских перевозок заключается в достижении максимальной эффективности функционирования пригородного пассажирского транспорта, обеспечении полного и качественного удовлетворения спроса населения на перевозки с оправданным уровнем затрат. Одним из основных направлений развития организации пригородных пассажирских перевозок является формирование и дальнейшее совершенствование концепции на основании положительного опыта реформирования вопросов зарубежными странами. *Цель* данной статьи — обосновать направление совершенствования технологии пригородных пассажирских железнодорожных перевозок за счет определения возможностей реформирования направления на основании анализа зарубежного опыта.

Изложение основного материала исследований с обоснованием научных результатов

Система организации пригородных пассажирских перевозок рассматривается как одна из составляющих единой системы пассажирского транспорта. На железнодорожном транспорте система организации перевозок в большинстве стран является поэтапной. На первом этапе устанавливается ожидаемый объем перевозок на основных направлениях и участках, на втором — выбирается оптимальный план формирования составов пригородных поездов, затем составляется схема оборота составов на полигонах сети и разрабатывается график пассажирского движения [5].

Размеры движения пригородных поездов в значительной степени определяют качество и эффективность перевозочного процесса, поскольку с одной стороны с ними связаны условия проезда пассажиров, а с другой — потребность в подвижном составе, необходимая пропускная способность. Учитывая убыточность пригородных пассажирских перевозок и высокую себестоимость, необходимость избегания в перспективе «перекрестного субсидирования», количество поездов должно соответствовать величине и структуре приго-

родных пассажиропотоков, техническим возможностям депо, владельцев и операторов подвижного состава, направлений и станций [4].

Существует ряд научных трудов и разработок, касающихся реструктуризации и развития пассажирских перевозок. Например, С. Рахман в соавторстве с С. Балиджепалли [13] в рамках опыта Индии рассматривает реструктуризацию как организационно-экономические, правовые, технические мероприятия, направленные на изменение структуры предприятия, его управления, форм собственности, организационно-правовых форм, которые способны привести предприятие железнодорожной сферы к финансовому оздоровлению. Таким образом, признается направленность реструктуризации пассажирских перевозок на оздоровление и рост конкурентоспособности.

Исследователи Ли Х., Ян Т. и Ши К., рассматривая опыт Китая, для повышения эффективности пассажирских перевозок предлагает использовать методы логистики и стратегического маркетинга [11]. В своей работе он констатирует, что весь процесс управления пассажиропотоками с начала образования и до момента завершения является единственным логистическим звеном, который может дополняться информационными, сервисными и другими потоками. Также автор приводит схему логистической предпринимательской системы обработки пассажирских потоков, с помощью которой предлагается повысить эффективность пассажирских перевозок. Пассажирский комплекс, по его мнению, — это сложная, условно дискретная, динамично открытая (детерминировано-вероятная) логистическая система, построенная из взаимосвязанных элементов. Для пассажирского комплекса автор предлагает схему взаимозависимости отдельных операций, которая при дифференциации пригородного пассажиропотока позволит уменьшить количество остановок дальних электропоездов в пригородной зоне и, как следствие, увеличить скорость перевозок пассажиров в пригородном сообщении, а также сэкономить значительное количество энергоносителей [11].

Х. Ким, С. Султана и Дж. Вебер в контексте исследования данных по железнодорожным пригородным перевозкам Кореи предлагают определить график изменения пассажиропотоков на маршруте следования с учетом особенностей направления движения каждого пригородного поезда и факторы, влияющие на величину пассажиропотока для каждого региона. Такой подход позволит более обоснованно организовывать систему определения себестоимости перевозок пассажиров и тарифов в пригородном сообщении, оптимизировать длину и график движения пригородных поездов [10].

Результаты исследования динамики развития пригородного скоростного движения на зарубежных железных дорогах, представлены в работах Чжоу Л., Лю Ю, Лю Ин [14]. Авторы сделали вывод, что развитие пригородного скоростного движения на зарубежных железных дорогах происходит в трех направлениях:

- ◆ повышение скоростей на существующих железных дорогах за счет усиления верхнего строения пути и совершенствования конструкции подвижного состава (Великобритания, Германия и некоторые другие страны);
- ◆ строительство специальных скоростных магистралей, изолированных от остальной части сети (Япония);
- ◆ строительство специальных высокоскоростных линий, имеющих пункты стыковки с существующей сетью (Италия, Франция).

Высокоскоростное движение пассажирских поездов является альтернативной системой относительно сфер авиации и автомобилей. Следует отметить также работу Агафонова Д. В. [1], в которой автор подчеркивает, что повышение качества обслуживания пассажиров, увеличение доходов от пассажирских перевозок, снижения эксплуатационных расходов являются главными задачами железнодорожного транспорта Российской Федерации.

В результате реформ железнодорожного транспорта стран СНГ и Балтии наблюдается устойчивая тенденция вывода железных дорог из государственного сектора экономики. В Армении, Грузии, Казахстане, Узбекистане, Латвии, Литве, Эстонии, а также в России, реформирование осуществляется путем акционирования государственных железных дорог [6].

Важный шаг в изменении структуры управления — использование дивизионной организации в управлении транспортом (опыт США, Канады и Мексики): отказ от ориентации только на продукт и национальные границы. Расширение границ структурирования позволяет перейти от узконационального интереса к пониманию того, что железные дороги должны действовать на общем рыночном пространстве, ориентируясь при этом на международные перспективы и участие в совместной конкурентной борьбе с автомобильным и прочим транспортом. Создание таких организационных структур — одна из главных задач стран-участниц ЕС. Поэтому идет поиск новых путей управления железнодорожным транспортом [7].

Реформирование железнодорожного транспорта Швеции направлено на создание условий для деятельности железных дорог на коммерческой основе и проходит в четыре этапа:

1-й этап: рационализация управления; сокращение штата кадров сферы.

2-й этап: совершенствование организационной структуры управления (профит-центры, бизнес-сектора, новая система бухгалтерского учета); разрешение доступа к сети управления железнодорожным транспортом.

3-й этап: повышение качества обслуживания клиентов.

4-й этап: качественное развитие железных дорог (развитие инфраструктуры, подвижного состава) [9].

Особый интерес вызывает транспортная политика Швеции, основные положения которой следующие:

1. Все виды транспорта в конкурентной борьбе должны быть в равных условиях.
2. Разграничение функций управления.
3. Государство берет на себя содержание транспортных сетей.
4. Сборы за оказанные транспортные услуги должны покрывать расходы на содержание.
5. Налоги на сборы не должны ставить один вид транспорта в привилегированное положение по отношению к другому.

Рассматривая отрасль пригородных железнодорожных перевозок в России следует отметить, что Федеральным законодательством ответственность за организацию транспортного обслуживания населения пригородным железнодорожным транспортом возложена на субъекты Российской Федерации (в т.ч. в части определения уровня тарифа для пассажира и компенсации возникающих потерь в доходах перевозчика вследствие тарифного регулирования за счет средств регионального бюджета). Основные принципы организации пригородных перевозок, а также модель регионального заказа, сформулированы и утверждены в Концепции развития пригородных пассажирских перевозок железнодорожным транспортом (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 мая 2014 г. № 857-р) [17]. Также в рамках развития транспортной отрасли в стране принята и полноценно реализуется Транспортная стратегия РФ на период до 2030 года [15].

Проблематика реализации эффективного уровня Стратегии обосновывается тем, что не всеми субъектами страны выполняются установленные положения, из чего следует продуцирование фундаментальной проблемы пригородного комплекса — недофинансирования перевозок. При этом сохраняется проблема дефицита региональных бюджетов, которая является сдерживающим фактором в обеспечении всех потребностей в пригородных железнодорожных перевозках [16]. Эта проблема

должна решаться совместно с Федеральными органами власти в лице Министерства Финансов Российской Федерации путем определения порядка формирования сбалансированности бюджетов дотационных регионов, в том числе за счет межбюджетных трансфертов. В противном случае проблемы будут только усугубляться. Одновременно, в целях снижения потребного размера субсидий субъектами Российской Федерации принимаются решения по увеличению уровня тарифов для населения и оптимизации размеров движения пригородных поездов. При этом значительная часть малонаселенных пунктов, обслуживаемых железной дорогой, не имеет альтернативных видов сообщения, что приводит к ухудшению транспортной обеспеченности населения. В результате снижения объемов транспортной работы затронутыми также оказываются и смежные компании — заводы по производству вагонов электропоездов, вследствие вынужденного уменьшения объема закупок новых вагонов, и заводы, осуществляющие капитальный ремонт парка электропоездов [3].

Убыточность деятельности перевозчиков помимо угрозы банкротства компаний ведет и к еще одной серьезной проблеме: росту дебиторской задолженности ОАО «РЖД». В связи с тем, что пригородные пассажирские компании являются отдельными юридическими лицами и не имеют дополнительных источников для покрытия убытков от перевозочной деятельности, то при отсутствии государственной поддержки основные риски продолжает нести ОАО «РЖД» (как основной поставщик услуг для перевозчиков). Соответственно, ОАО «РЖД» вынуждено отвлекать собственные денежные средства для оплаты труда машинистов, обслуживающих пригородные поезда, счетов на электроэнергию, что приводит к необходимости дополнительного привлечения компанией заемных средств из внешних источников для финансирования своей текущей деятельности, и, как результат, увеличению процентов к уплате, что негативно сказывается на финансовом результате, особенно в условиях складывающейся негативной макроэкономической обстановки. Таким образом, убыточность пригородного комплекса оказывает серьезное отрицательное влияние на деятельность всего железнодорожного транспорта в Российской Федерации [2].

Вопросы соотношения частной и государственной собственности решаются в разных странах неодинаково. В нашей стране особенно популярен вопрос о необходимости обновления организационно-правовой формы акционирования на железной дороге. Его актуальность обусловлена социально-политическими условиями, которые изменились в последние десятилетия. Прежде чем кардинально решать вопрос о собственности, следует согласиться, что оба варианта (частные и государственные железные дороги) имеют положительные и от-

рицательные стороны. В пользу приватизации железных дорог свидетельствует тот факт, что опыт зарубежных стран отражает следующее: частные железные дороги, в отличие от государственных, направляют свою производственно-хозяйственную деятельность на получение прибыли путем диверсификации деятельности, агрессивности и жесткости, более эффективного использования основных фондов и трудовых ресурсов, гибкости и скорости действий на рынке товаров и услуг. Однако приватизация железных дорог возможна только в том случае, если они будут привлекательными для частных инвесторов [12].

Таким образом, если политика государства направлена на сохранение и развитие железнодорожного транспорта путем приватизации, она не может отказаться от контроля над ним и его поддержки. Хотя показатели работы государственных железных дорог в основном ниже, чем частных, нельзя однозначно говорить, что они хуже работают. Такое сравнение не всегда корректно — это связано с выделением инфраструктуры и несовершенством расчетов сравнения.

Итак, анализируя опыт зарубежных стран в отношении применимости механизмов и методов организации (реорганизации), особенно актуальным в современных условиях представляется разработка комплекса задач по определению рациональных эксплуатационных параметров, способствующих повышению эффективности пригородных перевозок, в частности:

- ◆ расчет количества пригородных поездов для освоения пассажиропотока на конкретном участке;
- ◆ организация движения пригородных поездов с разной частотой, вместимостью пассажиров и количеством вагонов;
- ◆ определение показателей, характеризующих качество пригородных пассажирских перевозок и др.

Выводы и предложения

На основе анализа научных работ и разработок по развитию пассажирских перевозок в пригородном сообщении можно сделать следующие заключения:

1. Следует отметить, что сейчас существует ряд научных трудов и разработок по реструктуризации и развития пассажирских перевозок, в том числе и в пригородном сообщении. Зарубежные и отечественные ученые обращают внимание на то, что в современных условиях для успешного функционирования железнодорожной отрасли и интеграции в международное социально-экономическое пространство нужно обеспечить:
 - ◆ реструктуризацию структуры управления отраслью с целью четкого разграничения есте-

- ственно-монопольных и потенциально конкурентных видов хозяйственной деятельности, стимулирование конкуренции во втором случае и усиление государственного контроля в первом;
- ◆ сохранение преимуществ интегрированных систем — технологической целостности, управляемости и надежности;
 - ◆ отказ от затратного принципа ценообразования на услуги субъектов естественных монополий, разделения тарифов на естественно-монопольную и конкурентную составляющие;
 - ◆ полную организационную и финансовую прозрачность деятельности железнодорожных предприятий;
 - ◆ недискриминационный доступ независимых производителей и потребителей к услугам железнодорожной отрасли в условиях эффективного антимонопольного регулирования;
 - ◆ прекращение перекрестного субсидирования различных категорий потребителей.
2. Анализ моделей управления пригородными пассажирскими перевозками в странах мира показал, что, несмотря на различные подходы к структурной реформе пригородного сообщения, существуют определенные совместные действия, которые следует выполнить всем странам. К ним можно отнести выбор организационно-правовой формы субъекта хозяйствования — вновь созданные структуры управления пригородными перевозками.
3. На выбор организационно-правовой формы управления пригородными перевозками влияет ряд факторов:
- ◆ сохранение железнодорожного транспорта как единого производственно-технического комплекса и корпоратизация всех структур;
 - ◆ сохранение государственного регулирования и контроля за деятельностью компаний, реализующих пригородные пассажирские перевозки;
 - ◆ сохранение стабильности работы и безопасного функционирования пригородных пассажирских перевозок;
 - ◆ сохранение социальной защиты работников железнодорожного транспорта;
 - ◆ традиции и учет тенденций развития железнодорожного транспорта в каждой стране;

- ◆ удельный вес железнодорожного транспорта в общем объеме транспортных перевозок;
- ◆ степень развития рыночных условий в конкретной стране;
- ◆ скорость структурной реформы с учетом национальных особенностей характера деятельности кадров сферы и их готовности работать в рыночных условиях.

Для России очень важно учитывать симбиоз указанных факторов, так как это позволит железнодорожному транспорту страны постепенно и надежно интегрироваться в единую европейскую и мировую транспортную систему, исключив возможность негативных последствий структурной реформы.

4. На основе выполненного анализа отечественных и зарубежных научных трудов и практических разработок можно сделать вывод, что рекомендаций по созданию оптимального механизма управления пригородными пассажирскими перевозками, достойного полному использованию опыта конкретной страны, не существует, поскольку в каждой из них рыночные отношения находятся на разных уровнях развития. Кроме того, каждая из стран имеет свои национальные особенности рынка, степень развития железнодорожного транспорта, износ пассажирской инфраструктуры и подвижного состава, производительность труда и различную поддержку правительства страны.

Закономерности, приведенные выше, могут быть использованы при оценке эффективности прокладки в больших городах маятникового графика пригородного движения. Этот принцип также может быть использован при оценке рациональных вариантов размещения в графике движения пригородных поездов, следующих на ближние, средние и дальние расстояния. При современной организации пригородных перевозок железной дороги должны быть лучше удовлетворены требования и спрос потребителей. А с целью обеспечения приемлемой как для пассажиров, так и для перевозчика плотности пригородных поездов, целесообразно прокладывать графики таким образом, чтобы перед поездами дальнего назначения, отправлять поезда на более ближние назначения, что позволит улучшить показатели эффективности пригородных железнодорожных перевозок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов Д. В. Государственное регулирование услуг железнодорожной инфраструктуры в условиях структурного преобразования отрасли (российский и мировой опыт) // Науковедение. 2017. Т. 9. № 2. С. 4–17.
2. Колин А. В., Роменский Д. Ю. Проблемы и перспективы развития мультимодальных пассажирских перевозок с использованием железнодорожного транспорта // Транспортное дело России. 2018. № 2. С. 104–107.

3. Мозговая О.О., Агафонов Д. В. Направления совершенствования механизмов государственного регулирования в целях привлечения и защиты инвестиций в инфраструктуру железнодорожного транспорта // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития: сборник материалов X Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. С. 145–153.
4. Савчук В.Б., Терешко И. В., Чернов Д. Д. Организация и финансирование пригородных железнодорожных пассажирских перевозок // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. 2016. № 2–3. С. 14–19.
5. Терешина Н.П., Флягина Т. А., Чуверина О. Г. Управление деятельностью пригородных пассажирских компаний // Транспортное дело России. 2019. № 2. С. 64–67.
6. Черемин Г. Д. Зарубежный опыт государственной политики в отношении железнодорожного транспорта // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 3 (31). С. 104–111.
7. Щукин В. В. Зарубежный опыт регулирования тарифов на железнодорожные перевозки // Транспортное дело России. 2014. № 2. С. 99–102.
8. Adélé S., Tréfond-Alexandre S., Dionisio C., Hoyau P. A. Exploring the behavior of suburban train users in the event of disruptions // Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour. 2019. Vol. 65. P. 344–362.
9. Caroline H., Yves A. Errac Roadmap WPO3: Urban, Suburban and Regional Rail and Urban Mobility // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 48. P. 2284–2294.
10. Kim H., Sultana S., Weber J. A geographic assessment of the economic development impact of Korean high-speed rail stations // Transport Policy. 2018. Vol. 66. P. 127–137.
11. Li X., Yang T., Shi Q. Applicative Suburban Line Pattern of Urban Rail Transit in China // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 966. P. 2260–2266.
12. Piner D., Condry B. International best practices in managing unplanned disruption to suburban rail services // Transportation Research Procedia. 2017. Vol. 25. P. 4403–4410.
13. Rahman S., Balijepalli C. Understanding the determinants of demand for public transport: Evidence from suburban rail operations in five divisions of Indian Railways // Transport Policy. 2016. Vol. 48. P. 13–22.
14. Zhou L., Liu Yu, Liu Ying. Research on the Spatial-System-Based Rail Transit Systems of the World Cities // Procedia Engineering. 2016. Vol. 137. P. 699–708.
15. Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года (с изменениями на 12 мая 2018 года) // Техэксперт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902132678> (Дата обращения: 28.03.2020).
16. Транспорт России. Информационно-статистический бюллетень. Январь — июнь 2019 года // Министерство транспорта Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mintrans.ru/documents/7/10141> (Дата обращения: 29.03.2020).
17. Распоряжение Правительства РФ от 19.05.2014 N857-р «Об утверждении Концепции развития пригородных пассажирских перевозок железнодорожным транспортом» // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163361/ (Дата обращения: 28.03.2020).

© Филичев Григорий Андреевич (gfilichev@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕСНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЛАСТИ ТАЙ НГУЕН — ВЬЕТНАМ

EVALUATING THE PERFORMANCE OF FOREST ENTERPRISES IN THE TAI NGUYEN REGION-VIETNAM

*Tran Thi Thanh Nga
A. Labudin*

Summary. The study reflects the current state of production activities of timber enterprises and allows us to assess their economic, social and environmental efficiency. The article analyzes the development of timber enterprises in the tai Nguyen — Vietnam region (growth in the number of enterprises, capital, increased exports, labor productivity and expansion of sales markets) and considers the business results and efficiency of their economic activities for the period 2016–2018. according to the following indicators: sales of goods and services, the cost of goods sold and services rendered, income from financial activities, capital for production and development of production, turnover rate/ profit, etc. decision-making on the creation of new or modernization of old production facilities should be balanced and based on a system of performance indicators of enterprises, allowing to assess their feasibility and effectiveness.

Keywords: vietnam Forest enterprise, enterprise performance, enterprise development trends. efficiency, the enterprise of Vietnam.

Чан Тхи Тхань Нга

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
лесотехнический университет имени С. М. Кирова
trannganv@gmail.com

Лабудин Александр Васильевич

Д.э.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный лесотехнический университет имени
С. М. Кирова
labudin59@mail.ru

Аннотация. Исследование отражает текущее состояние производственной деятельности лесопромышленных предприятий и позволяет оценить их экономическую, социальную и экологическую эффективность. В статье на основании анализа развития лесопромышленных предприятий области Тай Нгуен — Вьетнам (роста числа предприятий, размера капитала, увеличения экспорта, производительности труда и расширения рынков сбыта) рассматриваются бизнес-результаты и эффективность их экономической деятельности за период 2016–2018 гг. по следующим показателям: продажа товаров и оказание услуг, стоимость проданных товаров и оказания услуг, доход от финансовой деятельности, капитал для производства и развития производства, норма оборота/ прибыль и т.д. Принятие решений по созданию новых или модернизации старых производств должно носить взвешенный характер и опираться на систему показателей эффективности предприятий, позволяющих оценить их целесообразность и эффективность.

Ключевые слова: лесное предприятие Вьетнама, эффективность деятельности предприятий, тенденции развития предприятий. эффективности, предприятие Вьетнама.

В современной многоотраслевой экономике лесные предприятия играют ключевую роль в управлении национальной экономикой. Они также участвуют в оказании помощи предприятиям других секторов экономики, благодаря чему можно предположить дальнейшее повышение значимости лесопромышленного комплекса в целом. Лесопромышленные компании Центрального нагорья Вьетнама не только играют значительную роль в экономическом развитии региона, но и решают важную социальную задачу. Они обеспечивают занятость местного населения, участвуют в сохранении биоразнообразия и имеют особое значение для национальной безопасности. Они постоянно развиваются, так как их продукция пользуется высоким спросом на мировом рынке. С учетом названных факторов оценка работы предприятий лесной отрасли необходима, поскольку позволяет выявить основные тенденции их развития и в дальнейшем повысить эффективность их работы.

Методика эксперимента

Основным методом, используемым в данном исследовании, является метод сбора, анализа обработки и данных. В статье использованы сравнения для анализа информации и статистические методы описания.

В качестве источников информации для анализа были использованы открытые источники о развитии деревообрабатывающей промышленности, такие, как отчеты о развитии лесного сектора Вьетнама, предоставляемые Министерством финансов, Департаментом промышленности и торговли, Министерством сельского хозяйства и развития сельских районов. главного статистического управления Вьетнама, Генеральным таможенным департаментом, Продовольственной и сельскохозяйственной Организацией Объединенных Наций (ФАО), лесной ассоциацией АСЕАН. организацией «Форест тренд».

Таблица 1. Структура площади естественных лесов по лесным компаниям области Тай Нгуен — Вьетнам

No	Показатели	Единица (га)	Всего
A	Общая площадь угодий	га	876 128,28
I	Общая площадь лесных угодий	га	856 283,07
1	Естественные леса	га	672 555,72
	Древесный лес	га	575 888,5
	Бамбуковый лес	га	9 639,51
	Смешанный лес	га	86 911,51
	Скалистый горный лес	га	71,4
	Хвойный лес	га	44,8
2	Защитные лесные насаждения	га	82 275,48
3	Непокрытые лесом земли	га	101 451,87
II	Прочие земли	га	19 845,21

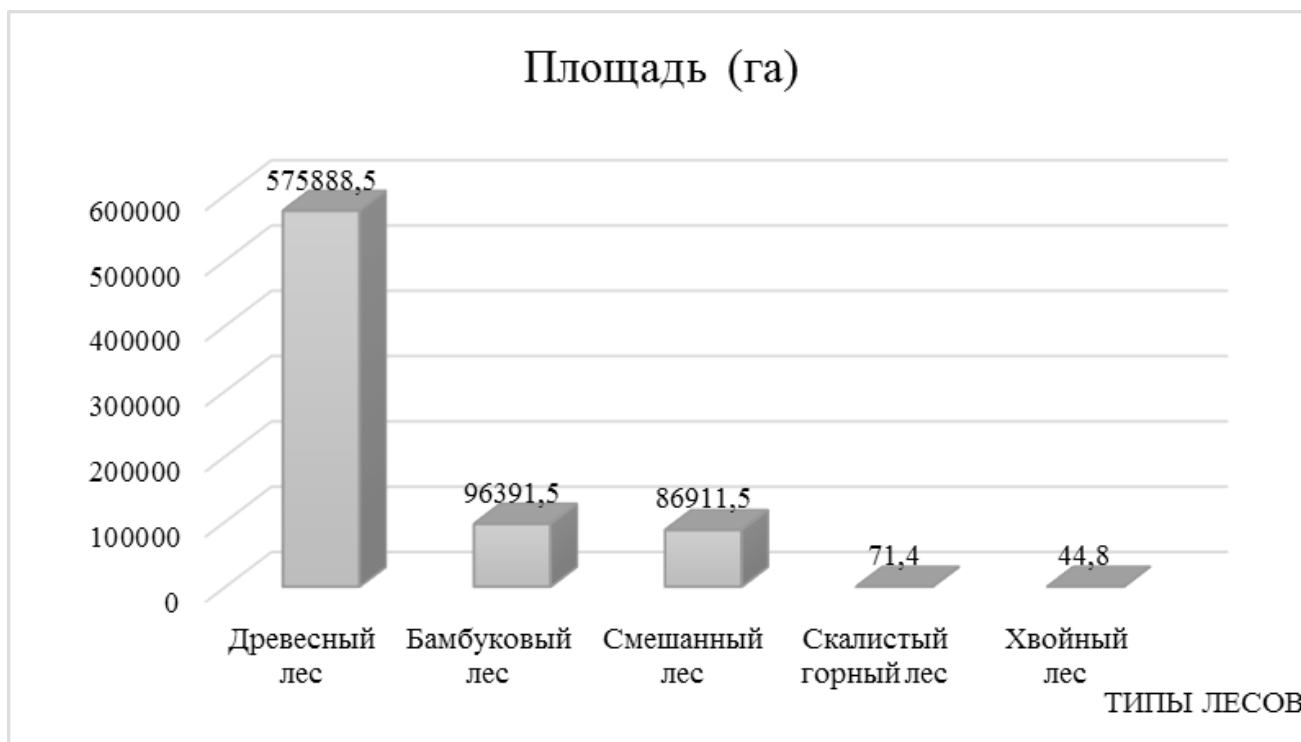

Рис 1. Текущее состояние лесов

Также был проведен анализ информации о деятельности отдельных предприятий деревообрабатывающей промышленности Вьетнама на основе данных бухгалтерского учета, и правленческого учета, бухгалтерской отчетности, статистической информации.

Результаты

Актуальная ситуация производственно-хозяйственной деятельности лесных предприятий области Тай Нгуен — Вьетнам

Во-первых, при описании актуальной ситуации производственно-хозяйственной деятельности лесных предприятий области Тай Нгуен — Вьетнам нужно обратить внимание на необходимость активной деятельности по защите и развитию естественных лесов. Общая площадь лесов, управляемых предприятиями лесопромышленного комплекса, в настоящий момент составляет 856 283,07 га. По функции управления площадь естественных лесов в основном представлена производственными лесами площадью 672 555,72 га, что эквивалентно 78,8%. При этом площадь защитных

Таблица 2. Результаты производственно-хозяйственной деятельности предприятий области Тай Нгуен — Вьетнам (2016–2018 гг.) (В долларах США)

№	Показатели	2016	2017	2018	Средний темп роста%
1	Продажа товаров и услуг	20 485 648	16 638 801	16 546 434	90,3
2	Вычет из выручки	252 235	5 400	0	
3	Чистый объем продаж товаров и услуг	20 460 425	16 633 401	16 546 434	90,4
4	Стоимость проданных товаров	16 293 723	12 823 788	12 433 848	87,8
5	Валовая прибыль от продажи товаров и оказания услуг	4 166 702	3 809 613	4 112 586	99,7
6	Доход от финансовой деятельности	607 883	446 605	477 371	90,2
7	Финансовые расходы (проценты по кредиту)	146 590	114 666	54 485	62,9
8	Расходы по реализации товаров	85 186	54 433	60 473	87,5
9	Расходы на управление предприятием	3 740 555	3 266 016	3 898 750	103,3
10	Чистая прибыль от предпринимательской деятельности	802 255	821 103	576 250	86,3
11	Другие доходы	442 475	1 960 569	2 101 294	275,1
12	Другие расходы	301 984	1 086 868	1 096 850	230,4
13	Прочая прибыль	140 491	873 701	1 004 444	368,4
14	Общая бухгалтерская прибыль до налогообложения	942 746	1 694 805	1 580 694	136,5
15	Расходы по текущему корпоративному подоходному налогу	380 376	468 745	404 241	104,7
16	Расходы по возмещенному корпоративному подоходному налогу	2 505	5 035	0	100,5
17	Прибыль после налогообложения корпоративного дохода	559 865	1 221 025	1 176 453	157,2

Источники: [3];[4]

лесов составляет всего 82 275,48 га, что эквивалентно 9,6%. В таблице 1 представлены статистические данные по объему площадей и запасам природных лесов.

Таким образом, согласно Таблице 1, древесный лес составляет наибольшую долю среди естественных лесов — 85,63%, за ним следует смешанный лес, доля которого занимает 12,9%, остальные типы лесов: бамбуковый лес, скалистый горный лес и хвойный лес — составляют всего 1,8%.

Во-вторых, при описании актуальной ситуации производственно-хозяйственной деятельности лесных предприятий области Тай Нгуен — Вьетнам важно обратить внимание на эксплуатацию и переработку древесины.

В связи с существовавшими ограничениями на эксплуатацию естественных лесов, обеспечивших рост площадей производственных лесов во Вьетнаме, ряд лесопромышленных компаний направил усилия на формирование интенсивных промышленных зон, ориентированных на мно-

гоцелевое производство, что обусловило их высокую экономическую эффективность, привело к увеличению доходов работников и реинвестированию в леса.

В-третьих, необходимо отметить деятельность по развитию и эксплуатации недревесных лесных продуктов. Недревесные лесные продукты (Non-wood forest product) включают недревесные возобновляемые ресурсы, древесину и древесный уголь. Недревесные лесные продукты получают из лесов, лесных угодий или из древесных растений [2]. Области Тай Нгуен — Вьетнам является регионом с преимущественной разработки таких обладающих высокой экономической ценностью недревесных лесных ресурсов, как лекарства, косметика растительного происхождения и продукты экстракции: камедь, смола, дубильные вещества, красители, жирные масла и эфирные масла.

Эффективность производственно-хозяйственной деятельности лесных предприятий области Тай Нгуен — Вьетнам

Таблица 3. Экономическая эффективность на предприятиях лесного хозяйства (2016–2018 гг.)

№	Показатели	Единица	2016	2017	2018	Средний	Средний темп роста%
A	Информация						
I	Общая площадь управляемых земель	Га	914 031	897 695	881 348	897691,6	-
II	Капитал для производства бизнеса	Долл.	381 528	411 497	437 337	410 120,4	107,07
	Фиксированный капитал	Долл.	10 313	10 186	9 956	1 0151,6	98,25
	Оборотный капитал	Долл.	6 275	7 706	9 059	7 679,7	120,18
III	Продажа товаров и услуг	Долл.	20 486	16 639	16 546	1 7890,3	90,33
IV	Прибыль до вычета налога	Долл.	1 149	1 689	1 582	1 473,4	120,31
B	Показатели экономической эффективности						
1	Оборот за 1 га управляемых земель	Долл./га	0,022	0,019	0,019	0,020	91,99
2	Прибыль за 1 га управляемых земель	Долл./га	0,001	0,002	0,002	0,002	122,52
3	Норма оборота / прибыль	Долл./га	0,056	0,101	0,096	0,084	137,56
4	Норма прибыли/ Капитал для производства и бизнеса	Долл./га	0,003	0,004	0,004	0,004	112,19
5	Норма прибыли/ Фиксированный капитал	Долл./га	0,111	0,166	0,159	0,145	122,32
6	Норма прибыли/ Оборотный капитал	Долл./га	0,183	0,219	0,175	0,192	99,67

Источник: [1][5]

Производственная деятельность лесных компаний в основном относится к управлению и защите естественных лесов, эксплуатации естественных лесов и растениеводству.

Оборот в 2017 и 2018 годах снизился по сравнению с 2016 годом, что связано со стихийными бедствиями. Прочая прибыль за эти годы увеличилась, а средний темп роста составил 368,4%. Общая бухгалтерская прибыль до налогообложения и средняя прибыль после налогообложения 47 лесопромышленных компаний увеличились. Однако в действительности только 21 из 47 компаний (44,68% от рассмотренных нами компаний) имеет в среднем темп роста более 100%. Остальные 26 компаний, составляющие 45,32% от рассмотренных нами лесопромышленных компаний, имеют темп роста менее 100%.

В 2018 году вычет из выручки и расходы по возмещенному корпоративному подоходному налогу равнялись нулю, что показывает, что исследуемые предприятия хорошо контролируют свою деятельность, не нарушают статьи расходов для сокращения продаж по сравнению с прошлым годом.

Результаты производственно-хозяйственной деятельности лесных предприятий области Тай Нгуен — Вьетнам приведены в таблице 2.

Оценка эффективности бизнеса и производства лесных предприятий области Тай Нгуен — Вьетнам

Оценка экономической эффективности

При обращении к таблице анализа экономической эффективности становится очевидным, что бизнес-результаты лесных предприятий в период с 2016 по 2018 год несколько снизились.

- ♦ Капитал для производства и развития компаний увеличивался с годами. В частности, капитал производства и развития бизнеса составляет в среднем 107,06%; фиксированный капитал развития составляет в среднем 98,3%, а оборотный капитал развития — в среднем 120,2%.
- ♦ Выручка от продажи товаров и оказания услуг снизилась со средним темпом роста 90,3% от общего дохода.
- ♦ Прибыль до налогообложения увеличилась со средним темпом роста 120,3%. Поэтому все экономические показатели достигли хороших результатов.

Оценка социальной эффективности

Средний показатель затраты труда на 1 га лесных угодий составляет 0,9 труда/ га. Это также является причиной, которая затрудняет управление лесами и их защиту, поскольку количество рабочей силы на 1 га лесных угодий очень мало.

Количество местных рабочих, вовлеченных в производственно-хозяйственную деятельность предпри-

Таблица 4. Некоторые показатели социальной эффективности предприятий области
Тай Нгуен — Вьетнам

№	Показатели	Единица	Итого
1	Площадь управляемых земель	Га	876 128
2	Затраты труда	Человеко-день	807 922
3	Общий доход	Долл.	2 015 099
4	Прибыль до вычета налога	Долл.	1 452 416
6	Количество работников	Человек	2 218
7	Общий доход работников	Долл./год	3 902 007
8	Общий доход местных жителей	Долл./год	1 487 325
9	Количество местных работников	Человек	2 840
10	Количество труда / га лесных угодий	Работа/га	0,9
11	Средний оборот на 1 работника	Долл./чел./	909
12	Средняя прибыль на 1 работника	Долл./чел./год	655
13	Доход местных жителей	Долл./чел./год	524
14	Средний доход на 1 работника	Долл./чел./год	1 759

Источник: [1];[5]

ятий, в основном сосредоточено в лесопромышленных компаниях с количеством участников 2840. Это нерегулярные рабочие, занимающиеся расчисткой посаженных лесов, рытьем ям, посадкой деревьев, прополкой и удобрением посаженных лесов. Компании нанимают их только для ежедневной работы и в течение шести месяцев сезона дождей с июня по декабрь каждый год.

Таким образом, компании создают рабочие места и вносят свой вклад в повышение доходов жителей региона. Средний доход местных жителей, работающих в лесопромышленных компаниях, составляет около 524 долларов США на человека в год.

Оценка экологической эффективности

Экологическую эффективность деятельности лесопромышленных компаний можно оценить по площадям лесного покрова и биоразнообразию.

- ◆ Лесной покров: общая площадь лесных угодий, находящейся под управлением лесных компаний, составляет 876 128,28 га, из которой лесопокрываемая площадь занимает 712 532 га с средним лесным покровом 78,85%. [6]
- ◆ Биоразнообразие обеспечивается флорой и фауной.

Лесная фауна. Хотя среда обитания естественных видов подвергается воздействию, в сфере ответственности лесопромышленных компаний находится контроль за сохранением численности множества видов фауны с большим разнообразием подвидов. К сохраняемым животным относятся олени, медведи, кабаны, ласки;

сохраняются такие виды птиц, как аргус, дикая курица, турачи, а также рептилии — питон, геккон, вараны и т.д.

Флора. Разнообразие рельефа и климата обеспечило многообразие видов растений, представляющих следующие типы лесов.

В вечнозеленых широколиственных лесах преобладают такие виды древесных растений, как: белые меранти, бук, липа, белое дерево Гондора и т.д.

- ◆ В широколиственных лесах можно выделить такие доминирующие типы древесных, как апитонг, керуинг.

Исходя из приведенных выше результатов исследований и анализа, можно сформулировать следующие основные направления повышения эффективности лесных предприятий области Тай Нгуен — Вьетнам:

- ◆ Расширение направлений производственной и предпринимательской деятельности в соответствии с фактической ситуацией каждого предприятия, позволяющие максимально использовать имеющиеся ресурсы.
- ◆ Развитие производства недревесных лесных ресурсов для создания новых источников дохода и увеличения количества рабочих мест для местного населения. Особо внимание необходимо уделить повышению интереса людей к защите лесов и осознанию ценности лесных ресурсов для национальной безопасности.
- ◆ Государству необходимо инициировать и поощрять различную деятельность, стимулирующую лесопромышленные предприятия к таким направлениям развития лесного производства и бизнеса, которые ведут к инвестированию

в расширение лесных угодий и повышению экологической эффективности лесных площадей.

Кроме того, рассмотрены ключевые направления повышения эффективности работы вьетнамских лесопромышленных компаний. Для обеспечения устойчивого развития лесных предприятий Центрального нагорья Вьетнама необходимо улучшать эффективность про-

изводственной и предпринимательской деятельности, привлекая инвестиционный капитал, который бы обеспечил повышение продуктивности использования земельных, лесных и человеческих ресурсов, вследствие чего важным вопросом становится усиление управленческой роли государства в отдельных населенных пунктах и на предприятиях в ходе их реорганизации в русле инновационного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткое изложение результатов опроса и отчеты о рассмотрении, организации и преобразовании моделей работы лесных компаний в тай нгуен — Вьетнам. 2015.
2. Недревесные лесные товары. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vietnamforestry.org.vn/lam-san-ngoai-go/>
3. Хо Данг Фук, Использование программного обеспечения SPSS в анализе данных, Институт математики, Издательство «Наука и технологии», Ханой. 2007
4. McGowan, Jr.C.B., A simplified approach to demonstrating the irrelevance of dividend policy to the value of the firm, Applied Financial Economics Letters, 1, 2005. Pp 121–214.
5. McGowan, Jr.C.B., A simplified approach to demonstrating the irrelevance of dividend policy to the value of the firm, Applied Financial Economics Letters, 1, 2005. pp121–214
6. Le Sy Viet, Tran Huu Vien, Forestry Planning, Agriculture Publishing House, Hanoi. 1999. 206p.

© Чан Тхи Тхань Нга (trannganv@gmail.com), Лабудин Александр Васильевич (labudin59@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова

ПРОБЛЕМЫ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ (КОРОНАВИРУСА)

PROBLEMS OF HOTEL BUSINESS IN THE CONDITIONS OF PANDEMIC (CORONAVIRUS)

E. Shumakova

Summary. The article is devoted to the consideration of the key problems of the hotel business in a pandemic (coronavirus). Particular attention is paid to the current situation in the hospitality industry. In addition, promising areas for the development of the hotel business in the future and methods for overcoming the crisis are highlighted. So, the emphasis is on the need for state support of hoteliers, the increased use of digital technologies by hotels and special offers for travel planning, the introduction of measures to reduce the risk of cancellation.

Keywords: hotel, pandemic, profit, reservation, travel.

Шумакова Елена Викторовна

*К.э.н., доцент, Дальневосточный Федеральный
Университет, г. Владивосток
shumakova.ev@dvfu.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ключевых проблем гостиничного бизнеса в условиях пандемии (коронавируса). Особое внимание уделено текущей ситуации в индустрии гостеприимства. Кроме того, выделены перспективные направления развития отельного бизнеса в будущем и методы преодоления кризиса. Так, акцент сделан на необходимости государственной поддержки отельеров, активизации использования отелями цифровых технологий и специальных предложений для планирования поездок, внедрения мер по снижению риска отмены бронирования.

Ключевые слова: отель, пандемия, прибыль, бронь, путешествия.

На протяжении многих десятилетий гостиничный бизнес демонстрирует устойчивый динамичный рост и тенденцию к экспансии [1]. Например, количество международных туристических прибытий увеличилось практически в семьдесят раз — с 25 млн. чел. в 1950 г. до 1697 млн. чел. в 2019 г. Даже в период 2000–2010 гг., который был десятилетием «туристического бума», но в тоже время и периодом тяжелых экономических и финансовых кризисов, жесткой пандемии и крупномасштабных природных катаклизмов, общее количество туристических потоков продолжало увеличиваться в среднем на 3,4% [2].

Анализ данных Всемирной туристической организации ООН (ЮНВТО) свидетельствует о том, что гостиничный бизнес является достаточно устойчивым к кризисным явлениям, и именно в условиях посткризисного периода индустрия гостеприимства требует меньше капиталовложений по сравнению с промышленностью и сельским хозяйством и при этом значительно быстрее дает отдачу, позволяя одновременно решать социальные проблемы, а также формировать положительный имидж государства на мировом уровне.

Однако, с углублением глобализации и мировых интеграционных процессов, современные отельеры, находясь под влиянием внешних и внутренних изменений, вынуждены искать новые инструменты и методы управления, основанные на системных и комплексных под-

ходах. Кроме того, гостиничная индустрия, как и любой другой бизнес, в нынешних условиях претерпевает ряд существенных проблем, связанных, в том числе, с экономическим кризисом, нестабильной политической обстановкой в мире, и, в последнее время, с охватившей весь мир пандемией коронавируса.

Как свидетельствуют данные ЮНВТО все классы отелей понесли убытки в результате пандемии, как в развитых, так и в развивающихся странах.

Так, например, в Европе, наибольший ущерб был причинен высококлассным гостиничным комплексам (см. рис. 1).

Согласно информации «РосинвестОтель» в России сильнее всего пострадали гостиничные рынки Москвы, Владивостока, Санкт-Петербурга. По подсчетам журнала Forbes убытки гостиниц в Москве и Санкт-Петербурге из-за коронавируса ежедневно составляют 258 млн. руб. [4].

Очевидно, пандемия коронавируса еще на протяжении продолжительного периода времени будет оказывать негативное воздействие на гостиничный бизнес, трансформируя и полностью меняя существующую до сих пор тенденцию развития.

В данном контексте особую значимость приобретают вопросы, связанные с адекватной оценкой последствий

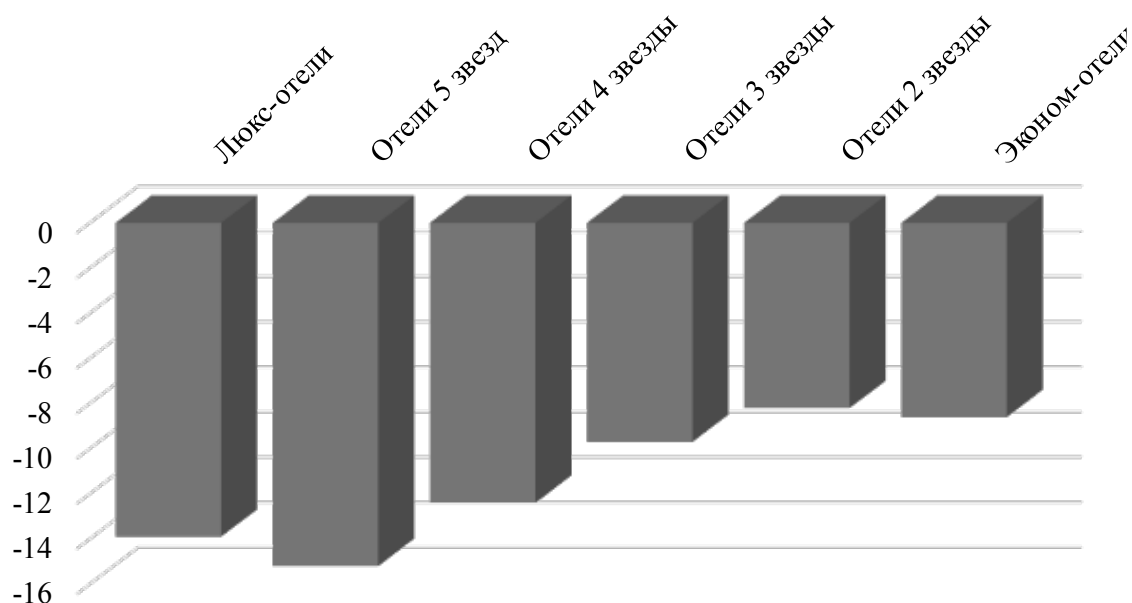

Рис. 1. Падение доходов европейских отелей на номер по состоянию на 07.03.2020, (%) [3]

пандемии и разработкой эффективных мер, способных помочь отрасли преодолеть кризис, что и предопределяет выбор темы данной статьи.

Исследованию вопросов антикризисного управления предприятиями гостиничного бизнеса посвятили свои работы отечественные и зарубежные ученые, в частности А. М. Виноградская, Ю. А. Палеха, В. И. Чубук, Г. Б. Юн, Е. М. Коротков, Дж. Кестер и др.

Меры государственной поддержки сферы гостеприимства в целом рассматривали Котлер Ф., Кох А., Любичева А., Мюллер Б., Райан К., Федакина А., Фрайер В., Штайнеке А и др.

Однако, несмотря на значительное количество научных и практических разработок, посвященных управлению и развитию гостиничного бизнеса в период нестабильности и неопределенности, очевидно, что пандемия коронавируса 2019–2020 гг. не имела аналогов во всем мире до сегодняшнего дня, поэтому вопросы связанные со способами ее преодоления, методами нивелирования негативных последствий и выработкой перспективных векторов развития в ближайшем будущем остаются открытыми.

Отдельный акцент следует сделать на том, что наибольшему риску подвержены малые средства размещения и несетевые гостиничные объекты, работающие на арендованных площадях.

Поэтому, с учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в рассмотрении проблем функционирова-

ния гостиничного бизнеса в условиях пандемии (коронавируса) и обосновании практических рекомендаций по преодолению кризисных явлений.

Главные проблемы гостиничного бизнеса в период пандемии коронавируса связаны со снижением потока гостей, стремительным падением доходов, а также с появлением кассового разрыва. Отсутствие доходных поступлений вызвало необходимость многих отельеров отпустить практически всех сотрудников в отпуск за свой счет до окончания карантина, остановить рекламные кампании и другие расходы.

На сегодняшний день ситуация с пандемией очень нестабильна, поэтому составлять прогнозы развития отрасли на ближайшее будущее не представляется возможным. При этом очевидным является тот факт, что 2020 год будет очень сложным для гостиничной индустрии. На повестке дня стоят задачи сохранить в дееспособном состоянии инфраструктуру, попытаться избежать потерь и уменьшить сокращение персонала до минимума.

Итак, рассмотрим более подробно какие меры позволят преодолеть кризис в сфере гостиничного бизнеса.

Мировое научное сообщество сегодня сходится во мнении, что после пандемии без вмешательства правительства не будет никакой сферы услуг вообще, в том числе и услуг гостеприимства. Поэтому одним из вариантов вывода отрасли из кризиса является государственная помощь и улучшение для бизнеса условий

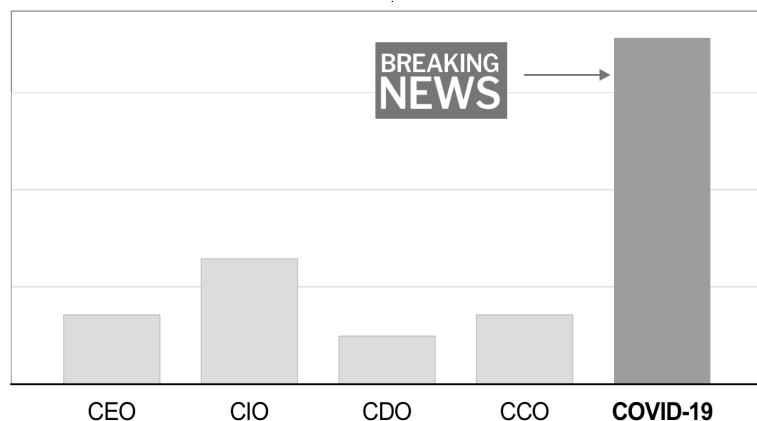

Рис. 2. Факторы, способствующие цифровым трансформациям отелей в 2020 году [5]

при оплате ипотеки. Например, правительство США разработало программу, в соответствии с которой любому гостиничному бизнесу с численностью до 500 человек будет предоставляться безвозвратные кредиты в сумме до 2,5 размеров ежемесячного фонда оплаты труда сотрудников.

Вторым эффективным инструментом, который позволит гостиничному бизнесу преодолеть турбулентность, является активное использование цифровых технологий.

В прошлом отельеры, возможно, и не задумывались об управлении своими отелями на расстоянии, но во время пандемии коронавируса стало очевидно, что технологические решения, благодаря которым сотрудники могут получить удаленный доступ, имеют решающее значение для поддержания работоспособности в условиях социального дистанцирования.

Уже сегодня опросы собственников отельного бизнеса свидетельствуют о том, что пандемия способствовала активному использованию передовых информационно-коммуникационных технологий (см. рис. 2).

Приведем пример направлений использования цифровых технологий в отелях. Так, облачные системы управления имуществом позволяют владельцам отелей управлять своими бизнес-процессами, находясь на удалении, в отличие от старых локальных систем, доступ к которым сотрудники могут получить только на компьютерах отелей. Причем эти технологии позволяют управлять процессами, начиная от бронирования и заканчивая установлением ценовых предложений.

«Облачные» системы обмена сообщениями с гостями позволят владельцам гостиниц общаться со своими

гостями по поводу изменений в бронировании, правил отмены бронирования и возврата денег.

Непосредственно для оживления бизнеса значительную роль играют приобретающие на сегодня популярность программы «Купи сейчас, отдыхай позже», «Гостиничные кредиты» и «Путешествие в будущем».

Суть этих программ сводится к тому, что путешественники могут приобретать облигации и кредиты для поддержки отелей во время вспышки коронавируса и либо использовать их в будущем для отдыха, либо выкупать у отелей с дисконтом.

Также представляется целесообразным отелям в условиях ограничения международных путешествий сосредоточиться на местных туристах. Рекламные кампании с географической ориентацией позволят персонализировать контент отеля в зависимости от местоположения посетителя сайта. Отображение более релевантного контента и акцентирование внимания на других источниках дохода поможет покрыть некоторую часть падения доходов.

Помимо этого, выходом из ситуации может быть предложение о бесплатной отмене бронирования. Использование опции бесплатной отмены брони на будущие даты может снизить предполагаемый риск финансовых потерь для отеля и дать больше шансов в привлечении клиентов.

Таким образом, перспективы преодоления гостиничным бизнесом последствий пандемии коронавируса заключается в расширении использования цифровых технологий, реализации адекватной мер поддержки государством, использовании специальных программ планирования поездок в будущем, снижении риска отмены бронирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шумакова Е. В. Переход к обязательной классификация гостиниц и иных средств размещения как новое направление повышения их конкурентоспособности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 8А. С. 321–326
2. Fissi, Silvia Building a business model for a new form of hospitality: the albergo diffuso // International journal of contemporary hospitality management. 2020. Volume 32: Number 1; pp 307–323.
3. EPRS. European Parliamentary Research Service URL: <https://www.europarl.europa.eu/>
4. Счет пошел на триллионы: сколько российский бизнес потеряет из-за пандемии URL: <https://www.forbes.ru/biznes/396055-schet-poshel-na-trilliony-skolko-rossiyskiy-biznes-poteryaet-iz-za-pandemii>
5. Coronavirus: Survival of the Fittest for Hotels URL: <https://hoteltechreport.com/news/coronavirus>

© Шумакова Елена Викторовна (shumakova.ev@dvfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРИТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ О СУДЕБНОМ ПРИМИРЕНИИ

Баранов Геннадий Александрович

Заместитель председателя, Березниковский
городской суд Пермского края, г. Березники
GennadyuBaranov@yandex.ru

CRITICISM OF CERTAIN PROVISIONS ON JUDICIAL RECONCILIATION

G. Baranov

Summary. Federal law of 26.07.2019 N197-FZ "on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" includes the Institute of "judicial reconciliation" in the Civil procedure code of the Russian Federation. The article presents proposals aimed at improving the effectiveness of law enforcement of this institution.

Keywords: judicial reconciliation; retired judge; courthouse; mediation; civil procedure.

Аннотация. Федеральным законом от 26.07.2019 N197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации включен институт «судебного примирения». В статье приведены предложения, направленные на повышение эффективности правоприменения данного института.

Ключевые слова: судебное примирение; судья в отставке; здание суда; медиация; гражданский процесс.

Итак, статьей 5 Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации дополнен главой 14.1 «Примирительные процедуры. Мирное соглашение», в том числе — статьей 153.6 «Судебное примирение» [1].

Не вдаваясь в дискуссию относительно обоснованности включения данного института в механизм правового регулирования рассмотрения споров, хотелось бы остановиться на одном, достаточно спорном, по мнению автора статьи, моменте.

Напомним, что, в соответствии с частью 3 статьи 153.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, судебным примирителем является судья в отставке [1].

Согласно пункта 5 статьи 15 Регламента проведения судебного примирения, утвержденного Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 № 41 (далее — Регламент) [3], судебное примирение проводится в здании суда, в отдельном помещении, при условии обеспечения проведения совместных, индивидуальных переговоров, создания рав-

ных возможностей для урегулирования спора с учетом интересов сторон и достижения взаимоприемлемого результата примирения.

Из вышеуказанных положений следует, что, по логике законодателя, судебный примиритель, являясь судьей в отставке, и выбранный в качестве примирителя на основании ходатайства сторон, обязан проводить процедуру примирения в здании суда, в специально оборудованном помещении.

Между тем, как показывает практика, реализация этого связана со значительными сложностями.

Во-первых, в настоящее время большинство зданий судов не оборудовано отдельными помещениями для процедур судебного примирения, поскольку это связано со значительными материальными затратами, предполагающими как оборудование непосредственно рабочего места судебного примирителя, так и условий для размещения сторон. Кроме того, необходимо оборудование кабинета судебного примирителя оргтехникой, несение расходов на канцелярские принадлежности. Да и само по себе выделение отдельного помещения в здании суда достаточно проблематично, поскольку сейчас и судьи, и аппарат суда работают в стесненных

условиях, в целях улучшения материально-технического обеспечения судов Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 утверждена Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [2].

В указанной программе средства для оборудования помещений судебных примирителей не предусмотрены.

Во-вторых, институт судебных примирителей лишь формируется. На примере Пермского края, на сегодняшний день Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2020 г. № 1 «Об утверждении списка судебных примирителей» в качестве судебных примирителей утверждено 5 судей в отставке, из которых три — судьи арбитражных судов [4]. Очевидно, что столь небольшое количество судебных примирителей неспособно решить проблему организации процедур судебного примирения на территории всего субъекта.

В-третьих, на взгляд автора, следует учитывать психологические особенности российского правосознания, а именно — сам по себе приход в суд настраивает людей именно на судебный подход к разрешению возникшего между ними спора. Да и судебные примирители, являясь судьями в отставке — насколько просто будет им, что называется, приглушить в себе судью с его авторитарным, властным ведением процесса, находясь в здании суда? Представляется, что это будет в определенной степени затруднительно, а ведь процедура примирения, медиативные технологии как раз предполагают, что судебный примиритель прежде всего организует диалог между сторонами, способствует выявлению их реального интереса в разрешении конфликта, то есть занимает позицию не «над», а «между» сторонами.

Из вышеизложенных положений следует, что, поскольку организация рабочего места судебного примирителя в отдельно взятом суде затруднительна, а также с учетом ограниченности общего количества судебных примирителей, вопросы организации деятельности судебного примирителя нуждаются в корректировке.

Так, например, видится логичным изложение пункта 5 статьи 15 Регламента в следующей редакции: «Судебное примирение проводится в отдельном помещении, при условии обеспечения проведения совместных, индиви-

дуальных переговоров, создания равных возможностей для урегулирования спора с учетом интересов сторон и достижения взаимоприемлемого результата примирения. Стороны вправе согласовать проведение процедур судебного примирения в любом устраивающим их месте».

А также дополнение Регламента пунктом 6 статьи 15: «В здании суда оборудуется помещение, отвечающее требованиям п. 5 ст. 15 Регламента».

Подобное регулирование, на взгляд автора статьи, позволит сторонам процесса, обращаясь к судебному примирителю, выбрать любое удобное для них и для судебного примирителя место (в том числе — организации общественного питания, учебные заведения), позволяющее провести в нем все необходимые процедуры судебного примирения. Кроме того, это позволит судебному примирителю не быть ограниченным территорией нахождения суда, в котором рассматривается спор, а, с учетом ограниченного количества данных примирителей в настоящее время, предложить сторонам любое время и место встречи.

Рассматривая вопрос о возможном экстерриториальном принципе работы судебного примирителя, также возможно обратиться к опыту судебного примирения за рубежом, а именно — в Великобритании.

Так, в настоящее время на территории Великобритании действует Совет по гражданскому посредничеству, организованный Королевской судебной службой [5]. При желании сторон пройти процедуру примирения, лица имеют право обратиться за правовой помощью на сайт данного совета, где им помогут определиться с кандидатурой медиатора, рассчитать стоимость его гонорара. Самое важное в данном случае то, что процедура медиации возможна и по телефону, что значительно экономит время и денежные затраты сторон.

Таким образом, Регламент также возможно дополнить пунктом 7 статьи 15: «При взаимном согласии сторон проведение процедуры судебного примирения осуществляется путем телефонных переговоров либо посредством иных способов связи. Данным способом может быть проведена как вся процедура судебного примирения, так и ее отдельные этапы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации// URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения 17.05.2020)
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 25.12.2019) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»// URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140638/ (дата обращения 17.05.2020)

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336707/ (дата обращения 17.05.2020)
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2020 № 1 «Об утверждении списка судебных примирителей» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=615092#09050967169951669/> (дата обращения 17.05.2020)
5. Информационный ресурс для гражданского, коммерческого и рабочего посредничества в Англии и Уэльсе URL:// <https://civilmediation.org/> (дата обращения 17.05.2020)

© Баранов Геннадий Александрович (GennadyuBaranov@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Березники

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФОРМЫ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

THE PROBLEM OF DEFINING THE CONCEPT OF ADVOCACY AS A FORM OF QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE

A. Vorob'ev

Summary. The article uses legal analysis to define the concept of advocacy as intermediary qualified legal assistance, the main purpose of which is to achieve judicial protection of the attorney's clients. The insufficient level of research on the right to qualified legal assistance has led to the fact that there are disputes in the scientific and educational literature about the definition of this constitutional right due to the vagueness of the criteria for the proposed definitions. In practice, legal assistance may be provided by non-lawyers in proceedings before magistrates and district courts in civil cases. The article offers criteria for distinguishing legal aid from qualified legal aid, and by legally fixing the concept of qualified legal aid, the solution to the problem of the lack of this concept is justified.

Keywords: legal practice, lawyer, qualified legal assistance.

Воробьев Александр Сергеевич

*Адвокат, аспирант, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста РФ), г. Москва
advokat_lex@bk.ru*

Аннотация. В статье посредством правового анализа определяется понятие адвокатской деятельности как посреднической квалифицированной юридической помощи, основной целью которой является достижение судебной защиты доверителей адвоката. Недостаточный уровень исследования права на квалифицированную юридическую помощь привел к тому, что в научной и учебной литературе имеются споры по поводу определения данного конституционного права в связи с размытостью критериев предлагаемых дефиниций. На практике юридическую помощь могут оказывать неюристы при производстве у мировых судей и в районных судах по гражданским делам. В статье предлагаются критерии разграничения юридической помощи от квалифицированной юридической помощи, а также путём легального закрепления понятия квалифицированной юридической помощи обосновывается решение проблемы отсутствия данного понятия.

Ключевые слова: адвокатская деятельность, адвокат, квалифицированная юридическая помощь.

В Основном Законе Российской Федерации — Конституции РФ [1] в ч. 1 ст. 46 установлена гарантия судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. В ч. 1 ст. 48 Конституции РФ закреплена гарантия получения каждым лицом квалифицированной юридической помощи, в том числе и в бесплатном порядке. В ч. 1 ст. 1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2] дано понятие адвокатской деятельности. Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном Законом об адвокатуре, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию. Из указанной дефиниции можно выделить следующие признаки адвокатской деятельности:

- 1) это квалифицированная юридическая помощь;
- 2) это профессиональная помощь;
- 3) данную помощь могут оказывать лица, получившие в установленном законе порядке статус адвоката;
- 4) защита прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию доверителей (физических лиц и юридических лиц).

Стоит отметить, что легального определения «квалифицированная юридическая помощь» в настоящее время не существует. В научной литературе также отсутствует единое понимание данного термина. По нашему мнению, подобный правовой пробел нуждается в разрешении, поскольку отсутствует единое понимание какая деятельность является квалифицированной юридической помощью.

Представляется, что для более точного определения указанной дефиниции необходимо разбить данное конституционное право на два разных термина: «квалифицированный» и «юридическая помощь». Рассмотрим их по отдельности.

Наиболее распространенным в науке является определение юридической помощи как активной профессиональной деятельности лиц, обладающих специальными познаниями в области права, направленной на защиту потенциально нарушаемых или реально нарушенных прав, свобод и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц [6, с. 15]. В. С. Кашковский рассматривает юридическую помощь как «помощь, оказываемую в результате осуществле-

ния профессиональной деятельности юриста, основной целью которой является необходимое содействие в предупреждении нарушения прав, свобод и законных интересов субъектов права, устранении или уменьшении неблагоприятных последствий такого нарушения и восстановлении надлежащего положения субъекта права» [4, с. 36]. С точки зрения А.В. Закомолдина, квалифицированная юридическая помощь — «это деятельность определенных нормами международного и внутригосударственного права субъектов — профессиональных юристов, заключающаяся в установлении смысла нормативно-правовых установлений и совершении юридических и фактических действий, направленных на защиту или восстановление прав, свобод и законных интересов каждого» [3, с. 5]. Шереметова Г.С., из проделанного анализа в своей работе, делает вывод, что квалифицированная юридическая помощь — «это невластное адресное содействие профессиональных субъектов — юристов иным лицам, которое носит публично-правовой характер, целью которого является обеспечение прав, свобод и законных интересов лиц, а также их защита в установленном законом порядке» [7].

Из приведенных определений можно выделить следующие признаки юридической помощи:

Данная деятельность осуществляется специальными субъектами права, получившими высшее юридическое образование, то есть юристами;

Данная деятельность носит целевой характер, направленная на обеспечение, защиту и восстановление прав, свобод и законных интересов лиц;

Юридическая помощь направлена на конкретного адресата, нуждающегося в юридической помощи;

Юридическая помощь — это право нуждающегося лица, а не его обязанность, поэтому эта деятельность не носит публично-правовой характер;

Юридическая помощь — это система мер и средств, таких как консультирование, представительство в судах, государственных и иных организациях, правовой аудит и другое;

Юридическая помощь — это механизм, установленных и гарантированных государством с целью эффективной реализации, защиты и восстановления прав, свобод и законных интересов гражданами через правосудие, правоохранительные органы и пр.

Понятие «квалифицированный» означает: «имеющий высокую квалификацию, опытный, требующий специальных знаний» [5, с. 229]. Под квалификацией в широком смысле этого слова понимается: степень годности к какому-либо виду труда, уровень подготовленности, профессия, специальность [5, с. 229]. Поэтому на наш взгляд, необходимо разделять понятия «квалифицированная юридическая помощь» и «юридическая помощь», так как первое понятие это базовое конституционное право, гарантируемое государством каждому обрившемуся юристу, нотариусу, адвокату, государственному, муниципальному или иному органу за получением юридической консультации, за защитой нарушенных прав, за юридическим закреплением субъективных прав и предупреждением их возможного нарушения в будущем, обладающие специальной квалификацией по разрешению данных вопросов, подтверждаемые наличием образования и учеными степенями, статусом, званием и пр., а юридическую помощь может оказывать лицо, обладающее только соответствующим образованием, без квалификаций. Более того, юридическую помощь у мировых судей, а также в районных судах по гражданским делам может оказывать лицо, не обладающее ни юридическим образованием.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное отметим, что в настоящее время отсутствует понятие квалифицированной юридической помощи, что является серьезным пробелом. В результате нашего исследования, мы пришли к выводу, что квалифицированная юридическая помощь — это помощь юристов, обладающих определенной квалификацией в сфере обеспечения, защиты и восстановления прав, свобод и законных интересов граждан, подтвержденной наличием образования в данной сфере, статусом, ученой степенью, званием и пр. Эта помощь является базовым конституционным правом, которое принадлежит каждому человеку от рождения. Представляется, что необходимо законодательно определить понятие указанного термина с целью устранения существующих противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Конституция Российской Федерации» принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) в «Собрании законодательства РФ», 04.08.2014, N31, ст. 4398.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 N63-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 10.06.2002, N23, ст. 2102.

3. Закомолдин А. В. Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе России: понятие, содержание, гарантии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007.
4. Кашковский В. С. Юридическая помощь как правовая категория и социально-правовое явление: вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л. И. Скворцова — 27 изд., испр. — Москва: Мир и образование, 2018.
6. Черняков И. Г. Реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации: проблемы и перспективы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007.
7. Шереметова Г. С. Право на бесплатную юридическую помощь в гражданском процессе. М.: Статут, 2015. 176 с.// «Консультант Плюс».

© Воробьев Александр Сергеевич (advokat_lex@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАСПОРЯЖЕНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВОМ В ДОГОВОРАХ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

DISPOSAL AND MANAGEMENT OF PROPERTY IN TREATIES OF TRUST MANAGEMENT

V. Gorbunov

Summary. This article discusses the features of the problems of legal regulation and law enforcement practice of the disposal and management of property in trust agreements. The study noted trends in the development of legal relations related to trust management, as well as examples of judicial practice showing problematic aspects that require new understanding not only in theory but also in legislative practice.

Keywords: management, disposition, owner, founder of management, trustee, trust agreement, empowerment, abuse of law.

Горбунов Владимир Александрович

Аспирант, Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
vldgorb@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности проблем правового регулирования и правоприменительной практики распоряжения и управления имуществом в договорах доверительного управления. В исследовании отмечены тенденции развития правоотношений, связанных с доверительным управлением, а также на примерах судебной практики показаны проблемные аспекты, требующие нового осмысления не только в теории, но и законодательной практике.

Ключевые слова: управление, распоряжение, собственник, учредитель управления, доверительный управляющий, договор доверительного управления, расширение полномочий, злоупотребление правом.

Обращение к теме правового регулирования распоряжения и управления имуществом в договорах доверительного управления связано как с повышенным спросом на институт доверительного управления, так и наличием проблем, как законодательного, так и правоприменительного механизма.

В глобальных условиях развития, институт доверительного управления выступает механизмом эффективного управления имуществом.

Стоит признать, что в теоретико-методологическом аспекте, институт доверительного управления достаточно изучен. Однако и на сегодняшний день, существует ряд дискуссий, касающихся таких вопросов как: понятие управления и распоряжения имуществом в договоре доверительного управления, особенности правомочий доверительного управляющего, а также существует множество проблем практического плана, связанных с правоприменением. Кроме этого, в законодательство вносятся постоянно изменения и дополнения, что требует новой оценки.

Современное развитие цивилистической науки напрямую связано с необходимостью новых теоретико-методологических подходов к проблемам гражданского

права на основе потребностей времени, существующих коллизий и достижений в праве.

Институт доверительного управления в гражданском праве является одним из значимых элементов реализации прав собственника на эффективное управление имуществом. Именно доверительное управление позволяет реализовать собственнику имущества различные цели. Так, например, наличие профессиональных навыков доверительного управляющего является важным элементом эффективного управления. Кроме того, собственник избавляется от бремени содержания.

Таким образом, стоит выделить ряд преимуществ договора доверительного управления, в частности:

собственник:

- ◆ освобождается от расходов по содержанию имущества;
- ◆ получает доход от использования недвижимости;
- ◆ сохраняет право собственности на имущество.

управляющий:

- ◆ получает вознаграждение за услуги;
- ◆ не обременен ответственностью, связанной с получением права собственности на объект;

- ♦ может использовать имущество как для личных целей, так и для ведения бизнеса, при наличии соответствующих условий в договоре [6].

Важное значение в реализации доверительного управления имуществом принадлежит управляющему, что создает необходимость разграничения понятия полномочий собственника имущества, и управляющего. Также возникает вопрос о разграничении таких понятий как управление и распоряжение имуществом по договору доверительного управления. Во многом, институт доверительного управления обусловлен необходимостью эффективного управления имуществом, на профессиональной основе.

Правовой основой для регулирования института доверительного управления выступают нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) главы 53 [1]. Согласно ст. 1012 ГК РФ договор доверительного управления — это договор, между двумя сторонами, одной из которой выступает учредитель управления, а другой доверительной управляющий, устанавливающий обязательства по доверительному управлению имуществом.

В рамках правового регулирования договора доверительного управления, на практике необходимо отличать процесс управления и распоряжения имуществом.

В договорах доверительного управления собственник остаётся собственником, но передаёт часть правомочий по распоряжению в согласованных пределах доверительному управляющему. Однако, стоит отметить, что в судебной практике существует ряд проблем, например, когда собственников несколько и, когда возникает необходимость защиты прав отдельного собственника.

Так, например, Толмачевские ГЭС обратились в суд за передачей из доверительного управления доли к «КамГЭК» общество, которое явилось доверительным управляющим. Однако суд при рассмотрении данного дела указал, что не может удовлетворить требования собственника, поскольку договор доверительного управления, который был заключен 24.05.2002 является обязательством со множеством лиц на стороне учредителя управления. При этом, согласно договору, речь идет о долевой собственности и выделение отдельной доли в рамках защиты права невозможно. Это связано с тем, что сам объект, который был передан в доверительное управление каскад ГЭС на реке Толмачева является неделимым [2].

Доверительное управление согласно нормам главы 53 ГК РФ не ведет к потере прав у собственника, а так-

же нормативно-правовых оснований для расширения прав долевого управляющего. Однако в последние годы, по сравнению с прежним периодом развития наметилась тенденция к расширению правомочий, в силу:

1. активного развития института доверительного управления, и получения определенного опыта многими компаниями на рынке доверительного управления, а значит и возможностью злоупотребления правами;
2. проблемами неурегулированности некоторых вопросов, как на стадии заключения договоров, так и на законодательном уровне.

Так, например, в правоприменительной практике зачастую стали встречаться споры, связанные с присвоением прибыли компанией, имеющей правомочия по доверительному управлению.

Так, например, Администрация г. Читы обратилась в суд к ПАО «Межрегиональная распределительная сетевая компания Сибири» о взыскании прибыли по договору доверительного управления имуществом. Сумма иска составила 178,5 млн. руб. Согласно договору доверительного управления объектом доверительного управления явились «Городские электрические сети». Прибыль на основании договора распределялась следующим образом — 80% в бюджет города Читы и 20% управляющей компании. В 2014 г. управляющая организация указала прибыль — 0 руб. Администрация г. Читы на основании сведений регулирующего органа, обратилась в суд. При этом, как выяснилось в ходе судебного заседания

«Межрегиональная распределительная сетевая компания Сибири» включила в расходы по сомнительным долгам сумму в размере 205 584 134 руб. 45 коп. [3]

По мнению И. В. Маштакова, при выходе доверительного управляющего за пределы установленных ограничений распоряжения имуществом, стоит говорить о гражданских правонарушениях [7].

В правоприменительной практике к злоупотреблению правом, помимо недобросовестности, относят и так называемое «неразумное поведение», то есть, такое поведение, которое не соответствует обычному гражданскому обороту или обычаям делового поведения, а также сложившимся подходам к предпринимательскому риску [4].

Так, например, Ш. Обратился в суд к Д. о взыскании денежных средств по договору доверительного управления имуществом в размере 564 753,29 рубля, расходов по уплате госпошлины в размере 8847,53 руб., расходов по оплате нотариальных услуг.

Между Ш. и Д. был заключен договор доверительного управления имуществом № 12–08 (далее по тексту — Договор). Согласно преамбуле Договора Ш. является «Учредителем», а Д. является «Доверительным управляющим». Договор был расторгнут, в связи с тем, что Д. свои обязательства по оплате доходов от доверительного управления в пользу истца не исполнила. В соответствии с приложенным прогнозным бюджетом ответчица обязана оплатить истцу доходы в размере 564753,29 руб. Кроме того, ответчица также не исполнила своих обязательств по предоставлению отчета, что было предусмотрено договором [5].

Однако суд не удовлетворил иски требования Ш. указав, что договор был заключен с физическим ли-

цом — Д., которая индивидуальным предпринимателем не является. Также в суд не представлены доказательства о предпринимательской деятельности.

В данном случае, данный пример наглядно показывает, с одной стороны злоупотреблением правом, а с другой недействительность договора доверительного управления, на что указал суд.

В этом смысле, стоит указать на тенденцию увеличения роли доверительного управляющего по договорам доверительного управления в плане осуществления различного рода значимых финансовых и иных действий, которые могут привести к существенному ущербу для собственника имущества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // СЗ РФ 1996. № 5. ст. 410.
2. Определение Верховного Суда РФ от 29.11.2019 № 303-ЭС19–21548 по делу № А24–5040/2016 // СПС Консультант плюс 2020
3. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 10.11.2017 N Ф02–5912/2017 по делу N А78–7818/2015 // СПС Консультант плюс 2020
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс 2020.
5. Решение Октябрьского районного суда г. Томска № 2–3357/2016 2–3357/2016–М–4251/2016 М–4251/2016 от 19 декабря 2016 г. по делу № 2–3357/2016 // [Электронный ресурс]: <https://sudact.ru/regular/doc/iVbw90sKYlgX/>
6. Любогощинская А. Передача собственности в доверительное управление в 2020 году // [Электронный ресурс]: <https://online-buhuchet.ru/peredacha-sobstvennosti-v-doveritelnoe-upravlenie/>
7. Маштаков И. В. Гражданские правонарушения, возникающие при исполнении договора доверительного управления имуществом по гражданскому законодательству РФ // Вестник Самарской гуманитарной академии Серия Право 2017. №№ 1–2. С. 36–42.

© Горбунов Владимир Александрович (vldgorb@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ БРАЧНОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE MARRIAGE CONTRACT IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

*I. Gribanovskaja
S. Chekulaev*

Summary. The paper examines the issue of similarities and differences between the legislative institutions of the marriage contract of the Russian Federation and the PRC. As a result of applying the historical method, as well as the method of generalization, the empirical method of comparison, it was possible to detect not only differences, but also common features between the marriage contracts of the national legal systems under consideration.

Keywords: family law, marriage contract in Russia, marriage contract in China, property relations, divorce, marriage age.

Грибановская Ирина Алексеевна

*Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток
ira0–00.00@mail.ru*

Чекулаев Сергей Сергеевич

*Ассистент, Дальневосточный федеральный
университет, г. Владивосток
chekulaev@mail.ru*

Аннотация. В работе исследуется вопрос сходства и различия законодательных институтов брачного договора Российской Федерации и КНР. В результате применения исторического метода, а также метода обобщения, эмпирического метода сравнения удалось обнаружить не только различия, но и общие черты между брачными договорами рассматриваемых национальных законодательных систем.

Ключевые слова: семейное право, брачный договор в России, брачный договор в КНР, имущественные отношения, расторжение брака, брачный возраст.

Прежде чем приступать к сравнительно-правовому анализу брачных контрактов двух стран, следует рассмотреть историю его развития в каждой стране.

Понятие «брачный договор» появилось в российском законодательстве сравнительно недавно. Впервые возможность заключения между супругами договора о порядке владения имуществом была упомянута в 1994 году в Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 256 «Общая собственность супругов»). А в новом Семейном кодексе РФ 1996 года брачному договору уделена отдельная глава.

Хотя практика применения данного института существовала еще в царской России, но была прекращена с переходом на совестную систему законодательства. Ярким примером может служить брачный договор между А.С. Пушкиным и его женой Н.Н. Гончаровой, когда после гибели А.С. Пушкина большая часть его имущества была описана за долги, а Н.Н. Гончарова, пользуясь условиями брачного договора, вернула свое приданое¹. Необходимость в разработке нового правового института диктовалась изменившейся реальностью жизни — появление рыночной экономики и частной собственности.

В Китае государство традиционно уделяет особое внимание функционированию и укреплению института семьи, рассматривая его как основу стабильности и процветания.

Закон КНР о браке стал первым законодательным актом, принятым после образования Китайской Народной Республики, это базовый закон, регулирующий брак и семейные отношения, затрагивающий права и интересы каждого гражданина. Он был обнародован 1 мая 1950 года. Закон установил равенство мужчины и женщины в браке, свободу (от воли родителей) в заключении брака, объявил вне закона все насильственно заключенные браки, уравнял в правах внебрачных детей и детей, рожденных в браке, закрепил обязанность родителей воспитывать и содержать своих детей.

Однако в условиях набравшей темпы модернизации китайского общества в 1980 году третьей сессией Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 10 сентября 1980 г. был принят новый, второй «Закон о браке» (он вступил в силу с 1 января 1981 года), закрепивший основные принципы матримониальной системы и отношений между членами семьи: единобра-

чие, равенство мужчины и женщины, свободное вступление в брак.

В январе 2001 года Президиум ПК ВСНП после многочисленных бурных дебатов принял решение о вынесении поправок на широкое всенародное обсуждение. Ли Пэн в своем выступлении в парламенте подчеркнул важность обсуждения поправок в Закон КНР о браке, сказав, что стабильность брака и семьи -ключевой фактор в обеспечении социальной стабильности и социального прогресса. Проект закона был опубликован 15 января 2001 года в средствах массовой информации КНР.

28 апреля 2001 года 28 сессия ПК ВСНП 9 созыва абсолютным большинством (127 голосов — за, 1 — против, 9 — воздержавшихся) утвердила новую редакцию Закона КНР о браке, которая вступила в силу в тот же день.

Целью принятия закона служило установление основных принципов брачных и семейных отношений, что четко прописано в (ст. 1 Законе КНР «О браке»)².

После истории развития, речь пойдет о всех условиях брачного договора двух стран.

Что же представляет собой брачный договор России и КНР?

По действующему законодательству России брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения(ст. 40 СК РФ). Брачный договор может быть срочной, а также условной сделкой (п. 2 ст. 24 СК РФ)³.

По мнению цивилиста Хэ Чжи, "брачный договор рассматривается как гражданско-правовая сделка в той мере, в какой регулируемые им отношения составляют предмет гражданского права, а когда регулируемые им отношения носят личный, неимущественный характер, он не может считаться гражданско-правовой сделкой"⁴. Заключение брачного контракта сегодня в Китае считается нормальным делом. Хотя заключают его пока немногие.

Имея понятие определения брачного договора, перейдем к условиям.

Особенность брачного договора России заключается в его:

- ◆ особом субъективном составе;
- ◆ форме;
- ◆ содержанию;

Кратко раскроем каждую особенность.

Субъектами брачного договора могут быть лица, вступающие в брак (т.е. брачный договор обычно заключается перед государственной регистрацией заключения брака).

Как и в Российском законодательстве в КНР субъектами брачного договора могут быть лица, вступающие в брак.

Регистрация брака осуществляется органами регистрации браков, в который будущие супруги обязаны обратиться лично. Если соблюдены все требования закона, то орган регистрирует брак и выдает свидетельство о браке. С момента регистрации брака между женщиной и женщиной возникают супружеские отношения.

Интересно различие брачного возраста России и КНР.

В Китае самый высокий порог брачного возраста в мире: 20 лет для женщин и 22 года для мужчин. В отличие от России где заключить брак можно с 18 лет.

Считается, что к этому возрасту люди могут стать достаточно самостоятельными и в эмоциональном, и в материальном плане и сделать осознанный выбор. Должны поощряться поздние браки и позднее деторождение. В отличие от России.

В России же лицо не достигшее брачного возраста, имеет право заключить брачный договор. Для этого несовершеннолетний обязан в законном порядке получить разрешение органа опеки и попечительства на вступление в брак.

И заключить брачный договор с письменного согласия:

- ◆ родителей;
- ◆ попечителей;

Содержание брачного договора — это условия, которыми его субъекты определяют соответствующий правовой режим имущества супругов.

Теперь перейдем к рассмотрению имущественных отношений супругов.

В России регулирование имущественных отношений супругов регламентируется ст. 42 СК РФ.

Условия которые могут быть включены в брачный договор:

- ◆ супруги вправе по своему усмотрению включать в брачный договор любые, не противоречащие закону условия;

- ♦ в том числе и о распоряжении имуществом, являющимся личным имуществом каждого из супругов;

Однако в научной литературе ставится вопрос о необходимости включения в содержание брачного договора также неимущественных отношений. В этом случае можно согласиться с точкой зрения Л.Б. Максимовича, что содержание личных неимущественных прав и обязанностей урегулировано в законе и по общему правилу не может быть изменено соглашением сторон, а если таковое все же заключается, то оно носит неправовой характер⁵.

Действительно данный правовой институт не может ограничивать:

- ♦ правоспособность и дееспособность супругов;
- ♦ их право на обращение в суд за защитой своих прав;
- ♦ регулировать личные неимущественные отношения между супругами;
- ♦ права и обязанности супругов в отношении детей;
- ♦ права нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания и др.

При этом предметом брачного договора может являться как уже имеющееся, так и будущее имущество супругов.

В частности, представляется недопустимой, противоречащей действующему законодательству практика, когда брачный договор содержит другие условия, противоречащие нормам семейного законодательства. Из сказанного следует, что законодательство РФ разрешает включение в брачный договор условий, касающихся исключительно имущественных отношений супругов.

Как и в Российском законодательстве в КНР институт брака не может ограничивать:

- ♦ правоспособность и дееспособность супругов;
- ♦ их право на обращение в суд за защитой своих прав;
- ♦ регулировать личные неимущественные отношения между супругами;
- ♦ права и обязанности супругов в отношении детей;
- ♦ права нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания и др.

Суть брачного договора определяется правом супругов на самостоятельный выбор правового режима их имущества. Как и с другими условиями, так и с обязанностями Россия и КНР схожи.

В российском законодательстве одной из обязанностей супругов является обязанность по взаимной мате-

риальной поддержке (п. 1 ст. 89 СК РФ). Так же супруги вправе определить свои права и обязанности по взаимному содержанию в брачном договоре.

Так и в КНР супруги несут обязанность содержать друг друга. В случае невыполнения одним из супругов обязанности по содержанию, нуждающаяся сторона имеет право потребовать от данной стороны выплаты расходов по содержанию(ст. 20 Закона).

Брачный договор по российскому праву и КНР не может содержать условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства.

Суд в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела по своему внутреннему убеждению определяет, поставили ли условия брачного договора одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. В судебной практике к критериям «крайне неблагоприятного положения» относятся, в частности, случаи, когда один из супругов полностью лишается права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака⁶, либо в брачном договоре налицо существенная непропорциональность долей в общем имуществе⁷.

На данный момент в Законодательную Думу РФ внесен законопроект, которым предлагается исключить положение о запрете включения в брачный договор условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение⁸. Авторами законопроекта обосновывается это тем, «что многие супруги опасаются признания заключенного между ними брачного договора недействительным в связи с тем, что его условия рано или поздно поставят одного из них в неблагоприятное положение»⁹.

В настоящее время существование данной нормы необходимо, как способа защиты супруга, оказавшегося в крайне невыгодном положении в результате недобросовестного поведения другого супруга в имущественных отношениях. Ведь большинство признаваемых недействительными по данному основанию брачных договоров заключаются с размытой формулировкой о раздельной собственности на все имущество супругов — «на чье имя оформлено, собственностью того и является». А по итогу оказывается, что все имущество, приобретаемое в браке, оформляется на одного из супругов, а другой остается ни с чем.

В завершение анализа сравним такое понятие, как «расторжение брака».

Как в России, так и в КНР расторжение брака возможно по обоюдному согласию супругов, а также по требованию одной из сторон, в крайнем случае через суд.

Норма закреплена в Семейном кодексе РФ гл. 4 и Закон КНР гл. 4.

В результате исследования сравнительно-правовой анализ брачного договора в Российской Федерации и Китайской Народной Республики позволяет сделать вывод, что брачный договор, со всеми условиями схожи друг с другом.

В Китае законодательство о браке и семье характеризуется простотой и обобщенностью, как и институт брачного договора. В российском законодательстве в сфере регулирования договорных отношений между супругами нуждается в усовершенствовании ввиду существования определенных пробелов в правовом регулировании этой сферы, что порождает последующие проблемы правоприменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. URL: https://bstudy.net/683109/pravo/prava_suprugov_zakreplenie_brachnom_dogovore.
2. Закон КНР «О браке» от 10.09.2001 в ред. от 28.04.2001.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 в ред. от 06.02.2020.
4. Хэ Чжи. Договорное регулирование имущественных отношений в семье. Пекин: Изд-во китайского университета политики и юриспруденции, 2016. С. 116.
5. Максимович Л. Б. Брачный договор в российском праве. М., 2003. С. 127.
6. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1999. — № 1.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.12.2016 № 5-КГ16-17 [Электронный ресурс] — Доступ из справ.— правовой системы «КонсультантПлюс», раздел «Судебная практика» (дата обращения: 02.01.2020).
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона № 835938-7 [Электронный ресурс] — Доступ из справ.— правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.01.2020).
9. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] — Доступ из справ.— правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.01.2020).

© Грибановская Ирина Алексеевна (ira0-00.00@mail.ru), Чекулаев Сергей Сергеевич (chekylaev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ОСВОБОДИВШЕЕСЯ ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

LEGAL PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE CONCEPT «RELAXED RESIDENTIAL ROOM» THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

**A. Gudkov
A. Krasilschikov
V. Mishchenko**

Summary. The article explores some of the problems of law enforcement in the field of housing legislation. In particular, the difficulties associated with the possibility of acquiring vacated residential premises in communal apartments by their other co-owners are highlighted. The legal collisions of the current housing legislation and its conflicting understanding are disclosed in various constituent entities of the Russian Federation, as well as in various judicial instances. Options are proposed for resolving this problem, both by interpreting conflict of laws rules in accordance with the general meaning and principles of housing legislation, and by introducing appropriate changes to it. The authors believe that their proposed solutions will serve the interests of both private entities and public law entities.

Keywords: housing law, communal apartment, vacant housing, pre-emptive right to purchase, municipal property, corruption, interpretation.

Уже более 15 лет прошло со времени принятия нового Жилищного кодекса РФ [3], который, в первую очередь, должен был разрешить огромную массу накопившихся проблем, связанных со сменой общественно — экономической формации нашего государства.

Важнейшими вопросами, в решении которых появилась потребность на тот момент, были вопросы, связанные с социальным наймом жилых помещений: разработка и реализация нового правового механизма постановки на учёт нуждающихся и новых критериев распределения государственного и муниципального жилого фонда, проблемы, связанные с переселением граждан из ветхого и аварийного жилья, ликвидацией коммунальных квартир, как пережитков прошлой эпохи,

Гудков Анатолий Иванович

*К.ю.н., доцент, Владимирский юридический институт ФСИИ России
gudkovaniv@yandex.ru*

Красильщиков Анатолий Владимирович

*К.ю.н., доцент, Владимирский юридический институт ФСИИ России
krasilschikov@inbox.ru*

Мищенко Вячеслав Иванович

*К.ф.н., доцент, Владимирский юридический институт ФСИИ России
vyacheslav-mischenko@mail.ru*

Аннотация. В статье исследованы некоторые проблемы правоприменения в сфере жилищного законодательства. В частности, освещены трудности, связанные с возможностью приобретения освободившихся жилых помещений в коммунальных квартирах другими их собственниками. Раскрываются правовые коллизии действующего жилищного законодательства и его противоречивое понимание в разных субъектах Российской Федерации, а также в различных судебных инстанциях. Предлагаются варианты разрешения данной проблемы, как путем толкования коллизионных норм в соответствии с общим смыслом и принципами жилищного законодательства, так и внесения соответствующих в него изменений. Авторы считают, что предложенные ими решения будут служить в интересах и частных субъектов, и публично-правовых образований.

Ключевые слова: жилищное право, коммунальная квартира, освободившееся жилое помещение, преимущественное право покупки, муниципальная собственность, коррупция, толкование.

Однако, как показывает практика применения жилищного законодательства, за последние 15 лет вопросов осталось не меньше, а те явления, которые должны были искоренены как архаизмы, продолжают иметь место, создавая проблемы гражданам страны и почву для коррупционных проявлений недобросовестных государственных и муниципальных служащих.

Как мы уже отмечали выше, создание достойных жилищных условий, ликвидация коммунального жилья должна была стать одной из основных целей нового жилищного законодательства. К сожалению, прямой нормы, запрещающей коммунальные квартиры в жилищном кодексе, не появилось. Несмотря на это, в законодательстве явно просматривается общая направленность норм на уход от данных форм удовлетворения жилищной потребности граждан.

Россия участвует в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах [1]. Статья 11 этого пакта «Право на достаточный жизненный уровень» включает в себя право на жилище. Замечание общего порядка № 4 «Право на достаточное жилище» (пункт 1 статьи 11 Пакта) даёт определение такого жилища (пункт 7):

«Надлежащее жильё означает отдельное жильё, надлежащую площадь проживания, надлежащую безопасность, надлежащее освещение и вентиляцию, надлежащую основную инфраструктуру и надлежащее местоположение с точки зрения работы и основных услуг, причём всё это — по разумной цене».

Отечественный законодатель в ст. 59 ЖК РФ также акцентирует внимание на данной проблеме: освободившееся жилое помещение в коммунальной квартире... предоставляется по договору социального найма *проживающим в этой квартире нанимателям и (или) собственникам...*!

На решение этой проблемы обращают внимание и высшие судебные инстанции России. Так, пункт 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. N14 [5] гласит о том, что «судам необходимо иметь в виду, что Жилищный кодекс Российской Федерации не содержит норм о праве члена семьи нанимателя жилого помещения потребовать от наймодателя изменения договора социального найма путем заключения с ним отдельного договора социального найма. В связи с этим требование члена семьи нанимателя о заключении с ним отдельного договора найма жилого помещения удовлетворению не подлежит».

Поскольку жилищное право находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ, прослеживается позитивная законодательная работа в этом направлении законодательных органов власти ряда регионов РФ.

Так, пункт 7 Закона Санкт-Петербурга «О порядке и условиях продажи жилых помещений государственного жилищного фонда Санкт-Петербурга» от 02.05.2006 N169–27 [4] гласит: «гражданам, являющимся нанимателями и(или) собственниками (членами семьи нанимателей и(или) собственников) жилых помещений (комнат) в коммунальных квартирах, свободные жилые помещения (комнаты) в данных коммунальных квартирах продаются на основании их заявления в случаях, если в результате продажи данные коммунальные квартиры становятся отдельными».

На наш взгляд, в данных нормах прослеживаются два момента. Во-первых, не допускается создание новых коммунальных квартир. Во-вторых, коммунальные квар-

тиры, которые уже существуют, должны постепенно прекратить свое существование и стать отдельными.

К сожалению, далеко не все регионы приняли законы, касающиеся порядка и условиях продажи жилых помещений государственного и муниципального жилищного фонда, что породило массу трудностей для жильцов коммунальных квартир в вопросе приобретения освободившегося жилья. Возможно трудностей и нет, когда одни лица выехали из коммунальной квартиры, а другие сразу после этого заявили право на освободившееся помещение в течение небольшого промежутка времени.

Но всё становится гораздо сложнее, когда одни жильцы коммунальной квартиры расселены уже давно и занимаемые ими ранее помещения де-юре принадлежат муниципальному образованию, а оставшаяся часть квартиры от других граждан (в свое время их приватизировавшим) перешла по договору дарения новым лицам (ранее никогда не проживавшим в этой квартире) [6].

И вот когда новые счастливые обладатели коммунальной комнаты хотят расширить, улучшить свои жилищные условия путем законного приобретения на основании п. 3 ст. 59 ЖК РФ (покупки у муниципального образования) не занятого жилого помещения, то оказывается, что это сделать практически невозможно.

Как оказалось, главной проблемой в реализации своего права, закрепленного в ст. 59 ЖК РФ для этих собственников, стала неудачная конструкция содержащейся в ней нормы, позволяющей различным субъектам правоприменения толковать термин «освободившееся жилое помещение» по-разному.

Полагаем, что законодатель в ч. 3 ст. 59 ЖК обозначая жильё освободившимся, в первую очередь, акцентировал внимание на *преимущественное право* у граждан (проживающих или имеющих в собственности комнаты в коммунальной квартире), на возможность распоряжаться освободившимися комнатами в той или иной форме, *исключая вероятность заселения* в освободившиеся помещения *других граждан*.

То есть, если это малоимущие и нуждающиеся, проживающие в этой квартире, то они имеют *преимущество перед другими гражданами* на получение освободившихся комнат по договору социального найма, минуя очередность получения жилья и исключая всех возможных кандидатов на эти освободившиеся комнаты в соответствии с ч. 1 ст. 59 ЖК РФ. Статус освободившегося жилого помещения (в данном случае — комнаты в коммунальной квартире) трактуется, что нет граждан, за которыми закреплено хоть какое — то право распоряжаться этими помещениями.

Если нет граждан, которые указаны в ч. 1 ст. 59 ЖК РФ, то преимущество социального найма предоставляется проживающим в этой квартире нанимателям и (или) собственникам, которые могут быть признаны малоимущими (даже не обязательно иметь этот статус, достаточно подтвердить, что признаки малоимущих присутствуют) и обеспечены менее нормы предоставления (ч. 2 ст. 59 ЖК). Статус освободившегося помещения

в данном случае трактуется таким образом, что нет граждан, за которыми закреплено хоть какое-то право распоряжаться этими помещениями.

Обратим особое внимание на исследуемый нами случай ч. 3 ст. 59 ЖК РФ, когда в помещении:

- а) отсутствуют граждане, за которыми закреплено хоть какое — то право на эти помещения или право распоряжаться этими помещениями, т.е. помещение свободно от каких — либо обязательств и прав перед другими гражданами или претендентами на это помещение, (когда оно является *освободившимся* от обязательств и прав на помещения в коммунальной квартире);
- б) отсутствуют граждане из ч. 1 ст. 59 ЖК РФ;
- в) отсутствуют граждане из ч. 2 ст. 59 ЖК РФ. Но, присутствуют граждане, наниматели или собственники комнаты, которые проживают в этой коммунальной квартире и обеспечены общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее нормы предоставления [6].

Согласно норме права ч. 3 ст. 59 ЖК РФ, учитывая, что нет других претендентов на право занять эти комнаты, законодатель предоставляет возможность выкупить по договору купли — продажи освободившиеся от обязательств и прав комнаты в коммунальной квартире гражданам, которые уже там проживают и обживаются обычной мирской жизнью.

Особо отметим, что в случае осуществления данной сделки конструктивно решаются сразу несколько социальных задач, чему и призвано служить жилищное законодательство:

- а) граждане, которые выкупают по договору купли продажи освободившееся помещение (комнату) переходят из категории обеспеченных менее нормы предоставления на одного члена семьи в категорию счастливых собственников отдельной квартиры (причем вся семья), уменьшая тем самым количество нуждающихся в нашей стране за счет самих нуждающихся;
- б) нет необходимости искать для нуждающихся в этой коммунальной квартире другое подходящее им жилье и создавать дискомфорт переездов и адаптаций к новому месту жительства;

- в) ликвидируется коммунальная квартира, создается отдельное полноценное жилье;
- г) пополняется муниципальный бюджет за счет продажи этих помещений;
- д) бремя содержания квартиры целиком переходит на частного собственника, освобождая муниципалитет от необоснованных издержек.

Однако муниципальные власти зачастую отказывают в предоставлении по договору купли-продажи жилых помещений, мотивируя это тем, что «...указанные жилые помещения в коммунальной квартире освободились до того, как заявитель стал собственником комнаты и зарегистрировался в нем по месту жительства, то есть указанные жилые помещения в коммунальной квартире не являются для заявителя освободившимися» [6]. Заявитель обращается в суд, что выливается в ряд разбирательств, которые показывают неоднозначность толкования категории «освободившееся жилое помещение» судами различных инстанций.

Решения суда общей инстанции и кассационной инстанции оказываются в пользу органа публичной власти [6]. Акцент трактовки в них делается не на *освободившееся* от обязательств и прав, а на строку из первой части ст. 59 ЖК РФ, которая гласит «...предоставляется по договору социального найма проживающим в этой квартире нанимателям и (или) собственникам, если они *на момент освобождения* жилого помещения признаны или могут быть в установленном порядке признаны малоимущими и нуждающимися в жилых помещениях. Мы полагаем, что в данной трактовке теряется смысл ч. 3 ст. 59 ЖК РФ предоставить *свободное* от обязательств и прав помещение в коммунальной квартире по договору купли-продажи гражданам, которые приобрели комнату на праве собственности в этой коммунальной квартире, но помещения на этот момент уже были свободными от обязательств и прав. Поэтому заключить договор купли продажи невозможно (даже если на момент подачи заявления в комиссию нет претендентов на освободившиеся комнаты, то все равно отказывают по причине «не были свободны на момент приобретения»). В этом случае граждане обязаны доказать, что они вселились до момента освобождения, а не после.

Если в целом вникнуть в смысл определения суда кассационной инстанции, то дефиниция о том, что «комнаты не могут считаться освободившимися в случае, если на момент вселения в квартиру были свободны», выглядит как-то не совсем логично. В итоге получается пробел в законодательстве: на помещение никто не претендует, оно является освободившимся от прав и обязанностей, но продать его невозможно, так как граждане пропустили момент освобождения жилого помещения и шансов

приобрести его на основании ч. 3 ст. 59 ЖК РФ нет, так как момент освобождения уже не вернуть.

На наш взгляд, самым оптимальным решением в данной ситуации было бы изменение ч. 1 ст. 59 ЖК РФ путем удаления из нее фразы «на момент освобождения жилого помещения», т.к. в начале статьи 59 ЖК РФ помещение и так обозначается «освободившимся».

Однако мы знаем, что изменения в законодательстве представляют собой процесс не быстрый, а проблемы у граждан возникают прямо сейчас, поэтому считаем возможным для разрешения обозначенных проблем применять уже существующие нормы.

Полагаем, что с учетом неоднозначных решений нижестоящих судов, помимо буквального лексического толкования нормы ст. 59 ЖК РФ, нелишним было бы применить к разрешению данного дела аналогию права и аналогию закона (ст. 6 ГК РФ). Общий смысл граждан-

ского и жилищного законодательства, с учетом требований добросовестности, разумности и справедливости подсказывает нам, что решение апелляционной инстанции по данному случаю было бы верным [6], и вело к реализациям задач, обозначенных нами выше.

Что касается аналогии закона, то полагаем возможным применить к данной ситуации пункт 7 Закона Санкт-Петербурга «О порядке и условиях продажи жилых помещений государственного жилищного фонда Санкт-Петербурга» от 02.05.2006 N169–27, позволяющий приобретать помещения (комнаты) в коммунальных квартирах в случаях, если в результате продажи данные коммунальные квартиры становятся отдельными.

В свою очередь, не урегулирование данного пробела и возможность двоякого толкования нормы ст. 59 ЖК РФ создает предпосылки для коррупционных проявлений в области перераспределения и реализации государственного и муниципального жилья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]: Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: [Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32, ст. 3301.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации: [Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2005. — № 1, ст. 14.
4. О порядке и условиях продажи жилых помещений государственного жилищного фонда Санкт-Петербурга: Закон Санкт-Петербурга от 02.05.2006 N169–27 (ред. от 09.04.2020) (принят ЗС СПб 05.04.2006)// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2020).
5. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 //Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2009. — № 9.
6. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2019 N88–1887/2019 по делу N2–254/2019// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2020).

© Гудков Анатолий Иванович (gudkovaniv@yandex.ru),

Красильщиков Анатолий Владимирович (krasilshnikov@inbox.ru), Мищенко Вячеслав Иванович (vyacheslav-mischenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ РЕЕСТРА ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данилюк Лариса Александровна

Преподаватель, Финансовый Университет при
Правительстве Российской Федерации; адвокат, член
коллегии адвокатов «ЭксЛедж» г. Москвы
Moscow.advocate@mail.ru

THE PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLES OF GOOD FAITH AND JUSTICE IN THE CREATION OF THE LIST OF CREDITORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

L. Danilyuk

Summary. The article is devoted to the study of the enforcement of the principles of good faith and justice in bankruptcy. The article analyzes the legal mechanics of the exercise of these principles in creation of the list of creditors. The author analyzes the legislation, as well as materials of judicial practice, and indicates the shortcomings of legal regulation.

Keywords: bankruptcy, list of creditors, good faith, principle of justice.

Аннотация. Статья посвящена изучению реализации принципов добросовестности и справедливости в банкротстве. В статье анализируются правовые механизмы, способствующие реализации данных принципов при формировании реестра требований кредиторов. Автор анализирует законодательство, а также материалы судебной практики, и указывает на недостатки правового регулирования.

Ключевые слова: банкротство, реестр требований кредиторов, добросовестность, принцип справедливости.

Институт несостоятельности (банкротства) является неотъемлемой частью рыночной экономики, поскольку позволяет выводить неплатежеспособных должников из гражданского оборота. Большое значение в регулировании института банкротства имеют принципы права, то есть основные положения, идеи, которые положены в основу правовой регламентации соответствующих общественных отношений [1, С. 98, 38, С. 38].

Российское конкурсное законодательство не содержит легального перечня принципов, однако такие принципы выводятся доктриной [6, 17, 19]. Исследуют проблематику принципов конкурсного права и иностранные ученые [39].

Отметим, что институт банкротства опирается на общеправовые принципы, а также на принципы гражданского права, которые, в свою очередь, могут являться внутриотраслевыми, или же общеправовыми, но получившими специфический окрас гражданского права. Большое значение как для гражданского права, так и для регламентации несостоятельности (банкротства) имеют принципы добросовестности и справедливости.

Исторически принцип справедливости развивался в древних цивилизациях исключительно в рамках фи-

лософско-этических учений. С правовой точки зрения справедливость начали рассматривать только в Древнем Риме [13, С. 17]. Основные начала справедливой жизни в понимании римского права могут быть выражены в формуле Ульпиана: «Жить честно, не делать никому вреда, каждому воздавать своё» [16, С. 70].

В современном российском правовом порядке, имплементировавшем путем рецепции некоторые конструкции римского права, общеправовой принцип справедливости получил различное наполнение в каждой из отраслей права.

В гражданском законодательстве принцип справедливости не закреплён как самостоятельный принцип гражданского оборота; при этом он активно развивается в доктрине [8] и упоминается в отдельных статьях нормативных правовых актов. Из ст.ст. 2 и 6 ГК РФ [12] следует важный вывод: указанные в п.п. 1 и 2 ст. ГК РФ отношения регулируются гражданским законодательством или соглашением сторон; далее, если отсутствует соответствующая норма права или соглашение сторон, применяется обычай делового оборота; если отсутствует и такой обычай, применяется аналогия закона; если аналогия закона невозможна, применяется аналогия права, вместе с требованиями добросовестности, разумности и *справедливости*. В цивилистике справедли-

вость определяется как готовность учитывать интересы других лиц и общественные интересы, нормы морали и нравственности (что выражается, в частности, в отказе от злоупотребления правами), соблюдать равенство в положении участников оборота [18]. Отметим интерес доктрины к исследованию данного вопроса [2, 7, 9].

Принцип добросовестности, как и принцип справедливости, получил своё развитие еще в римском праве. Так, участникам гражданского оборота рекомендовалось строить свои взаимоотношения так, как принято среди честных, добропорядочных людей: *ut inter bonos agere oportet*. Суду же зачастую рекомендовалось рассматривать дела *ex fide bona*, что в отличие от судебного процесса *stricti iuris* предполагало большую свободу и самостоятельность судьи в анализе материала, возможность обращать внимание не на одну только букву закона и (или) договора, но главным образом и на его смысл, приспособляться к изменяющейся жизненной обстановке. В процессе *bonae fidei* судья получил право прибегать в качестве вспомогательного масштаба к *bonum et aequum*, к *naturalis aequitas*, к практике честных людей и т.п. Такое понимание принципа добросовестности воспринято и некоторыми современными правопорядками; оно может быть названо объективным.

Как справедливо отмечает А.В. Коновалов, добросовестность предполагает стремление участника гражданского оборота максимально исключить возможность нарушения его поведением субъективных прав и законных интересов других лиц, осуществлять свои права в строгом соответствии с их содержанием, объемом и назначением. Хотя добросовестность в контексте гражданско-правового принципа и имеет, подобно моральным нормам, этическую составляющую, все-таки в отличие от последних понятие добросовестности обладает вполне конкретным прагматичным содержанием, чрезвычайно важным для устойчивости гражданского оборота [18].

В субъективном же смысле добросовестность представляет собой осознание или, напротив, неведение фактов, с которыми закон связывает те или иные юридические последствия. Таким образом, в центре данного подхода находится заблуждение лица, которое может выражаться как в незнании действительных фактов, влияющих на правовые отношения, так и в ошибочной уверенности в их существовании. Такое заблуждение должно быть извинительным; также, не всякое сознание лица, что оно действует в согласии с правовым порядком, достаточно, чтобы признать это лицо добросовестным.

Таким образом, объединяя оба подхода, можно заключить, что добросовестность — это сочетание такого поведения субъекта, которое соответствует требовани-

ям добропорядочности в отношениях всех субъектов оборота и не является эгоистичным, а также внутренне-го осознания субъектом своей честности перед другими участниками.

Наиболее широкую и комплексную разработку принцип добросовестности, как отмечает доктрина, получил в немецком праве [20]. Нормы о добросовестности являются «открытыми», то есть позволяют судам уточнять, дополнять, развивать право исходя из потребностей общественных отношений [15]. Российское законодательство восприняло данный принцип относительно недавно: первого марта 2013 г. вступили в силу изменения Гражданского Кодекса РФ, среди которых — нормы о добросовестности, внесенные в п. 3, 4 ст. 1 и в ст. 10 ГК РФ. Данные нормы, будучи закрепленными в 1-м разделе ГК РФ, являются общим правилом для всех гражданских правоотношений. Согласно п. 3, 4 ст. 1 ГК РФ, при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Установив обязанность участников правоотношений действовать добросовестно, законодатель не определил критериев и пределов такого добросовестного поведения. Это, в принципе, объяснимо, поскольку в науке в ходе многовековой разработки этого понятия четкие критерии так и не были разработаны. Соответствующие разъяснения были даны Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25 [25], который указал следующее: оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. Таким образом, в данном разъяснении представлен объективный подход к данной проблематике.

Упомянутое разъяснение, однако, также является очень общим и требует в каждом конкретном случае принятия решения судом по своему усмотрению. При таком подходе, безусловно, нельзя исключить ошибку в судебном усмотрении. Зачастую, участники гражданских правоотношений, хотя и понимают, что действуют недобросовестно, однако не могут с полной уверенностью осознавать, что их действия будут расценены судами как недобросовестные, что повлечет соответствующие негативные правовые последствия. И напротив, соблюдение всех общепринятых норм правомерного поведения субъектом гражданских правоотношений не гарантирует защиты от толкования судом его поведения как недобро-

совестного. Модели определения добросовестного или недобросовестного поведения вырабатываются судебной практикой, поэтому, в частности, и в делах о банкротстве, особое значение приобретают правовые позиции судов.

Интересно в данном контексте доктринальное предложение выявлять злоупотребление правом посредством «сопоставления соответствующего действия с предполагаемыми (ожидаемыми) моделями поведения» [4].

Принцип добросовестности тесно связан с принципом недопустимости злоупотребления правом, поскольку, исходя из положений ГК РФ, злоупотребление правом — и есть недобросовестность. Ст. 10 ГК РФ устанавливает три основания применения принципа недопустимости злоупотребления правом: 1) осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана), 2) действия в обход закона с противоправной целью, 3) иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (собственно злоупотребление правом). Таким образом, все три основания являются разновидностью злоупотребления правом, под которым в самом общем смысле понимается недобросовестное осуществление гражданских прав. Следует отметить, что ст. 10 ГК РФ не должна ограничивать толкование п. 4 ст. 1 ГК РФ, поскольку принцип добросовестности не ограничивается неодобрением лишь умышленных действий и не является наказанием, где должна учитываться вина [20, С. 33].

В п. 5 ст. 10 ГК РФ закреплена презумпция добросовестности, что означает обязанность одной стороны указать на недобросовестность другой стороны, при наличии оснований. Более того, как следует из вышеупомянутого Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. Это правило, с одной стороны, обеспечивает дополнительную защиту добросовестного участника, который в силу своей неопытности может не заметить недобросовестного поведения контрагента, а с другой — еще более расширяет компетенцию судов по определению недобросовестных участников оборота. Согласно ст. 10 ГК РФ, последствием недобросовестного поведения является отказ лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично со стороны суда, а также применение иных мер, предусмотренных законом.

В рамках процедуры несостоятельности (банкротства) принципы добросовестности и справедливости

имеют большое значение и проявляются специфично. Значимость указанных принципов определяется необходимостью определения правильного соотношения интересов должника и кредиторов, а также самих кредиторов по отношению друг к другу. Думается, именно конструкция принципов добросовестности и справедливости следует из слов профессора Г. Ф. Шершеневича о том, что «цель конкурсного процесса заключается в равномерном удовлетворении всех кредиторов и устранении случайных преимуществ одного перед другими» [37, С. 162]. Профессор В. Ф. Попондопуло в качестве одного из основных принципов называет «обеспечение защиты прав и интересов кредиторов в деле о банкротстве, исходя из начала равенства конкурирующих кредиторов» [24, С. 44].

Будучи заинтересованными в получении удовлетворения в наибольшем объеме, кредиторы готовы к злоупотреблению своим правом. В рамках процедуры банкротства кредиторы едва ли имеют своей прямой целью причинить вред другим участникам правоотношений (хотя случается и такое); вред скорее является последствием того, что недобросовестный кредитор ставит свои интересы выше остальных, вовсе не учитывая их. В связи с этим суды должны определять законность требований и их объемов исходя из указанных принципов, применяя при этом их в совокупности.

Профессор М. В. Телюкина считает пропорциональность и соразмерность при удовлетворении требований кредиторов в порядке очередности одним из важнейших принципов конкурсного права [31, С. 12]. Исследуя правовые средства достижения целей конкурсного права, О. В. Пустошкин отмечал, что «институт банкротства в России строится на следующих принципах: обоснованность возбуждения дела о несостоятельности должника и введения конкретной процедуры банкротства; управляемость конкурсных отношений; соблюдение баланса интересов должника и кредиторов в процессе реализации конкретных правовых средств» [29, С. 9–10].

Представляется, что в качестве основного правового средства реализации названных выше принципов конкурсного права выступает реестр требований кредиторов. В Российской Федерации порядок включения в реестр требований кредиторов установлен Федеральным законом от 26.10.2002 N127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [34]. В соответствии с нормами указанного закона реестр требований кредиторов ведет арбитражный управляющий или реестродержатель (привлечение последнего обязательно, если кредиторов более пятисот). Требования кредиторов включаются в реестр требований кредиторов и исключаются из него исключительно на основании вступивших в силу судебных актов.

Реестр требований кредиторов формируется с целью подготовки и проведения собрания кредиторов, в котором имеют право участвовать только реестровые кредиторы. Внесению в реестр подлежат лишь те требования, которые надлежащим образом установлены. Следует признать, что при формировании реестра требований кредиторов, то есть в условиях конкуренции прав кредиторов, неизбежно возникает проблема злоупотребления правом и недобросовестного поведения участников.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлениях от 22.07.2002 № 14-П [27] и от 19.12.2005 № 12-П [28], процедуры банкротства носят публично-правовой характер; разрешаемые в ходе процедур банкротства вопросы влекут правовые последствия для широкого круга лиц (должника, текущих и реестровых кредиторов, работников должника, его учредителей и т.д.). С учетом специфики дел о банкротстве при установлении требований кредиторов в деле о банкротстве установленными могут быть признаны только требования, в отношении которых представлены достаточные доказательства наличия и размера задолженности. Целью проверки судом обоснованности требований является недопущение включения в реестр недолжных требований, поскольку такое включение приводит к нарушению прав и законных интересов кредиторов, имеющих обоснованные требования, а также должника и его учредителей (участников).

При установлении требований в деле о банкротстве не подлежит применению часть 3.1 статьи 70 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3], согласно которой обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существования заявленных требований; также при установлении требований в деле о банкротстве признание должником или арбитражным управляющим обстоятельств, на которых кредитор основывает свои требования (ч. 3 ст. 70 АПК РФ), само по себе не освобождает другую сторону от необходимости доказывания таких обстоятельств.

Следовательно, в деле о банкротстве именно суд обязан вне зависимости от доводов лиц, участвующих в деле, оценить действительность заявленного требования о включении в реестр и соответствие закону процессуальных и материально-правовых интересов заявителя.

Именно критерий «соответствие закону» включает в себя проверку судом добросовестного поведения и отсутствия злоупотребления правом кредитором

в конкурсных отношениях. Большим недостатком в соответствующем правовом регулировании является отсутствие общих установленных критериев для определения добросовестности действий кредиторов. Неурегулированность этого аспекта процедуры банкротства является следствием многообразия возможных действий со стороны кредиторов, и нарушает принцип правовой определенности, отдает такие критерии на усмотрение судов, тем самым ставит участников правоотношений в незащищенное положение, поскольку они не могут знать, какое именно поведение может быть расценено как недобросовестное.

Справедливости ради следует отметить, что действующий ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» содержит механизмы, препятствующие возможному злоупотреблению процессуальными правами. Так, в соответствии с п. 10 ст. 16 этого Закона разногласия по требованиям кредиторов или уполномоченных органов, подтвержденным вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом, а заявления о таких разногласиях подлежат возвращению без рассмотрения, за исключением разногласий, связанных с исполнением судебных актов или их пересмотром. Пункт 4 ст. 60 Закона о банкротстве устанавливает, что заявления и жалобы, поданные лицами, не имеющими права на обжалование, либо с нарушением установленного данной статьей порядка, подлежат возвращению.

Как разъяснял Верховный Суд Российской Федерации, совершая мнимые либо притворные сделки их стороны, будучи заинтересованными в сокрытии от третьих лиц истинных мотивов своего поведения, как правило, верно оформляют все деловые бумаги, но не стремятся создавать реальные правовые последствия, соответствующие тем, что указаны в составленных ими документах [22].

В судебной практике все более четко прослеживается тенденция к увеличению количества отказов судами во включении в реестр требований кредиторов именно на основании несоблюдения кредитором принципа добросовестности. Видится верным, что такой подход судов к проблеме формирует в деловой среде более привлекательный образ истинно добросовестного поведения, а не отражение его в документах лишь для вида.

Так, к примеру, 10-й арбитражный апелляционный суд по делу № А41-98974/18 отменил решение суда первой инстанции о включении в реестр требований кредиторов. В обоснование выводов судом в частности указано, что «стандарты доказывания в деле о банкротстве являются более строгими, чем в условиях неосложненного процедурой банкротства состязательного процесса, при

этом арбитражный суд вправе и должен устанавливать реальность положенных в основу хозяйственных отношений, предлагая всем заинтересованным лицам представить достаточные и взаимно не противоречивые доказательства». По данному делу судом был сделан вывод о недобросовестности поведения исходя из аффилированности кредитора к должнику. Судом применена позиция Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 63 от 23.12.2010 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)» [26], в котором указано, что «наличие в действиях сторон злоупотребления правом, в том числе выраженного в предъявлении подконтрольного требования и для целей нарушения прав конкурсных кредиторов, уже само по себе достаточно для отказа во включении требований заявителя в реестр». Названное Постановление Пленума ВАС направлено на противодействие включению в реестр требований кредиторов должника требований, основанных на сделках, имеющих явные пороки, свидетельствующие о недобросовестности должника и кредитора при заключении сделки и последующем предъявлении требования кредитором.

Описанный подход суда видится автору настоящей статьи недостаточно логичным, в силу отсутствия в ГК РФ прямого указания на необходимость более жестких подходов к доказыванию в делах о банкротстве, в том числе

при установлении наличия либо отсутствия признаков недобросовестности, злоупотребления правом.

На наш взгляд, необходима выработка критериев добросовестности в конкурсных отношениях. Хотя в настоящее время принцип добросовестности при формировании реестра требования кредиторов и понимается как общий принцип гражданского права исходя из содержания, которым он наделяется Гражданским кодексом РФ и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 25, такой подход является слишком обширным для применения в конкретных конкурсных правоотношениях, вследствие чего требуется выработка собственных критериев на основе анализа судебной практики.

При формировании гражданско-правового регулирования важно сохранять общую стабильность, предсказуемость практики судов, повышать научную обоснованность вынесенных решений, ведь именно такой подход будет соответствовать общеправовому принципу правовое определенности, а также позволит формировать позитивное отношение участников гражданских правоотношений к правопорядку и судебной системе.

При этом, на наш взгляд, очевидна необходимость формирования и ведения реестра требований кредиторов сквозь призму применения принципов разумности, добросовестности и справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

7. Алексеев С. С. Общая теория права: Курс в 2 томах. Т. 1. М., 1981.
8. Аракелян А. Ю. Справедливость в российском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 13.12.2019). Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, №30, ст. 3012.
10. Антонов В. Ф. Содержательная характеристика злоупотребления правом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. №1.
11. Белов В. А. Добросовестность, разумность и справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. №8.
12. Белоликов А. И. Принципы банкротства // Право и экономика. 2004. №8.
13. Богданов Д. Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве: Монография. М.: Проспект, 2013.
14. Вайпан В. А. Реализация принципа социальной справедливости а правовом регулировании предпринимательской деятельности. дисс.докт.юрид. наук. 12.00.03. М. 2019.
15. Вайпан В. А. Принцип справедливости в гражданском праве и судебное усмотрение // Гражданское право. 2018. №1.
16. Виниченко Ю. В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. №3.
17. Герлах А. Справедливость как принцип социалистического права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983.
18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.01.2020) // Собрание законодательства РФ, 1994. № 32. Ст. 3301
19. Гринберг Л.Г., Новиков А. И. Критика современных буржуазных концепций справедливости. Л. 1977.
20. Грудницына Л. Ю. Концептуальные основы формирования институтов гражданского общества в Российской Федерации // Российская юстиция. 2008. № 12.
21. Егоров А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal insight. 2013. № 2.
22. Иванова С. А. Принцип справедливости в гражданском праве России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01, 12.00.03. М., 2006.
23. Карелина С. А. Принципы правового регулирования отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника // Предпринимательское право. 2008. №2.

24. Коновалов А. В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4.
25. Маликов А. Ф. Вопрос соотношения принципа равенства кредиторов (pari passu) с пресекательным сроком на включение в реестр кредиторов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. N1.
26. Нам К. В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 1.
27. Нам К. В. Развитие принципа добросовестности (treu und glauben) современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7.
28. Определения Верховного Суда Российской Федерации от 11.07.2017 по делу N А40–201077/2015, от 06.07.2017 года по делу N А32–19056/2014.
29. Пахаруков А. А. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании отношений несостоятельности // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. N3.
30. Попондопуло В. Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. N1. С. 44.
31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Бюллетень Верховного Суда РФ», N8, август, 2015
32. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 N63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» Вестник ВАС РФ», N3, март, 2011.
33. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 N14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств» «Вестник Конституционного Суда РФ», N6, 2002, «Вестник Конституционного Суда РФ», N1, 2003 (Особое мнение).
34. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 N12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева» «Вестник Конституционного Суда РФ», N1, 2006.
35. Пустошкин О. В. Правовые средства достижения цели института несостоятельности (банкротства) юридического лица: Дис. . . . канд. юрид. наук. Самара, 2005.
36. Сердитова Е. Н. Некоторые аспекты применения норм о доказывании при рассмотрении в деле о банкротстве обособленных споров о включении требования в реестр требований кредиторов должника // Вестник гражданского процесса. 2019. N1.
37. Телюкина М. В. Конкурсное право. Гражданско-правовые проблемы: Дис. . . . д-ра юрид. наук. М., 2003.
38. Телюкина М. В. Основы конкурсного права. М.: Walters Kluwer, 2004.
39. Телюкина М. В. Статус текущих кредиторов в конкурсном процессе // Юридический мир. 2002. N11.
40. Федеральный закон от 26.10.2002 N127-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 2002. № 43. Ст. 4190.
41. Федотов Д. В. К вопросу о способах противодействия включению в реестр требований кредиторов фиктивной задолженности, подтвержденной решением суда // Российский судья. 2019. N2.
42. Шамшуринов Л. Л. Справедливость как принцип российского цивилистического процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. N11.
43. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2003.
44. Яковлев В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М., 2000.
45. Finch V. Corporate insolvency law: perspectives and principles. Cambridge, 2002. Goode R. Principles of Corporate Insolvency Law. 4th ed. London, 2011.
46. McBryde W.W., Flessner A., Kortmann S. C.J.J. Principles of European Insolvency Law // Series Law of Business and Finance. Vol. 4. Deventer, 2003.

© Данилюк Лариса Александровна (Moscow.advocate@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ)

LEGAL REGIME OF SUBSURFACE USE IN RUSSIA (THEORETICAL MODELING)

O. Efimova

Summary. The legal reality of our time consists of an informational set of civilizational paradigms that affect the consciousness of young scientists and practitioners of law in one way or another. Some of them remain unnoticed in the General digital stream, while others find a response, generate stereotypes and become a source of legal knowledge for many years to come. Industrial development of the subsurface use industry requires adequate development of its legislative regulation. The successful application of various legal instruments to improve legislation contributes to a more reliable assessment of existing realities. This article presents a theoretical model of the legal regime of subsurface use, revealing its public component as an element of applied measures to improve the regulatory framework and increase the attractiveness of the industry for private investment.

Keywords: subsoil; legal model; legal regime, method of legal regulation, objects of civil rights, subject of legal regulation.

Ефимова Олеся Константиновна

Литигатор юридической компании, ООО «АПР
«Викон»; аспирант, Тюменский государственный
университет
aprvicon@yandex.ru

Аннотация. Правовая реальность современности соткана из информационного множества цивилистических парадигм, так или иначе влияющих на умы молодых ученых, юристов практиков. Какие-то из них остаются незамеченными в общем цифровом потоке, какие-то находят отклик, порождают стереотипы и становятся источником юридического знания на долгие годы. Индустриальное развитие отрасли недропользования предполагает адекватное развитие законодательного её регулирования. Успешное применение многообразия правовых средств для целей совершенствования законодательства во многом способствует более достоверной оценке существующих реалий. В данной статье представляется теоретическая модель правового режима недропользования, выявляющая его публичную составляющую как элемент прикладного применения мер совершенствования законодательной базы и повышения привлекательности отрасли для частных инвестиции.

Ключевые слова: недра; правовая модель; правовой режим, метод правового регулирования, объекты гражданских прав, предмет правового регулирования.

Для России как страны с сырьевой экономикой, промышленная отрасль, формируемая предприятиями топливно-энергетического комплекса, имеет стратегическое значение. Сырьё, используемое данными субъектами предпринимательства, черпается из недр земли, при осуществлении разведки и добычи полезных ископаемых, путём активного недропользования.

Анализируя законодательные тенденции последнего десятилетия, касающиеся недропользования, в настоящее время представляются дискуссионными, сложившиеся в прошлом веке представления среди юристов, ученых-цивилистов и практиков об исключительной публичности правоотношений недропользования.

Назревшие сегодня проблемы отрасли, это прежде всего, следствие накопительного эффекта отложения вопроса о совершенствовании механизмов её регулирования.

Ресурсный потенциал, своеобразный «запас прочности» субстанция не вечная. Поступающее в государ-

ственный геологический фонд недр сведения о запасах полезных ископаемых позволяют констатировать ухудшение качества добываемого сырья и усложнение минерально-сырьевой базы. Запасы полезных ископаемых становятся всё труднее извлекать, о чем говорит глубина сооружаемых в последние годы поисковых и разведочных скважин. Понимание данной проблематики отражает, в первую очередь, принятая год назад Правительством Российской Федерации «стратегия развития минерально-сырьевой базы страны» [1]. Согласно которой основным приоритетом развития недропользования является формирование баланса объемов внутреннего потребления минерального сырья, его экспорта и вынужденного импорта, достигаемого путем прироста запасов — своевременного воспроизводства и рационального использования полезных ископаемых.

Перспективным источником и реализатором задачи прироста запасов (освоения недр с использованием передовых технологий) в принятой стратегии выступает новый участник — частные инвестиции. Для появления которых в изначально публичной сфере отсутствуют правовые основания. Что порождает государственную

необходимость такие основания создать. Именно этому посвящен V разделе самой Стратегии, предусматривающий формирование условий для стабильного «обеспечения минеральным сырьем социально-экономического развития государства и поддержания достаточного уровня экономической и энергетической безопасности Российской Федерации» [2].

В контексте задачи создания передовой законодательной базы и реализации активной политики привлечения инвестиций [3], стратегия развития минерально-сырьевой базы России в начальный период формирования (ближайшие 5 лет) ориентирована на создание и развитие важнейших экономических, административных и правовых основ, направленных на увеличение инвестиционной активности в результате повышения экономического интереса к отрасли и недропользованию (вовлечение частных средств).

Изменение государственного подхода и стремительность реформирования права, проявленная в 2019–2020 годах, детерминировали поиски цивилистов, в области определения оптимальных путей решения задачи через нормотворчество.

Исследование недропользования с точки зрения цивилистики осложнено множественными пересечениями с иными отраслями права. Поэтому выбор правового инструментария вопрос концептуальный, требующий построения теоретической модели существующего правового режима недропользования.

Представители современной юридической науки достаточно часто прибегают к определению характеристик правовой модели как средства познания [4].

В данной публикации, используем, наиболее ёмкое из них, определение правовой модели, данное В.С. Плетниковым и М.С. Плетниковой в 2011 году [5] в последствии качественно уточненное в 2016 году [6] — «интеллектуально-волевое описание (образ явления), в достаточной степени повторяющий существенные свойства моделируемого явления, сформировавшийся под влиянием всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития».

Примем как данность, что любая модель является значительно упрощенным вариантом своего оригинала. Говоря же о правовой модели, мы не предполагаем наличие оригинала, воспринимая эмпирически характеристики правового режима, требующиеся для построения его теоретической модели.

В методологии права известны три основные функции теоретического моделирования — объяснительная

(дескриптивная), прогнозная, критериальная. Используем одну из них (дескриптивную), для создания представления о правовых реалиях исследуемой отрасли (недропользования) — построения реальной модели правового режима недропользования.

Цель построения правовой модели требует выявления содержания правовых явлений, синтезирующих комплекс правовых средств, для построения модели правового режима недропользования через призму механизмов регулирования и состава правоотношения. Алгоритм достижения цели должен способствовать формированию представления о правовом режиме недропользования, в его статичном понимании источниками права. Для чего выделим прикладной инструментарий, позволяющий идентифицировать недропользование в совокупной массе правовых явлений общественной жизни:

- ◆ способ, тип, вид и метод правового регулирования, охарактеризуют совокупность признаков отнесения исследуемого явления к определенной совокупности отраслей права по центральному субъекту (частное, публичное);
- ◆ предмет правового регулирования позволит условно выделить ту часть общественных отношений, на которую направленно нормативное (регулирующее) воздействие;
- ◆ акты реализации прав и обязанностей как показатель функциональности модели правового режима недропользования.

Недропользование [7] как общее понятие, объединяющее в себе совокупность правомочий направленных на реализацию разрешенных видов пользования природными ресурсами, нередко рассматривается как отдельная подотрасль права [8], с множеством вовлеченных в нее объектов.

Для построения модели правового режима классифицируем объекты гражданских прав в составе предмета правового регулирования.

Реализуя задачу системной классификации объектов в данном исследовании приводится присущий только отрасли недропользования перечень объектов, выделяются группы объектов по материальным и поведенческим (нематериальным) признакам; по оборотоспособности (полностью оборотоспособные, ограниченные в обороте, изъяты из оборота); по характеру связи с землей (движимые, недвижимые); по способности сохранять потребительские свойства в процессе эксплуатации (потребления); по способам юридической индивидуализации (индивидуально-определённые, родовые); по назначению (главные, относимые; средства производства, предметы потребления).

Таблица 1. Модель правового режима недропользования (инструментарий построения модели — механизмы правового регулирования)

Способ	Тип (общедозво- лительный / разре- шительный)	Вид	Метод	Предмет правового регулирования (отно- шения между регуля- тором (Государством) и недропользователями, направленные на:	Акты реализации прав и обязанностей как пока- затель функциональности модели правового режи- ма недропользования
Дозволение	Разрешительный	Государственное, нормативное, казуальное	Субординация	Недра	Лицензия, горный отвод, государственный контракт на выполнение работ по геологическому изучению недр и т.д.
Запрещение					
Обязывание					
Дозволение	Разрешительный	Государственное, нормативное, казуальное	Координация	Полезные ископаемые	Договоры поставки, купли-продажи
Обязывание	Разрешительный	Государственное / местное, нормативное, казуальное	Координация	скважины, шахты, выработки, нефтепроводы и т.д.	Лицензия, горный отвод, государственный контракт на выполнение работ по геологическому изучению недр и т.д.
Обязывание	Разрешительный	Государственное / местное, нормативное, казуальное	Субординация	геологическая информация	Лицензия, горный отвод, государственный контракт на выполнение работ по геологическому изучению недр, керн, карты, съемки и т.д.
Обязывание	Разрешительный	Государственное / местное, нормативное, казуальное	Субординация	технологии, работы и услуги	Лицензия, горный отвод, государственный контракт на выполнение работ по геологическому изучению недр и т.д.

Выделим следующие классы объектов гражданских прав характерные только для исследуемой отрасли недропользовании:

Первый класс — недра. Объекты недвижимые по природе, изъятые из оборота (государственная собственность, образующая государственный фонд недр) [9] или ограниченные в обороте (предоставляемые госу-

дарством на определенный временной период на осно- вании специального разрешения — лицензии) [10], при- родный ресурс, средство производства.

Второй класс — полезные ископаемые (ресурсы недр). Продукция (товар), предмет потребления, огра- ниченные в обороте на этапе первоначального при- обретения права собственности (извлечение из недр

и перемещение, осуществляется в соответствии с установленными правилами (условиями добычи), объемы добычи фиксируются государством и т.д.) [11] и оборотоспособные в последующем (свободно передаваемые).

Третий класс — недвижимое имущество, созданное и используемое при недропользовании. Отличительной особенностью этого класса объектов в недропользовании является создание потребляемых недвижимых объектов — сооружений предназначенных для конкретной цели и юридически ликвидируемых после её достижения, но фактически продолжающих своё существование в измененном виде [12].

Четвёртый класс — информация, получаемая в процессе изучения и использования ресурсов недр. Материальные и нематериальные, не потребляемые (потребительские качества не изменяются в процессе использования) объекты. Следуя принципу объективности исследования, нужно указать, что и, исследователи, и практики, расходятся во мнениях об обоснованности отнесения информации к объектам гражданских прав: сторонники закрепления информации в общем, и геологической информации в частности, в ст. 128 ГК РФ как полноценного объекта гражданских прав, исходят из необходимости четкой регламентации оборота геологической информации и защиты прав обладателя такой информации как собственника, отсюда возможность использовать договорной инструмент при сделках с геологической информацией: аренда геологической информации, в том числе финансовая аренда (лизинг), купля-продажа, мена и т.д. Противники указывают на диспозитивность законодательной нормы, позволяющую отнести информацию к «иным» объектам гражданских прав.

Пятый класс — работы, выполняемые при пользовании недрами и технологии геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых. В исследуемой отрасли данный объект подлежит выделению

в отдельный класс, исходя из понимания, что виды недропользования, предусмотренные законодателем, предопределяют статус работ — ради самих работ, а не ради результата. Именно в недропользовании поведенческая группа имущественных действий характеризует поиск полезных ископаемых, их разведку, под чем понимается огромный функционал, существующий в плоскостях гражданского и природоресурсного права.

Реализация механизма построения модели правового режима недропользования представляется следующей (см. таблицу 1).

Представленная правовая модель позволяет констатировать преобладание в её структуре элементов, присущих публичным отраслям права, основные принципы цивилистических догм нивелируются методом правового регулирования.

Исследование правового режима недропользования приведенное в данной работе, призвано сформировать модель правового режима для визуализации возможной зоны ослабления регулирующей роли участия публичных образований, поиска возможности увеличения степени предпринимательских свобод и потенциальной правовой ниши для новых рыночных форм сотрудничества государства и бизнеса, способствующих стабильному и рациональному использованию природных богатств страны на её благо.

Правовые категории в этой сфере все еще имеют размытые контуры, чем заслуживают пристального внимания и изучения. Учитывая, что имущественные отношения, опосредующие право пользования недрами, развиваются, в то время как в законодательстве и практике отсутствует единое понимание соответствующих вопросов, освещение фундаментальных проблем права пользования недрами представляет большой научный и практический интерес для отечественной правовой науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распоряжение Правительства РФ от 22.12.2018 N2914-р «Об утверждении Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года» // Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/laws/acts/3/50574952451088.html> (дата обращения: 15.11.2019).
2. Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2018 году // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации // Официальный сайт ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт минерального сырья им. Н. М. Федоровского» // Режим доступа: http://vims-geo.ru/documents/402/Gosdoklad_2018.pdf (дата обращения: 01.03.2020 г.)
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976 (дата обращения: 15.08.2019).
4. Безруков А.С. 2008. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 151 с.
5. Плетникова М.С., Плетников В.С. 2011. Конституционно-правовые основы разграничения бюджетных полномочий между органами государственной власти субъектов и органами местного самоуправления в Российской Федерации: моногр. Екатеринбург: УрЮИ МВД России. 141 с.
6. Плетников В.С. 2016. Понятие и виды моделей в современной отечественной юриспруденции: теоретико-правовое исследование. Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Том 16. Вып. 2, с. 121–135.

7. Национальный стандарта РФ «Государственная система обеспечения единства измерений. Метрологическое обеспечение работ по геологическому изучению, использованию и охране недр в Российской Федерации. Основные положения. ГОСТ Р 8.645–2008», утв. Приказом Ростехрегулирования от 15 октября 2008 г. N259-ст // Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.11.2019).
8. «Нормы, регулирующие отношения по поводу использования и охраны отдельных природных объектов, объединяются в подотрасли земельного, водного, горного, лесного фаунистического, атмосферного и заповедного права». См.: Экологическое право: Учебник / Отв. ред. Г. Е. Быстров, Н. Г. Жаворонкова, И. О. Краснова. М., 2007. С. 37.
9. Недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Вопросы владения, пользования и распоряжения недрами находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации — ст. 1.2. Закон РФ от 21.02.1992 N2395–1 (ред. от 27.12.2019) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.02.2020).
10. Участки недр не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме. Права пользования недрами могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому в той мере, в какой их оборот допускается федеральными законами — там же.
11. Закон РФ от 21.02.1992 N2395–1 (ред. от 27.12.2019) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.02.2020)
12. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» и Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» в части определения правового режима недвижимого горного имущества» (подготовлен Минприроды России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 12.05.2018)

© Ефимова Олеся Константиновна (aprvicon@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тюменский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

FEATURES OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF DISPOSITIVITY IN ORDERED PRODUCTION

A. Zhirova

Summary. This article examines the specifics of implementing the principle of dispositivity in writ proceedings, and examines the provisions of civil procedure and arbitration procedural legislation of the Russian Federation. Federal laws restricting the operation of the principle of dispositivity are identified. Sanctions are proposed for the applicant in case of abuse of the right, in case of non-motivated refusal to consider the case in writ proceedings.

Keywords: dispositive, the court, the appellant, a claim, application, proceedings, case, agreement.

Жирова Анна Александровна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»
448986@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье была изучена специфика реализации принципа диспозитивности в приказном производстве, исследованы положения гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства РФ. Выявлены федеральные законы, ограничивающие действие принципа диспозитивности. Предложены санкции к заявителю при его злоупотреблении правом, при не мотивированном отказе от рассмотрения дела в приказном производстве.

Ключевые слова: диспозитивность, суд, заявитель, иск, заявление, судопроизводство, дело, согласие.

Основная функция приказного производства как безальтернативного вида судопроизводства заключается в возможности разгрузить судебную систему, освободив судей от обязанности соблюдать процедурные формальности процессуального характера, характерные, например, для искового производства.

В порядке приказного производства суд рассматривает требования, носящие бесспорный характер, в которых не содержится спора о праве. Применяемую нами терминологию часто используют и в процессуальных кодексах, и в научной литературе. Вместе с тем, если бы дела, рассматриваемые в порядке приказного производства, являлись абсолютно бесспорными, должником бы добровольно исполнялись данные требования. По нашему мнению заявляемые взыскателем требования имеют в своей основе условно бесспорные документальные доказательства, которых обычно достаточно, чтобы определить требования взыскателя как обоснованные.

Существует и такая точка зрения, согласно которой бесспорность заявленного требования только предполагается, так как должником не предпринято никаких действий по оспариванию требований взыскателя

до его обращения в суд с заявлением о выдаче судебного приказа [6. С. 29–33]. Конечно, нельзя сказать, что вышеуказанными обстоятельствами безусловная обоснованность и достоверность представленных кредитором документов подтверждена в полном объеме. Но, по мнению, например, О.Н. Шеменевой, именно в делах приказного производства очевидным является наличие задолженности одного лица перед другим [7. С. 29].

Обращаясь к рассмотрению действия принципа диспозитивности в приказном производстве следует определять его в качестве права или возможности лица, участвующего в деле, под контролем суда и в известных пределах осуществлять распоряжение всем комплексом своих процессуальных и материальных прав и средствами их защиты.

Считаем, что в качестве особенностей реализации принципа диспозитивности в приказном (упрощенном) производстве, возможно выделять:

1. инициирование рассмотрения гражданского дела в приказном (упрощенном) производстве;
2. инициирование перехода из приказного (упрощенного) производства в исковое производство.

Как нами уже отмечалось, в гражданском и арбитражном процессах, по общему правилу, в порядке приказного производства рассматриваются формально бесспорные дела, часто имеющие признак социальной направленности, который проявляет себя в том, что максимальное количество правовых конфликтов должно быть разрешено быстро, без затягивания сроков и в облегченной форме. Таким образом, признак социальной направленности в большей степени характерен для формально бесспорных и малозначительных дел в связи с отсутствием спора о праве (формально бесспорные дела) или же в соответствии с незначительностью заявленных требований в части стоимостного выражения (малозначительные дела).

Руководствуясь целью в максимально сжатые сроки рассмотреть дело суд должен проявить инициативу рассмотреть дело в упрощенном (приказном) производстве. Нами в целом положительно оценивается подобный порядок рассмотрения дела, поскольку он уменьшает нагрузку на судебную систему, высвобождая время для судебных разбирательств в порядке искового и иных производств.

Вместе с тем, считаем необходимым обозначить некоторые риски, которые возникают при предоставлении суду инициативы самостоятельно определять порядок рассмотрения указанных дел. Нами имеется в виду проблема ограничения принципа диспозитивности процесса, руководствуясь которым лица имеют право самостоятельного распоряжения своими процессуальными правами (в которые входит, в том числе, и право на судебную защиту).

Учитывая это обстоятельство и для того, чтобы исключить выше обозначенные риски разрешать вопрос о рассмотрении дела в приказном производстве на этапе возбуждения производства по делу целесообразно с согласия истца. Таким образом, принцип диспозитивности будет находиться во взаимодействии с принципом формального руководства процесса судом.

То есть если судом рассматривается формально бесспорное или малозначительное дело, то суд должен предложить сторонам рассмотреть дело в порядке приказного (упрощенного), а истец должен дать (или не дать) на это свое согласие. Если же истец не согласен, то дело подлежит разрешению в порядке искового производства.

По рассматриваемой категории дел истребование согласия ответчика на рассмотрение дела в порядке приказного производства не требуется, поскольку, согласно принципу диспозитивности, волеизъявление согласия лежит на истце.

Рассмотрим, каким образом осуществляется реализация принципа диспозитивности в приказном производстве в гражданском и арбитражном процессах.

Положениями ст. 121 ГПК РФ [1], 229.3 АПК РФ [2] предусматривается, что решение вопроса о форме судебной защиты (приказной или исковой) зависит от усмотрения заявителя (кредитора). Вместе с тем отметим, что в результате принятия Федерального закона от 02.03.2016 N45-ФЗ [3] принцип диспозитивности был ограничен.

Таким образом, руководствуясь ч. 1.1 п. 1 ст. 135 ГПК РФ в том случае, если заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства, судья возвращает исковое заявление.

В АПК РФ мы прослеживаем аналогичное законоположение. Так, в соответствии с Федеральным законом от 23.06.2016 N220-ФЗ [4] в ст. 129 АПК РФ было внесено соответствующее дополнение: «...арбитражный суд возвращает исковое заявление, если при рассмотрении вопроса о принятии заявления установит, что заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства».

То есть в связи с указанными дополнениями ГПК РФ и АПК РФ для заявителя какая-либо вариативность выбора формы защиты исключена. В связи с чем приказное производство стало выступать как необходимая предварительная стадия судебного процесса. И если материально-правовое требование входит в перечень требований, предусмотренных ст. 122 ГПК РФ, 229.2 АПК РФ, миновать предварительное разрешение данного требования в приказном производстве в целях его последующего рассмотрения в порядке искового производства, невозможно.

Если сторонами данные действия все же не были совершены, то они несут риск возврата искового заявления без рассмотрения, что нашло свое отражение в существующей судебной практике [5].

Таким образом, предусмотренное подп. 1.1 п. 1 ст. 135 ГПК РФ и подп. 2.1 п. 1 ст. 129 АПК РФ правовое регулирование, по нашему мнению, не рационально и должно быть исключено.

В частности, если заявитель не дает своего согласия на рассмотрение дела в приказном производстве, то рассмотрение дела должно разрешаться в порядке искового производства.

В целях предотвращения возможного злоупотребления правом со стороны заявителя, в случае его немотивированного отказа от рассмотрения дела в приказном

производстве предлагаем следующие меры противодействия. Так, суд следует наделить правом применять к заявителю санкции за не мотивированное возражение. Суд должен будет реализовать данную меру воздействия на заявителя по своему усмотрению и если рассматриваемое дело, исходя из своих свойств, является делом, подлежащим рассмотрению в приказном производстве.

Применительно к гражданскому процессу выше указанная санкция может взыскиваться как компенсация за фактическую потерю времени (ст. 99 ГПК РФ), а в порядке арбитражного процесса — как отнесение судебных расходов на лицо, допустившее злоупотребление имеющимися процессуальными правами (ст. 111 АПК РФ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // СЗ РФ. 2002. N46. Ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. N30. Ст. 3012.
3. Федеральный закон от 02.03.2016 N45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. N10. Ст. 1319.
4. Федеральный закон от 23.06.2016 N220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СЗ РФ. 2016. N26 (Часть I). Ст. 3889.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.08.2016 по делу N33–31067 // СПС «Консультант Плюс».
6. Зайков Д. Е. Проблемы взыскания судебных издержек в приказном производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. N11. С. 29–33.
7. Шеменова О. Н. Критерии отнесения дел к приказному производству: отсутствие спора, очевидность задолженности или согласованное волеизъявление его сторон // Мировой судья. 2016. N6. С. 29–33.

© Жирова Анна Александровна (448986@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Вятский государственный университет

АНАЛИЗ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

ANALYSIS OF INSIGNIFICANCE IN THE MANUFACTURE ON AFFAIRS ABOUT ADMINISTRATIVE OFFENCES

**O. Karpov
A. Lukashina**

Summary. This article explores such an administrative-legal category as insignificance, which provides the possibility of exemption from legal liability of persons who have committed administrative offenses. This circumstance is dictated by the lack of perfect legal regulation of this concept at the legislative level. The authors considered the interpretation by courts of the Russian Federation of the concept of insignificance, the article analyses the judicial practice in the application of article 2.9. Administrative code, attention is drawn to the experience of neighboring countries in the definition of insignificance of a perfect offence, and also examined the positions of the scientific community in this field. The concept of insignificance and its corresponding features have been developed, according to which it is possible for the law enforcement officer to classify the offense as insignificant.

Keywords: insignificance; administrative offense; the person who committed the offense; administrative responsibility; administrative punishment; oral comment; sanction; administrative jurisdiction bodies.

Карпов Олег Вячеславович

Старший преподаватель, Владимирский филиал Российской академия народного хозяйства и государственной службы, г. Владимир
okarp67@mail.ru

Лукашина Ангелина Эльчиновна

Владимирский филиал Российской академия народного хозяйства и государственной службы, г. Владимир
Lukashina.angelina@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье исследуется такая административно-правовая категория, как малозначительность, которая предоставляет возможность освобождения от юридической ответственности лиц, совершивших административные правонарушения. Данное обстоятельство продиктовано отсутствием совершенного правового регулирования этого понятия на законодательном уровне. Авторами рассмотрено толкование судами Российской Федерации понятия малозначительности, проанализирована судебная практика в части применения ст. 2.9. КоАП РФ, обращено внимание на опыт стран ближнего зарубежья в определении понятия малозначительности совершенного правонарушения, а также изучены позиции научного сообщества в данной области. Выработаны понятие малозначительности и соответствующие ей признаки, в соответствии с которыми правоприменителю представляется возможным квалифицировать правонарушение как малозначительное.

Ключевые слова: малозначительность; административное правонарушение; лицо, совершившее правонарушение; административная ответственность; административное наказание; устное замечание; санкция; органы административной юрисдикции.

На сегодняшний день для нашей страны характерна тенденция к увеличению числа совершаемых административных правонарушений. По общему правилу данное негативное как для государства, так и для членов общества явление дестабилизирует управленческие отношения, нарушает правопорядок в целом, повышает негативные настроения в социуме. Вследствие этого лицо, совершившее правонарушение, привлекается к административной ответственности, претерпевает определенную меру наказания, и в этом реализуется его порицание со стороны государства.

В некоторых случаях деяние формально содержит в себе все признаки состава административного правонарушения, а с точки зрения реальных фактов не представляет серьезной угрозы охраняемым государством общественным отношениям. При таких обстоятельствах

субъект административной юрисдикции в лице судьи, органа, должностного лица может применить статью 2.9. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и освободить лицо, совершившее проступок от юридической ответственности, ограничившись лишь устным замечанием, то есть, не применяя к нарушителю общественного порядка меру административного наказания [2].

Правовой механизм освобождения от ответственности ввиду малозначительности совершенного деяния не является новеллой, этот административно-правовой институт предусматривался и закреплялся еще административным законодательством РСФСР [3]. Примечательно, что данная категория, в частности изучение проблем ее применения в реальной жизни, не утратила актуальности.

На наш взгляд, это продиктовано тем, что и в законодательстве прошлого столетия, и в действующих административно-правовых нормах отсутствует легальное определение малозначительности совершенного правонарушения, не выработаны и не закреплены четкие критерии, руководствуясь которыми представлялось бы возможным отнесение конкретного проступка к малозначительному.

Считаем, что наличие такого «пробела» в административном законодательстве является следствием несовершенного правового регулирования административно-правового института малозначительности совершенного правонарушения. Это в свою очередь порождает трудности в применении компетентными органами власти такого основания для освобождения от административной ответственности, отсутствует универсальный подход к определению малозначительности совершенного правонарушения, и, как следствие, отсутствует единая судебная практика, вплоть до противоположных позиций судов по рассмотренным однотипным делам.

Малозначительность совершенного правонарушения как возможность освобождения от административной ответственности трудно переоценить, так как для современного российского демократического общества с гуманистической направленностью она имеет значение. Но поскольку механизм правового регулирования рассматриваемой категории не совершенен, и у специалиста в области юриспруденции, и у правоприменителя, и у лица, совершившего правонарушение, возникают вполне логичные вопросы:

- ◆ что следует понимать под малозначительностью проступка?
- ◆ каковы универсальные критерии, по которым можно определить, является ли конкретное правонарушение малозначительным по характеру?
- ◆ любое ли правонарушение может быть признано малозначительным?
- ◆ каковы мотивы согласия или несогласия с применением института малозначительности при совершенном деянии?
- ◆ малозначительность: учет особенностей дела или повод избежать заслуженного наказания?

Если обратиться к опыту стран ближнего зарубежья в этой области, то, например, в Кодексе Республики Таджикистан об административных правонарушениях в ст. 25 дается определение малозначительного административного правонарушения и определяется его связь непосредственно с размером материального ущерба, которое оно повлекло (физическому лицу в размере до одного, а юридическому лицу — до десяти показателей для расчетов) [4]. Статья 64.1 КоАП Республики Казах-

стан содержит примечание, в котором отмечается, что при квалификации совершенного правонарушения как малозначительного и решении вопроса об освобождении правонарушителя от ответственности, принимаются во внимание конкретные обстоятельства совершенного деяния, в том числе, личность правонарушителя, объект посягательства, а при наличии вреда — его размер [5].

Таким образом, административное законодательство в рассмотренных выше примерах учитывает необходимость определения некоторых признаков, наличие которых позволит признать правонарушение малозначительным, что вносит ясность для судьи, органа (должностного лица) при применении соответствующей статьи.

Нельзя не подчеркнуть тот факт, что на проблему применения малозначительности при рассмотрении дел об административных правонарушениях обращается внимание и субъектами административной юрисдикции в Российской Федерации.

Так, в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда России указано, что малозначительность совершенного правонарушения является таковой при отсутствии существенной угрозы общественным отношениям и порядку, а судам при определении правонарушения как малозначительного необходимо исходить из конкретных обстоятельств его совершения. В то же время, такие обстоятельства как имущественное положение, личность самого правонарушителя, добровольное устранение им неблагоприятных последствий и возмещение ущерба не свидетельствуют о малозначительности деяния, а учитываются при назначении меры наказания в соответствии с КоАП РФ [6].

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ определено, что малозначительное правонарушение выражено в действии (бездействии), формально содержащее признаки правонарушения, но с учетом характера правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий, не представляющее существенного нарушения общественных отношений [7].

В свою очередь, Федеральная антимонопольная служба в письме «О применении статьи 2.9. КоАП РФ» отмечает, что критерии малозначительности административного правонарушения действующим законодательством РФ не определены, ввиду чего у уполномоченного на рассмотрение дела лица возникают вопросы о порядке применения соответствующей статьи. Также в письме указано, что акты Судов Российской Федерации формулируют понятие малозначительности, но не дают четких критериев ее применения, что обуславливает необходи-

мость выработки единообразной практики применения ст. 2.9. КоАП РФ [8].

Для формирования более глубокого понимания сущности малозначительности правонарушения полагаем рассмотреть позиции ученого сообщества на этот счет.

Так, В. В. Степанов считает, что возможность применения малозначительности как основания освобождения от ответственности способствует учету конкретных обстоятельств каждого дела и позволяет избежать формальной определенности закона в негативном ключе, когда общий смысл и характер правовых норм не позволяет правоприменителю при рассмотрении спора учитывать многообразие различных сторон ситуации, не урегулированных законодательством [9, с. 3].

К. А. Ильясова считает целесообразным выделение таких основополагающих признаков, как: небольшой размер причиненного вреда, когда имеет место правонарушение с материальным составом или же небольшая угроза в рамках наступления последствий, когда речь идет о правонарушениях с формальным составом; определение путем анализа поведения правонарушителя его роли в совершении правонарушения как незначительной [10, с. 369].

О. В. Дербина при определении малозначительности совершенного правонарушения указывает внимание на следующие признаки: отсутствие существенного нарушения общественных отношений, формальное наличие всех признаков правонарушения, нецелесообразность привлечения лица к юридической ответственности [11, с. 31].

В. Ю. Пирогов говорит о том, что ст. 2.9. КоАП РФ может быть применена к любому составу правонарушения при условии, что проступок может быть отнесен к категории малозначительных, и при этом в отношении как физического, так и юридического лица [12, с. 69].

Согласимся с Т. П. Зюриной, указывающей на то, что с одной стороны, институт малозначительности имеет своим назначением учет конкретных особенностей дела, а с другой стороны, иногда его применение не является обоснованным, что позволяет правонарушителю избежать справедливого наказания [13, с. 97].

Приведем два примера по исследуемой теме из практики судов общей юрисдикции России и проанализируем их.

Решением Рудничного районного суда г. Прокопьевска прекращено производство по делу об административном правонарушении, предусмотренным

ч. 2 ст. 12.27. КоАП РФ в отношении П., ввиду малозначительности совершенного правонарушения. Отменено постановление мирового судьи и наказание в виде лишения права управления транспортным средством (далее — ТС) сроком на 1 год. Судья отмечает то, что действия П. квалифицированы правильно в соответствии с вменяемой статьей, но установлено отсутствие существенного нарушения охраняемых общественных отношений, незначительность размера причиненного вреда и тяжести наступивших последствий (столкновение имело место со стоявшим во дворе ТС, в котором не было людей, оно являлось незначительным, никто не пострадал и каких-либо неблагоприятных последствий не наступило). При этом взята во внимание роль правонарушителя в содеянном (проступок совершен впервые; после того, как личность П. была установлена сотрудниками ГИБДД, скрываться П. не пыталась; вину признала полностью).

Постановлением Верховного суда Республики Саха (Якутия) оставлено без изменения постановление мирового судьи, решение судьи Якутского городского суда, вынесенные по делу об административном правонарушении, предусмотренным ч. 2 ст. 12.27. КоАП РФ в отношении Т.

Сохранено наказание в виде лишения права управления ТС сроком на 1 год, определена невозможность применения ст. 2.9. КоАП РФ в данной ситуации. Суд отметил то, что малозначительность правонарушения имеет место при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям. Оставление Т. места ДТП является грубым нарушением ПДД, поэтому отсутствуют всякие основания квалифицировать действия Т. как малозначительные, ввиду чего не имеется возможности применения ст. 2.9. КоАП РФ.

Какие выводы мы можем сделать, проанализировав данные решения? Очевидно то, что предметом рассмотрения являются две схожие ситуации, предусмотренные ч. 2 ст. 12. 27 КоАП РФ и связанные с оставлением водителем места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся. Исходя из содержания индивидуально-правовых актов, вынесенных судами, в обеих ситуациях не причинен существенный вред общественным отношениям, охраняемым нормами права. В результате происшествий никто из водителей и иных участников дорожного движения не пострадал, правонарушители не отрицают своей вины в содеянном, налицо отсутствие каких-либо тяжелых последствий как итога деяний.

Примечательно то, что в первой ситуации судья рассмотрел дело с разных сторон и, основываясь на личных внутренних убеждениях, воспользовался правом

освободить П. от административной ответственности, так как посчитал совершенный проступок малозначительным.

Во второй ситуации, напротив — судья категорично считает, что оставление места дорожно-транспортного происшествия — грубое нарушение ПДД и лицу, совершившему правонарушение, следует исполнить назначенное наказание. Из содержания постановления видно, что правоприменителем не взяты во внимание характер и размер причиненного вреда, роль правонарушителя в содеянном, форма его вины, незначительная тяжесть последствий правонарушения и иные аспекты, которые учитываются в ситуации № 1. Соответственно, если бы дело № 2 изучал судья Рудничного районного суда г. Прокопьевска, то вполне возможно, ставился и рассматривался бы вопрос об освобождении Т. от административной ответственности ввиду малозначительности совершенного деяния и о прекращении в отношении него производства.

Еще раз подчеркнем, что такие обстоятельства являются следствием отсутствия закрепления в административном законодательстве термина малозначительности правонарушения или же критериев, по которым можно было бы квалифицировать то или иное правонарушение как малозначительное.

Резюмируя, считаем нужным выделить следующие признаки, которые необходимо учитывать при вопросе об отнесении правонарушения к малозначительному:

1. *формальное содержание всех признаков административного правонарушения* (сам факт совершения правонарушения, общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость);
2. *отсутствие существенного нарушения общественных отношений, охраняемых законом* (например, возможность применения малозначительности должна исключаться при вменении такой санкции в отношении нарушителя как административный арест, выдворение, административное приостановление деятельности, по своей правовой природе свидетельствующих о высокой общественной опасности деяний, за которые применяются подобные наказания);
3. *небольшой размер причиненного вреда, отсутствие серьезных негативных последствий* (при материальном составе), *угрозы наступления таких последствий* (при формальном составе) от совершенного правонарушения;
4. *учет роли лица в содеянном* (например, наличие вины в форме умысла явно не может свидетельствовать о малозначительности совершенного правонарушения также, как и его повторность).

5. *несоразмерность наказания, предусмотренного санкцией статьи характеру совершенного правонарушения* (прослеживается связь с формальным наличием всех признаков правонарушения, но с учетом рассмотренных ранее критериев, наказание является слишком жестким для конкретного правонарушителя).

На основании проведенного исследования, разъяснений органов государственной власти, рассмотренных мнений специалистов в области административного права и положительного опыта зарубежных стран, считаем целесообразным включить в статью 2.9. КоАП РФ часть 2 и дополнить ее следующим положением: малозначительным является проступок, формально содержащий все признаки административного правонарушения, но с учетом характера правонарушения, незначительного размера причиненного вреда, отсутствия серьезных негативных последствий или угрозы их наступления, роли правонарушителя и соразмерности наказания, предусмотренного санкцией статьи характеру совершенного деяния, не представляющий существенного нарушения общественных отношений, охраняемых государством.

В заключение всего вышесказанного важно отметить то, что категория малозначительности в рассматриваемой области является оценочной, что предопределяет необходимость учета конкретных обстоятельств каждого дела. Но в то же время понятие малозначительности как основания освобождения от юридической ответственности является собирательным, что требует от правоприменителя учета универсальных критериев, наличие которых позволит квалифицировать совершенное правонарушение как малозначительное.

Отсутствие прямых ссылок и указаний на признаки, позволяющие охарактеризовать проступок как малозначительный, заставляет юрисдикционные органы определять их в каждом случае самостоятельно, способствует субъективному принятию решения и создает широкое поле для интеллектуального маневра правоприменителя: от признания правонарушения малозначительным до отказа от него.

Закрепление в административном законодательстве унифицированного понятия или критериев малозначительности как возможности освобождения от юридической ответственности повлекла бы за собой более глубокое понимание правоприменителем сущности данного административно-правового института, создала бы основу для его дальнейшего развития и способствовала бы выработке единообразного применения положений ст. 2.9. КоАП РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // Российская газета, № 256, 31.12.2001.
3. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Федеральный закон РСФСР от 20.06.1984 (ред. от 20.03.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1984. № 21. Ст. 909.
4. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях: принят Законом Республики Таджикистан от 31.12. 2008 № 455 (с изм. и доп. на 02.01.2020)
5. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 05.07.2014 N235-V (с изм. и доп. на 06.05.2020) // Казахстанская правда, 12.07.2014, № 135, ст. 27756.
6. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях: Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 N10 (ред. от 21.12.2017) // Вестник ВАС РФ, № 8, 2004.
7. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 N5 (ред. от 19.12.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 6, 2005.
8. О применении статьи 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: <Письмо> ФАС России от 23.09.2016 № ИА/65682/16.
9. Степанов В. В. Малозначительность правонарушения в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.: М., 2009. 27 с.
10. Ильясова К. А. Малозначительность правонарушения и его критерии // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 16. С. 368–371.
11. Дербина О.В. Проблемные вопросы определения признаков малозначительности административного правонарушения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 1 (37). С. 31–33.
12. Пирогов В. Ю. Критерии признания административного правонарушения малозначительным // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2013. № 3. С. 67–74.
13. Зюрина Т.П. К вопросу о малозначительности административных правонарушений // Административное и административно-процессуальное право: актуальные проблемы. Ч. 2. М., 2005, С. 96–98.

© Карпов Олег Вячеславович (okarp67@mail.ru), Лукашина Ангелина Эльчиновна (Lukashina.angelina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Владимир

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CURRENT PROBLEMS IN THE LEGAL REGULATION OF THE ORGANIZATION OF UNIFORM STATE EXAM IN THE RUSSIAN FEDERATION

**A. Kuznetsov
I. Vasilieva**

Summary. Uniform State Exam (USE) is a key element of the unified system for assessing the quality of general education, Russian education project, unprecedented in the scale of technological innovation. It affects millions of schoolchildren and their parents. The experience gained in USE makes it possible to identify current problems and propose solutions. The aim of the article is to analyse the legal regulation of the organization USE as the main form of State certification of students and entrance tests to university education. Some conclusions are drawn from the practical experience of participating in the organization of USE and the university enrollment campaign.

Keywords: legal regulation, university education, enrollment campaign, State certification, Uniform State Exam (USE).

Кузнецов Антон Константинович

К.и.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский
государственный университет имени И. Н. Ульянова»

(г. Чебоксары)

kuznetsov-ak@mail.ru

Васильева Жанна Сергеевна

К.и.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский
государственный университет имени И. Н. Ульянова»

(г. Чебоксары)

kaf_advok@mail.ru

Аннотация. Единый государственный экзамен (ЕГЭ) представляет собой ключевой элемент единой системы оценки качества общего образования, беспрецедентный по масштабам внедрения технологических инноваций проект российского образования, затрагивающий интересы миллионов школьников и их родителей. Накопленный опыт проведения ЕГЭ позволяет выявить актуальные проблемы и предложить пути их решения. Настоящее исследование направлено на анализ правового регулирования организации и проведения ЕГЭ как основной формы государственной итоговой аттестации обучающихся и вступительных испытаний в вузы. Ряд выводов авторами сделан на основе практического опыта участия в организации ЕГЭ и приемной кампании вуза.

Ключевые слова: правовое регулирование, высшее образование, приемная кампания, государственная итоговая аттестация (ГИА), единый государственный экзамен (ЕГЭ).

Одним из самых дискуссионных вопросов российского образования по-прежнему остается единый государственный экзамен (далее — ЕГЭ). Несмотря на то, что данная оценочная процедура прочно вошла в школьную жизнь и с 2009 года является основной формой государственной итоговой аттестации обучающихся, освоивших образовательные программы среднего общего образования, многие вопросы, в том числе в части правового обеспечения организации и проведения ЕГЭ, остаются актуальными и требуют дополнительного анализа.

Пристальное внимание к ЕГЭ обусловлено рядом причин. ЕГЭ является не только формой государственной итоговой аттестации школьников, успешное прохождение которой позволяет получить документ об образовании (аттестат о среднем общем образовании), но и формой вступительных испытаний в организации высшего образования на обучение по программам ба-

калавриата и программам специалитета. Многие специалисты называют ЕГЭ экзаменами с высокими ставками.

Исследование систем оценки качества общего образования получило широкое освещение в работах отечественных и зарубежных специалистов: G. Psacharopoulos, G. Papakonstantinou, Su-Je Cho, C. Hudley, S. Lee, L. Barry, M. Kelly, J. L. Kobrin, E. J. Shaw, S. M. Barbuti, B. F. Patterson, K. D. Mattern, J. M. Rothstein, T. Khavenson, A. Solovyeva, R. M. Blackburn, J. Jarman, X. Турбатинаждо, P. A. Pathak, T. Sönmez, А. Д. Вербецкий, А. А. Фридман, Ю. Р. Вишнеvский, С. Ю. Вишнеvский, Д. Ю. Нархов, Д. Л. Константиновский, В. Г. Немировский, В. Я. Нечаев, И. А. Плохова, Ха Ван Хоанг, В. В. Фурсова и др. Проблемам доступности высшего образования в контексте ЕГЭ посвящены работы В. А. Болотова, С. С. Кравцова, М. М. Поташника, М. Л. Аграновича, А. Л. Лейбовича, Н. В. Колачевой, Н. Н. Кошелевой, А. Я. Пардала, Г. В. Андрущак, Т. В. Натхова и др. Вопросы организации и проведения ЕГЭ,

формирования контрольных измерительных материалов нашли отражения в исследованиях С.С. Кравцова, А.А. Музаева, О.А. Решетниковой, Ю.С. Егоровой, И.К. Круглинского, Ю.С. Захир, Л.В. Караваевой, Г.С. Ковалевой и др.

Однако задача данной работы заключается в том, чтобы обозначить проблемы и представить предложения по дальнейшему совершенствованию правового обеспечения ЕГЭ с учетом многолетнего практического опыта организации и проведения ЕГЭ, а также приемной кампании вуза. В контексте необходимости дальнейшей модернизации, цифровизации данной оценочной процедуры, повышения прозрачности, объективности и общественного доверия вопросы правового регулирования также должны находиться в поле зрения экспертов.

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» формы, порядок, сроки проведения государственной итоговой аттестации и продолжительность проведения экзаменов по каждому учебному предмету в рамках государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования определяются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования, совместно с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере образования [1].

Порядком проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования, утвержденным приказом Министерства просвещения Российской Федерации и Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 7 ноября 2018 г. № 190/1512 (зарегистрирован в Минюсте России 10 декабря 2018 г. № 52952) (далее — Порядок проведения ГИА) определены формы проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования (далее — ГИА), участники, требования к использованию средств обучения и воспитания, средств связи при проведении ГИА, требования, предъявляемые к лицам, привлекаемым к проведению ГИА, порядок проверки экзаменационных работ, порядок подачи и рассмотрения апелляций, изменения и (или) аннулирования результатов ГИА [2].

Обращает на себя внимание допуск к ГИА. В соответствии с частью 6 статьи 59 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» к ГИА допускается обучающийся, не имеющий академической задолженности и в полном

объеме выполнивший учебный план или индивидуальный учебный план, если иное не установлено порядком проведения ГИА по соответствующим образовательным программам [1]. В соответствии с пунктом 10 Порядка проведения ГИА к ГИА допускается обучающийся, не имеющий академической задолженности, в полном объеме выполнивший учебный план или индивидуальный учебный план (имеющий годовые отметки по всем учебным предметам учебного плана за каждый год обучения по образовательным программам среднего общего образования не ниже удовлетворительных), а также имеющий результат «зачет» за итоговое сочинение (изложение) [2].

Итоговое сочинение (изложение) как одно из условий допуска к ГИА выпускников текущего года было введено с 2014 года в соответствии с пунктами 26 и 2в Перечня поручений Президента Российской Федерации по итогам состоявшегося 2 октября 2013 г. заседания Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству № Пр-2699.

В 2018 году в штатный режим была введена особая форма допуска к ГИА для обучающихся по образовательным программам основного общего образования — итоговое собеседование по русскому языку. Процедура и модель проведения итогового собеседования были разработаны в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 09.04.2016 № 637-р «Об утверждении Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации».

Итоговое сочинение (изложение) как условие допуска к ГИА для обучающихся по образовательным программам среднего общего образования и итоговое собеседование по русскому языку как условие допуска к ГИА для обучающихся по образовательным программам основного общего образования не являются частью ГИА. Считаю важным, чтобы формы допуска к ГИА были указаны в федеральном законе.

Предлагаем часть 6 статьи 59 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» изложить в следующей редакции:

«6. К государственной итоговой аттестации по образовательным программам основного общего образования допускается обучающийся, не имеющий академической задолженности, в полном объеме выполнивший учебный план или индивидуальный учебный план и имеющий результат «зачет» за итоговое собеседование по русскому языку.

К государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования до-

пускается обучающийся, не имеющий академической задолженности, в полном объеме выполнивший учебный план или индивидуальный учебный план и имеющий результат «зачет» за итоговое сочинение (изложение)».

Законодательное закрепление процедуры допуска ГИА позволит повысить значение данной формы оценки, а также ответственность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования, органов местного самоуправления, осуществляющих управление образованием, и образовательных организаций.

С момента проведения первых крупномасштабных апробаций ЕГЭ в 2001 году одним из основных неизменных принципов ЕГЭ являлось совмещение выпускниках (школьных) и вступительных (вузовских) экзаменов. В 2016 году произошло разделение ЕГЭ по математике на два уровня. В пункте 8 действующего Порядка проведения ГИА указано: «ЕГЭ по математике проводится по двум уровням:

- ◆ ЕГЭ, результаты которого признаются в качестве результатов ГИА общеобразовательными организациями и профессиональными образовательными организациями (далее — ЕГЭ по математике базового уровня);
- ◆ ЕГЭ, результаты которого признаются в качестве результатов ГИА общеобразовательными организациями и профессиональными образовательными организациями, а также в качестве результатов вступительных испытаний по математике при приеме на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата и программам специалитета — в образовательные организации высшего образования (далее — ЕГЭ по математике профильного уровня)» [2].

Таким образом, ЕГЭ по математике базового уровня является только выпускным экзаменом, оценивающимся по пятибалльной шкале. Результаты данного экзамена не могут учитываться в качестве результатов вступительных испытаний при приеме в вуз. В соответствии с данными особенностями ЕГЭ по математике базового уровня соответствует другой форме ГИА: государственному выпускному экзамену (далее — ГВЭ).

В связи с тем, что ЕГЭ по математике базового уровня не соответствует принципу единого экзамена (совмещение вступительных и выпускных экзаменов), а также вызванными этим обстоятельством проблемами информирования в период приемной кампании, предлагается изменить форму данного экзамена на ГВЭ. Обучающиеся по образовательным программам среднего общего об-

разования (выпускники текущего года) смогут по их желанию выбрать форму прохождения ГИА по математике (одному из обязательных учебных предметов ГИА): ЕГЭ по математике или ГВЭ по математике.

Такая схема может быть введена и для иностранного языка. В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом среднего общего образования, утвержденным приказом Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 (зарегистрирован в Минюсте России 07.06.2012 № 24480) с 2022 года ГИА должна проводиться по трем обязательным учебным предметам: русский язык, математика и иностранный язык. «Обучающийся может самостоятельно выбрать уровень (базовый или углубленный), в соответствии с которым будет проводиться государственная итоговая аттестация в форме единого государственного экзамена» [3]. Предлагаем «уровень» сдачи экзамена по иностранным языкам заменить на «форму ГИА» (ЕГЭ по иностранному языку или ГВЭ по иностранному языку).

Одним из важнейших элементов ГИА являются федеральная информационная система обеспечения проведения государственной итоговой аттестации обучающихся, освоивших основные образовательные программы основного общего и среднего общего образования, и приема граждан в образовательные организации для получения среднего профессионального и высшего образования и региональные информационные системы обеспечения проведения государственной итоговой аттестации обучающихся, освоивших основные образовательные программы основного общего и среднего общего образования. Правила формирования и ведения данных систем утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2013 г. № 755. Необходимо отметить, что на сегодня ЕГЭ является одним из самых высокотехнологических экзаменов в мире.

Тем не менее, одной из проблем цифровизации экзаменов является соблюдение требований обработки персональных данных. Ежегодно при написании заявления на участие в ГИА определенная доля выпускников (их родителей или законных представителей) не дает своего согласия на обработку персональных данных. В соответствии с письмом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 17.03.2015 № 02–91 для обучающихся, отказавшихся дать согласие на обработку персональных данных, ГИА может быть организована без внесения их персональных данных в информационные системы. Подготовка, проведение и обработка результатов ГИА для таких участников ГИА возложена на органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования.

Так, например, решением государственной экзаменационной комиссии субъекта Российской Федерации по организации и проведению ГИА для участников ГИА, отказавшихся дать согласие на обработку персональных данных, определяется пункт проведения, аудитория и рабочее место сдачи ГИА. Однако необходимо отметить, что в соответствии с пунктом 62 Порядка проведения ГИА «за один день до проведения экзамена по соответствующему учебному предмету региональный центр обработки информации осуществляет автоматизированное распределение участников экзаменов и организаторов по аудиториям» [2]. Таким образом, Порядок проведения ГИА не предусматривает иной (неавтоматизированной) процедуры распределения участников ГИА. К тому же в соответствии с пунктом 4 статьи 19.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нарушение указанного порядка влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц — от двадцати тысяч до сорока тысяч рублей; на юридических лиц — от пятидесяти тысяч до двухсот тысяч рублей [4].

Считаем необходимым внести соответствующие нормы в Порядок проведения ГИА в части регулирования правоотношений участников ГИА, отказавшихся дать согласие на обработку персональных данных.

Важно отметить необходимость гармонизации правового поля в части внедрения новых информационных технологий. В 2020 году запланированы применение новых мер информационной безопасности, профилактики нарушений порядка проведения экзаменов: технология поведенческого анализа на основе нейронных сетей; идентификация личности по видеокамерам; внедрение технологии искусственного интеллекта и др.

Трудно согласиться с позицией Минпросвещения России по вопросу повторного прохождения ГИА. В письме Департамента государственной политики в сфере оценки качества общего образования Минпросвещения России от 29 января 2020 г. № 04–123 указано, что в соответствии с пунктом 95 Порядка проведения ГИА, обучающимся, не прошедшим ГИА в текущем году в связи с получением неудовлетворительного результата по одному из учебных предметов, предоставляется право пройти экзамены по соответствующим учебным предметам в следующем году. Лица, не прошедшие ГИА в прошлом году в связи с получением неудовлетворительного результата по одному из обязательных учебных предметов, не относятся к категории лиц, освоивших образовательные программы среднего общего образования в предыдущие годы, имеющих право на участие в ЕГЭ, при наличии у них действующих результатов (пункт 13 Порядка проведения ГИА), так как не имеют соответствующего

документа об образовании, подтверждающего освоения указанных программ.

Следовательно, отмечает Департамент государственной политики в сфере оценки качества общего образования Минпросвещения России, они не могут: выбрать один или несколько предметов (из списка предметов по выбору), на сдачу экзаменов по которым не регистрировались в прошлом году; а также выбрать для сдачи предмет, экзамен, который уже сдан в прошлом году, в целях улучшения результата по нему.

Таким образом, выпускники, не прошедшие ГИА, могут принять участие в ГИА в следующем году только по учебному предмету (предметам), по которому получен неудовлетворительный результат. Причины, по которым данные участники ГИА не могут принимать участие в ЕГЭ, не понятны. Они имеют допуск к ГИА (результат «зачет» за итоговое сочинение (изложение)) и не отличаются от выпускников, участвующих в ГИА впервые. Однако данная категория выпускников, в случае повторного успешного участия в ГИА, может быть лишена конституционного права на получение высшего образования.

Считаем важным внести изменения в пункт 13 Порядка проведения ГИА, предоставив право участникам ГИА, не прошедшим ГИА в прошлые годы, сдачи ЕГЭ по предметам по выбору. Лица, не прошедшие ГИА в прошлые годы, но получившие документ об образовании в текущем году, должны иметь возможность на поступление в вуз.

Обращает на себя внимание еще одна категория участников ЕГЭ — выпускники прошлых лет. В действовавшем до 07.03.2014 Порядке приема граждан в образовательные учреждения высшего профессионального образования, утвержденном приказом Минобрнауки России от 28.12.2011 № 2895 (зарегистрирован в Минюсте России 24.01.2012 № 23011), содержалась норма, согласно которой лица, имевшие среднее (полное) общее образование, полученное до 1 января 2009 г., имели право поступать в вуз на основании результатов внутренних вступительных испытаний. На сегодняшний день такая норма отсутствует. Выпускники прошлых лет (не имеющие среднего профессионального или высшего образования) для поступления в вуз должны сдавать ЕГЭ (в том числе и те выпускники, которые получили аттестат в советский период).

Актуальность проблемы вызвана необходимостью непрерывного образования (life-long learning education). Для выпускников, которые не сдавали ЕГЭ в школе (получили аттестат о среднем общем образовании по другим правилам), поступление в вуз по результатам ЕГЭ становится серьезным испытанием (проблемы информированности о процедуре, тестовая искушенность и т.д.).

Считаем, что таким выпускникам необходимо предоставить возможность поступления в вуз по внутренним вступительным испытаниям. Предлагаем также расширить категорию данных выпускников, включив не только лиц, получивших аттестат о среднем (полном) общем образовании до 1 января 2009 г. (т.е. до введения ЕГЭ в штатный режим), но и получивших данный документ об образовании до 1 сентября 2013 г. (т.е. до вступления в силу действующего Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

Таким образом, предлагаем внести изменение в часть 6 статьи 70 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Предоставить право выпускникам прошлых лет, получившим аттестат о среднем общем образовании до 1 сентября 2013 г., поступать в вузы по результатам внутренних вступительных испытаний.

В силу своей масштабности и значимости ЕГЭ оказывает колоссальное влияние на всю систему российского образования и, безусловно, нуждается в развитии, повышении эффективности. В данной работе предпринята попытка на основе практического опыта организации и проведения ЕГЭ, а также участия в приемной кампании вуза представить предложения по совершенствованию правового регулирования основной формы ГИА, расширению доступности высшего образования:

1. В Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепить формы допуска к государственной итоговой аттестации (итоговое сочинение (изложение) для обучающихся по образовательным программам среднего общего образования и итоговое собеседование по русскому языку для обучающихся по образовательным программам основного общего образования).

2. ЕГЭ по математике базового уровня заменить на иную форму ГИА — ГВЭ по математике (в связи с тем, что результаты данного экзамена не могут учитываться в качестве результатов вступительных испытаний при приеме в вуз). Распространить данное положение на вводимый с 2022 года обязательный ЕГЭ по иностранным языкам.
3. Привести нормативные правовые акты в соответствие с внедряемыми новыми информационными технологиями: технология поведенческого анализа на основе нейронных сетей; идентификация личности по видеокамерам; технология искусственного интеллекта и др.
4. В Порядке проведения ГИА закрепить процедуру проведения экзаменов для лиц, отказавшихся дать согласие на обработку персональных данных, в Порядке приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, утвержденном приказом Минобрнауки России от 14.10.2015 № 1147, — процедуру получения результатов ЕГЭ таких участников ЕГЭ приемными комиссиями вузов.
5. Разрешить выпускникам прошлых лет, не прошедшим ГИА, сдавать не только экзамен (экзамены), по которому получен неудовлетворительный результат, но и ЕГЭ по предметам по выбору.
6. Предоставить право выпускникам прошлых лет, получившим аттестат о среднем общем образовании до 1 сентября 2013 года, поступать в вузы по результатам внутренних вступительных испытаний.
7. Рассмотреть возможность создания независимых центров оценки качества образования для круглогодичного проведения ЕГЭ, а также участия в ЕГЭ несколько раз в год.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // «Российская газета», № 303, 31.12.2012, официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.03.2020.
2. Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования: Приказ Минпросвещения России и Рособрнадзора от 07.11.2018 № 1512/190 // официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 11.12.2018.
3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования: Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 // «Российская газета», № 139, 21.06.2012, официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27.07.2017.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // «Российская газета», № 256, 31.12.2001, официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 18.03.2020.

© Кузнецов Антон Константинович (kuznetsov-ak@mail.ru), Васильева Жанна Сергеевна (kaf_advok@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВОЕ ПОЛЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРАКТИКЕ РАБОТЫ БИБЛИОТЕК

Лопатина Ольга Александровна

*К.п.н., профессор, Хабаровский государственный
институт культуры
Lopatina-OA@Rambler.ru*

LEGAL FIELD OF INNOVATION IN THE PRACTICE OF LIBRARIES

O. Lopatina

Summary. The legal field of innovative activity of libraries is determined based on the study of regulatory legal acts of the Federal and regional levels. The analysis of publications of scientists and lawyers, reflecting the state of the legal framework for state regulation of innovation activities. Based on the content analysis of library specialists, the authors note the peculiarities of organizing and managing innovative activities in the library sphere. The problems of using legislative and regulatory documents in the practical work of libraries are outlined.

Keywords: legal field, legal relations, normative legal acts, innovative legislation, content analysis, library legislation, standardization, innovative activity of the library.

Аннотация. Определено правовое поле инновационной деятельности библиотек на основе изучения нормативных правовых актов федерального и регионального уровня. Проведен анализ публикаций ученых и юристов, отражающий вопросы состояния нормативно-правовой базы по государственному регулированию инновационной деятельности. На основе контент-анализа специалистов библиотечного дела отмечены особенности организации и управления инновационной деятельностью в библиотечной сфере. Обозначены проблемы использования законодательных и нормативных документов в практической работе библиотек.

Ключевые слова: правовое поле, правоотношения, нормативные правовые акты, инновационное законодательство, контент-анализ, библиотечное законодательство, стандартизация, инновационная деятельность библиотеки.

Аktivизация инновационной деятельности в библиотеках России приходится на начало 90-х годов, что вызвано социально-экономическими изменениями, происходящими в этот период в обществе. Точкой отсчета, по-нашему мнению, является разработка первых федеральных нормативных правовых актов, регулирующих деятельность учреждений культуры, в том числе библиотек. Это Закон РФ «Основы Законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 сентября 1992 г. № 3612-1; Федеральный закон «О библиотечном деле» от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ, Федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов» от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ. И хотя в документах отсутствуют понятия «инновации», «инновационная деятельность», сам факт появления федеральных документов можно считать основой формирования правовой базы инновационной деятельности в сфере культуры, так как в указанных документах представлена новая правовая модель деятельности библиотеки; ее правоотношения с обществом, государством и пользователями.

Формирование законодательной базы библиотечного дела не ограничивается только законами, регулирующими сферу культуры. Библиотека как равноправный субъект правоотношений использует всю систему нормативных правовых актов федерального и регионального уровня, документы местного самоуправления, ре-

гулирующие различные направления ее деятельности, на что указывает ФЗ «О библиотечном деле» (ст. 2).

Поступательное развитие законодательства во всех сферах народного хозяйства создало новую ситуацию для развития библиотечно-информационной деятельности и обусловило ее изменение. В этих условиях руководителям и специалистам библиотек приходится постоянно осваивать и осмысливать новые нормы права, содержащиеся в различных отраслях права, в том числе в гражданском, предпринимательском, бюджетном, налоговом, трудовом и т.п.

С целью определения правового поля инновационной деятельности библиотек нами были изучены основные нормативные правовые акты, регулирующие библиотечно-информационную деятельность как субъекта правовых отношений. Знание системы правовых и нормативных документов, по нашему мнению, позволит юридически грамотно выстраивать работу библиотек по расширению и уточнению терминологического аппарата, формированию системы управления инновационной деятельностью библиотеки, по работе с кадрами, по повышению качества библиотечно-информационных продуктов и услуг и т.п. Теория библиотечной инноватики в настоящее время достаточно глубоко разработана в отечественном библиотековедении, однако правовые документы, непосредственно касающиеся инновацион-

ной деятельности в отрасли культуры, в настоящее время отсутствуют, что усложняет единство подходов в критериях оценки инноваций в деятельности российских библиотек.

Правовые отношения субъектов и объектов инновационной деятельности регулируются нормативными правовыми актами, в которых обозначены основные категории и понятия в этой области, освещаются вопросы государственной политики, формы поддержки, формирование инфраструктуры, обозначены механизмы и инструменты инновационной деятельности и т.п. Нами было отобрано более 120 нормативно-правовых документов, имеющих прямое или косвенное отношение к законодательному регулированию инновационной деятельности библиотеки.

Первым значимым документом в области инновационной деятельности специалисты считают постановление Правительства РФ «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы» от 24 июля 1998 г.

Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ стал первым нормативным правовым актом, в котором даны определения основным категориям инновационной деятельности: инновации, инновационная инфраструктура, инновационная деятельность и др.

Большую роль в развитии инновационного законодательства сыграл Модельный закон «Об инновационной деятельности», утвержденный Постановлением Межпарламентской Ассамблеи стран СНГ от 16 ноября 2006 г. № 27–16. В Законе представлены основные аспекты инновационной деятельности, что в дальнейшем послужило ориентиром для развития инновационного законодательства в странах СНГ.

В марте 1999 г. в Государственную Думу впервые был внесен проект Федерального закона «Об инновационной деятельности и о государственной инновационной политике», предлагавший введение и регулирование на законодательном уровне нового института «инноваций». Однако законопроект был отклонен Президентом РФ. Среди основных аргументов отклонения было отсутствие в Законе четкого определения предмета правового регулирования — инновационной деятельности. В дальнейшем на утверждение Государственной Думы неоднократно вносились законопроекты инновационной деятельности. Сложность разработки документа объясняется многими причинами, в том числе и тем, что спектр направлений нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности очень широк. Он охватывает вопросы государственного регулирования,

правоотношения между участниками инновационного процесса, финансовое и кадровое обеспечение, охрану объектов интеллектуальной собственности, понятийный аппарат и т.п.

В настоящее время ведется разработка и обсуждение на различных площадках проекта Федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации». Официальной основой для разработки данного федерального закона можно считать не только имеющийся законодательный массив в этой сфере, но и Концепцию проекта Федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» (2019 г.).

Векторами развития инновационной деятельности библиотек стали нормативные правовые акты программного и декларативного характера:

- ◆ Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г. (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике от 15 февраля 2006 г.);
- ◆ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г.);
- ◆ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, (утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г.);
- ◆ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г.);
- ◆ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года (Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г.);
- ◆ Концепция модернизации муниципальных библиотек Российской Федерации на основе модельного стандарта деятельности общедоступной библиотеки (утв. Минкультуры России 13 марта 2019 г.) и др.

Структуризация массива более чем 150 публикаций во времени (2001–2020 гг.) дала возможность выявить основные проблемы законодательного обеспечения инновационной деятельности в условиях современной реальности. Состояние и тенденции развития инновационного законодательства активно обсуждаются учеными и юристами в области экономики и права, преподавателями высшей школы, предпринимателями различных отраслей экономики, руководителями организаций и т.д. Массив выявленных публикаций включает вопросы государственного регулирования инновационной деятельности, организации и управления инновационной деятельностью в библиотечных организациях,

состояние и тенденции развития инновационного законодательства в сфере культуры, в том числе в библиотечно-информационной деятельности.

Анализ публикаций по государственному регулированию инновационной деятельности позволил выявить основные тематические аспекты, это теория инновационного права, состояние и перспективы развития законодательства, система государственного регулирования, управление инновационной деятельностью в организации; проблемы разработки законопроекта об инновационной деятельности; соотношение научной и инновационной деятельности, юридическое толкование основных категорий инновационной деятельности и др.

Как полагает доктор юридических наук, специалист в области инновационного права Т. В. Ефимцева, переход к инновационной экономике невозможен без определения места инновационного права в системе российского права. Поскольку в юридической науке под предметом правового регулирования отрасли или института права понимаются общественные отношения, регулируемые нормами данной отрасли, необходимо прежде всего, считает автор, определить предмет инновационного права, т.е. установить, какие нормы и возникающие на основе их применения отношения являются инновационно-правовыми, найти ту основу, которая объединяет эти нормы и отношения в единый институт права, установить характерные черты инновационно-правовых норм и отношений, отличающие их от норм и отношений других институтов права.

По мнению Т. В. Ефимцевой, предметом инновационного права, являются три группы общественных отношений, составляющих определенное единство. Это инновационные отношения, иные отношения, связанные с инновационными отношениями и отношениями по государственному воздействию на инновационную деятельность. Причем первые две группы отношений являются горизонтальными по своей структуре, поскольку возникают между равноправными и независимыми друг от друга участниками, а третья группа представляет собой отношения по вертикали [5, с. 127–131].

А. И. Бексултанова, анализируя реализацию государственной политики в области инновационной деятельности, обращает внимание на такие формы законодательной поддержки государством инновационной деятельности, как финансовая, информационная, имущественная, а также поддержка в образовательной сфере [1].

Наибольшее количество публикаций посвящено формированию национальной инновационной системы,

основным механизмам реализации государственной инновационной политики, созданию благоприятного инвестиционного климата для финансирования инновационной деятельности и т.п.

Мнения многих авторов сводятся к тому, что существующие нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере инноваций пока не в полной мере соответствуют целям экономической модернизации и инновационного развития страны. До сих пор в России нет федерального закона об инновационной деятельности, что не позволяет процессу формирования национальной инновационной системы развиваться более эффективно. Большинство федеральных законов отражают лишь отдельные аспекты правоотношений инновационной деятельности, так как регулируют и стимулируют деятельность в отдельных отраслях национальной экономики и практически не включают правоотношения в отрасли культуры.

К этому следует добавить, что отсутствие общей законодательной платформы ставит регионы перед необходимостью самостоятельно разрабатывать документы в области инновационной деятельности, что вносит разнородность в целостность системы государственного регулирования данного законодательного направления.

И. Ю. Загоруйко акцентирует внимание на том, что разработкой отдельных аспектов инновационного законодательства занимаются различные ведомства, организации, группы; имеется заметный дефицит квалифицированных специалистов, обладающих необходимыми теоретическими знаниями и практическим опытом работы в инновационной сфере, существуют проблемы с понятийным аппаратом. Отсутствие базового инновационного законодательства существенным образом тормозит развитие региональной инновационной нормативно-правовой базы, и как следствие формирование благоприятного инновационного климата в субъектах РФ. Как полагает автор, можно утверждать, что в конечном итоге подобное состояние дел может привести к фрагментарности законодательства, когда отдельные элементы национальной инновационной системы будут достаточно развиты, а другие важные составные части окажутся вне правового поля и соответственно без необходимой государственной поддержки [6].

Анализ массива публикаций, отражающих вопросы организации и управления инновационной деятельности библиотек обозначил такие тематические аспекты как развитие теории библиотечной инноватики, в том числе, совершенствование терминологии; формирование библиотечной инновационной политики в контексте модернизации всех направлений библиотечно-информационной деятельности; развитие инновационного

менеджмента библиотеки, активизацию инновационной деятельности методических служб и др.

Наибольший вклад в вопросы управления и организации инновационной деятельности в библиотеках внесли С. А. Басов, А. Н. Ванеев, Е. Н. Гусева, Е. Ю. Качанова, В. К. Клюев, Т. Я. Кузнецова, С. Г. Матлина, В. А. Минкина, Н. С. Редькина, Э. Р. Сукиасян, Н. Т. Чуприна и другие исследователи.

Обзор публикаций свидетельствует, что инновационная деятельность библиотек за последние двадцать лет достаточно глубоко изучена, теоретически и практически проработана.

Ведущим стимулом развития инноваций в библиотечной сфере по мнению многих специалистов стала модернизация в сфере культуры в т.ч. и в библиотечной отрасли. Нельзя не согласиться с Т. Я. Кузнецовой, что, пройденный российскими библиотеками путь модернизационного развития, позволяет заключить, что наряду со многими кардинальными изменениями, смысловое ядро модернизации включает в себя и инновационные преобразования всех функциональных направлений библиотечной деятельности [9].

В качестве лидера инновационных преобразований, по мнению специалистов выступает методическая служба. Как полагает Е. Ю. Качанова, ускоренные темпы технологического обновления библиотек требуют от сотрудников методических служб иного отношения к вопросам реализации инноваций, ставят их перед необходимостью решения задач реорганизации научно-исследовательской деятельности, обучения библиотечных сотрудников методикам исследовательского труда, создания корпоративного «банка идей библиотечных инноваций», развития посреднической деятельности, позволяющей библиотекам находить партнеров для решения инновационных задач и т.п. [8, с. 193]

Управление и организация инновационных процессов практически реализуется в инновационном менеджменте, который нацелен на создание необходимых условий для повышения эффективности инноваций, внедрения конкурентоспособной продукции и технологии. Как и в других сферах общественной практики, инновационный менеджмент библиотечных изменений рассматривается как особая организационно-управленческая деятельность, направленная на получение результатов библиотечного развития путем использования инноваций, а также как значимое направление стратегического управления библиотекой. Как стратегическое направление инновационный менеджмент определяет цели, масштабы и объекты изменений, возможности разработки новшеств, осуществления нововведений и использова-

ния инноваций. В силу такого назначения, в нем главное внимание уделяется выработке инновационной политики, стратегии инноваций и мер, направленных на их реализацию [7, с. 58].

Е. Н. Гусева, анализируя развитие инновационной деятельности в российских библиотеках в динамике за 2000–2010 гг., приходит к выводу, что в первый период с 2000–2005 гг. большинство материалов было посвящено вопросам обоснования подходов к инновациям и новым информационным технологиям в деятельности библиотек, особое внимание уделялось новым формам деятельности библиотек (в т.ч. и на основе ИКТ). Все это находилось в русле общественных изменений того периода, который можно по мнению автора, обозначить как период «тотальной цифровизации» всей страны. Во второй половине периода (2006–2010 гг.) появились статьи философско-концептуального характера, исследующие феномен инноваций в контексте общекультурного развития общества и работы не только о применении новых технологий, но и о новых услугах и формах деятельности библиотек, а также о путях дальнейшего развития библиотек и проблемах их позиционирования в непрерывно меняющемся обществе. Интересно и то, подчеркивает Е. Н. Гусева, что специалисты стали представлять результаты неких научных исследований по вопросам инноватики как в теоретическом, так и в управленческом аспектах. Автор считает, что одним из самых главных и значимых результатов будет построение методологии и методики управления инновационной деятельностью в библиотечно-информационной деятельности, а возможно, и во всей социально-культурной сфере, потому что инновация — это, в первую очередь, эффективное управление [4].

Продолжая анализировать развитие инновационной деятельности в библиотечной сфере, в период с 2010 и по настоящее время можно утверждать, что его отличительной особенностью является активизация стандартизации библиотечной деятельности, включающей формирование нормативных требований к современной библиотеке, к технологическим процессам ее деятельности и управлению ими, терминологическому аппарату; качеству продукции, работ и услуг в соответствии с уровнем развития библиотечной науки, техники и технологии и т.п.

Анализ научных публикаций, отражающих вопросы инновационного законодательства в библиотечной сфере показал, что тематика публикаций в основном посвящена инновационной библиотечной политике, модернизации системы управления, реформированию библиотечного законодательства, стандартизации деятельности библиотек, проблемам реализации законодательства об интеллектуальной собственности и др.

В контексте развития государственной культурной политики Е.Н.Гусева определяет правовое поле инновационной библиотечной деятельности. Важнейшим документом, определяющим развитие культуры и не имеющим аналогов в постсоветской России, Е.Н. Гусева считает «Основы государственной культурной политики», введенные в действие Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808. Автор подчеркивает, что впервые в документе такого высокого уровня государственная культурная политика признана неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Как полагает автор, это базовый документ для разработки и совершенствования законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих процессы культурного развития в Российской Федерации, а также государственных и муниципальных программ [3].

Большое внимание в документальном потоке уделяется реформированию основных законов о культуре, в том числе и о библиотечном деле, что связано с вступлением в силу новых федеральных законов, отдельные положения которых относятся и к библиотечному делу. Дополнения и изменения в главном Федеральном законе РФ «О библиотечном деле» касаются терминологического аппарата, в частности понятий «библиотека», «национальный библиотечный фонд», «книжные памятники»; организации взаимодействия библиотек, статуса центральной и межпоселенческой библиотеки; порядка обслуживания особых групп пользователей; создания государственной информационной системы «Национальная электронная библиотека»; вопросов подготовки и переподготовки библиотечных кадров и др.

Дополнения и изменения внесены практически в каждую статью Федерального закона «Об обязательном экземпляре документов», в первую очередь это касается целей формирования системы обязательного экземпляра, формирования обязательного экземпляра федерального, регионального и муниципального уровней, доставки обязательного экземпляра документов, в том числе, выполненных на различных носителях и т.п.

Закон Российской Федерации «Основы Законодательства Российской Федерации о культуре» также претерпел значительные изменения. Особо следует отметить, разграничение и уточнение полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области культуры (Раздел VII), а также введение статьи «Независимая оценка качества условий оказания услуг организациями культуры (ст. 36.1).

Однако особое внимание авторы публикаций, уделяют стандартизации библиотечной деятельности. Это модельные стандарты, профессиональные стандарты, ГОСТы Р по инновационному менеджменту, система стандартов ISO, стандарты СИБИД. Это и понятно, только за последние пять лет в действие вступило более 10 стандартов СИБИД, содержащих определения основных терминов, правила, характеристики отдельных процессов библиотечно-информационной деятельности. В частности, введены в действие ГОСТ Р 7.0.-2018 «Книжные памятники. Общие требования», ГОСТ Р 7.0.94–2015 «Комплектование библиотеки документами. Термины и определения»; ГОСТ Р 7.0.103–2018 «Библиотечно-информационное обслуживание. Термины и определения» и др.

Нормативно-правовым ориентиром адаптации деятельности библиотеки к новым социально-экономическим условиям стали модельные стандарты деятельности библиотеки (2008, 2014 гг.). Логическим продолжением модельных стандартов является разработка «Концепции модернизации муниципальных библиотек Российской Федерации на основе модельного стандарта деятельности общедоступной библиотеки» (2019 г.).

Инновационная продукция не может существовать без разработки и принятия документов в области стандартизации, так как без установления норм и правил невозможно провести необходимые для внедрения новых технологий испытания и измерения, организовать производство, оценить соответствие продукции (услуги) установленным требованиям нормативной документации с целью выхода на рынок, а также применять новую продукцию. Стандартизация, по мнению Е.Н. Гусевой, может выступать в качестве некоего ускорителя продвижения инноваций, позволяя обеспечить совместимость и безопасность продукции, сосредоточение инвестиций и ресурсов на важных инновационных направлениях и задавать общее направление инноваций в библиотеках. Автором также представлена характеристика ГОСТов по инновационному менеджменту, их особенностью по ее мнению, является то, что они, по сути, представляют собой некие методические рекомендации по внедрению, формированию, развитию и использованию системы управления, направленной на развитие инновационно-ориентированной организации, управленческая система которой настроена на то, что в современном менеджменте называется управление изменениями [2].

В общем потоке публикаций большое место занимают работы по интеллектуальной собственности применительно к практике работы библиотек. Проблематика публикаций включает рассмотрение таких вопросов как объекты и субъекты авторского права в библиотеках, правоотношения публичных библиотек в условиях дей-

ствия части IV Части Гражданского кодекса РФ, проблемы открытого доступа к научным знаниям и др.

Таким образом, исследование законодательного обеспечения инновационной деятельности позволило определить правовое поле нормативных правовых актов, систему правоотношений в практике работы библиотек. Следует отметить, что спектр законодательства, отражающего те или иные направления инновационной деятельности достаточно широк и не может быть пол-

ностью отражен в рамках одной статьи. Тем не менее, главный вывод, который можно сделать, изучив нормативно-правовую базу документов и массив публикаций — данная проблема требует дальнейшего изучения, разработки терминологии и нормативов инновационной деятельности библиотек. По нашему мнению, необходимо активизировать работу по созданию стратегических документов, локальных актов библиотеки по инновационной деятельности, правовую подготовку библиотечных кадров в этом направлении и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бексултанова А. И. Реализация государственной политики в инновационной деятельности / А. И. Бексултанова, А. Н. Бексултанова, Ш. К. Кутаев // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2019. — С. 498–500.
2. Гусева Е. Н. ГОСТы, обеспечивающие инновационную деятельность: вопросы применения в библиотеках [Электронный документ] (дата обращения: 24.04.2020).
3. Гусева Е. Н. Законодательное обеспечение государственной культурной политики в библиотечной отрасли: новеллы 2016 года; тенденции 2017 года // Научные и технические библиотеки. — 2018. — № 1. — С. 7–18.
4. Гусева Е. Н. Инновационное развитие библиотечной сферы: аналитико-статистический обзор // Научные и технические библиотеки. — 2011. — № 12. — С. 23–40.
5. Ефимцева Т. В. Понятие инновационного права // Современные проблемы науки и образования. — 2010. — № 1 — С. 127–131.
6. Загоруйко И. Ю. Правовое регулирование федеральной инновационной политики государства и тенденции ее развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2012. — Вып. 2. — С. 58.
7. Качанова Е. Ю. Библиотечная инноватика как теория изменений: Монография. — Хабаровск, 2002. — 155 с.
8. Качанова, Е. Ю. Инновационно-методическая работа библиотек: учеб. пособие / Е. Ю. Качанова; ХГИИК; науч. ред. А. Н. Ванеев. — Санкт-Петербург: Профессия, 2007. — С. 193.
9. Кузнецова Т. Я. Модернизация библиотек и их инновационные социальные практики: опыт системного анализа // Вестник МГУКИ. — 2018. — № 5 (85). — С. 81–92.

© Лопатина Ольга Александровна (Lopatina-OA@Rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБ ОСНОВАНИЯХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПРАВА, СОВРЕМЕННОМ ПРАВОПОНИМАНИИ И НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ПРАВОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ¹

ON THE VALIDITY OF LAW FOUNDATIONS, MODERN UNDERSTANDING OF THE LAW AND SCIENTIFIC RATIONALITY OF THE LEGAL SCIENCE IN THE DIGITAL AGE

V. Puchkov
O. Puchkov

Summary. The study addresses the problem of the foundations of the validity of law in the context of the actual types of the understanding of the law and scientific rationality. The article concludes the two fundamentally different ontological images of law (i.e. empirically-objectivist in classical understanding of the law and ideally-subjectivist in postclassical one) to be represented in modern legal theory. The authors justifies that none of these approaches is able to ensure the virtual relations specific's comprehension to the full extent. Either the article argues thesis that the types of scientific rationality may substantiate the methodological specifics of the legal science in the digital age. The authors attempts to reconstruct the formation of the law in the situation of the insufficient positive legal regulation of the social relations' digital sphere. The study finds the law to take shape at the level of understanding as the representation of the objective and available claims, requirements of the relevant conduct and its implications. Consequently the authors come to conclusion that the foundation of the validity of law in the digital era is not represented by the positive law only, but by the understanding of the social relation's legal character either.

Keywords: law, validity of law, digital age, understanding of the law, scientific rationality, virtual space, methodology.

Пучков Владислав Олегович
Соискатель, Уральский государственный
юридический университет

Пучков Олег Александрович
Д.ю.н., профессор, Уральский государственный
юридический университет
puchkovandpartners@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема оснований действительности права в контексте актуальных типов правопонимания и научной рациональности. Делается вывод, что в современном правопонимании представлены две принципиально различные онтологические картины права (эмпирико-объективистская — в классическом правопонимании, идеально-субъективистская — в постклассическом правопонимании). Авторы обосновывают, что ни один из данных подходов не способен в полной мере обеспечить осмысление специфики социальных отношений в виртуальной сфере. Также в статье подвергается сомнению тезис о возможности обоснования методологической специфики правоведения цифровой эпохи в контексте типов научной рациональности. Авторы предпринимают попытку осуществить реконструкцию процесса правообразования в ситуации недостаточности позитивно-правового регулирования цифровой сферы общественных отношений. Формулируется вывод о том, что право первоначально формируется на уровне понимания как представленность в сознании объективно существующих притязаний, требований соответствующего поведения и последствий реализации данных явлений. Вследствие этого авторы приходят к выводу, что в цифровую эру основанием действительности права является не только наличие позитивного права, но и понимание правового характера того или иного общественного отношения.

Ключевые слова: право, действительность права, цифровая эпоха, правопонимание, научная рациональность, виртуальное пространство, методология.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18–29–16148 «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий».

В основе науки о праве... лежит существенное недоразумение относительно того, в какой сфере можно найти и наблюдать правовые явления и как их следует изучать

Л. И. Петражицкий [1, с. 34]

С точки зрения основного разделения всех наук на естественные и гуманитарные правоведение, без сомнения, является гуманитарной наукой. Основания такого подхода в принципе понятны: правовая действительность носит производный характер от реальности общественных отношений, и в этом смысле вне человека, вне сообщества людей права нет¹. Отсюда следует, что само право как предмет научного осмысления не является природным (в смысле естествознания) явлением, а представляет собой по существу идеальный объект², явление, не существующее за пределами реальности, конституируемой нашим сознанием³. В этом контексте оправданно считать, что право наряду, к примеру, с языком, культурой, искусством и т.п. относится к числу гуманитарных феноменов, и что, соответственно, методология научного познания права развивается в парадигме гуманитаристики⁴.

Такова общая науковедческая картина онтологии правовой науки. *Prima facie* подобная концепция является если не бесспорной, то во всяком случае не лишённой определенных философско-методологических оснований. В то же время не следует упускать из виду то обстоятельство, что право в такой логике является системным явлением, поскольку как предмет научного познания оно не существует изолированно как от гуманитарных, так и от естественных, природных феноменов⁵. Системные свойства права опосредуются в этом смысле двумя аспектами, которые можно терминологически обозначить в качестве «внешнесистемного» и «внутрисистемного». Внешнесистемный аспект права обусловлен его институциональной природой, взаимосвязанностью и взаимообусловленностью права

¹ «*Ubi societas, ibi ius*» («где общество, там и право» (лат.)) — утверждали римские юристы [2, с. 113].

² «Идеальный объект в данном контексте, — пишет М.А. Розов, — это объект, свойства которого обусловлены не его материалом, не его физической природой, а некоторыми социальными программами» [3, с. 41]. См. также: [4, с. 190]

³ Рассматривая специфику гуманитарных наук, П.А. Сорокин писал, что «содержание, предмет изучения, внутренняя структура, методология обусловлены здесь *типом доминантной культуры* (курсив наш — В.П., О.П.)» [5, с. 467].

⁴ Попытки представить право в качестве природного (в смысле естествознания) явления, предпринятые школой юснатуралистов, показали в этом смысле свою методологическую несостоятельность [6, с. 40].

⁵ О системном характере организации объектов научного познания см.: [7, с. 9–10; 8, с. 96].

всем комплексом иных явлений как гуманитарного, так и естественного плана. Здесь в качестве примера можно обратиться к факторам религиозного порядка, обусловившим формирование религиозного правового семейства (систем мусульманского, индуистского, иудейского права), к факторам экономико-идеологического порядка, вследствие которых появилось социалистическое право, к факторам антропологического порядка, конституирующим традиционные правовые системы и т.п. Существенное влияние на право оказывают также факторы технического и технологического плана. Показательным примером являются в заданном контексте дискуссии юристов по вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта [9, с. 46; 10, с. 11], о правовых свойствах цифровых объектов [11, с. 221; 12, с. 104; 13, с. 91; 14, с. 88; 15, с. 5–7], об использовании онлайн-технологий в урегулировании споров [16, с. 476; 17, с. 283] и т.п. Следовательно, на уровне сознания не может быть «чистого» права, то есть существующего изолированного от иных социальных институтов, «неправовых» по своей сущности факторов.

В свою очередь, внутрисистемные свойства права отражают его строение, характер правового воздействия на общественные отношения, специфику правовых форм и типологию правового регулирования. Все эти свойства при этом имеют вполне эмпирическое выражение и проявляют себя, в частности, в текстах законов и судебных постановлений, в юридически значимых поведенческих актах, в конкретных мерах реализации юридической ответственности и т.п.

Изложенное дает основание полагать, что реальность права сама по себе не ограничена только пространством идеального, сферой человеческого мышления. Право, таким образом, принадлежит к сфере сознания ровно в той же степени, в которой оно относится к числу эмпирически воспринимаемых явлений объективной действительности. Таким образом, с некоторой долей условности допустимо говорить о *двух принципиально различных онтологиях права* — *идеальной* (конституируемой правопониманием, системой абстрактных понятий о правовом) и *материально-эмпирической* (опосредуемой всей системой чувственно воспринимаемых правовых явлений). Данная ситуация ярко проявляет себя в известном «противопоставлении» юридической теории и практики: первая по преимуществу нацелена на исследование онтологии *права как идеального явления*, вторая же — на прикладные разработки *права как эмпирической действительности* [18, с. 20]. Следует констатировать, что такое положение дел в принципе характерно для континентальной правовой традиции. Так, еще Цицерон, характеризуя состояние современной ему юриспруденции, писал: «У нас нет подлинного и ясного представления об истинном праве и о настоящей спра-

ведливости, и мы пользуемся только их тенью и очертаниями» [19, с. 141], говоря в этом смысле прежде всего об узко-прикладном, фактически функциональном характере римской юриспруденции, нацеленной на обслуживание конкретных юридических практик¹. Подобные характеристики видятся справедливыми и в отношении современной юриспруденции.

Итак, мы можем сделать вывод, что в настоящее время сложились две принципиально различные онтологии (а точнее — *онтологические картины*) права, ни одна из которых при этом не охватывает *право как целостность, как системное образование, которому в равной мере присущи и идеальные, и эмпирические характеристики* [21, с. 26–28]. Такая методологическая ситуация находит свое отражение в сегодняшней правовой теории, в которой наблюдается в связи с этим методологическая конкуренция типов правопонимания, терминологически обозначаемых в качестве «классического» и «постклассического» [22, с. 88–91]. Основанием такой ситуации является, с нашей точки зрения, *проблема действительности права*, в основе которой лежит вопрос о том, к какой сфере явлений принадлежит право *per se*. Классическое правопонимание в этом смысле отстаивает тезис об эмпирической сущности права, понимаемого в качестве системы общеобязательных норм социального поведения, исходящих от государства как политико-правовой организации общества, зафиксированных в нормативно-правовых актах и обеспеченных государственным принуждением [23, с. 104; 24, с. 52; 25, с. 180; 26, с. 205; 27, с. 332–341; 28, с. 87; 29, с. 137; 30, с. 169; 31, с. 196].

В противовес приведенному подходу сторонники постклассического правопонимания обосновывают intersубъективную природу права, оправдывающую интерпретацию права в качестве идеального по своей сущности явления, онтологическое «отображение... права в адекватном ему мыслительном образе» [32, с. 22; 33, с. 5; 34, с. 16; 35, с. 209; 36, с. 30]. Таким образом, устоявшееся в парадигме «нормальной науки» (Т. Кун) классическое правопонимание основывается на эмпирико-объективистских началах, а постклассическое, соответственно, на идеально-субъективистских. Тем самым правовая доктрина по существу не включает в свою парадигму целостную онтологию права, а, как уже было отмечено, репрезентирует лишь отдельные аспекты права как системного явления, его онтологические картины, взятые изолированно единицы правовой

¹ По выражению Р. Иеринга, «история римского права до нашего времени знает только циферблат часов, не имея понятия об их механизме. Она не касается вопроса о скрытой силе, которая приводит в движение стрелку, и донельзя внешняя связь ее историко-юридического материала напоминает систематику счета прачки: сорочки, воротнички, носовые платки, — *leges, senatusconsulta, constitutiones principum, etc*» [20, с. 476].

действительности [37]. Данная ситуация осложняется набирающей темпы цифровизацией социальной сферы, резким смещением акцентов социальной деятельности в плоскость информационно-телекоммуникационного пространства и, наконец, появлением в этом пространстве «цифровых артефактов»², по существу приобретающих характер экономических благ. Цифровое пространство — это качественно новый феномен современной цивилизации, который не вписывается ни в методологическую матрицу классического правопонимания (поскольку таковое нацелено на осмысление в первую очередь материальных явлений при помощи традиционных юридических конструкций³), ни в теоретическое пространство постклассического правопонимания (поскольку действительность цифрового пространства — это действительность не столько мышления, сколько особой технологической сферы, в которой реализуются общественные отношения⁴). Тем самым можно констатировать, что все феномены, подлежащие научному осмыслению средствами юридической науки, условно можно разделить на материальные, идеальные и *виртуальные*, находящиеся равным образом и вне сферы материального мира, и вне нашего сознания, и которые в настоящее время представлены системой явлений и процессов, складывающихся в информационно-технологическом пространстве. Данные виртуальные явления, не относящиеся ни к реальности сознания, ни к материально-эмпирической действительности, правовая наука в силу вышеназванных обстоятельств практически не в состоянии осмыслить адекватно их сущности, на что обращается внимание в современных исследованиях⁵.

² О понятии артефакта см.: [38, с. 9].

³ Характерна в этом смысле теоретическая позиция Ю. В. Козубенко по вопросу о существе механизма правового регулирования. «Механизма уголовно-правового регулирования *нет как объекта реальной действительности*, — утверждает автор, — в этом смысле он *воспринимается как юридическое описание реальности* (курсив наш — В.П., О.П.)» [39, с. 4]. В приведенном рассуждении усматривается ключевая установка классического правопонимания, а именно — восприятие права только как эмпирически воспринимаемой действительности. Здесь правовая теория предстает как рефлексия над текстуальной действительностью права и практикой его применения, а выработанные в данном процессе абстрактные понятия (как, например, понятие механизма правового регулирования) и созданные правовым сознанием идеальные объекты признаются *не относящимися к правовой действительности*. О методологических основаниях критики такого подхода см.: [1, с. 27].

⁴ См. подробнее о процессах, протекающих в современном информационном обществе под влиянием права: [40].

⁵ «Право, — пишет в связи с этим В. В. Архипов, — нацелено на регулирование реальности, но «жесткая реальность» доинформационного общества, в котором сложились основные институты права и само право как социальный институт, трансформируется в современную «игривую медиареальность», в которой сложно (но при этом необходимо!) найти принцип, по которому мы сможем *определять ту область применения норм, имеющих предостаточно-обязывающий характер, которая не будет противоречить здравому смыслу, иными словами — не приведет к абсурду* (курсив наш — В.П., О.П.)» [41, с. 139].

В связи с этим нередко (а в последнее время — достаточно часто) исследователи призывают к рассмотрению права как науки в контексте типов научной рациональности, в частности — к определению характеристик права и правовой науки в контексте гносеологических установок постнеклассического типа. Так, по мнению Д. А. Пашенцева и Д. Р. Алимовой, соответствующее познавательное отношение к праву и правоведению обеспечивает возможность сформулировать необходимую правовую модель регулирования отношения в цифровом пространстве [42, с. 102]. Т. Л. Воротилина, в свою очередь, утверждает, что «постнеклассические» установки в научном правопознании позволяют сформулировать «материально-информационное понимание реальности» [43, с. 10] и тем самым должным образом осмыслить процессы цифровизации. Однако при этом, на наш взгляд, исследователи упускают из виду то обстоятельство, что типология научной рациональности была сформулирована ее автором В. С. Степиным применительно к методологии *естественных наук*, к числу которых правоведение не относится. В связи с этим эвристическая состоятельность данной методологической модели в контексте гуманитарно-научного познания представляется нам как минимум спорной¹.

Однако следует признать, что «методологический диктат» естествознания и ориентация философии науки с самого ее зарождения в философском позитивизме О. Конта на осмысление характеристик естественно-научного познания неизбежно накладывает отпечаток и на философско-методологические рефлексии гуманитарных наук [46, с. 7; 32, с. 14–15]. Так, к примеру, Н. Н. Та-

расов связывает идею различения объекта и предмета правоведения со становлением неклассической научной рациональности в контексте открытий А. Эйнштейна и В. Гейзенберга [47, с. 134]. В этом смысле, как утверждает сам исследователь, «теоретический план связан в основном с *экстраполяцией философских представлений о разграничении объекта и предмета науки на юриспруденцию* (курсив наш — В. П., О. П.), выбором соответствующих контекстов описания и определением понятий объекта и предмета юридической науки» [48, с. 40]. Однако насколько оправдан такой методологический подход? Очевидно, что концепция различения объекта и предмета науки связана в заданном контексте именно с изменениями в методологии естествознания (в первую очередь — теоретической физики). Следовательно, именно в рамках методологической матрицы естествознания и формируется пространство философско-рефлексивных представлений об объекте и предмете науки. «Автоматическая» экстраполяция Н. Н. Тарасовым методологических оснований такого подхода на область правоведения как гуманитарной науки видится при этом едва ли обоснованной и представляется неверной по существу (тем более, что ранее сам исследователь верно отмечает, что «в плане методологии научного познания сравнивать юриспруденцию с естествознанием более чем сложно» [49, с. 26]). Вне сомнения, правоведению также присуща методологическая идея о различении объекта науки и ее предмета, но в то же время утверждать, что онтология этой идеи обусловлена именно соответствующими процессами в естествознании и осуществляется *таким же образом*, как и в методологии естественных наук, совершенно неправомерно (достаточно отметить, что проблему различения объекта и предмета правоведения обозначил еще задолго до зарождения этой идеи в методологии естествознания немецкий юрист Ф.-К. фон Савиньи²). Здесь правильнее, с нашей точки зрения, говорить не об изменениях в методологии правовой науки, опосредуемых соответствующей динамикой естествознания, а о произошедших на рубеже XIX — XX вв. «радикальных изменениях во всех сферах европейской культуры, в том числе и в стиле научного мышления» [32, с. 15], о трансформации всего образа социального мира, неизбежно нашедших отражение и в общеметодологических характеристиках научного познания [5, с. 467, 720]. Иными словами, идея неклассической научной рациональности (и, соответственно, представление о различении объекта и предмета науки) в естествознании является лишь частным проявлением указанных социокультурных изменений в области естественных наук, то есть следстви-

¹ В принципе следует подчеркнуть, что и идея об изначальной методологической и аксиологической нейтральности естественных наук является небесспорной. Подтверждением тому является обоснованное мнение О. Конта, который, выдвигая теорию о трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества (теологической, метафизической и научной), замечает, что для средневековой науки «теологический дух должен был долгое время необходимым, в особенности для постоянного сочетания *моральных и политических идей* (курсив наш — В. П., О. П.)» [44, с. 13]. Тем самым именно субъективные установки и ценностно-целевые структуры общества (в первую очередь — огромная роль католических догматов в мышлении), которые с позиции типологии научной рациональности, стали характерны для естественных наук только в последней трети XX в., в значительной мере обуславливали развитие европейской науки (в том числе ее естественного направления).

Еще один аргумент против тезиса об отсутствии какого-либо влияния ценностно-целевых структур личности и общества на естественно-научную деятельность вплоть до эпохи постнеклассической научной рациональности усматривается в следующем тезисе Л. М. Косаревой: «В XVII в., когда контекст технологического использования новых теоретических концепций был еще неразвит, — отмечает автор, — несоизмеримо большую роль в признании теорий играли мировоззренческо-ценностные факторы: физика Аристотеля в XVII в. устарела не сколько «эмпирически» или «экономически», сколько «морально» [45, с. 119]. При этом Л. М. Косарева обоснованно подчеркивает: «Ценностная нейтральность естественнонаучного знания — это не реальность; это — социально полезный методологический миф, возникший, а точнее, «социально сконструированный»... в позитивистской методологии науки не ранее начала XIX в.» [45, с. 119].

² Так, в концепции Ф.-К. фон Савиньи достаточно отчетливо прослеживается идея о различении объекта юриспруденции (как этнической общности) и ее предмета как системы исторических фактов правового развития, юридической сущности народного духа — *Volksgeist* (см.: [50, с. 142–143; 51, с. 222; 52, с. 149; 53, с. 89]).

ем, а не причиной, и тем более — не основанием для соответствующей типологии гуманитарно-научной рациональности [54, с. 9–10, 20–22].

В принципе, идея о рассмотрении права и, соответственно, о построении методологии юридической науки сообразно с философской типологией научной рациональности является имманентно присущей современному правоведению. В заданном контексте Е. В. Тимошина небезосновательно констатирует «избыточность «постнеклассики» в теории права» [32, с. 8], отмечая отсутствие достаточных методологических оснований для соответствующей концептуализации [32, с. 8]. Разделяя данный вывод уважаемого автора, отметим, что ситуация «постнеклассики» (то есть зависимости результатов исследования не только от характеристик объекта, но и от научно-познавательной методологии и социокультурных условий научного познания) *была всегда характерна для юриспруденции*. Здесь достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что, к примеру, в исследовательской практике глоссаторов, по сути заложивших методологический фундамент современной юридической науки, отчетливо прослеживается влияние ценностно-целевых структур общества (в частности, христианского богословия, из которого глоссаторы взяли отношение к тексту юстиниановой кодификации как к *ratio scripta* [55, с. 48; 56, с. 214; 57, р. 450–451], а также прямая зависимость между избранной исследовательской методологией (в частности, установками номинализма или реализма) и результатами познания [58, с. 62–63; 59, с. 272]¹.

Таким образом, цифровая эпоха поставила перед нашим правоведением фундаментальную проблему — проблему *оснований действительности права*. Эта проблема, как уже было отмечено ранее, в актуальной теории права разрешается двумя качественно различными способами: либо представлением права как эмпирического феномена (в классическом правопонимании), либо отнесением его к числу идеальных объектов, социально-эпистемологических конструктов [63, р. 266–269] (что более характерно для постклассического понимания). Однако неспособность данных теорий в полной мере отразить специфику *виртуальных аспектов права, не относящихся ни к эмпирической, ни к идеальной действительности*, обусловила формирование в нашем научном правосознании установки

¹ Такая характеристика справедлива в отношении не только юридической науки, но и юридической практики. Так, представители американских школ правового реализма и критических правовых исследований убедительно показывают, что решения, принимаемые судьями, зависят не только от объективных факторов (фактических обстоятельств конкретного дела, юридических норм и прецедентных правовых позиций), но и также — от методологии судейского познания и от факторов политико-идеологического и социокультурного плана (см.: [60, р. 62; 61; 62, р. 72–76]).

на интерпретацию правовой действительности в соответствии с гносеологией постнеклассической научной рациональности, с тем чтобы обеспечить возможность ценностно-целевого и методологического измерения права в контексте цифровизации. С нашей точки зрения, процессы информатизации общественных отношений, придания им новой — цифровой — формы становятся для нашей теории права своего рода моментом истины, фактором, определяющим методологическую состоятельность юриспруденции в ситуации отмечаемой конкуренции классического и постклассического правопонимания. Поэтому основные и первоочередные проблемы отечественного правоведения в сегодняшних реалиях — это в первую очередь проблема его методологии и проблема правопонимания, сущности права. В этом смысле мы ставим перед собой задачу осуществить теоретическую концептуализацию данных проблем в контексте реалий информационного общества.

В этой связи, рассматривая проблему действительности права, правопонимания, представляется уместным обратиться к ее философским контекстам. В философии вопрос о действительности явления традиционно рассматривается сквозь призму его онтологических оснований, то есть отношений и структур, являющихся исходными по отношению к явлению [64, с. 279]. «Основание,— писал в связи с этим М. Хайдеггер,— есть то, на чем все покоится, что предлежит всякому сущему в качестве того, что его несет» [65, с. 209]. «Вопрос об основании,— замечает в связи с этим Л. В. Баева,— это... вопрос о смысле и законе присутствия, в то время как вопрос о бытии — это вопрос о его фактичности» [66, с. 15]. Тем самым действительность права конституируется его онтологическими основаниями, исходными условиями, оправдывающими принципиальное бытие права как самостоятельного социального феномена. В таком контексте необходимо проследить процесс образования права, его институционального оформления.

С точки зрения устоявшихся представлений о праве (то есть классического правопонимания) его образование напрямую связано с волей государства; имманентно присущий праву позитивный, государственно обеспеченный характер оправдывает в такой онтологической схеме отождествление права с государственным велением. Тем самым, с нашей точки зрения, процессу образования права придается в этом смысле односторонний характер: право по сути не связывается с социальными условиями и практиками, а сводится к односторонне-властному предписанию, конституируемому публичной волей. Однако в этом смысле целесообразно отметить, что любой процесс позитивного правотворчества непосредственно связан с характером регулируемых отношений. Так, цифровизация гражданского оборота и стремительное развитие информацион-

но-телекоммуникационных технологий стали теми факторами, которые обусловили, в частности, включение в перечень объектов гражданских прав цифровых прав (статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [67] (далее — ГК)), установление правовых оснований для использования технологии смарт-контракта как способа автоматического исполнения обязательств (часть 2 статьи 309 ГК), регламентацию оказания информационных услуг (статья 783.1 ГК [68]) и т.п. Практика привлечения инвестиций с использованием электронных платформ, в свою очередь, обусловила принятие отдельного федерального закона, регулирующего краудфандинговую деятельность (Федеральный закон от 2 августа 2019 г. N259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [69]). В этой связи мы можем сделать вывод, что государственное правотворчество представляет собой реакцию на изменения в актуальных социальных практиках. Здесь нам видится уместным привести следующее мнение немецкого социолога и юриста О. Эрлиха. «Люди, которые записывали законы Двенадцати таблиц, Салическую правду, Саксонское зеркало, — писал исследователь, — познавали право своего времени из непосредственного наблюдения (курсив наш — В.П., О.П.). Поэтому их задачей было собрать именно то право, с которым они имели дело, и зафиксировать его в правовых предложениях. Это относится и к той части права, с которой работают современные юристы» [70, с. 478]. Таким образом, даже в условиях возможности государства произвольно формулировать правовые предписания (в том числе и не соотносящиеся с потребностями социальной деятельности [71, с. 264]¹) мы не можем однозначно утверждать, что единственным источником права выступает воля государства. Правотворчество в этом смысле представляет собой односторонне волеизъявление публичного субъекта ровно в той же мере, в которой оно является необходимостью текстуального оформления и нормативной регламентации *уже сложившихся в обществе отношений, воспринимаемых в связи с этим в качестве правовых*. Тем самым, полемизируя со сторонниками классического правопонимания, мы можем утверждать, что исходящее от государства позитивное право — это в первую очередь способ оформления права, уже сложившегося в социальных практиках. Издавая законы, в которых фиксируется правовой режим цифровых прав, осуществляется регулирование оказания информационных услуг и краудфандинга, государство тем самым признает *объективный правовой характер соответствующих социальных явлений*.

¹ Достаточно радикальную оценку такому положению дел дает Д. В. Осинцев, отмечая, что «право есть принимаемые социумом способы вторжения в устоявшуюся социокультурную ситуацию и придание ее некоей консервативной традиции после изменения естественного хода дел и замены его нормативным порядком управления» ([72, с. 13]).

В этом смысле допустимым представляется утверждать, что классическое правопонимание по сути подменяет содержание права его формой (законом, подзаконным актам и иными принятыми в актуальных социокультурных условиях формами выражения права вовне).

Ergo, можно констатировать, что правовой характер придается общественным отношениям «изнутри» их самих, и только впоследствии фиксируется «извне» в тексте закона. Такая логика прослеживается в историко-антропологических характеристиках правогенеза, показывающих процесс зарождения права первоначально в форме первобытного обычая, «общинного права», а затем — последовательный переход к более развитым формам права, в первую очередь — к формам его государственно-властной объективации [73, с. 83–35].

Как пишет по данному поводу Д. В. Осинцев, «нормы права не сосуществуют наряду с иными социальными нормами, а придают им социально значимый, официальный статус, замещают их, а также создают новации в регламентации социальной деятельности» [72, с. 12]. Иными словами, в интерпретации автора правовые нормы — это по сути официальная, государственно-признанная форма объективации тех или иных социальных норм, а не особый институциональный регулятор общественного поведения наряду с моралью, религией, обычаями, традициями и корпоративными нормами. Однако позиция автора не решает в этом смысле нашу познавательную задачу, поскольку даже в контексте такого подхода не снимается вопрос о том, *почему те или иные социальные явления определяются в качестве правовых*². Ведь если исходить из того, что право зарождается внутри общественных отношений, то логично предположить, что человек *понимает* правовой характер этих отношений³. В этой связи для разрешения проблемы действительности права имеет существенное значение ответ на вопрос о том, чем обусловлено отнесение явлений и процессов в информационно-технологическом пространстве к числу *правовых*?

С нашей точки зрения, изложенное обуславливает необходимость в концептуальном различении понимания *права* и понимания *правового*. Если первое пред-

² В этой связи следует безусловно согласиться с утверждением И. П. Малиновой о том, что «в законотворческой и правоприменительной деятельности очень важно учитывать специфику эпохи, в силу чего членам юридического сообщества необходим мониторинг существенных изменений в жизни общества» [74, с. 9].

³ Разумеется, такое понимание, с нашей точки зрения, носит скорее интуитивный характер хотя бы ввиду того, что развернутая юридическая концептуализация тех или иных социальных практик (то есть не только понимание правовой сущности явление, но и *знание его непосредственных юридических характеристик*) вряд ли возможна вне соответствующей профессиональной подготовки (см.: [75, с. 85]).

ставляет собой в первую очередь профессиональную рефлексию объективно наличествующего права, взятого в том или ином познавательном отношении и онтологическом представлении, то во втором случае мы по сути сталкиваемся с определением права в ситуации, когда его нет в объективном смысле. «Глубочайшей сущностью права — пишет в связи с этим Г. К. Варданянц — является... «ощущение права», возникающее как предпосылка рождения спроса на права» [76, с. 20]. В этом контексте социальный генезис права описывается исследователем как взаимосвязанное и взаимообусловленное формирование «правовых ожиданий», «спроса на права» и «предложения права» [76, с. 21]. При всей неоднозначности такого терминологического обозначения мы не можем, тем не менее, не отметить, что Г. К. Варданянц совершенно правильно указал, что первоначально истоки права формируются на уровне *понимания*, а не на уровне *знания*. Тем самым реконструкция процесса образования права нуждается в герменевтической интерпретации.

Здесь представляется уместным обратиться к понятию понимания, сформулированному В. Дильтеем в качестве объективации индивидуального переживания. «Понимание впервые снимает ограниченность индивидуального переживания, — писал В. Дильтей, — и оно же, с другой стороны, придает личным переживаниям характер жизненного опыта» [77, с. 141]. «Роль первичного понимания состоит в том, чтобы овладеть собственными переживаниями, уметь их выразить — пишет в связи с этим М. Е. Соболева. — Схваченные в понимании и выраженные в знаке, переживания превращаются в жизненный опыт, в знание о собственной жизни» [78, с. 76]. Тем самым понимание, направленное первоначально на индивидуально-психическое переживание, впоследствии объективируется в опыт, который, в свою очередь, опосредует формирование знания, *понятия* о том или ином феномене.

Ergo, с нашей точки зрения, понимание *правового* первоначально формируется в контексте индивидуально-психической картины мира как особый *концепт* действительности, то есть область специальных значений и смыслов, придаваемых определенному виду социальных практик [79, с. 47; 80, с. 20; 81, с. 242–243; 82, с. 149]. В этом контексте концепт предстает в первую очередь в качестве особой формы познания действительности, основанной на воспроизведении смыслов [83, с. 228], которое является «условием возможности конструктивной деятельности человеческого разума» [84, с. 57]. В процессе оформления права в практике общественных отношений концепт предстает как отношение денотата (конкретного предмета или явления эмпирической действительности) и смысла как способа представленности социально значимых свойств денотата в мышлении [85, с. 351]. «Право, — пишет в связи с этим В. А. Белов, — это

возможность (максима) всеобщего поведения, являющаяся продуктом компромисса между свободой личности и сплочением общества. Право ощущается с помощью правового чувства (если угодно — интуиции) и, будучи воспринятым, принимает вид правовых ощущений, — обоснованно замечает далее автор. — Именно они и облекаются в объективные формы: нормативные акты, обычаи, судебные и административные акты, акты изъятия воли частных лиц и, наконец, в ряд научных категорий» [86, с. 57]¹.

Изложенное, с нашей точки зрения, позволяет судить о том, что понимание *правового* представляет собой особый гносеологический процесс, основанный на переживании явления и придании ему правовых смыслов в контексте соотношения субъективного притязания, поведения субъекта, которому адресовано данное притязание, и социального итога соответствующего отношения. Тем самым схематично концепт *правового* можно представить через триаду: «право» (притязание на что-либо) — «обязанность» (необходимость другого лица предоставить денотат притязания) — «ответственность» (негативные последствия, наступающие для обязанного лица при отказе предоставить денотат притязания). Именно такие характеристики, с нашей точки зрения, присущи отношениям в информационно-телекоммуникационном пространстве до их правового оформления на уровне позитивного права.

Обоснованность заявленного тезиса проявляется, на наш взгляд, в контексте формирования представлений о правовой сущности такого результата интеллектуальной деятельности как программа для электронных вычислительных машин (далее — программа для ЭВМ, программное обеспечение).

История современного программирования для ЭВМ берет свое начало в электромеханическом периоде развития вычислительной техники (конец XIX — 40-е гг. XX вв.) и связана в первую очередь с изобретениями немецкого инженера К. Цузе, разработавшего в 1934 г. модель автоматического калькулятора [88, с. 67]. Именно в указанный период начинаются систематические разработки программного обеспечения, которое первоначально не имело собственного правового режима. В такой ситуации объективно актуализировался вопрос о правовой модели охраны прав изготовителя программы для ЭВМ на ее исходный текст и объектный код. Соответствующая проблема, в частности, начинает активно обсуждаться в отечественном правоведении в 1970-х гг.

¹ Весьма оригинально описывает процесс образования права О. С. Иоффе: «Что существуют нотные знаки — видно всем, но где же музыка? Ответ не менее прост, чем вопрос: нормы права так же воплощаются в законодательных актах, как музыка в нотных знаках» ([87, с. 67]).

в контексте многообразных исследовательских подходов к определению правового режима программ для ЭВМ (авторско-правового, патентно-правового и др.) [89, с. 53; 90, с. 22–25]. Таким образом, изначально не урегулированный правом режим программ для ЭВМ признавался объективно имеющим правовой характер *в силу наличия самого притязания автора на защиту изготовленной им программы от внешних посягательств и обусловленной этим необходимостью других лиц воздерживаться от таких притязаний*.

Сходная ситуация формируется и в настоящее время в контексте отношений между субъектами взаимодействия в виртуальной сфере. Показательным примером в этом смысле является дело «*Брэг против Линден Рисч Инк.*» (*Bragg v. Linden Research Inc.*, 487 F. Supp. 2d 593 (E. D. Pa. 2007)).

Согласно материалам дела, истец обратился в суд с иском к администратору онлайн-игры, основанием которого послужила, по мнению истца, необоснованная блокировка его аккаунта в онлайн-игре *Second Life*, вследствие которой истец лишился виртуальных активов на общую сумму около 5 000 долл. США. Ответчик, возражая против иска, указал в судебном заседании, что блокировка аккаунта истца была обоснована его неправомерным поведением. Так, ответчик отметил, что истец необоснованно получил доступ к игровым аукционам, на которых он приобрел по сниженной цене виртуальный земельный участок. В итоге дело было окончено мировым соглашением, и окружной суд избежал необходимости юридической квалификации отношений в виртуальном пространстве. Однако в заданном контексте наиболее важен сам факт принятия такого иска к производству суда. Данный факт, с нашей точки зрения, свидетельствует о признании отношений в виртуально-игровой сфере *имеющими правовой характер даже в отсутствие соответствующего регулирования* [91, с. 112]. При этом, с нашей точки зрения, основанием такого подхода является объективное существование притязания, необходимость должного поведения другого лица в связи с наличием этого притязания и риск наступления негативных последствий для обязанного лица.

Итак, сказанное позволяет судить о том, что *основанием действительности права является не только наличие позитивного права, но и понимание правового характера того или иного общественного отношения*. Такое понимание, как было отмечено ранее, можно представить как соотношение «права» (притязания на что-либо), «обязанности» (необходимости другого лица предоставить денотат притязания) и «ответственности» (негативных последствий, наступающие для обязанного лица при отказе

предоставить денотат притязания). Соответствующую концептуализацию права, актуализирующуюся прежде всего в контексте отношений в виртуальном пространстве, нельзя однозначно отнести ни к классическому, ни к постклассическому правопониманию, поскольку в такой логике действительность права связана прежде всего с особым способом познавательного отношения к социальной действительности, несводимой при этом ни к материально-эмпирическому, ни к субъективно-мыслительному содержанию. Здесь эмпирический и идеально-мыслительный аспект правовой действительности соединяются воедино при социальном конструировании права как *концепта*, идущего от индивидуально-жизненного переживания, формирования социальных притязаний, к их системно-практической организации и последующему нормативно-правовому оформлению (появлению права как *социального конструкта*) [92, с. 37]. Тем самым, с нашей точки зрения, актуализируется применение герменевтико-диалектической методологии в научном познании социальных явлений информационно-технологической сферы. Эпистемологическая организация современного правоведения в соответствии с установками философской герменевтики позволяет, по нашему мнению, избежать неоправданной подмены *юридического концепта* отношений в цифровой сфере их позитивно-правовой моделью, обеспечивает представление права как объективно формирующегося в пространстве социальных практик нормативного регулятора отношений, несводимого ни к тексту закона, ни к индивидуально-субъективному восприятию. В этой связи, с нашей точки зрения, актуальные внутринаучные характеристики правоведения не могут быть объяснены в контексте типологии научной рациональности. Роль данной концепции мы видим прежде всего в расширении методологических границ правоведения цифровой эпохи за счет привлечения концептуальных схем, методологических подходов из технической и технологической мысли.

Таким образом, проблема оснований действительности права (рассматриваемая, как правило, в контексте классического или постклассического правопонимания) нуждается в дальнейшей теоретической разработке в контексте реалий цифровой эры. По нашему мнению, от решения данной проблемы зависит дальнейшее принципиальное будущее права в условиях, когда виртуальное пространство характеризуется стихийным оформлением собственных регуляторов поведения, природа которых не поддается однозначному юридическому определению. В этом смысле принципиально необходимым становится развитие в первую очередь *общетеоретических* правовых исследований, задающих вектор развития отраслевого правового знания об особенностях общественных отношений в информационно-телекоммуникационном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. 3-е изд. — СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1908.
2. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / Пер. с лат. Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова; под ред. М. Л. Гаспарова. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994.
3. Розов М. А. О природе идеальных объектов науки // Философия науки. 1998, № 4.
4. Берг Л. Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика: Дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2018.
5. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин; Пер. с англ. В. В. Сапова. — СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.
6. Честнов И. Л. Общество и юриспруденция на исходе второго тысячелетия: Монография. — СПб.: О-во «Знание», СПБИНВЭСЭП, 1999.
7. Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. — М.: Мысль, 1964.
8. Садовский В. Н. Методология науки и системный подход // Системные исследования. Ежегодник. — М.: Наука, 1977.
9. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017, вып. 6 (55).
10. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: Дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2019.
11. Белых В. С., Егорова М. А. Понятие, значение и правовое регулирование криптовалюты в современных условиях гармонизации и развития цифровых правоотношений // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике. — М.: Юстицинформ, 2020.
12. Лисаченко А. В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Российский юридический журнал. 2014, № 2 (95).
13. Мефодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Дис. ... канд. юрид. наук. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019.
14. Мурзин Д. В. Информация в третьем тысячелетии — объект гражданских прав? // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2019, № 3 (51).
15. Хрусталева А. В. Электронные денежные средства как объект гражданского правоотношения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб.: СПбГУ, 2019.
16. Курочкин С. А. Онлайн-арбитраж: правовые аспекты // Право в сфере Интернета: сборник статей / Отв. ред. М. А. Рожкова. — М.: Статут, 2018.
17. Федорова В. Д. Инструменты онлайн-системы судебных взаимоотношений в рамках формирования глобализированной судебной системы // Вопросы российского и международного права. 2019, т. 9, № 4А.
18. Тарасов Н. Н. Юридическая наука и юридическая практика: соотношение в методологическом контексте (о практичности юридической науки и научности юридической практики) // Российский юридический журнал. 2012, № 3 (84).
19. Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1974.
20. Иеринг Р. О задаче и методе истории права // Журнал Министерства юстиции. 1896, № 2.
21. Блауберг И. В. Целостность и системность // Системные исследования. Ежегодник. — М.: Наука, 1977.
22. Сизова Н. М. Классическое и постклассическое правопонимание: онтологические, гносеологические, аксиологические и эпистемологические критерии соотношения // Философия права. 2014, № 1 (62).
23. Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т. Т. I. — М.: Юридическая литература, 1981.
24. Алексеев С. С. Теория права. — М.: Издательство БЕК, 1995.
25. Егоров С. Н. Аксиоматические основы теории права. — СПб.: Лексикон, 2001.
26. Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права. — М.: РИОР, 2014.
27. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. Учебник. — М.: Проспект, 2001.
28. Общая теория государства и права: учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. — Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. С. 87;
29. Перевалов В. Д. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В. Д. Перевалов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2012.
30. Сабо И. Основы теории права: Пер. с венг. / Под ред. и с вступ. статьей д-ра юрид. наук В. А. Туманова. — М.: Прогресс, 1974.
31. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. К. Бабаева. — М.: Юрист, 2003.
32. Тимошина Е. В. Классика, постклассика... неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014, № 4 (315).
33. Веденеев Ю. А. Грамматика правопорядка: монография / науч. ред. В. В. Лазарев. — М.: РФ-Пресс, 2018.
34. Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории: монография / В. П. Малахов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.
35. Поляков А. В. Что есть право? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012, № 6 (305).
36. Честнов И. Л. Правовая реальность как предмет постклассической философии прав // Российский журнал правовых исследований. 2019, т. 6, № 2 (19).
37. Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005.
38. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / Пер. с англ. Общая редакция и предисловие И. Б. Новика и В. Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1988.

39. Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования: Дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2018.
40. Пучков О.А., Пучков В. О. Право, информация, цифровые технологии: синергия технотронной эры. Монография. Екатеринбург: Уральская книга. 2019.
41. Архипов В. В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: Дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб.: СПбГУ, 2019.
42. Пашенцев Д.А., Алимова Д. Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019, № 6.
43. Воротилина Т. Л. Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2002.
44. Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении. Пер. с фр. / Предисл. М. М. Ковалевского. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
45. Косарева Л. М. Этические идеалы и познание природы // Косарева Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. — М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997.
46. Степин В. С. Философия науки: общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В. С. Степин. — М.: Гардарики, 2006.
47. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. — Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2001.
48. Тарасов Н. Н. Объект и предмет науки как методологическая проблема современной юриспруденции // Российский юридический журнал. 2017, № 6 (117).
49. Тарасов Н. Н. Объект и предмет юридической науки: подходы и методологические смыслы различия // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010, № 1 (288).
50. Савиньи Ф.-К. фон. Система современного римского права. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М.: Статут, 2011.
51. Savigny F.C. von. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 3. — Berlin: Bei Veit und Comp., 1840.
52. Savigny F.C. von. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. — Berlin: Mohr und Zimmer, 1814.
53. Savigny F.C. von. Vorlesungen über juristische Methodologie 1802–1842 / Herausgegeben und eingeleitet von A. Mazzacane. — Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1993.
54. Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб.: СПбГУ, 2010.
55. Глухарева Л. И. Система права в контексте правовой догматики // Система права в классическом и постклассическом измерениях: Коллективная монография по итогам круглого стола № 6 в Московском институте государственного управления и права; под ред. д.ю.н., профессора А. Г. Чернявского и д.ю.н., профессора И. Л. Честнова. — М.: Русайнс, 2016.
56. Павлов В. И. Антропологическая концепция права и юридическая герменевтика: методологические параллели // Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. — СПб.: Алетейя, 2017.
57. Re E. D. The Roman Contribution to the Common Law // Fordham Law Review. 1961, Vol. 29. Iss. 3
58. Грабарь В. Э. Римское право в истории международно-правовых учений: Элементы международного права в трудах легистов XII — XIV вв. — Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901.
59. Полдников Д. Ю. Контракт и пакт в доктрине глоссаторов: XII — XIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. — М.: Институт всеобщей истории Российской Академии наук, 2005.
60. Greenawalt K. Law and Objectivity. — New York: Oxford University Press, 1992.
61. Hutchinson A.C. (ed.). Critical Legal Studies. — Totowa: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1989.
62. Llewellyn K. The Brumble Bush: On our Law and its Study. — New York: Oceana, 1930.
63. Gergen K. The Social Constructionist Movement in Modern Social Psychology // American Psychologist. 1985, № 40 (3).
64. Котелевский Д. В. Грани (–) новой онтологии // Онтология: учебное пособие в 2-х частях / науч. ред. Е. В. Бакеева, отв. ред. О. Н. Томяк. Ч. I. — Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2015.
65. Хайдеггер М. Положение об основании // Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты / Пер. с нем., глоссарий, послесловие О.А Коваль, предисловие Е. Ю. Сиверцева. — СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000.
66. Баева Л. В. Ценностные основания бытия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003, № 5.
67. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. N51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N32. Ст. 3301.
68. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая от 26 января 1996 г. N14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. N5. Ст. 410.
69. «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. N259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 августа 2019 г. N31. Ст. 4418.
70. Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М. В. Антонова; Под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. — СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011.
71. Сырых В. М. Логические основы общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. — М.: Российская академия правосудия, 2007.
72. Осинцев Д. В. Юридические техники и юридические технологии: очерк альтернативного право-понимания // Российский юридический журнал. 2018, № 4 (121).

73. Герасимова Н. П. Генезис права // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015, № 2.
74. Малинова И. П. Философия права: учебник / И. П. Малинова. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2020.
75. Белов В. А. Учение о сделке в российской доктрине гражданского права (литературный обзор) // Сделки: проблемы теории и практики: Сборник статей. — М.: Исследовательский центр частного права, 2008.
76. Варданянц Г. К. Социальный генезис права: гештальтсоциологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. — М.: МГУ, 2008.
77. Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. — Leipzig und Berlin: B. G. Teubner, 1927.
78. Соболева М. Е. Философская герменевтика: понятия и позиции. — М.: Академический проект, 2013.
79. Абелья П. Тео-логические трактаты: Пер. с лат. / Вступ. ст., сост. Неретиной С. С. — М.: Прогресс, Гнозис, 1995.
80. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического кон-цепта действительности): монография / Г. А. Гаджиев. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
81. Зиновьев А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 242–243;
82. Маркова Л. А. Философия из хаоса. Ж. Делез и Ф. Гваттари о философии как творчестве концептов // Вопросы философии. 2002, № 3.
83. Кондаков Н. И. Логический словарь. — М.: Наука, 1971.
84. Тимошина Е. В. Право как «идея», как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права // Труды Института государства и права Российской Академии Наук. 2013, № 4.
85. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Сборник научных статей. Вып. 35. — М.: Русские словари, 1997.
86. Белов В. А. Объяснение (эссе о юристах и юридической деятельности) // Корпоративный юрист. 2006, № 1.
87. Иоффе О. С. О понимании советского права // Советское государство и право. 1979, № 8.
88. Казакова И. А. История вычислительной техники: учеб. пособие / И. А. Казакова. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2011.
89. Быков С. Н. Проблемы становления законодательства об охране компьютерных программ // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2012, № 3.
90. Рысенцев В. А., Мартымянов В. С., Масляев А. И. Правовое регулирование отношений, основанных на создании и использовании алгоритмов и программ // Советское государство и право. 1987, № 8.
91. Архипов В. В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013, № 2 (307).
92. Веденеев Ю. А. Интерпретации права как культурно-исторический феномен: категория и институт // Актуальные проблемы российского права. 2016, № 5 (66).

© Пучков Владислав Олегович, Пучков Олег Александрович (puchkovandpartners@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский государственный юридический университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ОБ ОТВЕТСТВЕННОМ ОБРАЩЕНИИ С ЖИВОТНЫМИ

LEGAL REGULATION OF ISSUES ABOUT RESPONSIBLE TREATMENT OF ANIMALS

S. Rybina

Summary. The article examines the features of legal regulation of issues of responsible treatment of animals. The grounds and conditions for the maintenance and protection of animals in the framework of Law № 498-FZ are disclosed. Attention is focused on the problematic aspects of criminal and administrative responsibility for the protection of animals from abuse, ensuring the safety of citizens when interacting with them, and specific proposals are made to amend and Supplement the criminal code and administrative Code of the Russian Federation. Theoretical and practical aspects of walking a pet and its keeping conditions are analyzed. The article deals with the problematic aspects of organizing events in the implementation of activities for the treatment of animals without owners; protection of homeless animals; organizational and legal issues of the implementation of animal shelters.

Keywords: animal protection; cruelty to animals; responsible treatment of animals; chipping and recording of animals; animal shelters.

Рыбина Светлана Николаевна

*К.б.н., доцент, Владимирский юридический институт ФСИИ России
rybina.sn@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследованы особенности правового регулирования вопросов об ответственном отношении с животными. Раскрываются основания и условия по содержанию и защите животных в рамках Закона № 498-ФЗ. Акцентируется внимание на проблемных аспектах уголовной и административной ответственности по защите животных от жестокого обращения, обеспечению безопасности граждан при взаимодействии с ними, и вносятся конкретные предложения по изменению и дополнению УК РФ и КоАП РФ. Анализируются, теоретико-практических аспекты выгула домашнего животного, условий его содержания. Рассматриваются проблемные стороны организации мероприятий при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев; защиты бездомных животных; организационно-правовые вопросы осуществления деятельности приютов для животных.

Ключевые слова: защита животных; жестокое обращение с животными; ответственное обращение с животными; чипирование и учет животных; приюты для животных.

Забота о животных — один из признаков цивилизованного общества. Современным обществом предложены поправки в Конституцию РФ, устанавливающие приоритет формирования в обществе ответственного отношения к животным, экологического воспитания и экологической культуры. Предлагаемая поправка в Основной закон РФ о защите животных — важный вклад в воспитательную функцию государства. Через любовь, заботу и ответственное отношение к животным — формируется современное гуманное общество.

Поэтому вслед за внесением поправок в Конституцию РФ должны последовать другие меры, в частности создание правовой системы, которая бы четко прописывала права и обязанности граждан в обращении с животными.

Первым шагом на пути к гуманизации взаимодействия человека и животного было принятие Федерального закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном

обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее Закон № 498-ФЗ), которого в России ждали 8 лет.

С 1 января 2019 года вступили в силу базовые нормы закон об ответственном обращении с животными, однако отдельные положения закона вступают в силу с 1 января 2020 года.

Закон № 498-ФЗ предусматривает меры по защите животных от жестокого обращения и обеспечению безопасности граждан при взаимодействии с ними. Настоящий Федеральный закон включает в себя понятийный аппарат, устанавливает полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, полномочия и права органов местного самоуправления в области обращения с животными, регламентирует требования к содержанию и использованию животных, устанавливает требования к осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев [1].

В данный Закон № 498-ФЗ заложены основные нравственные и гуманные принципы (ст. 4 Закона), которые действуют во многих европейских странах. Отношение к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания:

- ◆ животных нельзя убивать ни под каким предлогом;
- ◆ не допускается использование домашних животных в предпринимательской деятельности, за исключением случаев, установленных Правительством Российской Федерации;
- ◆ не допускается жестокое обращение с животными;
- ◆ запрет на пропаганду жестокого обращения с животными;
- ◆ требования к использованию животных в культурно-зрелищных целях, не причиняя вреда их жизни и здоровью.

С другой стороны, Закон № 498-ФЗ также защищает права человека, обеспечивая защиту людей от угрозы причинения вреда их жизни:

- ◆ вводится порядок выгула собак, в том числе потенциально опасных пород [2];
- ◆ запрет на содержание диких животных в квартирах [3], и перечень случаев содержания диких животных, запрет на которых не распространяется [4];
- ◆ натравливание животных на людей, за исключением случаев необходимой обороны, использования служебных животных в соответствии с законодательством Российской Федерации или дрессировки собак кинологами;
- ◆ организаторы мероприятий, в которых осуществляется использование животных в культурно-зрелищных целях, обязаны обеспечивать безопасность людей.

Также Законом № 498-ФЗ установлено, что за нарушение требований настоящего Федерального закона владельцы животных и иные лица несут административную, уголовную и иную ответственность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Таким образом, данный Закон № 498-ФЗ должен был повлечь за собой изменения в кодексах уголовном и об административных правонарушениях.

Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными предусмотрена статьей 245 УК РФ, которая претерпела изменения и дополнения с принятием Закона № 498-ФЗ.

Данная статья УК РФ содержится в Главе 25. «Преступления против здоровья населения и общественной

нравственности». Анализируя состав правонарушения, необходимо отметить, что субъектом могут являться обвиняемые, достигшие 16 лет.

По нашему мнению, за совершение правонарушения необходимо снизить возраст субъекта ответственности за живодерство с 16 до *14 лет*, т.к. в этом возрасте человек уже является состоявшейся личностью и гражданином, который вполне готов нести ответственность за свои поступки, тем более за поступки подобного рода, касающиеся жестокого обращения с животными, поскольку в дальнейшем, данное безответственное поведение может проецироваться уже в том числе и на человека.

Касаемо административной ответственности, предлагается внести следующие изменения и дополнения в кодекс об административных правонарушениях:

1. Статью 5.7. Совершение жестоких действий в отношении животных, дополнить п. 6. *«за проведение на животных без обезболивания ветеринарных и иных процедур, которые могут вызвать непереносимую боль»* влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от *двух тысяч до двух тысяч пяти сот рублей*; на должностных лиц — *от четырех тысяч до пятнадцати тысяч рублей*; на юридических лиц — *от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей*.
2. Статью 5.1. Нарушение правил содержания домашних животных, дополнить п. 8. *«за натравливание домашнего животного на людей или животных за исключением случаев необходимой обороны»* влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от *двух тысяч до пяти тысяч рублей*; на должностных лиц — от *пяти тысяч до тридцати тысяч рублей, помещать на административный арест сроком до 30 суток*.

Проблема бездомных животных должна решаться комплексно, и это не только ужесточением ответственности, но и уточнением списка субъектов, например, рассмотреть такую категорию, как дачники, которые заводят домашних животных, а по окончании дачного сезона безответственно бросают их.

Закон № 498-ФЗ п. 2 ст. 9 предусмотрел неоднозначное требование, которое не разрешает владельцу избавляться от питомца при невозможности его дальнейшего содержания, а обязан передать его новому владельцу, либо в приют, но при этом сразу возникает вопрос: «Как данные факты будут фиксировать на практике?». Прежде всего необходимо доказать, что данное животное принадлежит конкретному владельцу, а это

становится возможным, с помощью процедуры чипирования.

31 декабря 2019 г Минсельхоз внес на рассмотрение в правительство законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части совершенствования законодательства в сфере ветеринарии», который был одобрен, сейчас его подготавливают для рассмотрения в Госдуме.

Согласно документу, владельцев домашних животных обяжут ставить на учет и чипировать своих питомцев, при этом сама процедура будет бесплатной для граждан. Кроме того, в России предлагается создать единый федеральный реестр животных.

Но, на сегодняшний день имеют место и иные объективные причины, по которым не наступает ответственность по отдельным запретам Закон № 498-ФЗ. Например, п. 5. ст. 9 Закона № 498-ФЗ прописывает обязанность владельцев убирать биологические отходы за своими питомцами, для чего, полагаем, необходимо во время прогулок владельцам иметь при себе совок и пакет. Но, остается открытым вопрос с утилизацией отходов жизнедеятельности питомцев, поскольку данные отходы должны складироваться не в обычных урнах, а в специализированных дог-боксах, которые пока мало распространены.

Также необходимо время для того, чтобы начали работать отдельные нормы закона, например, п. 5. ст. 13 Закона № 498-ФЗ обязывает владельца не допускать выгул животного вне мест, разрешенных решением органа местного самоуправления для выгула животных. Но, для начала муниципалитету необходимо создать соответствующие определенным требованиям территории для выгула собак с общей площадью не менее 400 кв.м. При этом зона выгула должна располагаться в отдалении от жилых домов и офисных зданий (минимум 25 м); нельзя выгуливать питомца на участке, который находится ближе, чем в 40 м от детских учреждений (садики, площадки, школы, больницы); покрытие, используемое на территории выгула, необходимо менять минимум раз в год [5].

Недоработанным в законодательстве является п. 3. ст. 13 Закона № 498-ФЗ «Предельное количество домашних животных в местах содержания животных определяется исходя из возможности владельца обеспечивать животным условия, соответствующие ветеринарным нормам и правилам, а также с учетом соблюдения санитарно-эпидемиологических правил и нормативов». Размытая формулировка не дает нам понимания о том, сколько животных можно содержать в квартире или ином помещении, в каких именно условиях они должны

содержаться, что именно является нарушением содержания животных.

Особое внимание уделено Законом № 498-ФЗ организационно-правовым вопросам осуществления деятельности приютов для животных. Теперь, приюты не могут размещаться в квартирах и домах любой формы собственности, в соответствии с п. 2. ст. 16 Закона № 498-ФЗ «Приюты для животных размещаются в специально предназначенных для этого зданиях, строениях, сооружениях». Что безусловно защищает права и законные интересы соседей. Но, как утверждают зооактивисты, данные требования законодательства повлекут за собой уменьшение возможности частным волонтерам содержания животных, в том числе бездомных.

Приюты в соответствии с п. 4. ст. 16 Закона № 498-ФЗ «Владельцами частных приютов для животных могут быть индивидуальные предприниматели или юридические лица», т.е. приюты должны быть оформлены как коммерческие организации. Таким образом благотворительность стала бизнесом и деятельностью, приносящей доход. Возникает вопрос: «За счет какой именно деятельности предполагается получать доход?»

Необходимо отметить, что на данный момент одной из основных проблем приютов для животных не зависимо от форм собственности является финансирование мероприятий по маркировке, стерилизации и вакцинации поступивших в приют животных. Закон № 498-ФЗ не уточняет на какие средства планируется содержать приюты для животных, от которых отказались владельцы в соответствии со п. 2 ст. 9 «В случае отказа от права собственности на животное или невозможности его дальнейшего содержания владелец животного обязан передать его новому владельцу или в приют для животных, которые могут обеспечить условия содержания такого животного».

Таким образом, главным требованием Закона № 498-ФЗ наряду с положениями о защите животных является обеспечение безопасности людей и животных, сохранности имущества физических или юридических лиц, а также соблюдение обязательных требований при выгуле домашних животных, уменьшение случаев жестокого обращения с животными, комфортное содержание животных. Но при глубоком анализе данного нормативно-правового акта складывается двоякое мнение. С одной стороны, принятие данного закона — это необходимый и важный шаг к гуманизации. Но с другой стороны, не смотря на многолетнее обсуждение, закон во многом декларативен, поскольку его выполнение не обеспечено ни финансово, ни организационно и требует в том, числе существенных законодательных уточнений и дополнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прокурор разъясняет: Об ответственном обращении с животными. — URL: <https://kamprok.ru/prokuror-razyasnyayet-ob-otvetstvennom-obrashhenii-s-zhivotnymi/> (дата обращения: 12.05.2020).
2. Об утверждении перечня потенциально опасных собак: постановление Правительства РФ от 29 июля 2019 г. № 974 // publication.pravo.gov.ru Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации.
3. Об утверждении перечня животных, запрещенных к содержанию: постановление Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 795 // publication.pravo.gov.ru Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации.
4. Об утверждении перечня случаев, при которых допускаются содержание и использование животных, включенных в перечень животных, запрещенных к содержанию: постановление Правительства РФ от 27 июня 2019 г. № 819 // publication.pravo.gov.ru Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации.
5. Закон о выгуле собак в 2020 году. — URL: <https://zakonoved.su/zakon-o-vygule-sobak.html> (дата обращения: 15.05.2020).

© Рыбина Светлана Николаевна (rybina.sn@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Владимирский юридический институт ФСИН России

ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В РАСКРЫТИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ

INSPECTION AND ITS ROLE IN DISCLOSURE OF MURDERS COMMITTED WITH THE RELIGIOUS GROUNDS

D. Ryabinin

Summary. In this article the meaningful issues, related to the role of inspection (examination) in investigation and disclosure (detection) of murders, committed with the religious grounds, are addressed. The attention is paid to the consideration of the character of specific features/signs on the human body evidencing his/her attribution to a specific religious group or his/her adherence to specific religious beliefs. The author's definition of the inspection, made in connection with the considered category of crimes, is formulated.

Keywords: inspection, murder, religious group, religious ground, religious symbols, tattoo.

Рябинин Дмитрий Александрович

Старший следователь по особо важным делам, Главное военное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва
rabinyn@intmail.net

Аннотация. В настоящей статье освещаются актуальные вопросы, связанные с ролью освидетельствования в раскрытии и расследовании убийств, совершенных по религиозным мотивам. Уделяется внимание рассмотрению характера особых примет на теле человека, свидетельствующих о его принадлежности к конкретной религиозной группе или его приверженности определенным религиозным взглядам. Формулируется авторская дефиниция понятия освидетельствования, проводимого по рассматриваемой категории преступлений.

Ключевые слова: освидетельствование, убийство, религиозная группа, религиозный мотив, религиозная символика, татуировки.

По уголовным делам, связанным с расследованием убийств, совершенных по религиозным мотивам¹, одним из важных аргументов в доказывании виновности конкретного лица является обнаружение на его теле конкретных следов, указывающих на принадлежность фигуранта по уголовному делу к членам религиозной организации и его возможную связь с событием преступления. Для обнаружения таких следов в рамках производства предварительного следствия по уголовному делу проводится освидетельствование.

В соответствии с ч. 1 ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) освидетельствование представляет собой наружный осмотр тела человека, проводимый в целях обнаружения на нем особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, которые имеют значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной

экспертизы [1]. В криминалистике освидетельствование рассматривается в качестве особого вида следственного осмотра, отличающегося целым комплексом особенностей процессуального характера.

Основанием для проведения указанного следственного действия по рассматриваемой категории преступлений могут служить любые объективные данные, свидетельствующие о возможном наличии на теле фигуранта по делу (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля), в отношении которого имеются сведения о его принадлежности к той или иной деструктивной религиозной организации, признаков, примет или особенностей, позволяющих сделать вывод о его вероятной причастности к произошедшему преступному событию.

Перед проведением освидетельствования по делам об убийствах, обусловленных религиозной мотивацией, следователь решает следующие характерные тактические задачи, связанные с:

- ♦ определением лица, которое будет проводить освидетельствование (необходимо учитывать, что следователь должен быть одного пола с освидетельствуемым, если оно сопровождается обнажением частей тела);
- ♦ привлечением, в случае необходимости, понятых одного пола с освидетельствуемым;

¹ Под таким убийством, по нашему мнению, следует понимать умышленное причинение смерти другому человеку (другим лицам), совершенное лицом в соответствии с имеющимися религиозными (культовыми) представлениями «высшего порядка», связанными с верой в существование обожествляемых сверхъестественных сил, в целях придания смысла своему существованию, удовлетворения внутренних духовных потребностей либо приобретения духовных ценностей для себя, иных лиц или представляемой религиозной организации.

- ♦ необходимостью привлечения к проведению освидетельствования специалистов (врача, судебно-медицинского эксперта, эксперта-криминалиста, специалиста в области религиозных культов и т.д.);
- ♦ необходимостью принятия мер для принудительного проведения следственного действия в связи с возможным отказом освидетельствуемого от его проведения (такой сценарий наиболее прогнозируем при освидетельствовании членов религиозных культов).

Особую значимость для следователя при освидетельствовании адептов религиозных культов будут представлять не только имеющиеся на их теле характерные телесные повреждения (ссадины, укусы и т.п.), аномалии анатомического строения (например, «заячья губа», горб, сильное искривление позвоночника, отсутствие нескольких пальцев и т.п.) и функционального характера (особенности походки, жестикуляции, мимики), но и такие особые приметы, как шрамы, следы травм, татуировки в виде символов и знаков, а также иные следы, которые могут свидетельствовать о принадлежности лиц к той или иной религиозной группе или их приверженности определенным религиозным доктринам.

Татуировки или рисунки религиозных символов и знаков, наносимые путем накалывания или втирания под кожу красящих веществ, представляют собой, в большинстве случаев, уникальную религиозную символику (например, в виде буквенно-цифровых сочетаний: «Lucifer», «666», «13», в виде рисунков, изображающих падших ангелов, чертей, пентаграммы и т.п.), имеющую определенное значение для верующих, и располагаются, как правило, в верхней части туловища, нередко на верхних конечностях сектантов. Они демонстрируют не только серьезную приверженность их обладателя сложившейся системе взглядов, но и имеют для верующего духовное значение, формируют у него чувство собственной принадлежности к религиозной группе, идентичности с ней.

Наиболее наглядно иллюстрируют изложенное следующие примеры из судебно-следственной практики.

Так, в частности, татуировка в виде пятиконечной перевернутой звезды («пентаграмма») с надписью на латинском языке, свидетельствующая об увлечении ее обладателя оккультно-мистическим учением в виде поклонения «сатане», была обнаружена в ходе освидетельствования в верхней трети левого плеча С., обвиняемого в совершении ритуального убийства [7].

На щиколотках фигурантов по уголовному делу З., К. и К-на, совершивших убийства на почве религиозной

ненависти, имелись татуировки в виде перевернутого христианского креста — знака принадлежности к религиозному культу Сатаны. У обвиняемого З., кроме того, на руке имелась татуировка в виде трех шестерок («666» — число Сатаны) [3, с. 57; 4, с. 290].

При освидетельствовании сатаниста Л. на его груди был обнаружен вырезанный лезвием символ «666» [4, с. 190]. Аналогичный символ был вытатуирован на правом запястье Ш., которая, находясь в православном храме, руководствуясь мотивом религиозной ненависти по отношению к православным священнослужителям, используя огнестрельное оружие, угрожала убийством присутствовавшему в храме священнику [8].

Членов радикальных исламских религиозных организаций можно идентифицировать, в ряде случаев, по наличию у них на различных частях тела татуировок на арабском языке (в традиционном исламе татуирование тела запрещено).

Следует говорить о том, что большинство подобных изображений на теле адептов религиозных культов в виде рисунков, геометрических фигур, чисел и т.д. имеют коллективно распознаваемое значение и ясно указывают на определенные верования и взгляды человека, вследствие чего способствуют идентификации преступника. В необходимых случаях, для определения значения имеющихся на теле фигуранта изображений религиозных символов и знаков представляется целесообразным получение консультации у специалистов в области религиоведения и религиозных культов или назначение по делу судебной искусствоведческой экспертизы.

Проведение освидетельствования необходимо и в тех случаях, когда следователь получает информацию (от свидетелей, экспертов, специалистов и др.) о практикующихся в религиозной группе изуверских религиозных обрядах, связанных с нанесением характерных телесных повреждений, свидетельствующих об участии в них членов культа и их принадлежности к такому культу. Так, например, члены секты «мурашковцев» при приеме в секту наносят своим приверженцам «семь печатей святого духа», представляющие собой глубокие крестообразные надрезы на коже. В секте «скопцов» проводится обряд полного или частичного оскотления (кастрации) верующих [5, с. 142], что связано с идеями искупления и покаяния. Кастрирование мужчин также было зафиксировано среди адептов секты американского происхождения «Небесные Врата», что являлось методом контроля их половых влечений [6, с. 318].

Характер телесных повреждений у членов религиозных культов определяется направленностью их религиозных убеждений, а также сложившейся ритуальной прак-

тикой, в которую включены действия по их причинению. Наиболее часто действия, связанные с причинением телесных повреждений верующим, используются в обрядах по инициации adeptов, при изменении их социального статуса и роли в группе (например, занятие руководящей должности), где им придается символический смысл.

Все особые приметы, обнаруженные на теле верующего в ходе освидетельствования, должны быть тщательно описаны в соответствующем протоколе (форма, размер и место расположения, содержание рисунка или текста, цвет красителя) и по возможности зафиксированы (при помощи фото-, видеосъемки) крупным планом для последующего направления, в случае необходимости, вместе с материалами уголовного дела для производства консультаций у специалистов или проведения экспертизы.

В науке до настоящего времени спорным является вопрос включения в задачу освидетельствования определения наличия у освидетельствуемого состояния опьянения.

Общеизвестно, что сектанты нередко совершают противоправные действия, находясь в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, при этом, учитывая то, что внешним осмотром тела человека выявить наличие у него состояния алкогольного опьянения невозможно, представляется необходимым для выявления такого состояния у лица назначать проведение судебно-медицинской экспертизы в соответствии с требованиями главы 27 УПК РФ.

Освидетельствование, как следственное действие, по нашему мнению, не предполагает ни осмотра, ни изъятия личных вещей и предметов одежды обследуемого верующего, которые нередко свидетельствуют о его принадлежности к определенной религиозной группе (одежда с соответствующими символами и знаками религиозного содержания, балахоны определенного цвета и т.п.), а также могут иметь на себе следы преступления. По общему правилу такие вещи должны изыматься в ходе личного обыска с целью их последующего осмотра и принятия решения о приобщении к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

Вместе с этим, ряд ученых отмечает, что «освидетельствование может сопровождаться осмотром и должно производиться в определенной последовательности: сначала осматриваются части тела, не закрытые одеждой, затем при необходимости — одежда, а потом остальные части тела» [2, с. 561]. Однако в данном случае следует оговориться, что речь идет не о полном доскональном осмотре одежды, а об установлении факта соотношения следов, имеющих на теле человека и его

одежде, друг с другом путем проведения соответствующих сопоставлений.

Важно иметь в виду, что во время проведения освидетельствования члена религиозной группы категорически нельзя: допускать действия, реплики, которые унижают достоинство освидетельствуемого лица; проводить осмотр тела продолжительное время или осматривать части тела, которые в данном случае оголяться не должны; совершать действия, которые влекут причинение освидетельствуемому боли, могут быть расценены верующим как святотатство, нарушение свободы его вероисповедания, оскорбление его религиозных чувств и т.п.

Служебное помещение, в котором будет производиться освидетельствование члена религиозного культа, должно быть предварительно осмотрено на предмет отсутствия в нем предметов культового назначения, содержащих религиозную символику, способных вызвать негативную реакцию верующего.

Проведенное изучение поставленной проблемы дает основание для изложения дефиниции понятия освидетельствования с учетом его специфики по изучаемой категории преступлений. Тем самым, под освидетельствованием по делам об убийствах, совершенных по религиозным мотивам, следует понимать неотложное следственное действие, заключающееся в визуальном восприятии следователем, иным полномочным субъектом поисково-познавательной деятельности или лицом, обладающим специальными познаниями в области медицины, тела подозреваемого (обвиняемого) в совершении религиозно мотивированного убийства или свидетеля по делу с его согласия в целях установления следов преступления, наличия характерных телесных повреждений и особых отличительных примет знаково-символического характера, имеющих религиозное значение, признаков профессиональной принадлежности, выявления состояния опьянения, а также иных свойств и признаков, представляющих значение для дела и свидетельствующих о возможной принадлежности обследуемого лица к конкретной религиозной группе или позволяющих судить о возможной причастности освидетельствуемого к совершению преступления или его связи с преступным событием.

Подводя итог сказанному, можно прийти к выводу о том, что знание субъектами поисково-познавательной деятельности характерных особенностей производства освидетельствования по рассматриваемой категории преступлений способствует не только получению важной доказательственной информации, но и установлению возможной мотивации преступного поведения и, как следствие, успешному производству предварительного следствия по делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4291.
2. Аверьянова Т. В. Криминалистика: учеб. / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2013. — 928 с.
3. Брежнева Г. В. Убийство на почве религиозной ненависти. Сборник «Следственная практика». Выпуск № 4 (165). — М: Издательство НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ, 2004. — 312 с.
4. Воробьевский Ю. Ю. Путь в Апокалипсис: Шаг змеи. — М., 1999. — 524с.
5. Мишин Н. Я. Установление фактов, свидетельствующих о преступном посягательстве на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов. Статьи аспирантов // Труды: Статьи аспирантов. Труды ВЮЗИ. — М.: РИО ВЮЗИ, 1967. Т. 11. — 244 с.
6. Dawn Perlmutter. Investigating religious terrorism and ritualistic crimes. Boca Raton, London, New York, Washington, D.C., 2004. — 320 p.
7. Уголовное дело № 2–18/2009 (архив Верховного Суда Республики Хакасия).
8. Уголовное дело № 1–1427/02 (архив Преображенского районного суда города Москвы).

© Рябинин Дмитрий Александрович (rabinyn@intmail.net).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРУДОВОЙ СТАЖ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИНСТИТУТ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

WORK EXPERIENCE AS THE MOST IMPORTANT INSTITUTION OF PENSION PROVISION FOR CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION

**O. Ryabova
N. Kuznetsova
T. Matveeva
N. Kuznetsova**

Summary. The article is devoted to the Institute of work experience in Russia. The paper considers the current state and prospects for the development of work experience in Russia. The problems of legislation regulating this problem and law enforcement practice of this process are noted, and weaknesses of legislative norms in this area are identified. The work reveals the problems of applying the length of service in some republics of the former USSR and the problems of their interaction in the accounting of pension rights of citizens. The article also contains possible solutions to these problems.

Keywords: work experience, insurance experience, problems of pension rights of citizens, payment of pensions to citizens of the EEU countries.

В связи с переходом страны к рыночным условиям хозяйствования стало необходимым кроме всего, реформирование государственной системы социального обеспечения путем внедрения в нее страховых начал. Поэтому на протяжении последних нескольких лет пенсионная система Российской Федерации претерпевала серьезные изменения. Одним из важнейших юридических фактов, с которым связывают возникновение большинства правоотношений в сфере пенсионного обеспечения, является трудовой стаж, но следует отметить, что на современном этапе развития система пенсионного обеспечения данный институт не является стабильным. Это показывает, что большое количество проблем, сказывающихся на благополучии граждан Российской Федерации, требуют неотложного решения.

Некоторые видные деятели не скрывают того, что пенсионная система является крайне обременительной

Рябова Ольга Алексеевна
Преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»
frau.lelya2012@yandex.ru

Кузнецова Наталья Александровна
Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»
kuz1503@yandex.ru

Матвеева Тамара Павловна
Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»
matveeva33@mail.ru

Кузнецова Наталья Владимировна
Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»
kuznezova-1963@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена институту трудового стажа в России. В работе рассматриваются современное состояние и перспективы развития трудового стажа в России. Отмечается проблематика законодательства, регулирующего данную проблему и правоприменительной практики указанного процесса, выявляются слабые стороны законодательных норм в указанной области. Работа выявляет проблемы применения трудового стажа в некоторых республиках бывшего СССР и проблемы взаимодействия их в вопросах учета пенсионных прав граждан. Также статья содержит возможные пути решения указанных проблем.

Ключевые слова: трудовой стаж, страховой стаж, проблемы пенсионных прав граждан, выплата пенсий гражданам стран ЕАЭС.

для экономики страны, при этом пенсионное обеспечение находится на низком уровне и не может обеспечить даже минимальные потребности подавляющего большинства пожилых граждан.

Конституция Российской Федерации декларирует право на пенсионное обеспечение. Пенсия в России назначается по достижению пенсионного возраста, по инвалидности, болезни и потери кормильца. Данный вид социального обеспечения помимо всего прочего зависит от трудового стажа.

Проблематика применения трудового стажа, значение которого постоянно меняется в российском законодательстве, обусловлено реформами.

Пенсионная реформа, очередной этап которой был положен принятием Федерального закона «О внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 г. № 350-ФЗ [6] обусловила повышенное внимание к обеспечению социальных гарантий граждан в области их пенсионного обеспечения.

Остроту проблемы отражает статистика рассмотрения исковых заявлений граждан к управлениям Пенсионного Фонда РФ и негосударственным пенсионным фондам. В своем докладе на Советании судей общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев отметил, что только за 2019 г. судами рассмотрено более 70 тыс. исков, удовлетворены из которых были 77% [8].

Одним из проблемных вопросов был и остается порядок установления стажа трудовой деятельности. Классическое понимание стажа как суммарной продолжительности трудовой и иной общественно-полезной деятельности [4, ст. 30] имеет значение лишь для определения прав застрахованных лиц, в отношении деятельности, осуществляемой ими до 1 января 2002 г.

С принятием Федерального закона «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ [5] под трудовым стажем понимается учитываемая при определении права на государственное пенсионное обеспечение суммарная продолжительность периодов работы и иной деятельности, засчитываемая в страховой стаж.

Важно, что он начисляется только застрахованным в сфере пенсионного обеспечения работающим лицам, а также в него включаются периоды военной и приравненной к ней службы, получения пособия по временной нетрудоспособности, ухода за ребенком до достижения им полутора лет, ребенком-инвалидом, лицом, достигшим 80 лет, получения пособия по безработице, участия в оплачиваемых общественных работах, не превышающий пяти лет период проживания супругов военнослужащих, проходящих контрактную службу, в местностях, где не было возможности для трудоустройства и за границей супругов, направленных в дипломатические и иные представительства, осуществления судьей полномочий и др.

Часть 1 статьи 12, Федерального закона «О страховых пенсиях» устанавливает, что данные лица имеют право на включение этих периодов в стаж только в случае, если им предшествовали и (или) за ними следовали периоды работы или иной деятельности [5, ст. 12, ч. 1].

Таким образом, пенсионные права большинства граждан, производные от трудового стажа, напрямую обусловлены фактом уплаты страховых взносов.

Однако роль продолжительности осуществления трудовой деятельности продолжает оставаться существенной, поскольку право на получение пенсии для многих категорий работников напрямую зависит от количества отработанных лет. Соответственно выделение таких категорий как общий трудовой стаж и специальный трудовой стаж, характеризующий период выполнения особых работ, применительно к характеристике страхового стажа остается актуальным.

В настоящее время термин специальный трудовой стаж нормативно не урегулирован, но, продолжая традиции трудового законодательства, он используется и сейчас в нормативных документах, например, в ст. 375 Трудового кодекса РФ применительно к профсоюзным работникам [1, ст. 375], ч. 3 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [2, ст. 10 ч. 3] и в правоприменительной практике.

Специальный трудовой стаж характеризует продолжительность трудовой деятельности, осуществляемой в особых условиях, должности, в определенной местности или связанной с специальными социальными обстоятельствами. Таким образом, его наличие, сопровождаемое особым характером деятельности, в силу которого человек раньше теряет свою работоспособность, обуславливает получение определенных социальных компенсаций в виде досрочного наступления права на пенсионное обеспечение.

На досрочное установление пенсии по старости имеют права лица, трудовая деятельность которых предусмотрена ст. 30 Федерального закона «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ [5, ст. 30].

В соответствии с особенностями профессиональной деятельности их можно разделить на 4 категории: 1) лица, занятые на работах с вредными и опасными условиями труда; 2) лица, занятые на работах с тяжелыми условиями труда; 3) педагогические работники образовательных организаций с детьми и работники лечебных учреждений [7]; 4) лица, работающие в районах Крайнего Севера и приравненных к ним районам.

К лицам, имеющим право на досрочный выход на пенсию имеют также госслужащие. С января 2021 года пенсионный возраст выхода на пенсию для них увеличится по году в год.

В обиходе распространен еще один термин, характеризующий продолжительность исполнения служебных обязанностей — выслуга лет, юридический смысл которого также не закреплен нормативно, но применяется и в законодательных актах, и в практике. Например, к та-

ким категориям относятся летчики-испытатели, космонавты [3, ст. 4].

Для всех категорий работников предусмотрен конкретный стаж профессиональной деятельности, подтверждаемый соответствующими записями в трудовой книжке, приказами, справками работодателя и т.д. При этом обязательным является факт выполнения трудовых обязанностей в качестве основной работы и в течение полного рабочего дня.

Юридическая и фактическая привязка пенсионного обеспечения граждан к их страховому стажу обусловила появление нормы об обязательности наличия страхового стажа и индивидуального пенсионного коэффициента.

В 2020 году они составляют 11 лет и 18,6 коэффициента соответственно. К моменту завершения перехода на новую пенсионную систему к 2025 году они вырастут до 15 лет и 30 коэффициентов [5, ст. 8, чч.2,3]

Кроме того пп. 6 п. 1 ст. 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 г. № 350-ФЗ женщинам, имеющим страховой стаж не менее 37 лет, и мужчинам, чей стаж составляет не менее 42 лет, страховая пенсия по старости может быть назначена раньше на 24 месяца, но не раньше чем они достигнут 55 (женщинам) и 60 лет (мужчинам) соответственно.

Также изменения коснулись назначений страховой пенсии по старости женщин, родивших трех или четырех детей. В первом случае возраст ухода на пенсию определен 57-лет, во втором случае-56 лет, но матери должны воспитать детей не менее чем до 8 лет и страховой стаж должен быть не менее 15 лет в том и другом случае[6, ст. 7 п. 1 пп.б].

Таким образом, стаж работника, условия и порядок его исчисления имеют первостепенное значение для реализации пенсионных прав граждан. Несмотря на то, что «пенсионная тема» является одной из самых популярных и у политиков, и у юристов, к сожалению не все проблемы к настоящему времени решены.

Одной из основных является наличие смысловой неопределенности в понимании дефиниций трудового и страхового стажа, выслуги лет. Данные термины, активно используемые, как в нормативных правовых актах, так и на практике, должны быть нормативно закреплены в Трудовом кодексе РФ и других законах, регулирующих трудовые отношения в Российской Федерации.

Сложности с исчислением трудового стажа и начислением пенсии возникали у граждан, работающих длительное время на территории различных государств, таких как Республика Армения, Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Казахстан, Российская Федерация. Из-за различий в пенсионных системах стран Союза пенсионные права трудовых мигрантов формировались не во всех странах. Там же, где такая практика осуществлялась, трудящиеся при возвращении на родину не приобретали право на пенсию в связи с несовершенством законодательства.

Значительным прогрессом в процессе создания условий для эффективного функционирования единого рынка трудовых ресурсов стало подписание 20 декабря 2019 г. Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза, работа над проектом которого велась с 2014 года. [9]

После вступления документа в силу трудящиеся Союза указанных государств будут получать пенсию не только за периоды работы у себя на родине, но и за периоды работы в других государствах ЕАЭС. Каждое государство будет определять право и рассчитывать пенсию по своему действующему законодательству в соответствии со стажем работы на ее территории. Если продолжительности стажа недостаточно, то будет учитываться стаж, приобретенный в других странах ЕАЭС (только если данный стаж не совпадает по времени с имеющимся). Соглашением определены виды пенсий, на которые оно будет распространяться, а также виды пенсий, которые будут экспортироваться. Выплата пенсий гражданам стран ЕАЭС будет производиться только за тот стаж, который приобретен после вступления соглашения о пенсиях в силу при условии его продолжительности не менее 12 месяцев.

С учетом большого количества исков по защите пенсионных прав, предъявляемых в судебные инстанции, необходимо на уровне Верховного Суда Российской Федерации в ближайшее время обобщить судебную практику по наиболее актуальным вопросам: оценке фактов несоответствия наименования должности, характера выполняемой работы, наименования и места расположения предприятия или учреждения истца перечню, дающему право на получение досрочной страховой пенсии; учета норм выполнения рабочего времени; включения в страховой стаж периода учебных отпусков и курсовой подготовки с закреплением обязательности применения данных норм управлениями Пенсионного фонда РФ. Это позволит не только обеспечить единство правоприменительной практики, но и значительно снизит нагрузку на суды.

Обеспечение пенсионных прав граждан должно осуществляться всеми законными способами, включая совершенствование нормативного правового регулирования, судебной практики, кадрового делопроизводства.

Единство подходов, всесторонний учет современных реалий позволит решить многие вопросы исчисления трудового стажа, повысит доверие граждан к пенсионной системе в период ее реформирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Российская газета, № 256 31.12.2001
2. Федеральный закон от 27 мая 1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Российская газета, № 104 02.06.
3. Федеральный закон от 15 дек. 2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении» // Российская газета, № 247 20.12.2001
4. Федеральный закон от 17 дек. 2001 № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // Российская газета, № 247 20.12.2001
5. Федеральный закон от 28 дек. 2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (ред. от 01.10.2019, с изм. от 28.01.2020) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/.
6. Федеральный закон от 03 окт. 2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Российская газета, № 223 5.10.2018.
7. Постановление Правительства РФ от 16 июля 2014 № 665 «О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июля 2014 г. № 30 (часть 2) ст. 4306.
8. Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева на Советании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации (Москва, 11 февраля 2020 года) [Электронный ресурс]: URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/video_archive/?keyword.
9. Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза» (Заключено в г. Санкт-Петербурге 20.12.2019) // <https://ppt.ru>

© Рябова Ольга Алексеевна (frau.leya2012@yandex.ru), Кузнецова Наталья Александровна (kuz1503@yandex.ru), Матвеева Тамара Павловна (matveeva33@mail.ru), Кузнецова Наталья Владимировна (kuznezova-1963@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Владимир

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

CERTAIN ASPECTS OF INTERACTION OF LEGAL ENTITIES IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

*M. Stulova
S. Khomushku*

Summary. The purpose of the research is to study approaches to understanding legal entities in the framework of international private law and to establish the specifics of legal regulation of issues of interaction of such legal entities.

Based on the research, it was concluded that today there is no unified approach to understanding an international legal entity in the world practice, which is regulated by both international and national legislation. In the processes of interaction of international legal entities, a significant role is played by the dispositive principle, which is limited to certain mandatory rules of a General nature. When making various transactions between legal entities in private international law, a special role is assigned to contractual regulation, on the basis of which the applicable law can be determined.

Keywords: legal entities, private international law, legal regulation, contracts, mandatory norms.

Стулова Мария Владимировна

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, г. Москва
stulova_mv@list.ru*

Хомушку Сырга Владимировна

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, г. Москва*

Аннотация. Цель исследования заключается в исследовании подходов к пониманию юридических лиц в рамках международного частного права и установлении особенностей правового регулирования вопросов взаимодействия таких юридических лиц.

На основании проведенного исследования был сделан вывод о том, что на сегодняшний день в мировой практике отсутствует единый подход к пониманию международного юридического лица, к регулированию которого применяются как нормы международного, так и нормы национального законодательства. В процессах взаимодействия международных юридических лиц значительную роль имеет диспозитивное начало, которое ограничивается отдельными императивными нормами общего характера. При совершении различных сделок между юридическими лицами в международном частном праве особая роль отводится договорному регулированию, на основании которого может быть определено применимое право.

Ключевые слова: юридические лица, международное частное право, правовое регулирование, договор, императивные нормы.

Введение

Субъекты гражданского права, наряду с гражданами представлены юридическими лицами, являющимися особыми образованиями, обладающими рядом специфических признаков, которые образуются и прекращаются в специально установленном порядке. Появление института юридического лица в общем виде обусловлено аналогичными причинами, что и возникновение, и эволюция права, связанные с развитием общества, государства, экономики и пр.

На сегодняшний день официальная классификация юридических лиц значительно усложнилась по сравнению с той, что практиковалась ранее. В качестве одного из оснований классификации выступает цель осуществляемой деятельности. Классификация на данном основании предполагает разделение всех юридических лиц на коммерческих, т.е. преследующих извлечение прибыли в качестве основной цели деятельности, и некоммерческих — не имеют основную цель деятельности

в виде извлечения прибыли, соответственно не распределяют полученную прибыль между своими участниками. Также, критерием по отнесению к некоммерческим юридическим лицам выступает отсутствие возможности распределения между участниками доходов от предпринимательской деятельности.

В связи с постоянными изменениями в законодательстве, вопросы, связанные с видами юридических лиц, а также особенностями их деятельности, являются достаточно значимыми. Особый интерес представляет регламентация деятельности юридических лиц в международном частном праве, так как в рамках международного взаимодействия осуществляется значительное количество сделок различного уровня.

В вопросах договорного и торгового права, Европейская практика значительно отличается от российской в данном вопросе, так как в иностранном законодательстве есть и торговые кодексы, и целые объединения профессионалов в определенных отраслях экономики,

которые вырабатывают общие требования к содержанию договора в соответствующей сфере. В свою очередь, в Российской Федерации отдельных торговых кодексов, посвященных правовому регулированию торговли, предпринимательства, не существует. Данные вопросы отнесены к сфере гражданско-правового регулирования. Можно отметить, что в этой связи представляется особо важным закрепить основополагающие начала в договорном регулировании и четко установить его пределы, дабы свести к минимуму возможные нарушения законных прав и интересов сторон возникающих правоотношений. При этом особую значимость имеет целый ряд вопросов, связанных с деятельностью юридических лиц в рамках международного частного права. Все это обусловило выбор темы исследования и ее актуальность.

Вопросам деятельности юридических лиц в рамках международного частного права уделяли внимание многие ученые. Следует остановиться на некоторых аспектах исследованных проблем. Так, особую значимость приобретают вопросы соотношения личного закона юридического лица с международными нормами, исследуемые в работах отечественных и зарубежных ученых, среди которых необходимо отметить следующих: А.Я. Аухатов, М.И. Брун, А.М. Городисский, Г.К. Дмитриева, Е.А. Дубовицкая, В.П. Звекон, Н.Ю. Ерпылева, О.В. Кадышева, М.И. Кулагин, М.А. Манукян, В.П. Мозолин, Э.А. Нанаева, Ф.Д. Федчук, J. E. Antunes, P. Blumberg, I. Brownlie, A. Daisy, P.L. Davies, J. Dunning, D. Cheshire, L. Collins, J.G. Collier, W.F. Ebke, K.J. Hopt, J. Morris, P. Muchlinski, P.M. North, P. Nygh, D.B. Pettet, Prentice, S. Rammeloo, T. Rapakko, C.M. Schmitthoff, M.N. Show, R. Vernon, C.D. Wallace, F. Wooldridge, I. Wormser, E. Wymeersch и других ученых.

Несомненно, особую значимость имеют нормы национального и международного права, позволяющие определить особенности деятельности юридических лиц в рамках международного частного права. При этом нельзя не отметить, что единообразный подход в доктрине и практике зачастую отсутствует. Все указанное позволяет сделать вывод о том, что обозначенные вопросы имеют повышенную значимость для науки и практики.

Методы

Методологическая основа исследования характеризуется общими методами познания, включающими системное и комплексное исследование, сравнительный метод, методы дедукция и индукция, применение анализа и синтеза; а также специальными методами правоведения, среди которых необходимо отметить толкование закона, методы аналогии права и закона. Выбор комплекса перечисленных методов основан на специфике выбранной темы. Исследуя актуальные вопросы юридиче-

ских лиц в международном частном праве, имела место объективная необходимость во всестороннем изучении различных вопросов, которые могли осуществляться исключительно с позиции комплексного подхода и применения как общих методов познания, так и специальных.

Дискуссия и результаты

Вопросы международных юридических лиц особенно актуальны в условиях частноправовых отношений, когда происходит взаимодействие субъектов, находящихся под юрисдикцией разных стран. По мнению В.В. Гаврилова: «Родовое единство международного и внутригосударственного права как совокупности общеобязательных правил поведения юридического характера дает основание утверждать, что первое, как и второе, лежит в основе своей собственной правовой системы, находящейся в постоянном тесном взаимодействии с правовыми системами отдельных государств» [7, с. 7]. Таким образом, можно отметить, что регулирование вопросов деятельности юридических лиц в рамках международного частного права основано на непрерывном взаимодействии международных и внутригосударственных норм.

Правовой доктриной традиционно выделяются основополагающие признаки, каждый из которых необходим, а все в совокупности — достаточны, для того, чтобы организация могла быть признана как субъект гражданского права, или юридическое лицо. К таким признакам относятся:

- Организационное единство юридического лица, проявляющееся, в первую очередь, в определенной структуре, соподчиненности органов управления, в четкой регламентации отношений участников. Организационное единство юридического лица закрепляют его учредительные документы и нормативные акты, регулирующие правовое положение конкретного вида юридических лиц.

- ◆ Имущественная обособленность.
- ◆ Принцип самостоятельной гражданско-правовой ответственности юридического лица (в отечественном праве он сформулирован в ст. 56 ГК РФ [2], где указано, что юридическое лицо несет ответственность по обязательствам).
- ◆ Выступление в гражданском обороте от собственного имени.

Следует сделать вывод о том, юридическое лицо в гражданском праве — организация, которая признана государством в качестве субъекта права, имеющее обособленное имущество, самостоятельно отвечает данным имуществом по своим обязательствам и в гражданском обороте выступает от своего имени.

В настоящее время, в основу классификации юридических лиц положены два фактора:

- ◆ цель деятельности;
- ◆ организационно-правовая форма.

Как отмечает М. А. Манукян: «... в российской литературе по международному частному праву часто используется понятие «международное юридическое лицо», под которым понимаются:

- ◆ организации, созданные непосредственно международным соглашением;
- ◆ организации, созданные на основе внутреннего закона одного или более государств в соответствии с международным договором» [12, с. 15].

По мнению М. Н. Раджабова: «Словосочетание «международное юридическое лицо» формируется только на основе учредительного акта международных организаций и других международно-правовых актов, которые определяют статус международных организаций как субъекта международного и национального права. Поэтому процесс появления категории международного юридического лица тесно связан с формированием любой международной организации как субъекта права, и нет сомнений, что категория международного юридического лица выступает одной из сторон правового статуса международных организаций и представляет её как субъект международного частного права» [17, с. 124].

Рассматривая подходы к особенностям правового регулирования юридических лиц в международном частном праве, необходимо отметить особенности правового регулирования деятельности международных юридических лиц на основании конкретного примера правового регулирования встречных торговых сделок. Представляется, что необходимо остановиться на взаимосвязи применения законодательства РФ во взаимосвязи с международными правовыми актами, определив особенности применения норм права в деятельности юридических лиц.

На современном этапе развития широкое распространение получила внешнеэкономическая деятельность. Понятие «внешнеэкономическая деятельность» содержит ФЗ «Об экспортном контроле» [4], под ней подразумевается внешнеторговая, инвестиционная и иная деятельность, в т.ч. производственная кооперация. В свою очередь, в соответствии с ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»: «внешнеторговая деятельность — деятельность по осуществлению сделок в области внешней торговли товарами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью» [5].

Как отмечает в своей статье А. О. Иншакова, у внешнеэкономических сделок присутствуют существенные

особенности по сравнению с внутригосударственными сделками, что влияет на содержание международных торговых и иных контрактов [10, с. 38]. В рамках международного частного права зачастую употребляется такое понятие как «международная коммерческая сделка», по этому поводу, Г. К. Дмитриева высказывает мнение о содержании такой сделки, когда имеет место предпринимательская деятельность субъектов на уровне международных экономических отношений, указывая обязательность нахождения таких субъектов в разных государствах [14, с. 41].

Признаками внешнеэкономической сделки выступают:

- ◆ наличие иностранного элемента;
- ◆ особенности местонахождения сторон;
- ◆ по отношению к таможенному регулированию и экспортному контролю, с юридической позиции, представляет ценность непосредственно факт перемещения предмета сделки (т.е. товаров и пр.) через таможенную границу РФ.

Представляется, что наиболее часто распространенную разновидность внешнеэкономических сделок представляет договор внешнеторговой (международной) купли-продажи товаров. Многие международные сделки прямо или косвенно связаны с куплей-продажей (подразумевается договоры перевозки, осуществление расчетов за них, реализация страхования в связи с международной торговлей). Так, разновидность купли-продажи представляет договор поставки, международный финансовый лизинг также содержит в себе элементы купли-продажи.

По мнению А. А. Тошматова: «Итак, встречная торговая сделка может быть заключена между двумя государствами, государством и коммерческой организацией, находящейся в другом государстве, или между двумя коммерческими организациями разных государств.

Правовая и коммерческая сущность сделок по встречной торговле состоит в том, что расчеты с поставщиками товаров (оборудования и пр.) производятся продукцией, изготовленной на объекте, сооруженном с использованием оборудования и других товаров, поставленных продавцом» [20, с. 252].

Встречные торговые сделки, являясь разновидностью внешнеторговых сделок (входящих в состав внешнеэкономических) обладают определенными особенностями, что обуславливает необходимость соответствующего правового регулирования в рамках международного частного права. Соответственно, характерная черта встречных торговых сделок заключается в наличии двухсторонней связи и взаимообусловленных обя-

занностей (в рамках заключаемого договора). При этом регулировании деятельности юридических лиц в рамках международного взаимодействия определяется более договорным компонентом, нежели императивными нормами международного права. Тем не менее, многие базовые принципы связаны непосредственно с закреплением их в конкретных правовых нормах международного права.

В международных правовых актах, термин «встречная торговая сделка» используется для комплекса договоренностей по встречной торговле. Указанное понятие раскрывается в Правовом руководстве ЮНСИТРАЛ от 1992 г. [15]. Так, соглашение может установить обязательства сторон к заключению в будущем определенных контрактов, определить основные положения будущих контрактов. Соответственно, предметом встречных торговых сделок могут выступать определенные товары и вещи материального мира. В качестве предмета встречных торговых сделок могут выступать и услуги (целесообразным является конкретизация описания таких услуг).

Следует отметить разновидности встречных торговых сделок по предмету сделки:

- ◆ различные виды товаров (как сырье, так и готовые товары);
- ◆ услуги;
- ◆ передача различных технологий;
- ◆ инвестиционные направления деятельности;
- ◆ в отдельных случаях, перечисленные предметы могут сочетаться и одновременно выступать предметом сделки.

Относительно свободы договора в выборе предмета встречных торговых сделок, здесь могут оказать влияние те требования, которые установлены на уровне государства (например, на запрет оборота определенных продуктов и предметов и пр.). Так, в отдельных странах имеет место правительственное регулирование встречной торговли, позволяющее оказывать стимулирование или же ограничение встречной торговли посредством использования определенных механизмов. Для обозначения разновидностей встречных торговых сделок используются такие понятия как: бартер, встречная закупка, обратная закупка, прямая и косвенная компенсационные сделки. Стороны встречных торговых сделок могут обозначаться в качестве покупателя, поставщика, стороны, экспортера, импортера. Как правило, субъектами такого взаимодействия выступают юридические лица.

В настоящее время развитыми являются и бартерные агентства, площадки и биржи. Например, такие имеют место в Испании, Канаде (крупнейший — Tradebank),

США (крупнейший — International Monetary Systems) [13]. Для защиты интересов участников бартерных взаимоотношений, в США была основана Национальная ассоциация торговых обменов (NATE). Достаточно развита торговая система «Евробартер» — EBB, включающая свыше больше 17 тыс. компаний-участников, являющихся представителями малого и среднего бизнеса [11]. Координацией деятельности подобных структур на национальном уровне занимается специализированная организация в сфере международной встречной торговли — IRTA.

Затрагивая договорные моменты встречных сделок, нельзя не отметить, что стороны могут заключить как один, так и несколько контрактов. При заключении единого контракта заключается бартерный контракт (обмен товаров на товары), или сводный контракт (поставка товаров связана с возникновением денежного платежного обязательства). Важно отметить, что соглашение о встречной торговле может заключаться в разные моменты, так:

- ◆ возможно заключение контракта на экспорт и соглашения о встречной торговле одновременно, а заключение контракта на встречный экспорт происходит впоследствии (предусмотрена процедура согласования);
- ◆ возможно заключение соглашения о встречной торговле до заключения конкретных контрактов на поставку товаров и пр., т.е. стороны фактически закладывают договорную основу, и в определенный временной промежуток согласовывают детали сделок по взаимной торговле (возникают обязательственные правоотношения).

Зачастую стороны применяют страхование, в процессе осуществления встречных торговых сделок, страхованию подлежат коммерческие и некоммерческие риски. Для того чтобы осуществить сделку, стороны зачастую нуждаются в финансировании. Осуществление встречной торговли связано и с использованием услуг банков, подразумевается кредитование и пр. В таких случаях, стороны вправе связать платежи по контрактам так, чтобы поступления по контракту на поставку в одном направлении использовались для уплаты по контракту на поставку в другом направлении.

Также, стороны в договоре оговаривают основные существенные условия, момент поставки товаров (оказания услуг и пр.), могут применяться авансовые поставки, применяться перекрестные аккредитивы. Помимо этого, стороны встречных торговых сделок вправе определить условия взаимодействия. Для расчетов стороны используют и зачетные счета, которые ведут банки, оговариваются заранее возможные убытки и штрафные неустойки и пр.

Нельзя не отметить и такую разновидность внешнеторговых сделок как компенсационные и кооперационные соглашения (в них чаще принимают участие государства как субъекты сделки). Применяются и контракты, по своей правовой природе, способствующие финансированию основного обязательства по встречной сделке. В качестве примера можно привести финансовый лизинг, факторинг, форфейтинг.

В условиях договора стороны определяют и применимое право, опосредующее регулирование встречных торговых сделок. Как правило, при возникновении споров их рассматривают международные коммерческие арбитражи. Так, рассматривая правовую регламентацию встречных торговых сделок по национальному законодательству, можно отметить и некоторые недостатки. Например, привлечение к гражданско-правовой ответственности в договоре поставки применяются различные санкции. В рамках договора устанавливаются права и ответственность сторон, закрепляется правовой режим для деятельности субъектов в рамках возникающих правоотношений. Как показывают материалы судебной практики, многие споры связаны с отсутствием четкого изложения условий договора. Согласно общему правилу, исходя из ст. 521 ГК РФ [2], неустойка (и законная, и вытекающая из существа договора) в связи с недопоставкой, просрочкой поставки товаров, должна взыскиваться с поставщика до момента фактического исполнения обязательства. Но поставщик при этом должен поставить оговоренные товары в натуре, что следует из ст. 511 ГК РФ.

У сторон имеется право определить в договоре иных условий и порядка, которые предусмотрены для применения неустойки (ее конкретный размер, или же неустойка будет исчисляться по закону, т.е. законная неустойка). Как бы то не было, наличие диспозитивных начал в указанном вопросе, реализованных в договоре, не может становиться причиной нарушения основных принципов, установленных гражданским законодательством и противоречить ему. При привлечении к ответственности за нарушение условий, предусмотренных договорам поставки, в частности, при применении норм, установленных ст. 521 ГК РФ, судам следует учитывать разъяснения, которые сформулированы в Постановлении Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 N18 [6].

Стоит заметить, что при расторжении договора поставки, стороны лишаются тех благ, на которые они рассчитывали, заключая договор, в связи с этим, возникает право на взыскание убытков в виде полученных потерь (разница в цене), т.к. появляется необходимость заключения договоров с иными контрагентами. Потерпевшая убытки сторона вправе требовать их возмещения, даже

если новые договоры не заключались (за основу берутся аналогичные цены на продукцию).

Представляется важным отметить тот опыт, который имеется в международных коммерческих договорах. В мировой практике обязательства устанавливаются для их неукоснительного соблюдения. Так, в ст.ст. 46, 62 Венской Конвенции о международных договорах купли-продажи [1] для потерпевшей стороны закреплено право в рамках судебной процедуры заявить требование о понуждении должника к действиям, вытекающим из договора. В практическом применении такой подход реализуется во многих европейских странах, когда у покупателя есть варианты защиты нарушенного права. Данное правило закреплено, например, в п. 1 § 376 Германского торгового уложения [8]. В США для покупателей возможны следующие варианты разрешения ситуации — отказаться от договора поставки, заменить недоставленный товар другими, взыскать убытки, истребовать товары [9].

При этом в Российской Федерации, действующим гражданским законодательством предусмотрено только замену реального исполнения договора денежной компенсацией. Очевидно, что данный подход не является целесообразным. Объяснить это можно тем, что в настоящее время между хозяйствующими субъектами присутствует весьма ощутимая конкуренция, и нарушение договора поставки зачастую ведет к подрыванию авторитета компании, потере покупателей, клиентов. В особенности данный аспект затрагивает предпринимателей, действующих в системе розничной торговли. И не всегда материальная компенсация способна восстановить нарушенное положение. Определенные трудности, например, могут вызывать те договоры, по которым поставщик должен поставить редкие товары, а покупатель заключил договор, в котором требуется использование именно этих товаров.

Важно также отметить, что многие вопросы, разрешающиеся в судебном порядке, прямо не регулируются гражданским законодательством и остаются на усмотрение суда. Несомненно, данное положение позволяет справедливо разрешить все те разногласия, особенности которых прямо в законе предусмотреть нельзя. Но, тем не менее, необходимо отметить и то, что зачастую такой подход становится причиной неоднозначных позиций в судебной практике. По результатам данного исследования, целесообразно сделать вывод о том, что нормы ГК РФ, в части реального исполнения обязательств при нарушении договора поставки, необходимо изменить. В качестве примера можно использовать мировой опыт, направленный, прежде всего, на совершенствование делового оборота и поддержание этических начал в предпринимательской деятельности.

Нельзя не отметить, что существует и целый ряд актуальных вопросов, связанных с определением итога судебного разрешения споров по поводу осуществления различных международных сделок и контрактов. Трудности имеются в вопросах установления характера конкретных норм ГК РФ, в формулировках которых прямо он не выражен. Следует рассмотреть случай из правоприменительной практики, когда спор возник между российской организацией (лизингополучатель) и канадской фирмой (поставщик оборудования, поставил его другой российской организации — лизингодателю по контракту международной купли-продажи). Предмет спора — требование истца (лизингополучателя-арендатора) обязать поставщика выплатить ему договорной штраф (включен в контракт как санкция за просрочку поставки). Ответчик не отрицал, что просрочки товара имелась, но привел аргументацию об отсутствии у истца права заявить указанное требования, что вытекает из конкретных условий контракта. Истец не согласился с позицией ответчика, и считал подлежащей применению ст. 670 ГК РФ, обладающей императивным характером. Суд не отрицал, что ст. 670 ГК РФ носит императивный характер, но, отказал истцу в удовлетворении требования [19].

Несомненно, важную роль играют именно условия договора. В одном из дел, рассмотренных МКАС при ТПП РФ, ответчик считал, что не нарушил свои обязательства по поставке товаров в срок ввиду нечеткого указания на такой срок в договоре. При этом было установлено, что неточность была в русском тексте, но, восполнить ее было возможно посредством толкования английского текста того же пункта договора [16].

В другом решении было указано следующее: «Поскольку спор возник из Договора и касается гражданско-правовых отношений, возникших при осуществлении международных экономических связей, причем одна из сторон находится за границей (на территории Канады), то такой спор может быть рассмотрен третейским судом в силу п. 3 ст. 1 Закона о МКА и п.п. 1 и 2 § 1 Правил арбитража» [18].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в регулировании встречных торговых сделок огромное значение имеет именно договорной элемент, в котором стороны реализуют диспозитивные начала. Как правило, ограничить договорное регулирование могут исключительно императивные нормы, ограничивающие производство тех или иных внешнеторговых сделок в связи с закреплением определенных форм или же введения запрета на оборотоспособность тех или иных потенциальных предметов сделки. Именно стороны предопределяют основы взаимодействия, существенные условия сделки, определяют привязку к применимому праву и пр.

Заключение

По результатам проведенного исследования, необходимо сделать ряд выводов. Прежде всего, следует отметить, что само понятие юридического лица для международного частного права имеет большую значимость. Были рассмотрены отдельные вопросы взаимодействия международных юридических лиц в аспекте встречных торговых сделок. Установлено, что на сегодняшний день, в международной торговле возрастает значение встречной торговли, основанной на взаимном интересе сторон. Субъектами встречной торговли могут выступать как государства, так и различные коммерческие структуры.

По своей сути, встречные торговые сделки являются сделками, в которых одна сторона поставяет товары, услуги, технологии второй стороне, а в ответ на это первая сторона закупает у второй стороны согласованный объем товаров, услуг, технологий. Встречные торговые сделки характеризуются взаимными обязательствами, что вытекает из сущности заключенных договоров (контрактов). Могут быть разнообразными, основанными на особенностях и обстоятельствах определенной сделки (предмет, форма, стороны, условия и др.). Как правило, те или иные различия во встречных сделках связаны с условиями договора. Значительную роль во взаимодействии юридических лиц на международном уровне имеет договорной компонент, при этом значимость имеют и отдельные императивные нормы.

В целом, заключаемые контракты на поставку товаров (услуг и др.) во встречной торговле аналогичны контрактам на проведение несвязанных между собой экспортных и импортных сделок, но обладают и особенностями, связанными, например, с объемом возникающих обязательств, определением порядка расчетов, использованием услуг страхования и пр. Можно также отметить тот факт, что встречные торговые сделки и их особенности во многом связаны с наличием тех условий, которые стороны определили в рамках заключаемых договоров, при этом активным является развитие именного договорного начала и ограничены стороны могут быть исключительно императивными нормами (например, национального законодательства одной из стран).

В целом, в доктрине международного частного права сложилась устойчивая позиция, согласно которой признается, что юридические лица подчиняются национальному закону (закон того государства, к которому они принадлежат). Зачастую складывается такая ситуация, когда определение личного закона юридического лица становится затруднительным, в связи с наличием значительного количества факторов, отраженных

в коллизионном праве различных стран. Так, в качестве примера следует отметить, что в странах англосаксонской правовой системы ведущим становится критерий инкорпорации. В праве стран континентальной Европы преобладающим является критерий места нахождения административного центра юридического лица (критерий оседлости). Существует и такой критерий, как критерий контроля (активно применялся во время Первой и Второй мировых войн). Важно отметить, что унифицированный подход в рамках международного частного права на сегодняшний день отсутствует.

В законодательстве РФ установлен принцип инкорпорации при определении национальности юридических лиц. Кроме того, во многих странах, на сегодняшний день появляются законы, которые регламентируют торговую, инвестиционную и иные виды деятельности с участием иностранного элемента. Исключением не становится и Российская Федерация. Актуальной проблемой на се-

годняшний день выступает тот факт, что отсутствует единообразный подход к проблемам, существующим в сфере определения национальности юридических лиц (при взаимодействии в рамках внешнеэкономических, инвестиционных отношений, при реализации встречных торговых сделок и др.).

Представляется, что вопрос определения национальности юридических лиц непосредственно связан с экономической безопасностью государств. Важным моментом выступает разработка унифицированного подхода к решению данной проблемы в международном частном праве. Чрезвычайно высокую значимость имеет проведение дальнейших исследований по вопросам взаимодействия юридических лиц в международном частном праве, так как данная сфера не характеризуется единообразными подходами, как с позиции правового регулирования, так и с позиции юридической доктрины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) (вместе со «Статусом Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 года)» (по состоянию на 20.04.2018)) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
4. Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об экспортном контроле» // Собрание законодательства РФ. 26.07.1999. № 30. Ст. 3774.
5. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об основах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности» // Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. № 50. Ст. 4850.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» // Экономика и жизнь. № 6. 1998.
7. Гаврилов В. В. Международная и национальные правовые системы: понятие и основные направления взаимодействия: автореферат дис. ... доктора юридических наук. Казань, 2006. 42 с.
8. Гражданское уложение Германии (ГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII — XIX, 1–715.
9. Единообразный торговый кодекс США (пер. с англ.) / под науч. ред. С. Н. Лебедева. М.: Изд-во Междунар. центра финансово-эконом. развития, 1996. 427 с.
10. Иншакова А. О. Вопросы квалификации внешнеэкономической сделки и правовая специфика некоторых ее видов // Вестник Волгоградского государственного университета. 2015. № 2 (27). С. 37–45.
11. Катасонов В. Соглашение о торговле услугами как элемент глобального управления // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2016/01/15/soglashenie-o-torgovle-uslugami-kak-element-globalnogo-upravlenija-37981.html> (дата обращения: 03.03.2020).
12. Манукян М. А. Правовое положение транснациональных корпораций в доктрине международного частного права: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Москва, 2009. 29 с.
13. Международный Валютный Фонд. URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences-and-law/economics-business-and-labor/money-banking-and-investment/international-monetary-system> (дата обращения: 03.03.2020).
14. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в условиях вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию / под ред. Г. К. Дмитриевой. М.: Норма; Инфра-М, 2013. 192 с.
15. Правовое руководство ЮНСИТРАЛ по международным встречным торговым сделкам (принято ЮНСИТРАЛ 12 мая 1992 г.). URL: <https://base.garant.ru/2560123/> (дата обращения: 03.03.2020).
16. Практика МКАС при ТПП РФ: 2004–2016 / науч. ред. и сост. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. М., 2017. С. 870–892.
17. Раджабов М. Н. Сущность категории международного юридического лица // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2015. № 2 (63). С. 119–125.

18. Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 12.02.2018 по делу № М-151/2017. URL: <https://nkrfkod.ru/pract/reshenie-kollegii-arbitrov-mkas-pri-tp-p-rf-ot-12022018-po-delu-n-m-1512017/> (дата обращения: 04.03.2020).
19. Решение МКАС по делу (N133/2007) от 6 ноября 2008 года // *Хозяйство и право*. 2009. № 3. С. 106–110.
20. Тошматов А. А. Понятие сделок по встречной торговле // *Вестник Университета*. 2007. № 4. С. 250–254.

© Стулова Мария Владимировна (stulova_mv@list.ru), Хомушку Сырга Владимировна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Высшая школа экономики

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF BANKING ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF COMBATING THE COVID-19 PANDEMIC

V. Terekhova

Summary. The article analyzes the problematic aspects of the implementation of banking legislation in the context of combating the COVID-19 pandemic, reveals the main measures taken by the state to stabilize the financial (in particular, banking) system of the Russian Federation, as well as measures to maintain financial stability of both significant sectors of the state, as well as individuals and businesses.

Keywords: credit holidays, state support measures, Bank of Russia, small and medium-sized businesses, individual entrepreneurs.

Терехова Валентина Владимировна

*К.ю.н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва
wsamoilova@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются проблемные аспекты реализации банковского законодательства в условиях борьбы с пандемией COVID-19, раскрываются основные меры, принимаемые государством в целях стабилизации финансовой (в частности банковской) системы Российской Федерации, а также меры по поддержанию финансовой стабильности как значимых отраслей деятельности государства, так и физических лиц, и субъектов предпринимательства.

Ключевые слова: кредитные каникулы, государственные меры поддержки, Банк России, малый и средний бизнес, индивидуальные предприниматели.

В связи с обострившейся ситуацией в стране, в российском законодательстве произошел ряд изменений, в том числе изменения коснулись и банковской сферы. Были реструктуризированы кредиты заемщикам, введены кредитные каникулы и многое другое. Кроме того, был введен пониженный коэффициент риска в размере 70% вместо 100% для рублевых кредитов компаниям, производящим лекарства и медицинскую технику.

Кредитные каникулы были введены как мера помощи для населения в связи со сложной ситуацией. Тысячи представителей малого и среднего бизнеса, а также индивидуальные предприниматели приостановили на время ограничительных мероприятий свою деятельность, вследствие этого и они, и многие россияне лишились доходов, а значит, возможности погашать платежи по кредитам. Решения Президента Российской Федерации и Правительства дадут физическим лицам и предпринимателям возможность на время приостановить выплаты кредитным организациям [1].

Кредитные каникулы представляют собой банковский продукт, который подразумевает предоставление отсрочки по ежемесячным платежам. Они устанавливаются на определенный срок по заявлению от заемщика. Необходимость в таких каникулах нужно доказать.

Ни один банк не даст даже самому добросовестному клиенту каникулы просто так. В качестве доказательства можно использовать любой документ, подтверждающий резкое снижение дохода более чем на 30%.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в ходе обращения к гражданам Российской Федерации, которое было 25 марта, предложил ввести каникулы по ипотечным и потребительским кредитам. Если доход гражданина снизился на 30% и более, то он должен иметь право приостановить, на время введенного режима самоизоляции, выплаты банкам, пролонгировав долговые обязательства. Путин В.В. сообщил, что такой механизм будет действовать и для индивидуальных предпринимателей, а также представителей малого и среднего бизнеса. При этом, президент уточнил, что не должны применяться к заемщикам какие-либо необоснованные штрафные санкции, закрепленные банковским законодательством по вопросам неисполнения должником своих обязательств перед кредитором.

Максимальная сумма кредита, для которого действует отсрочка, такова:

- ♦ 250 000 руб. потребительский кредит для физических лиц и 300 000 руб. для индивидуальных предпринимателей;

- ◆ максимальная сумма ипотечного кредита составляет 2 000 000 руб. для всех регионов (исключение: Москва — 4 500 000 руб., Московская область, г. Санкт-Петербург и субъекты РФ Дальневосточного федерального округа — 3 000 000 руб.);
- ◆ 600 000 руб. — оформленный заемщиком автокредит;
- ◆ по кредитной карте лимит не может превышать 100 000 руб.

Размеры кредитов утвердило правительство России. Для того, чтобы банк предоставил кредитные каникулы необходимо соблюсти ряд условий:

- ◆ размер займа (ипотека или потребительский кредит) не превышает нормативы, которые установило правительство;
- ◆ у заемщика из-за пандемии коронавируса существенно снизились доходы по сравнению со среднемесячными показателями за 2019 год (30% и более);
- ◆ кредитный договор оформлен до апреля текущего года, то есть до вступления закона в силу;
- ◆ гражданин или ИП, обращающиеся за временным послаблением по кредиту, в это время не пользуются другим льготным периодом (например, ипотечными каникулами).

Постановлением Правительства от 03.04.2020г № 435 установлен лимит по сумме на кредитные каникулы только для индивидуальных предпринимателей, юридические же лица не ограничены по сумме. Но, индивидуальный предприниматель, при этом, может требовать и отсрочку исполнения своих обязательств и уменьшения ежемесячных платежей по кредитам.

Этим же Постановлением закреплен перечень направлений деятельности юридических лиц, при условии осуществления которых, им будут предоставлены кредитные каникулы.

Кроме того, установленные лимиты по сумме для кредитных каникул могут быть изменены, в сторону увеличения, на региональном уровне.

Перечень документов для предоставления кредитных каникул законодатель упростил до 1 документа, а именно — письма о предоставлении кредитных каникул. При этом, положения статьи 6 Федерального закона от 03.04.2020 г. № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» [2], предусматривают предоставление справки для бан-

ка о кредитных каникулах (2-НДФЛ за 2019 и 2020гг), выписка из реестра (в сфере занятости населения) и больничный лист. Этот перечень необходимо предоставить для обоснования требования по кредитным каникулам.

Правительство Российской Федерации утвердило правила предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году субъектам малого и среднего предпринимательства на неотложные нужды для поддержания и сохранения занятости. Под неотложными нуждами для поддержания и сохранения занятости понимаются документально подтвержденные расходы, связанные с выплатой заработной платы и обязательными начислениями на нее. Данные правила регламентируют порядок предоставления, условия и требования, которым должна соответствовать кредитная организация для получения субсидий, так, например, одним из требований является наличие кредитного рейтинга не ниже уровня «A-(RU)» по национальной рейтинговой шкале для Российской Федерации и (или) кредитного рейтинга не ниже уровня «ruA-» по национальной рейтинговой шкале для Российской Федерации либо поручительства акционерного общества «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» [3].

Также Центральным Банком Российской Федерации (далее — Банком России) были разработаны рекомендации для финансовых организаций, которые призваны обеспечить информационную безопасность и минимизировать риски приостановки банковских операций в условиях распространения коронавируса.

К таким операциям относится, прежде всего, проведение денежных переводов, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц, снятие наличных в банкоматах. Предлагаемые Банком России меры касаются, в том числе, организации работы сотрудников банков вне зависимости от того, работают они удаленно или присутствуют в физически на рабочем месте.

Банковские операции, не связанные с открытием и ведением счетов и не влияющие на бесперебойность транзакций, рекомендуется производить в режиме удаленного мобильного доступа.

Банк России также обратил особое внимание на необходимость оперативного информационного взаимодействия финансовых организаций с мегарегулятором. Для этого используется автоматизированная система обработки инцидентов Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере. Ключевую ставку было решено оставить на преж-

нем уровне — 6% годовых, что позволит сдержать ослабление рубля и сохранить низкую инфляцию.

Для большинства компаний и индивидуальных предпринимателей важны меры по налоговым каникулам и отсрочке. Государство не предлагает освобождение всех компаний от налоговых платежей, однако предприниматели смогут получить отсрочку по выплатам на один квартал. Освобождение от некоторых видов налогов предусмотрено только для компаний в сфере туризма и авиаперевозок, которые больше всего пострадали от запретов и ограничений из-за коронавируса.

Правительство Российской Федерации утвердило Правила предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий российским организациям воздушного транспорта на возмещение затрат, понесенных при выполнении мероприятий по вывозу граждан из иностранных государств, в которых сложилась неблагоприятная ситуация, связанная с распространением новой коронавирусной инфекции [4]. За счет государства будут частично возмещены убытки авиакомпаниям и туроператорам, если им пришлось принимать невозвратные билеты. Механизм выплаты компенсации пока не определен. На финансовую поддержку от государства могут рассчитывать и спортивные организации, которые столкнулись с оттоком посетителей.

Мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами, может ввести Правительство Российской Федерации. Это возможно в случае чрезвычайной ситуации, существенном изменении курса рубля и подобных обстоятельствах [5].

Правительство Российской Федерации определяет срок действия моратория и период его продления [6]. Во время действия моратория происходит приостановление исполнительного производства, в том числе по вопросам имущественного характера. Приостановлена подача заявлений о банкротстве.

Кроме того, налогоплательщики туристической, авиационной, а также иных пострадавших отраслей смогут заключить мировые соглашения в делах о банкротстве либо получить отсрочку по налогам и страховым взносам.

Правительство Российской Федерации с 6 апреля ввело на полгода мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов. Мораторий вводится в отношении некоторых категорий должников [5]:

- ♦ организаций и ИП, у которых код основного вида деятельности включен в список отраслей, наиболее пострадавших из-за распространения но-

вой коронавирусной инфекции и по состоянию на 1 марта 2020 года указан в ЕГРЮЛ или в ЕГРИП;

- ♦ организаций, включенных в перечень системообразующих организаций, утвержденный протоколом заседания Правительственной комиссии по повышению устойчивости развития российской экономики от 20 марта 2020 года № 3;
- ♦ организаций, включенных в перечень стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 4 августа 2004 года № 1009 [7];
- ♦ организаций, включенных в перечень стратегических организаций, а также федеральных органов исполнительной власти, обеспечивающих реализацию единой государственной политики в отраслях экономики, в которых осуществляют деятельность эти организации, утвержденный Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2009 года № 1226-р [8].

ФНС России разработала специальный сервис. С его помощью можно узнать, относится ли организация или ИП к числу лиц, в отношении которых введен мораторий.

Отсрочка по оплате аренды на срок до 3-х месяцев коснется только арендаторов на государственных и муниципальных объектах. В Москве и Санкт-Петербурге таких арендаторов достаточно много, тогда как в регионах их значительно меньше. Для частных объектов государство льгот не предусматривает.

Рассматривается вероятность субсидирования банковских процентов по кредитам для застройщиков, если они взяли кредиты под строительство, однако из-за пандемии коронавируса столкнулись со снижением темпов продаж квартир. Ситуацию на рынке долевого строительства будет мониторить Банк России, поэтому вопрос о льготах пока открыт.

Правительством РФ разработан специальный антикризисный план и некоторые его положения уже вступили в силу и действуют на территории РФ.

Так с 1 апреля 2020 год снижен размер страховых взносов для бизнеса с 30 до 15%. По прогнозам аналитиков, такая мера может привести к существенным потерям всех трех фондов (порядка 350 млрд. руб.).

3 апреля 2020 года Правительством РФ утвержден список отраслей, наиболее пострадавших от пандемии коронавируса. Организации и индивидуальные предприниматели, занятые в этих сферах по основному виду экономической деятельности, получают первоочередную адресную поддержку. В этот список попали:

- ◆ Авиаперевозки, аэропортовая деятельность, автотransпорты
- ◆ Культура, организация досуга и развлечений
- ◆ Физкультурно-оздоровительная деятельность и спорт
- ◆ Турагентства и сфера туризма
- ◆ Гостиничный бизнес
- ◆ Общественное питание
- ◆ Организации дополнительного образования
- ◆ Организация конференций и выставок
- ◆ Бытовые услуги (ремонт, стирка, химчистка, услуги парикмахерских и салонов красоты, ремонт компьютеров)

По 30 апреля 2020 года Банк России продолжит ежедневно (за исключением календарных выходных дней) осуществлять операции по предоставлению и абсорбированию ликвидности, а также сделки на внутреннем валютном рынке [9].

Кроме того, Банк России в объявленные Президентом Российской Федерации нерабочие дни, за исключением нерабочих выходных и праздничных дней, устанавливает официальные курсы иностранных валют по отношению к рублю без обязательства Банка России покупать или продавать указанные валюты по установленному официальному курсу.

Почти все сферы экономики терпят убытки из-за ограничений и запретов во время коронавируса. Чтобы не допустить банкротство предприятий, оказавших-

ся в тяжелой финансовой ситуации, Президент России объявил мораторий на 6 месяцев для этой процедуры. Кредиторы не смогут обращаться в арбитраж и банкротить предприятия, даже если по всем признакам они являются несостоятельными. Мораторий на банкротство предприятий положительно скажется и на рядовых гражданах. В период банкротства неизбежно проходят массовые сокращения и увольнения, а действующему персоналу могут задерживать зарплату. Новая мера поддержки, предложенная Президентом России, смягчит последствия экономического кризиса, даст возможность предприятию приступить к нормальной деятельности или закрыть на относительно благоприятных условиях.

Анализируя проводимые государством меры, можно сделать вывод, что государство старается поддерживать как население, оказавшееся в сложной ситуации, так и субъекты предпринимательства, попавшие в не менее худшее положение.

Дальнейшее развитие этих мер будет зависеть от ситуации. Если предположить, что все будет складываться благоприятно, то необходимость в поддерживающих мерах будет ощущаться, но скорее не как в новых, а в грамотном и наиболее полном осуществлении уже принятых мер. Да и вряд ли при таком исходе будут приниматься новые поддерживающие меры. Но если ситуация будет разворачиваться в противоположную сторону, то принятие новых мер, будет просто необходимо, чтобы попытаться стабилизировать финансовую ситуацию в государстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Президента Российской Федерации. Перечень поручений по итогам обращения Президента в связи с распространением коронавирусной инфекции на территории страны (утв. Президентом Российской Федерации 29 марта 2020 года) // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/63080> (дата обращения: 03.04.2020 г.)
2. Федеральный закон от 03.04.2020 г. № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа // Российская газета. — 2020. — № 73.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 года № 422 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году субъектам малого и среднего предпринимательства на неотложные нужды для поддержки и сохранения занятости» // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.garant.ru/files/2/3/1343632/1343632.rtf> (дата обращения: 10.04.2020 г.)
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2020 года № 466 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий российским организациям воздушного транспорта на возмещение затрат, понесенных при выполнении мероприятий по вывозу граждан из иностранных государств, в которых сложилась неблагоприятная ситуация, связанная с распространением новой коронавирусной инфекции» // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=349996&fld=134&dst=100000001,0&md=0.4709510338243227#0463266532862623> (дата обращения: 07.04.2020 г.)
5. Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Российская газета. — 2020. — № 72.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 года № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников» // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://government.ru/docs/39372/> (дата обращения: 07.04.2020 г.)

7. Указ Президента Российской Федерации от 4 августа 2004 года № 1009 «Об утверждении перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ» // СЗ РФ. — 2004. — № 32. — ст. 3313.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 августа 2009 года № 1226-р «Об утверждении перечня стратегических организаций, а также федеральных органов исполнительной власти, обеспечивающих реализацию единой государственной политики в отраслях экономики, в которых осуществляют деятельность эти организации» // СЗ РФ. — 2009. — № 35. — ст. 4288.
9. Указание Банка России от 3 апреля 2020 года № 5428-У // Вестник Банка России. — 2020. — № 27.

© Терехова Валентина Владимировна (wsamoilova@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский Государственный Гуманитарный Университет

К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА

TO THE QUESTION ON MORAL GROUNDS THE PRINCIPLES OF LAW

G. Tyschenko

Summary. As you know, the principles of law reveals moral foundations in the spiritual and moral life of Russian society. As all law is a product of moral development, the principles of law are the most moral foundations on which the entire legal life of society is based. It is the principles of law, which possess not only a high legal regulatory, but, first of all, moral potential, which do not allow the immoral, antisocial attitudes to prevail in both law-making and law enforcement activities. And this is very important for the establishment of a fair and merciful justice system.

Keywords: principles of law, moral grounds of law, law enforcement, principle of mercy.

Тыщенко Глеб Валерьевич

Аспирант, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул
gleb.tyshchenko.2017@mail.ru

Аннотация. Как известно принципы права обнаруживают нравственные основания в духовно-нравственной жизни российского общества. Как и всё право является продуктом нравственного развития, так и принципы права являются в наибольшей степени нравственными основами, на которых базируется вся правовая жизнь общества. Именно принципы права, обладающие не только высоким праворегулятивным, но, в первую очередь, нравственным потенциалом не дают возобладать безнравственным, антиобщественным установкам в как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности. А это очень важно для становления системы справедливого и милосердного правосудия.

Ключевые слова: принципы права, нравственные основания права, правоприменительная деятельность, принцип милосердия.

В науке теории государства и права не полностью освещён подход к изучению нравственно-правовой природы принципов российского права, хотя именно нравственная сущность данного правового явления имеет, на наш взгляд, основополагающее значение для правового регулирования общественных отношений в области частных и публичных отраслей российского права.

Принципы российского права пропитаны нравственным содержанием. В них сконцентрированы нравственные постулаты, нередко способные ещё в большей степени чем законы и содержащиеся в них нормы права, побудить человека на совершение тех или иных действий или к воздерживанию от определенной модели поведения. Следует согласиться с исследователем вопроса о соотношении морали и нравственности И. О. Исмаиловым, что высокоморальная личность не будет слепо подчиняться закону, а проведёт их содержание через собственную моральную оценку. Такой человек может внешне подчиниться их требованиям, но будет стремиться к борьбе за их изменение, совершенствование или отмену. Ведь законы в правовом государстве всегда требуют оценки под углом зрения о понятии нравственности и справедливости. Существует мнение, что стремление организовать общественную жизнь только с точки зрения лишь правовых норм, жёсткая правовая регла-

ментация жизнедеятельности человека и общества является способом создания тоталитарного государства [4]. Принципы права, как представляется, не сводимы всецело к нормам права и способны дать правотворцу и правоприменителю ориентир для создания и применения нравственно-ориентированного законодательства, отвечающего внутренним представлениям большинства членов российского общества. Конечно, нормы права играют важную роль в регулировании общественных отношений, но вместе с тем их содержание должно согласовываться с принципами российского права, которые имеют значение основополагающих нравственных ориентиров.

Известно, что принципы права не всегда фиксируются в письменном виде. Принципы права могут выводиться из смысла и содержания правовых норм, а также по мнению исследователей принципы права могут вообще существовать лишь в общественном правосознании. В этом смысле принципы права имеют определённое сходство с нравственными нормами. Принципы права не всегда фиксируются в письменном виде и этим они совпадают с нравственными постулатами, не выраженными и в праве. «Нравственность обычно не имеет определённой письменной и систематизированной формы выражения, она не подконтрольна воле законодателя, а возникает и существует в сознании людей в виде со-

циально-полезного опыта и наследия» — указывает Ю. В. Костин [5].

Многие принципы права содержат в себе нравственную составляющую. Рассмотрим их более подробно. В качестве примеров правовых принципов рассмотрим принцип справедливости, принцип законности и принцип милосердия.

Начнём с принципа справедливости, ведь данный принцип права наиболее полно отражает в себе нравственную составляющую современного российского права.

Следует отметить, что понятие справедливости является по своей сути понятием многоаспектным. Так, по мнению П. П. Баранова и А. П. Окусова право призвано быть выразителем справедливости, а их взаимосвязь отражается уже в самой терминологии: право — правое дело, правда, а «юстиция» в переводе с латинского означает справедливость» [2]. «Представляется, что справедливость имеет комплексный характер и триединую сущность: социальную, духовно-нравственную и юридическую» — справедливо указывает Романец Ю. В. [8]. А Е. А. Лукашёва утверждает, что «эта категория (справедливость) подчас объясняется этиками как специфически моральная, а юристами как специфически правовая». Причём как указывают многие авторы в характеристике категории справедливости именно нравственный элемент является первичным, основным, а уже от него отталкиваются социальные и юридические элементы. И это происходит не случайно, а имеет свои глубинные истоки, на что в первую очередь должен обращать внимание любой грамотный правоприменитель. Именно исследование нравственной природы принципа справедливости должно первоначально лежать в основе научной и правоприменительной деятельности, а затем на основании нравственной составляющей следует обращать внимание на юридический аспект. Необходимо помнить, что получая своё закрепление в действующем законодательстве, принцип справедливости имеет истинно нравственно правовой характер. И этому есть обоснованные подтверждения [6].

Так, несмотря на то, что с чисто с юридической точки зрения, с которой принцип справедливости и саму справедливость рассматривают многие ныне действующие правоприменители, основное её свойство, качество, заключается в том, что только она в полной мере способна выступать в качестве необходимой меры соотношения требования одной стороны и воздаяния, наносимого другой стороне. Данной мерой на сегодняшний день проводятся в соответствие интересы индивидов, групп и общества (государства) в целом, а также приводится в соответствие степень защищённости их интересов. Сле-

дует согласиться с Олениным О. О. считавшим: «в каждой отрасли права эта мера является целью и предметом поиска, воплощённым в нормах конкретной отрасли права (трудового, гражданского, уголовного и др.)» [8]. Однако в данном случае мы учтём лишь сухой позитивистский аспект принципа справедливости, но не раскроем его настоящую, глубинную сущность. Принцип справедливости не сводим исключительно к юридическому воздаянию за содеянное, равномерное распределение социальных благ. «Крайне вредно «отрывать» справедливость от морально-нравственных оснований и приравнять её к простой эквивалентности в процессе распределения материальных и социальных благ или же к комбинации моделей формального равенства и неравенства, присущих правовой действительности» — обоснованно отмечает в своей статье Чечельницкий И. В. Опираясь на предшествующий политико-правовой опыт российского государства он также указывает следующее: «справедливость — нравственное понятие, уходящее своими корнями в догосударственный и доправовой период развития нашего общества». «Уже поэтому она не может быть опосредована рамками исключительно правовой материи». И действительно, справедливость, имеющая в своём составе корень «правда» не может быть связана исключительно с юридической позитивистской соизмеримостью. Она лежит гораздо глубже — в нравственных представлениях русского общества о справедливости, сохранившихся и по сей день. А это правоприменитель обязан безусловно учесть.

Правоприменитель обязан помнить, что принцип права — это не математически выверенная мера возмездия за злодеяние или соответствующим образом подсчитанная мера поощрения за благодеяние, но в первую очередь категория нравственности. Право, правда, справедливость, по сути, есть однокоренные слова и пропитаны духовно-нравственным оттенком. Сухой, позитивистский подход к рассмотрению справедливости приведёт к невозможности правильного его применения. На взаимосвязь справедливости и права обратил наше внимание Чечельницкий И. Н. По мнению автора работы: «справедливость и право находятся в диалектической взаимосвязи: закреплённая в праве справедливость получает свойство нормативности, а право тем самым становится справедливым и нравственно обоснованным». «Правовое регулирование общественных отношений посредством справедливого законодательства позволяет добиться социальной справедливости, а закрепление нравственного принципа справедливости в праве модифицирует его в нравственно-правовой императив» — подытоживает автор [9].

Вместе с тем правоприменителю надлежит помнить о том, что само закрепление данного принципа в Конституции, отраслевом кодексе, законе ещё не делает

закон справедливым. Реализация принципа справедливости — это его реализация в первую очередь в нравственном ключе и большая работа по приведению в соответствие данного принципа с нормами российского права. Как указывает автор: «необходимо понимать, что с одной стороны, если слово «справедливость» не фигурирует в конструкции правовой нормы, это не значит, что она несправедлива, а с другой стороны, если слово «справедливость» присутствует в законе, то он не становится справедливым априори, поскольку требуется также поступательная реализация принципа справедливости в каждой его статье» [9].

Раскрывая правовой принцип законности суду надлежит иметь ввиду следующее. «Большинство юристов в настоящее время признают сложный характер законности». «Разносторонний и многоплановый подход к определению законности находит поддержку у многих исследователей» [3].

На мой взгляд, говорить о том, что законность и принцип законности трактуются лишь в духе беспрекословного позитивистского подчинения граждан любым законам государства не представляется возможным. Адекватным образом трактовка принципа законности отражена в определении Витрука Н.В., который под законностью понимал: «идею, требование и систему (режим) реального выражения права в законах государства в самом нормотворчестве». Данное определение особо выделяет в своей работе Долгопят А.О. [3]. В связи с этим следует определить, что законы должны соответствовать самому праву, его духу и нравственному содержанию, в которых учитываются и наиболее целостно взаимодействуют интересы личности, общества и государства. Закон должен отражать, дух, глубинную природу права, способствующего удовлетворению насущных потребностей человека и способствующего прогрессивному развитию общества. В этом смысле и вся система законов должна соответствовать по духу глубинному, естественному праву и, на мой взгляд, ни один из законов и подзаконных актов: указов, постановлений и других, не должен ему противоречить.

Принцип милосердия — важнейший естественно-правовой принцип также не в полной мере оценённый правоприменителем. В современном праве принцип милосердия чаще упоминается под названием принцип гуманизма, но это не отражает его сути применительно к российскому праву и не характеризует специфику милосердия. Само по себе милосердие по мнению Е.М. Березиной, рассматривающей этот феномен с морально-этической, биологической, культурной, исторической и антропологической сторон «представляет собой нравственную и гуманистическую традицию, возникшую в процессе формирования че-

ловеческого общества и становления основных социальных институтов» [2]. Далее автор акцентирует наше внимание на самой сущности, глубинной природе принципа милосердия, которая заключается в следующем. Как считает исследователь: «попытки определения истоков милосердного отношения к другим приводят нас к проблеме рождения «человечности» как таковой, которую вслед за российским исследователем В.Д. Шадриковым, мы понимаем как комплекс качеств человека, определяющих его отношение к другим людям, и в действиях и поступках, характеризующихся с позиций добра и зла» [10].

Таким образом принцип милосердия в своей основе также несёт серьёзный нравственный заряд, призванный обеспечивать последующую деятельность всей системы российского права. Но милосердия, не только важнейший нравственный принцип не позволяющий праву скатиться в бездну зла, но и важный духовно-религиозный принцип, что также необходимо помнить исходя из истории нашего народа и сегодняшней приверженности многих наших граждан к православному религиозному культу. «Христианское учение возводит милосердие в ранг предельного нормативного основания». Здесь милосердие — универсальное требование, основанное на понимании общности людей в любви, и эта любовь ко всем и даже шире (в том числе и к среде обитания) наделена ощущением ценности бытия.

Принцип милосердия является основополагающим принципом права, базирующимся на нравственной и религиозной традиции. Для правоприменителя это особенно важно знать, поскольку в сфере правоприменительной деятельности данный принцип обозначает необходимость уважительного, сострадательного отношения к лицу, попавшему в орбиту правоотношения. При этом данное отношение должно распространиться на всех без исключения участников правоотношения, а не только на лицо, которое на первый взгляд является пострадавшей стороной в сфере публично-правовых и частно-правовых отношений. Цель принципа милосердия, на наш взгляд, заключается во всесторонней оценке правового положения субъекта права, необходимости обеспечения его безопасности, более глубинного изучения его экономического, политического, социального и правового статуса для выявления смягчающих обстоятельств и учёта его интересов.

Таким образом, законодателю и правоприменителю в своей деятельности следует учитывать, что принципы права не сводятся всецело к правовым нормам, а основаны на нравственных постулатах, не всегда закреплённых в текстах нормативно-правовых актов, но оказывающих существенное влияние на развитие права.

ЛИТЕРАТУРА

1. П.П. Баранов, А.П. Окусов Аксиология юридической деятельности. Учебное пособие / Баранов П. П., Окусов А. П. — Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2003. — 364 с.
2. Березина Е.М. К вопросу о генезисе нравственного принципа милосердия//Е.М.Березина/Вестник московского государственного университета культуры и искусств. -№ 5—2011. —с. 44
3. Долгопят А. О. Понятие и содержание принципа законности//А.О. Долгопят/Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. -№ 4. — 2008. — с. 243.
4. Н.О. Исмаилов. Взаимосвязь права и нравственности в контексте справедливости/ Исмаилов Н. О.// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2014 г. — с. 15–22
5. Ю.В. Костин. Проблема соотношения права и нравственности в современной юридической науке/Костин Ю.В./Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2008 г. — с. 218
6. Е.А. Лукашова. Право, мораль, личность / Лукашова Е. А.; Отв. ред.: Чхиквадзе В. М. — М.: Наука, 1986. — с. 23
7. Оленин Н. Н. Принцип справедливости и право РФ.//Н.Н. Оленин/Вестник Томского государственного университета. -№ 332. — 2010. — с. 111–112.
8. Романец Ю. В. Этические основы права и правоприменения. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. —с. 11.
9. Чечельницкий И. В. Принцип справедливости в российском праве//И.В. Чечельницкий/Социально-экономические явления и процессы. — № 7. —Т. 9.— 2014. — с. 101.
10. Шадриков В. Д. Происхождение человечности: (учебное пособие для студентов высших учебных заведений)//В.Д.Шадриков/ -М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. — с 59.

© Тыщенко Глеб Валерьевич (gleb.tyshchenko.2017@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Барнаул

УЧАСТНИКИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ УСЛОВИЙ ТРУДА. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

ARTS OF THE SPECIAL ASSESSMENT OF WORKING CONDITIONS. RIGHTS AND OBLIGATIONS

**N. Khristoforov
I. Majorov**

Summary. There are provided evaluation of the rights and obligations of the parties involved in a special assessment of working conditions. Outline relationships such as “employer-organization”, “employer-employee” and “employee-organization” are established under within frame of Articles 4, 5, 6 of Federal Law № 426-FL.

Keywords: special assessment of working conditions, certification of jobs, working conditions, rights and obligations of the parties, employer, employee, assessing organization

Христофоров Николай Романович

Аспирант, Всероссийский государственный университет юстиции
khristoforov-n@mail.ru

Майоров Иван Иванович

Аспирант, Всероссийский государственный университет юстиции
majorov91@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен анализ прав и обязанностей сторон, участвующих в специальной оценке условий труда. Установлены такие соотношения, как «работодатель-организация», «работодатель-работник» и «работник-организация», в рамках статей 4, 5, 6 Федерального закона № 426-ФЗ.

Ключевые слова: специальная оценка условий труда, аттестация рабочих мест, условия труда, права и обязанности сторон, работодатель, работник, оценивающая организация.

С целью экономического стимулирования работодателей в создании благоприятных условий труда принят Федеральный закон «О специальной оценке условий труда» [1]. Федеральный закон устанавливает правовые и организационные основы проведения специальной оценки условий труда, определяет права и обязанности участников специальной оценки условий труда. До принятия Федерального закона № 426-ФЗ аттестация рабочих мест проводилась на основании приказа Минсоцразвития от 26.04.2011 № 324н [2]. В данном документе права и обязанности сторон отдельно взятыми пунктами не конкретизировались (табл. 1). Как видно из табл. 1 права и обязанности участников аттестации рабочих мест не структурированы. Четко не прописаны права и обязанности сторон. Между тем от конкретизации и четкого формулирования прав и обязанностей зависит в конечном итоге предоставление льгот и компенсаций работникам, занятым во вредных и (или) опасных условиях труда [3].

При проведении аттестации рабочих мест работодатель был обязан предоставить аттестующей организации своевременно и в полном объеме информацию и документацию, необходимую аттестующей организации для проведения всех процедур, связанных с аттестацией рабочих мест. Контролировать своевременность и правильность проведения аттестации рабочих мест, а также корректность оформления документов аттестующей организацией.

Работодатель имел право для проведения процедур по аттестации рабочих мест в зависимости от объема и вида выполняемых работ привлекать несколько организаций. Требовать от аттестующей организации документы, подтверждающие их компетентность. Наличие документального подтверждения аккредитации на право оказания услуг в области охраны труда и наличия организации в реестре организаций, оказывающих услуги в области охраны труда.

Функции аттестующей организации заключались в определении объема и характера информации, предоставляемые работодателем, а также объема работ и в связи с объемом работ, определение количества специалистов, привлекаемых для выполнения измерений и оценок. Аттестующая организация была обязана по требованию работодателя предоставить ему обоснование полученных результатов по аттестации рабочих мест.

Отдельно были обозначены функции аттестационной комиссии, в состав которой входили представители работодателя, представители выборного органа первичной профсоюзной организации или иного представительного органа работников, представители аттестующей организации (пункт 10 Порядка). По итогам проведенных процедур, аттестационная комиссия разрабатывала мероприятия по улучшению условий труда.

Таблица 1. Права и обязанности сторон при проведении аттестации рабочих мест [2]

№ пункта	Содержание
5	о праве принятия аттестационной комиссией мотивированного решения о непроведении работ в случае возникновения угрозы жизни и здоровью специалистов аттестующей организации
6	о возложении обязанностей по проведению АРМ на работодателя о праве привлечения работодателем для проведения АРМ нескольких организаций
7	право работодателя предъявлять требования к аттестующей организации обязанности работодателя при проведении АРМ функции аттестующей организации об обязанности аттестующей организации по требованию работодателя предоставить и обосновать выводы по результатам АРМ
12	функции аттестационной комиссии
48	обязанности работодателя по проведению внеплановой АРМ
52	об ответственности сторон по предоставлению информации: на работодателя — предоставление информации об АРМ в государственную инспекцию труда в субъекте РФ; на работодателя и аттестующую организацию за достоверность проведения измерений и оценок.

Рис. 1. Взаимоотношение «работодатель-организация»

Объектом всех мероприятий, предусмотренных Порядком проведения аттестации по условиям труда, были рабочие места и при этом субъекты, занятые на этих рабочих местах были чем-то абстрактным, не имеющим конкретных прав и обязанностей. На рабочем месте проводился определенный перечень мероприятий, а работник, занятый на данном рабочем месте и в интересах которого проводились все мероприятия, являлся как-бы просто наблюдателем. И этого молчаливого наблюда-

теля работодатель знакомил с результатами аттестации под роспись (пункт 44). Кроме ознакомления с результатами, работник мог обратиться с заявлением к работодателю о проведении внеплановой аттестации рабочих мест (пункт 47). На этом все его полномочия, оговоренные в Порядке, заканчивались.

Из вышесказанного следует вывод, что в Порядке проведения аттестации по условиям труда права и обя-

занности сторон четко не прописаны, а работник в качестве стороны, принимающей участие в процессе аттестации рабочих мест, как таковой не рассматривался [4].

Впервые в Федеральном законе № 426-ФЗ установлены права и обязанности сторон, участвующих в специальной оценке условий труда. Законодательно установленными сторонами, участвующими в проведении комплекса мероприятий по специальной оценке условий труда, являются работодатель, работник и организация, проводящая специальную оценку условий труда. Одним из равноправных сторон специальной оценки условий труда законодательно признан работник.

Права и обязанности сторон раскрыты статьями 4, 5 и 6 Федерального закона № 426-ФЗ. Положения, изложенные в данных статьях, носят как обособленный характер, затрагивающий права и обязанности одной стороны специальной оценки, так и необособленный характер, затрагивающий две и более стороны. Исходя из положений статей 4–6 Федерального закона № 426-ФЗ, рассмотрим правоотношения сторон по следующим схемам: «работодатель–организация», «работодатель–работник», «работник–организация», т.е. положения имеющие необособленный характер. Например, право работодателя требовать от организации обоснования ее результатов (пункт 1.1 статьи 4) перекликается с обязанностью организации (пункт 2.1 статьи 6). Или обязанность работодателя в письменной форме ознакомить работников с результатами специальной оценки (пункт 2.4 статьи 4) совпадает с обязанностью работника ознакомиться с ее результатами (пункт 2 статья 5).

Рассмотрим взаимоотношения «работодатель–организация» (рис. 1). Право работодателя требовать от организации обоснованных результатов, которые получены в ходе проведения специальной оценки условий труда, перекликается с обязанностью организации по обоснованию полученных результатов. При не выполнении работодателем обязанности по созданию соответствующих условий и в случае не предоставления всей необходимой информации, организация обязана работать по оценке условий труда не проводить или приостановить.

Подпункт 5 пункта 1 статьи 4 о праве работодателя предъявлять требования к организации, проводящей специальную оценку, по внесению информации об ее результатах в информационную систему, введенные Федеральным законом от 27.12.2019 № 451-ФЗ [5]. В отношении данного вопроса внесены соответствующие изменения в статьи 8, 18 и 19 Федерального закона № 426. Вышеупомянутые изменения не нашли отражения в обязанностях организации, проводящей специальную оценку. В статью 18 Федерального закона № 426-ФЗ вы-

шеупомянутым законом внесены изменения в части размещения информации о специальной оценке условий труда в информационную систему учета и обязанности по размещению данной информации вменены в обязанность организации, проводящей специальную оценку. Сроки проведения специальной оценки условий труда исчисляются с момента опубликования оценивающей стороной информации в систему учета (пункт 4 статьи 8). На наш взгляд, соответствующее изменение должно быть внесено в статью 6 в части обязанностей оценивающей организации. Данное положение нарушает структурированность рассматриваемого нормативного акта в отношении изложения прав и обязанностей сторон специальной оценки условий труда.

Следует отметить достаточно логично выстроенную схему в отношении «работодатель–работник». Работодатель и работник имеют право в установленном порядке обжаловать результаты специальной оценки условий труда. В отношении ознакомления с результатами проведенной специальной оценки условий труда обязанность работодателя полностью совпадает с обязанностью работника. Федеральный закон № 426-ФЗ закрепляет за работником право, как равноправной стороны процесса, вносить свои предложения по вопросам, связанным с идентификацией потенциально вредных и (или) опасных факторов производственной среды на его рабочем месте. Работник имеет право, при несогласии с результатами специальной оценки условий труда на его рабочем месте, в письменном виде изложить свои замечания и возражения. А работодатель в свою очередь, обязан рассмотреть эти замечания и возражения. Данное письменное обращение может служить основанием для проведения внеплановой специальной оценки условий труда.

Взаимоотношения «работник–организация», следует отметить, раскрыты в недостаточной мере. Необходимо статью 6 в части обязанностей организации дополнить пунктами, которые связаны со следующими правами работника:

- ♦ вносить предложения в процесс идентификации потенциально вредных и (или) опасных факторов на его рабочем месте, получать разъяснения по вопросам проведения специальной оценки условий труда (п. 1.2 ст. 5);
- ♦ представлять в письменном виде замечания и возражения относительно результатов специальной оценки на его рабочем месте (п. 1.4 ст. 5).

К обособленным правам и обязанностям сторон специальной оценки условий труда следует отнести:

- ♦ обязанности работодателя проводить мероприятия по улучшению условий труда по результатам специальной оценки условий труда;

- ◆ обязанности организации при проведении работ применять аттестованные методики (методы);
- ◆ обязанности организации хранить коммерческую тайну, связанную с организацией, в которой проводилась специальная оценка условий труда;
- ◆ право работника присутствовать при проведении специальной оценки условий труда на его рабочем месте;
- ◆ право организации отказаться от выполнения работ случае возникновения угрозы жизни и здоровью, которая возникла в ходе проведения специальной оценки условий труда;
- ◆ право организации обжаловать предписания контролирующих и надзирающих органов.

Относительно обособленных прав и обязанностей сторон необходимо заострить внимание на подпунктах 1.2 и 2.1 статьи 4 в отношении прав и обязанностей работодателя. Подпунктом 2 пункта 1 статьи 4 проведение внеплановой специальной оценки условий труда пози-

ционируется как право работодателя, а подпунктом 1 пункта 2 той же статьи проведение внеплановой является обязанностью работодателя. Проведение внеплановой специальной оценки условий труда является не правом, а обязанностью работодателя.

Необходимо предусмотреть право работника оспорить в досудебном и судебном порядке результаты проведенной специальной оценки условий труда.

В связи с принятием Федерального закона от 27.12.2019 N451-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О специальной оценке условий труда» пункт 2 статьи 6 в части обязанностей организации дополнить следующим: «предоставлять по требованию работодателя информацию о размещении в Федеральную государственную информационную систему учета результатов проведения специальной оценки условий труда (далее — информационная система учета)».

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 28.12.2013 N426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2013, «Российская газета», N295, 30.12.2013, «Собрание законодательства РФ», 30.12.2013, N52 (часть I), ст. 6991.
2. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 26.04.2011 № 342н «Об утверждении порядка проведения специальной оценки условий труда» (зарегистрировано в Минюсте России 9.06.2011 № 209693).
3. Саликова Н. М. Специальная оценка условий труда: проблемы соблюдения прав работников. «Бизнес, Менеджмент и Право», 2015, № 2.
4. Кирсанова Д. А. Сравнительная характеристика специальной оценки условий труда, аттестации рабочих мест и государственной экспертизы условий труда. «Современный юрист», 2016, № 3.
5. Федеральный закон от 27.12.2019 N451-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О специальной оценке условий труда». Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 28.12.2019, «Российская газета», N295, 30.12.2019, «Собрание законодательства РФ», 30.12.2019, N52 (часть I), ст. 7769.

© Христофоров Николай Романович (khristoforov-n@mail.ru), Майоров Иван Иванович (majorov91@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

INTERNATIONAL LEGAL ISSUES OF RESPONSIBILITY OF INTERNATIONAL FINANCIAL ORGANIZATIONS UNDER DOMESTIC LAW

P. Chuvakhin

Summary. The article is devoted to the analysis of international legal issues related to the consideration of disputes involving international financial organizations in national judicial institutions, as well as the problems of abuse of immunity by international financial organizations. The judicial immunities of international financial organizations should not be absolute, therefore, when considering disputes on holding international financial organizations liable in national courts, such immunities should be limited by fixing the obligation of the organization in certain cases to waive immunity, and also by recognizing abuse by the court organizations with their right to immunity.

Keywords: international financial organization, immunities of international financial organizations, responsibility of international financial organizations, disputes in national courts, labor disputes.

Чувахин Петр Игоревич

Преподаватель, Финансовый университет при
Правительстве РФ, г. Москва; старший преподаватель,
Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, г. Москва
chuvakhin.petr@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу международно-правовых вопросов, связанных с рассмотрением споров с участием международными финансовыми организациями в национальных судебных учреждениях, а также проблемам злоупотребления международными финансовыми организациями своими иммунитетами. Судебные иммунитеты международных финансовых организаций не должны иметь абсолютный характер, поэтому, при рассмотрении споров о привлечении к ответственности международных финансовых организаций в национальных судах, такие иммунитеты должны ограничиваться путем закрепления обязанности организации в определенных случаях отказаться от иммунитета, а также путем признания судом злоупотребления со стороны организации своим правом на иммунитет.

Ключевые слова: международная финансовая организация, иммунитеты международных финансовых организаций, ответственность международных финансовых организаций, споры в национальных судах, трудовые споры.

Международные финансовые организации для реализации своих уставных целей и обеспечения своей деятельности нередко становятся участниками частноправовых отношений, правовое регулирование которых осуществляется на уровне национального законодательства. Поэтому и ответственность таких организаций за неисполнение своих обязательств будет реализовываться на основе норм национального права. Однако, существенным препятствием для реализации данного вида ответственности является наличие у международных организаций иммунитетов.

В доктрине международного права в отношении государств традиционно выделяется три концепции иммунитета: концепция судебного иммунитета, то есть невозможность привлечения государства к участию в судебном производстве другого государства, концепция абсолютного иммунитета, согласно которой государство может привлекаться к участию в судебном процессе в другом государстве только при даче своего

согласия, концепция ограниченного или функционального иммунитета, согласно которой при осуществлении государством коммерческой деятельности частного характера, государство перестает пользоваться иммунитетом. В отношении международных организаций указанные концепции не применяются, в отечественной и зарубежной доктрине признается только функциональный иммунитет международных организаций. Его не следует отождествлять с функциональным иммунитетом государств, так как данные понятия имеют разную правовую природу.

Функциональный иммунитет международной организации обеспечивает ей защиту от:

- ◆ контроля со стороны других государств,
- ◆ контрольных механизмов государств, на территории которых расположены штаб-квартиры международной организации, в отношении материальных ресурсов организации,
- ◆ налогообложения в пользу бюджета конкретного государства и т.п.

Кроме перечисленного, функциональный иммунитет может обеспечивать международной организации защиту от судебного разбирательства в национальных судах, а также защиту от принудительного исполнения судебных решений национальных судов и от принудительных мер по обеспечению иска.

Чтобы международная финансовая организация могла осуществлять свои цели в полном объеме, иммунитет необходим не только самой организации, но и ее должностным лицам. В большинстве учредительных актов международных организаций предусматривается наличие иммунитета у должностных лиц, включая иммунитеты членов органов управления организацией (например, членов Совета управляющих или Директора). Как правило, такие иммунитеты касаются неподчинения юрисдикции государств пребывания, освобождения от воинской обязанности, упрощения регистрации в качестве иностранцев, свободы перемещения и т.п. Как отмечает в своей работе С. Ю. Суменков, данный иммунитет примыкает и тесно связан с дипломатическим иммунитетом [1].

Объем иммунитета у международных организаций может отличаться в зависимости от того, как это будет указано в учредительных и иных актах разных организаций.

Так, основные положения об иммунитете Международного валютного фонда закреплены в его учредительном акте — Статьях Соглашения о Международном валютном фонде (статья 9) [2]. В десяти разделах указанной статьи помимо иммунитета рассматриваются также тесно с ним связанные понятия статуса и привилегий. Согласно разделу 2, Фонд обладает статусом юридического лица, вправе вступать в договорные обязательства, совершать сделки с имуществом, а также инициировать судебное разбирательство.

Раздел 3 посвящен судебному иммунитету, который предполагает, что Фонд, а также все его имущество и активы, независимо от местонахождения и иных обстоятельств, неподсудны никакому национальному суду. Исключением здесь является только случай, когда Фонд определенно отказался от своего иммунитета. По сути, данное положение повторяет концепцию абсолютного иммунитета государств. Четвертый раздел раскрывает иммунитет Фонда от иных действий, таких как обыск, реквизиция, конфискация, экспроприация и иные формы принудительного отчуждения в отношении имущества и активов Фонда. Разделы 5–7 посвящаются неприкосновенности архивов и сообщений Фонда. В разделе 8 описываются иммунитеты всех должностных лиц Фонда, а в разделе 9 раскрывается иммунитет Фонда от налогов, сборов и иных обязательных платежей.

Анализируя Статьи Соглашения Международного банка реконструкции и развития (статья 7), можно сделать вывод, что правовое регулирование иммунитетов и привилегий Банка содержательно и структурно совпадает с аналогичным регулированием в Международном валютном фонде [3]. Отличием является только регулирование судебного иммунитета. Так, в соответствующем разделе предусматривается, что Банк может участвовать в рассмотрении возбужденных против него дел, но только в национальных судах тех государств, где у Банка имеются соответствующее учреждение или где Банк выпускает и гарантирует ценные бумаги. Такое положение обуславливается тем, что Международный банк реконструкции и развития активно осуществляет финансирование в различные проекты на территориях государств-членов, и, как следствие, возможно возникновение споров с частными лицами этих государств, участвующих в проектах Банка. Поэтому чтобы у таких частных лиц была возможность защитить свои права, Банк устанавливает подобное изъятие из своего судебного иммунитета.

В целом, точно такие же положения содержатся в учредительных документах остальных организаций Группы Всемирного Банка — в Статьях Соглашения Международной ассоциации развития (статья 8), в Статьях Соглашения Международной финансовой корпорации (статья 8) [4], в Сеульской конвенции об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (глава 7) [5] и в Вашингтонской конвенции о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами (раздел 6 первой главы) [6]. Хотя в некоторых из перечисленных документов все же устанавливаются свои особенности регулирования иммунитетов. Например, в учредительных актах Международной финансовой корпорации и Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций в отдельную статью выделено право данных организаций отказаться от любых привилегий и иммунитетов в любом объеме (раздел 11 статьи 8 и статья 50 соответственно), а в Вашингтонской конвенции Многосторонний центр по урегулированию инвестиционных споров наделяется всеми видами иммунитета, никак при этом не конкретизированных (статья 20).

Как уже отмечалось, положения об иммунитетах международных финансовых организаций содержатся также в многосторонних конвенциях. Примером такой конвенции может являться Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений [7], к числу которых относятся такие международные финансовые организации, как Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития. Значение данной Конвенции заключается в том, что каждое государство, присоединяясь к ней, обязует

ся предоставлять специализированным учреждениям на своей территории все перечисленные Конвенцией иммунитеты. Также Конвенция по своей сути представляет собой образец того, какие иммунитеты в последствии могут включить специализированные учреждения в свои учредительные акты.

Конвенция состоит из стандартных статей об иммунитетах и дополнений, касающихся каждого из специализированных учреждений. Стандартные статьи посвящаются правовому статусу международных организаций, их иммунитету в отношении имущества, фондов и активов, иммунитету в отношении средств связи, иммунитету представителей членов специализированных учреждений, иммунитету должностных лиц и др.

Особое внимание стоит уделить девятой статье Конвенции, посвященной порядку разрешения споров. Согласно данной статье, каждое специализированное учреждение должно устанавливать свои положения о способах разрешения споров, вытекающих из коммерческих договоров, стороной в которых является само учреждение, и иных споров частного характера, а также споров в отношении должностных лиц специализированных учреждений, обладающих иммунитетом. Однако, в рассмотренных ранее Статьях Соглашения Международного валютного фонда, положения, касающиеся рассмотрения подобных споров сводятся к тому, что данные организации обладают абсолютным иммунитетом, а рассмотрение указанных споров возможно только в случае согласия самой организации или если это прописано в соответствующем контракте.

Дополнения 5 и 6 Конвенции, посвященные соответственно Международному валютному фонду и Международному банку реконструкции и развития, расширяют по сравнению со стандартными положениями иммунитеты указанных организаций в отношении налогов, сборов и иных обязательных платежей, а также конкретизируют некоторые вопросы судебного иммунитета. Эти положения практически полностью были интерпретированы в учредительные акты указанных организаций.

Таким образом, рассмотрев нормативное закрепление иммунитетов международных финансовых организаций в их учредительных актах, можно сделать вывод, что в целом, структура их закрепления, а также основные положения совпадают между собой, а также во многом дублируют положения Конвенции ООН о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений и других.

Во многом правовая природа иммунитетов международных финансовых организаций имеет сходства с концепцией абсолютного иммунитета государств, хотя эти

понятия и опираются на разные основания. Такой «абсолютный» иммунитет международных финансовых организаций, осуществляющих частнопроводную деятельность, нарушает права их частных контрагентов и ставит последних в неблагоприятное положение. Решением данной проблемы в современных условиях является институт отказа от иммунитетов международными финансовыми организациями. Возможным оптимальным решением может стать установление обязанности международных финансовых организаций отказываться от судебного иммунитета по определенным категориям дел, посредством закрепления такой обязанности в международных договорах.

Наличие иммунитета у международных финансовых организаций, как уже отмечалось, существенно затрудняет производство в национальных судах. Абсолютный характер судебных иммунитетов международных организаций требует их согласия или особого на то указания в договорах, чтобы привлечь организацию к участию в судебном процессе. Поэтому в подавляющем большинстве случаев, когда иски в национальные суды предъявляются к международным организациям, производство по таким делам просто прекращается со ссылкой на наличие у ответчика иммунитета. Однако при этом, сама международная организация, опираясь на положения о ее правовом статусе, закрепленном в ее учредительных документах, вправе инициировать судебное производство. Такая ситуация ставит в неравное положение сторон процесса, чем нарушает принципы равноправия сторон и состязательности процесса. Чтобы избежать подобных проблем, необходимо, чтобы в определенных случаях судебный иммунитет международных финансовых организаций каким-либо образом ограничивался.

Наиболее простым способом ограничения иммунитета международной финансовой организации является ее самостоятельный отказ от иммунитета. В.В. Афанасьев, например, рассматривает данное право международной организации как «единственный правомерный способ административного или судебного разрешения споров в случае предъявления гражданско-правовых требований».

Возможность организации отказаться от иммунитета прямо предусматривается в учредительных актах многих международных финансовых организаций. Например, как уже отмечалось, такое право отдельно закреплено в учредительных актах Международной финансовой корпорации и Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций. Кроме того, право на отказ от судебного иммунитета закрепляется также в Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений (раздел 4). Так, можно говорить о том, что

право на отказ от иммунитета в том или ином виде предоставляется всем международным организациям.

По своей правовой природе отказ международной организации от иммунитета, является ее правом, а не обязанностью, о чем свидетельствуют нормативные акты, в которых такие отказы закреплены. Между тем, в некоторых случаях появляется необходимость закрепления именно обязанности международной организации отказаться от иммунитета. Так, например, в спорах, связанных с возмещением вреда, причиненного международной организацией жизни и здоровью граждан, объективно необходим обязательный отказ международной организации от иммунитета. Такая обязанность международных организаций обеспечила бы упрощение процедуры восстановления нарушенных прав граждан.

При этом в некоторых соглашениях о привилегиях и иммунитетах международных финансовых организаций с государствами все же предусматривается обязанность таких организаций отказываться от иммунитетов, но только в отношении своих должностных лиц. Например, в Соглашении между Правительством РФ и Европейским банком реконструкции и развития в разделе 43 статьи 14 указывается, что в случае, если должностные лица используют предоставленные им привилегии, иммунитеты и иные льготы в целях личной выгоды, Банк обязан отказаться от иммунитета, предоставленного таким лицам, если, по его мнению, такой иммунитет препятствует осуществлению правосудия и отказ от него не наносит ущерба целям, для которых иммунитеты предоставлены [8]. Аналогичные положения содержатся в Соглашении между Правительством РФ и Международным валютным фондом (раздел 7 статьи 9) [9]. Думается, что разумно было бы аналогичным образом решать вопрос об отказе от привилегий и иммунитетов самих международных финансовых организаций.

Вообще сущность судебного иммунитета международных финансовых организаций сводится к тому, что он позволяет организациям беспрепятственно осуществлять предусмотренные ее учредительными документами функции, без вмешательства со стороны государств и иных лиц. Но помимо таких функций для обеспечения своей жизнедеятельности или в иных целях, международная финансовая организация может осуществлять не предусмотренную учредительными документами коммерческую деятельность частного характера. По своей сути, судебный иммунитет не должен распространяться на споры с международными организациями по поводу такой деятельности. Но на практике зачастую международные организации пользуются судебным иммунитетом вне зависимости от предмета спора, что по своей природе является злоупотреблени-

ем данным правом, которое в теории может стать причиной ограничения иммунитета при рассмотрении финансовых споров с участием международных финансовых организаций.

Появление злоупотребления правом на судебный иммунитет во многом связано с тем, что в нормативных актах, посвященных иммунитетам международных организаций, не дается четких границ данного права, в силу чего, оно трактуется слишком широко. Для того, чтобы избежать чересчур широкой трактовки судебных иммунитетов необходимо установление границ действия данного права. Во многом, установив целевое назначение предоставленного международной организации права на судебный иммунитет, можно определить, присутствует ли в конкретном деле злоупотребление со стороны международной организации своим правом на иммунитет.

Такую позицию поддерживает и судебная практика. Так, Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 18.01.2001 № 58, предусматривает, что судебный иммунитет международной организации не распространяется на ее коммерческую деятельность, не предусмотренную соответствующим международным договором (ее уставом или соглашением о штаб — квартире). Как пример, можно привести дело, рассмотренное в нескольких инстанциях московскими арбитражными судами. Международный инвестиционный банк сдавал помещения на территории РФ в аренду и получал от этого определенную прибыль, на которую налоговые органы РФ начислили соответствующий налог. Тогда Банк, ссылаясь на наличие у него иммунитета, в том числе иммунитета от налогов и иных обязательных платежей, подал иск в суд, о признании решения налогового органа неправомерным. В итоговом решении по делу суд признал решение налогового органа правомерным, поскольку исходя из учредительных документов Банка, получение прибыли от сдачи имущества в аренду не является функцией Банка и не способствует достижению его уставных целей, а также обязал Банк уплатить соответствующий налог [10].

Исходя из этого, применение судом принципа осуществления права в соответствии с его назначением в целях избежания злоупотребления правом, можно выделить как один из способов ограничения иммунитетов международных финансовых организаций при рассмотрении споров с их участием в национальных судах.

Что касается российского законодательства, то в нем вопросы ограничения иммунитетов международных финансовых организаций не получили детального нормативного закрепления. Так, порядок разрешения дел с участием международных организаций, обладающих

судебным иммунитетом, закреплен в Арбитражном процессуальном кодексе [11] и Гражданском процессуальном кодексе [12]. Согласно статьям 251 и 401 соответственно, судебные иммунитеты международных организаций определяются международными договорами РФ и федеральными законами, а отказ международной организации от иммунитета осуществляется по внутренним правилам организации. То есть, по сути, ограничение иммунитета международной организации возможно только в виде ее отказа от иммунитета. При этом, Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 11.06.1999 № 8, конкретизирует порядок отказа международной организации от иммунитета и устанавливает форму такого отказа [13]. Согласно данному постановлению, арбитражный суд может принять иск к международной организации к рассмотрению только при наличии явно выраженного согласия этой организации. Такое согласие должно быть подписано лицами, уполномоченными на отказ от судебного иммунитета внутренними правилами международной организации.

Если обращаться к судебной практике российских судов по рассмотрению дел с участием международных финансовых организаций, то можно заметить, что с учетом того, что количество таких дел итак небольшое, лишь в единичных случаях дела рассматриваются в силу какого-либо способа ограничения иммунитетов международных финансовых организаций. Большинство же дел с участием международных финансовых организаций, рассматриваемых российскими судами, прекращаются со ссылкой на наличие у такой организации иммунитета. Так, например, Арбитражный суд города Москвы в 2012 году рассматривал дело по иску компании «ЧизПартнерз Холланд В.О.Ф.» к Европейскому банку реконструкции и развития и компании «Рофаэр Девелопментс Лимитед» о взыскании денежных средств. В решении суда по данному делу в отношении Европейского банка реконструкции и развития даже не рассматривались фактические обстоятельства, поскольку Банк сразу заявил о наличии у него судебного иммунитета. Поэтому суд со ссылкой на Соглашение между Правительством РФ и Европейским банком реконструкции и развития о постоянном представительстве Банка (как на документ, определяющий наличие судебного иммунитета), а также на Соглашение об учреждении Европейского банка реконструкции и развития (как на документ, определяющий порядок отказа Банка от иммунитета) прекратил производство по делу в отношении Европейского банка реконструкции и развития. В дальнейшем дело рассматривалось в апелляционной и кассационной инстанциях, но решение суда так и не изменилось.

Другим примером может являться рассмотренное в 2017 году Арбитражным судом Красноярского края дело по иску акционерного общества «Лесосибирский

лесоперевалочный комбинат» к Евразийскому банку развития о взыскании задолженности. Истец утверждал, что ответчик не может воспользоваться правом на судебный иммунитет, поскольку заключенный между ними договор носит коммерческий частноправовой характер. В своем определении по данному делу со ссылкой на Соглашение об учреждении Евразийского банка развития, включающее также Устав Банка, суд пришел к выводу, что заключенный между сторонами договор полностью соответствует уставным целям Банка, а следовательно, Банк может воспользоваться правом на судебный иммунитет. Поэтому дело было прекращено.

Таким образом, иммунитеты международных финансовых организаций являются функциональными, то есть необходимы для обеспечения беспрепятственной реализации предусмотренных учредительными документами организации функций, поэтому они не должны распространяться на иную деятельность такой организации, а, следовательно, должны ограничиваться путем отказа международной финансовой организации от иммунитета или путем признания судом злоупотребления правом со стороны такой организации.

Следует отметить, что существующие сегодня международные финансовые организации имеют штат сотрудников, являющихся гражданами различных государств. Как и в любых национальных, в международных организациях нередко возникают трудовые споры. Вопрос о том, какие судебные учреждения обладают компетенцией по разрешению подобных споров, долгое время оставался нерешенным. Во-первых, сотрудники международных организаций являются частными лицами, поэтому юрисдикция международных судов на споры с их участием, как правило, не распространяется. Во-вторых, международные финансовые организации обладают судебными иммунитетами, соответственно, в национальных судах такие споры тоже не могут быть разрешены. Кроме того, трудовые отношения с сотрудниками международных организаций не подчиняются какому-либо национальному трудовому законодательству, а регулируются внутренним правом международных организаций, поэтому юрисдикция международных и национальных судов не может на них распространяться.

В связи с этим, нередко получалось так, что при нарушении трудовых прав работников международных финансовых организаций, складывалась ситуация, когда кроме как обращения в исполнительные органы международной организации, обжаловать такие правонарушения было негде. Подобные обращения, как правило, приводили к результату не в пользу работников, поскольку, по сути, нарушающие права сотрудников решения принимали те же лица, которые впоследствии разрешали возникающие споры. Такая ситуация существует

до сих пор в связи с тем, что по сути, международные финансовые организации обладают абсолютным иммунитетом в отношении данной категории споров.

Решением данной проблемы стало образование специальных независимых органов внутри международных финансовых организаций — административных трибуналов, которые наделены компетенцией по разрешению всех трудовых споров с сотрудниками конкретной организации. В настоящий момент, такие трибуналы являются единственными органами, обладающими подобной компетенцией, поэтому выносимые ими решения являются окончательными и неподлежащими обжалованию.

Со временем административные трибуналы появились в подавляющем большинстве международных финансовых организаций. Постепенно они стали полноценными судебными органами со своей особой юрисдикцией. По общему правилу административные трибуналы обладают юрисдикцией на разрешение споров только внутри организаций, в рамках которых они созданы. Как правило, такие трибуналы разрешают небольшое количество дел, так как спорные ситуации возникают относительно не часто. Многие крупные организации, такие как Организация Объединенных Наций или Международная организация труда, создавая свои Трибуналы, предусматривают в их учредительных документах возможность для других организаций присоединиться к юрисдикции своих Трибуналов.

Административный трибунал Международного валютного фонда, как и все другие трибуналы, по общему правилу обладает юрисдикцией на разрешение внутренних споров. Согласно второй статье своего Устава, Трибунал обладает юрисдикцией в отношении любого заявления члена персонала Фонда, в котором такой член оспаривает законность административного акта, нарушающего каким-либо образом его права. При этом под административным актом понимается любое индивидуальное или нормативное решение, принятое органами управления Фонда в отношении его персонала. Комментируя данное положение, можно сделать вывод, что трибунал, как орган, осуществляющий функции суда, будет определять факт наличия нарушения норм применяемого Фондом внутреннего права при принятии конкретного управленческого решения. При этом, из смысла содержания статьи прямо вытекает то, что для решения Трибуналом вопроса о законности того или иного административного акта, необходимо, чтобы этот акт оказал реальное неблагоприятное воздействие на обратившегося с заявлением сотрудника. То есть, Административный трибунал не будет разрешать вопросы гипотетического характера или выносить заключения в виде консультаций.

В положениях той же второй статьи говорится о том, что в юрисдикцию Трибунала входит также разрешение споров, связанных с пенсионным или иным социальным обеспечением сотрудников Фонда. К таким спорам относятся споры о так называемых Планах пенсионного обеспечения персонала, Планах предоставления медицинских льгот и Планах страхования жизни сотрудников. Благодаря этой норме расширяется круг субъектов, имеющих право обращаться в Трибунал. Например, если это дело об обжаловании решений, связанных с предоставлением пенсионного обеспечения, то в Трибунал могут обращаться с жалобами и бывшие сотрудники Фонда, вышедшие на пенсию. Или если это дело об обжаловании решений, связанных с выплатой страховых компенсаций в случае смерти сотрудника Фонда, то в Трибунал могут обращаться все выгодоприобретатели по данным компенсациям (как правило, родственники сотрудника).

Кроме юрисдикции в отношении самого Фонда, Административный трибунал, согласно статье 21 своего Статута, может обладать юрисдикцией в отношении любой другой международной организации в случае, если с ней составлено специальное соглашение [14]. В таком соглашении должно предусматриваться, что решения Административного трибунала МВФ будут обязательны для такой организации, и она будет нести ответственность за выплату каких-либо компенсаций, присужденных Трибуналом в отношении сотрудников этой организации и иных лиц. Также в соглашении должно быть указано, что такая организация будет содействовать функционированию Трибунала, в том числе, посредством участия в некоторых расходах Трибунала. Однако при этом присоединившаяся к юрисдикции Трибунала международная организация не будет иметь полномочий по назначению членов Трибунала, а также полномочий по внесению изменений в Устав Трибунала.

Юрисдикция Административного трибунала Всемирного банка несколько отличается от юрисдикции Административного трибунала Международного валютного фонда. Всемирный банк изначально действует как группа организаций, поэтому и юрисдикция его Административного трибунала распространяется на каждую из входящих в его группу организаций. Так, согласно первой статье своего Статута, Трибунал учреждается в рамках Международного банка реконструкции и развития, Международной ассоциации развития, а также Международной финансовой корпорации. Из этого следует, что внутренняя юрисдикция Административного трибунала Всемирного банка будет распространяться на сотрудников каждой из перечисленных организаций.

Исходя из положений второй статьи Статута, Трибунал обладает юрисдикцией в отношении любых споров по заявлениям персонала, связанным с трудовыми догово-

ворами и соответствующими условиями работы. Также к юрисдикции Трибунала относятся все споры, вытекающие из отношений по пенсионному и иному социальному обеспечению, поэтому, как и в случае с Административным трибуналом Международного валютного фонда, в круг субъектов, которые могут подавать заявления в Трибунал, включаются бывшие сотрудники Банка, а также иные, связанные с сотрудниками лица.

Говоря о юрисдикции Административного трибунала Всемирного банка в отношении других организаций, можно обратиться к положению статьи 15 Статута Трибунала, согласно которой Банк может заключить соглашение с другой международной организацией, в соответствии с которым на саму организацию и на ее сотрудников будут распространяться полномочия его Административного трибунала. Соглашение должно будет предусматривать, что такая организация будет принимать решения Трибунала Всемирного банка, как окончательные и обязательные к исполнению, а также нести ответственность по выплате компенсаций в случае, если Трибунал присудит их сотруднику или иному лицу в результате разрешения спора. В соглашении также указывается, что такая организация принимает участие в обеспечении деятельности Трибунала соответствующими административными мерами, а также его финансированием.

На основе этого, можно сделать вывод, что в целом юрисдикции Административного трибунала Международного валютного фонда и Административного трибунала Всемирного банка почти не имеют существенных отличий. Оба трибунала имеют юрисдикционные полномочия в отношении своих сотрудников (а также бывших сотрудников и лиц, вступающих в правоотношения с организацией как выгодоприобретатели), что является стандартным принципом распределения юрисдикции административных трибуналов. В рамках этого вида юрисдикции решаются все дела указанных

административных трибуналов. Каждый из двух рассматриваемых трибуналов кроме того может обладать юрисдикцией и в отношении иных международных организаций при наличии специальных соглашений. Однако, на настоящий момент таких соглашений не зафиксировано ни в рамках Международного валютного фонда, ни в рамках Всемирного банка, поэтому реальной практики разрешения дел в рамках этого вида юрисдикции у указанных административных трибуналов нет.

Таким образом, рассмотрев практику разрешения трудовых споров в международных финансовых организациях, можно сделать вывод, что в настоящее время единственным доступным способом является разрешение таких споров в рамках административных трибуналов, создаваемых внутри таких организаций. Только административные трибуналы обладают необходимой юрисдикцией по решению споров международных финансовых организаций со своими сотрудниками, что свидетельствует об абсолютном иммунитете организаций в данном вопросе.

Анализируя рассмотренные положения об иммунитетах в целом, можно сделать вывод, что реализация ответственности международных финансовых организаций в рамках национальных правовых систем либо очень затруднена, либо в принципе невозможна, как, например, в случае с трудовыми спорами. Во-первых, это объясняется особым правовым статусом международных финансовых организаций, как субъектов международного публичного права. Во-вторых, это связано с тем, что даже в частноправовых отношениях такие организации рассматриваются как публичные субъекты с особым статусом, не позволяющим реализовывать нормы об ответственности. И в-третьих, нормативное закрепление иммунитетов международных финансовых организаций пока является слишком широким, нередко позволяющим использовать иммунитеты в своих целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: дис. ... канд. юрид. наук. 2002. С. 130.
2. Статьи Соглашения Международного Валютного Фонда (приняты 22.07.1944). URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/rus/index.pdf>.
3. Статьи Соглашения Международного Банка Реконструкции и Развития (Приняты в г. Вашингтоне 27.12.1945) // Международное частное право. Сборник документов. — М.: БЕК, 1997. С. 74–93.
4. Статьи Соглашения Международной финансовой корпорации 1956 г. URL: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/00639891-7c2e-4bff-8bb3-182c074d17e4/Articles_of_Agreement_Russian.pdf?MOD=AJPERES&CVID=jSoizw.
5. Сеульская конвенция 1985 года об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций URL: <https://www.miga.org/sites/default/files/archive/Documents/MIGA%20Convention%20February%202016.pdf>.
6. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (Вашингтон, 18 марта 1965 г.). URL: <http://icsidfiles.worldbank.org/ICSID/ICSID/StaticFiles/basicdoc/partA.htm>.
7. Конвенция ООН от 21 ноября 1947 г. о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/specagencies_privileges.shtml.

8. «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским банком реконструкции и развития о Постоянном представительстве Европейского банка реконструкции и развития» (Заключено в г. Москве 29.03.1993) // Бюллетень международных договоров. 2010. № 5. С. 10–18.
9. «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Международным валютным фондом о Постоянном представительстве Международного валютного фонда в Российской Федерации» (Заключено в г. Гонконге 24.09.1997) // СЗ РФ. 12 сентября 2005 г. № 37. С. 3734.
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.09.2005 по делу № А40–65100/04–90–685 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>
11. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. ст. 3012.
12. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. ст. 4532.
13. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 11.06.1999 № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» // «Вестнике Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». 1999 г. № 8.
14. Статут Административного трибунала Международного валютного фонда, 1992 г. URL: <https://www.imf.org/external/imfat/statute.htm>.

© Чувахин Петр Игоревич (chuvakhin.petr@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СМАРТ-КОНТРАКТА

ON THE LEGAL NATURE OF A SMART CONTRACT

V. Shaydullina

Summary. The article discusses the features and place of smart contracts in the contract law of the Russian Federation. The definition of smart contracts is given and the principle of their operation is described. The aim of the study is to determine what place within the framework of traditional legal structures takes a smart contract. For this, the process of concluding, amending, executing and terminating a smart contract will be analyzed. The issues of applying liability and protection measures to obligations arising from a smart contract will also be considered. For a better understanding of the features of a smart contract, foreign experience will be considered. Because of the study, it was concluded that a smart contract changes not so much the method of concluding an agreement as the way of fulfilling obligations. Therefore, a smart contract can be considered as a contract in the form of a program code or as separate contractual terms containing a provision on the automated fulfillment of obligations. Such obligations as coercion to fulfill obligations in kind, bilateral restitution, non-contractual measures of liability may be applied to obligations under a smart contract.

Keywords: contract law, smart contract, classification of contracts, contract, automated fulfillment of obligations, fulfillment of obligations.

Шайдуллина Венера Камилевна

К.ю.н., Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации (г. Москва)
VKShajdullina@fa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и место смарт-контрактов в договорном праве Российской Федерации. Дается определение смарт-контрактов и описывается принцип их действия. Целью исследования является определение того, какое место в рамках традиционных правовых конструкций занимает смарт-контракт. Для этого будет проанализирован процесс заключения, изменения, исполнения и прекращения смарт-контракта. Также будут рассмотрены вопросы применения ответственности и мер защиты к обязательствам, вытекающим из смарт-контракта. Для большего понимания особенностей смарт-контракта будет рассмотрен иностранный опыт. В результате исследования сделан вывод, что смарт-контракт меняет не столько способ заключения договора, сколько способ исполнения обязательств. Поэтому смарт-контракт может рассматриваться как договор в форме программного кода либо как отдельные договорные условия, содержащие положение об автоматизированном исполнении обязательств. К обязательствам по смарт-контракту могут быть применены такие меры, как понуждение к исполнению обязательства в натуре, двусторонняя реституция, внедоговорные меры ответственности.

Ключевые слова: договорное право, смарт-контракт, классификация договоров, договор, автоматизированное исполнение обязательств, исполнение обязательств.

Современное российское договорное право — это огромный пласт правовых норм, которыми регулируется порядок заключения, расторжения и изменения гражданско-правовых договоров, а также определяется их природа, существенные и дополнительные условия. Нередко бывает так, что экономические и общественные отношения развиваются более стремительно, чем регулирующие их правовые нормы. Наиболее ярким примером современности выступает технология блокчейн и криптовалюта, которые возникли на ее основе. В течение последних нескольких лет в ИТ-сообществе все чаще поднималась тема криптовалют и блокчейна. Высокая популярность этой темы была обусловлена курсом биткойна (наиболее распространенной криптовалютой). Технология блокчейн — среда для работы смарт-контрактов (с англ. «smart contract» — «умный контракт» или «умный договор»).

Современный этап характеризуется стремительным развитием технологий, оказывающих серьезное влияние на общество. Поэтому общественные отношения, складывающиеся в связи с применением новых техно-

логий, требуют надлежащего правового регулирования. Правовая система, чтобы не отставать от технического прогресса, постоянно развивается и совершенствуется: создаются новые и изменяются существующие нормы; устраняются пробелы и противоречия в законодательстве. В связи со стремительным ростом популярности использования цифровых технологий, смарт-контрактов и технологии блокчейн во всем мире, российское законодательство требовало кардинального обновления с целью урегулирования рынка новых объектов экономических отношений. В 2019 году был принят Закон № 34-ФЗ от 18.03.2019 года «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ», внесший изменения в сферу использования и создания смарт-контрактов.

Смарт-контракты — новое понятие в правовой сфере [1], поэтому в теории и правоприменительной практике данное понятие до сих пор является дискуссионным. К настоящему времени не сложилось единообразного мнения по поводу того, что представляет собой смарт-контракт — это отдельный вид договора, способ

заключения договора, способ исполнения обязательств либо обеспечения их исполнения? Нет единства и в вопросе, какие положения договорного права применимы в отношении смарт-контрактов.

Перед тем, как перейти к рассмотрению места смарт-контракта в договорном праве, рассмотрим, что представляет собой смарт-контракт и как он возник.

Идею первого смарт-контракта в 1994 году предложил ученый в области права, криптографии и информатики Ник Сабо. Суть идеи состояла в том, что описание всех условий умного договора должно было производиться при помощи языков программирования и математических инструментов. Н. Сабо описал смарт-контракт как некий алгоритм, позволяющий автоматизировать процесс исполнения контрактов в блокчейн [2]. Но реализовать такой контракт на практике в те годы не представлялось возможным, поскольку сама концепция блокчейн возникла в 2008 г., а практически реализована в 2009 г. Вышеприведенное описание смарт-контракта не дает представления о его договорно-правовой природе.

Куннапас К. предложил понимать под смарт-контрактом самоисполнимый договор [3]. В американской доктрине утвердилось мнение, что договор, исполнение которого происходит в автоматизированном (автоматическом) режиме (т.е. смарт-контракт), представляет собой некую совокупность договоренностей сторон, на основе которой совершается сделка [4]. В соответствии с такой логикой, смарт-контракты приравнены к традиционным договорам, исполнение которых происходит обычным образом. В отечественной доктрине смарт-контракт рассматривают в качестве соглашения сторон, существующего в виде программного кода. Такое соглашение функционирует в распределенном реестре данных, обеспечивающем самоисполнимость условий договора при возникновении определенных обстоятельств [5]. В связи со сложившимися положениями о видах договоров, имплементация смарт-контракта в качестве отдельного вида договора является весьма спорной [6]. Определяющим значением здесь обладает способ исполнения обязательства, а не его вид. Таким образом, целесообразнее рассматривать смарт-контракт применительно к исполнению обязательств, а не виду договора. Некоторые вопросы возникают и в связи с использованием термина «самоисполнимость». Может ли обязательство быть исполняемо само по себе либо за исполнением всегда должны стоять определенные действия должника?

Следует критически отнестись к существующим определениям смарт-контракта и попытаться определить, является ли смарт-контракт в договорном праве самостоятельным видом или разновидностью договора либо он представляет собой иную договорно-правовую

конструкцию. В контексте этой цели будет проведен анализ заключения, изменения, исполнения и прекращения смарт-контракта. Также будут рассмотрены меры ответственности и защиты обязательств, вытекающих из смарт-контракта.

В 2018 году в числе поручений Президента РФ была сформулирована необходимость в законодательной разработке понятия «смарт-контракт» [7]. В качестве ответственных органов за обеспечение изменений в действующее законодательство были назначены Центральный Банк России и Правительство РФ. Им предстояло разработать соответствующие положения к 01.07.2018 года. Разработка по этому вопросу продолжается до сих пор и пока еще не получила логического завершения. На рассмотрении в Госдуме РФ находится несколько проектов законов, содержащих определение смарт-контракта и описание его сущности. Задержки в принятии соответствующих положений в значительной степени обусловлены нехваткой достаточного опыта научных разъяснений, которые позволили бы дать четкое определение понятию смарт-контракта в области правового регулирования.

Несмотря на существующие определения смарт-контракта, в отечественной доктрине не дается ответ на вопрос: можно ли рассматривать смарт-контракт в качестве договора, и если да, то какой это вид договора? [8].

Представляется, что с использованием конструкций договорного права «умный договор» может быть описан как договор, предполагающий особый способ исполнения — автоматизированное исполнение обязательств. Для подтверждения сказанного может быть использован функциональный метод. Поэтому предлагается рассмотреть функции, выполняемые смарт-контрактами в договорном праве.

1. Первая и самая важная функция смарт-контрактов — возможность разрешения таких проблем, как неоднозначность и непредсказуемость судебного толкования условий договора. Данная возможность обеспечивается использованием программного кода.
2. Вторая функция смарт-контрактов — устранение сложности в части доказывания убытка, понесенного стороной договора при нарушении другой стороной своих обязательств [9].
3. Третья функция вытекает из двух предыдущих и заключается в решении проблемы несправедливых условий договора, приемлемых только для одной стороны [10]. Действующий ГК РФ предусматривает возможность заключения договоров в электронном виде [1]. Соответственно, договоры могут заключаться и в виде программного кода. Электронная форма приравнивается

законодателем к письменной [4]. Если смотреть с этой позиции, то смарт-контракт не вводит новую конструкцию, поскольку содержит в себе все то, что уже предусматривается правом. Сегодня заключение договоров возможно не только посредством подписания электронных документов, но и путем «щелчка мышью» [5], что имеет место при заключении смарт-контрактов.

4. Четвертая функция смарт-контракта — решение проблемы надлежащего исполнения обязательств. Следует отметить, что принцип надлежащего исполнения обязательств реализуется в современном гражданском обороте не в полной мере, несмотря на то, что является важнейшим фундаментальным правилом договорного (обязательственного) права [4]. Решению этой проблемы поспособствует закрепление смарт-контрактов, позволяющих исполнять обязательства надлежащим образом вне зависимости от волеизъявления обязанного лица. Принцип надлежащего исполнения обязательств, вытекающих из смарт-контрактов, действует в полном объеме, поскольку приостановить или отменить исполнение обязательств невозможно.

Основываясь на вышеприведенных функциях, отметим, что смарт-контракты было бы правильнее называть не новым видом договора, а новым способом исполнения обязательств. Главной задачей договорного права является поиск таких правовых инструментов, которые позволят разработать определение автоматизированного способа исполнения обязательств и выявить роль должника при таком способе исполнения. Функциональная направленность смарт-контрактов обуславливает необходимость раскрытия сущности автоматизированного исполнения обязательств и рассмотрения участия обязанного лица в таком исполнении договорных обязательств.

Автоматизированное исполнение обязательств предполагает осуществление исполнения обязательств не действиями сторон, а при согласии сторон с помощью электронной платформы посредством введения сторонами соответствующих команд (договорных условий). По мнению некоторых исследователей, главной ценностью смарт-контракта является то, что алгоритм (компьютерная программа) способен самостоятельно исполнять обязательства и отслеживать их исполнение. Благодаря этому появляется возможность сделать правоотношения самоисполнимыми [7]. Тем не менее, договор не может быть исполняемым сами по себе. В связи с этим встает вопрос: кем осуществляется исполнение и участвует ли обязанное лицо (должник) в исполнении обязательств?

Как показывает анализ иностранной литературы, в зарубежной доктрине устоялось понятие «электронный агент». Электронный агент — это специальное программное обеспечение, автоматизированно совершающее различные действия без человеческого участия [6]. Электронные агенты не только способны вступать в обязательство от имени стороны [7], но также полностью или частично исполнять обязательства [1].

В отечественной доктрине данное понятие пока еще не получило распространения, хотя и встречается в некоторых русскоязычных публикациях [9]. На современном этапе развития российского гражданского законодательства заключение договоров и исполнение обязательств без участия сторон не предусматривается.

При исполнении обязательств, вытекающих из смарт-контракта, должна использоваться категория заранее выраженного согласия обязанного лица на исполнение обязательства. Такая категория позволит описать исполнение обязательств, осуществляемое не обязанном лицом, а электронным агентом. Другими словами, обязанное лицо заранее дает свое согласие, которое в будущем нельзя будет изменить или отозвать, не участвуя при этом в исполнении обязательства. Здесь мы сталкиваемся с частным случаем применения принципа эстоппеля [2], выражающего соответствие принципам добросовестности и справедливости. Обязанное лицо, заключая на электронной платформе обязательство с использованием смарт-контракта, соглашается с автоматизированным исполнением обязательств без его непосредственного участия [10].

Представляется, что конструкцию заранее выраженного согласия обязанного лица на исполнение обязательств можно использовать для комментирования положений главы Гражданского Кодекса РФ, посвященной исполнению обязательств, с целью описания категории «автоматизированное исполнение обязательств».

В связи с вышесказанным следует не согласиться с точкой зрения ученых о том, что вместо исполнения с использованием электронной платформы, речь идет о принятом на себя сторонами самоограничении, реализация которого обеспечивается при помощи технических средств [2]. Те самоограничения, которые сторона приняла себя, выступают в качестве ее обязанностей по смарт-контракту.

Следует отметить, что применительно к традиционным договорам и смарт-контрактам применяются разные меры ответственности и защиты обязательств. Это обусловлено тем, что при исполнении обязательств из смарт-контракта категория «надлежащее исполнение обязательства» неприемлема. По сути, в связи с исполь-

зованием смарт-контракта риск недобросовестного поведения сторон по договору исключается [3].

Применительно к обязательствам, вытекающим из смарт-контракта, могут использоваться такие меры защиты:

1. Двусторонняя реституция. Возможность применения двусторонней реституции обеспечивается механизмом обратной транзакции, который может быть предусмотрен в смарт-контракте. Это имеет место в случае, когда исполнение из смарт-контракта было произведено, но была обнаружена ошибка в договорных условиях [4].
2. Понуждение к исполнению обязательства в натуре. Данная мера защиты применяется в случае, когда неисполнение было вызвано технической ошибкой, допущенной при заключении договора [2].

Ошибки в тексте смарт-контракта возможны в связи с тем, что правила написания смарт-контрактов пока еще не формализованы. К примеру, по условиям смарт-контракта предполагается оплата покупателем определенной суммы за приобретаемый товар при поступлении данного товара на склад. При наличии ошибки в программном коде, при которой процедура проверки поступления товара на склад не может быть реализована, уплаченная покупателем сумма не поступит на счет продавца [6]. В данном случае исполнение не может быть произведено обеими сторонами — продавец не получает оплату за товар, а покупатель не может получить законный титул на товар. Так как в рассматриваемом случае неисполнение обязательств вызвано технической ошибкой, то должна быть применена такая мера защиты, как понуждение к исполнению обязательства в натуре. К покупателю должно быть предъявлено требование об оплате товара, а к продавцу — требование о передаче товара на склад.

Смарт-контракт по сути заменяется обычной договорной конструкцией. Необходимость в этом возникает тогда, когда неисполнение обязательства вызвано технической ошибкой. Но в тех случаях, когда исполнение обязательства фактически было произведено, хотя и с ошибкой, применению подлежит механизм обратной реституции, при которой сторонам возвращается то, что было исполнено ими по договору.

Подчеркнем, что к обязательствам, вытекающим из смарт-контрактов, могут применяться только внедоговорные меры ответственности, поскольку исполнение обязательств происходит надлежащим образом и не предусматривает случаев намеренного неисполнения [7]. При автоматизированном исполнении обя-

зательств особенности смарт-контракта проявляются в том, что должник (обязанное лицо) не влияет на исполнение и не несет ответственность за технические ошибки и программные сбои.

На основании проведенного исследования сделаем следующие выводы.

Смарт-контракт — это договор или отдельные договорные положения, характеризующиеся особым способом исполнения обязательств — автоматизированное исполнение обязательств.

Смарт-контракт не является отдельной разновидностью договоров по виду заключения, так как в отечественном праве уже предусматривается возможность заключения договоров в электронном виде. Смарт-контракт меняет способ исполнения обязательств, а не способ заключения договора.

При этом смарт-контракт может выступать в качестве самостоятельного договора либо представлять собой отдельные условия договора об автоматизированном исполнении отношений, которые в нем закреплены.

На основании результатов анализа определений смарт-контракта и его сущности предлагаем рассматривать смарт-контракт в качестве договора в форме программного кода или в качестве отдельных договорных условий, содержащих положение об автоматизированном исполнении договорных обязательств.

Автоматизированным исполнением обязательств предполагается осуществление исполнения с помощью электронной платформы путем введения сторонами договорных условий. Обязанная сторона, заключая обязательство с использованием смарт-контракта, выражает свое согласие на исполнение обязательства автоматизированным способом. Другими словами, обязанное лицо соглашается на исполнение обязательства с использованием смарт-контракта, и данное согласие не может быть изменено или отозвано в будущем.

К обязательствам, вытекающим из смарт-контракта, применяются такие меры защиты, как понуждение к исполнению обязательства в натуре и двусторонняя реституция. Возможность применения двусторонней реституции обеспечивается механизмом обратной транзакции, который может быть предусмотрен в смарт-контракте. Это имеет место в случае, когда исполнение из смарт-контракта было произведено, но была обнаружена ошибка в договорных условиях. Понуждение к исполнению обязательства в натуре применяется в случае, когда неисполнение было вызвано технической ошибкой, допущенной при заключении договора.

Также сделан вывод, что к обязательствам, вытекающим из смарт-контрактов, могут применяться только внедоговорные меры ответственности, поскольку исполнение обязательств происходит надлежащим образом и не предусматривает случаев намеренного

неисполнения. При автоматизированном исполнении обязательств особенности смарт-контракта проявляются в том, что должник (обязанное лицо) не влияет на исполнение и не несет ответственность за технические ошибки и программные сбои.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедов А.Я. К вопросу о защите прав сторон смарт-контракта // *Modern Science*. 2020. № 2–1. С. 131–135.
2. Ахмедов А. Я. Отграничение смарт-контракта от сходных институтов гражданского права // *Modern Science*. 2019. № 11–1. С. 39–42.
3. Волос А.А. К вопросу о правовом значении смарт-контрактов // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2019. № 3. С. 67–71.
4. Волос Е.П. К вопросу о применении смарт-контрактов в различных сферах // *Евразийская адвокатура*. 2019. № 3 (40). С. 105–110.
5. Ивлев Д. И. Последствия внедрения цифровых прав в Российской Федерации // *Образование и право*. 2019. № 9. С. 46–49.
6. Кириллова А.А., Лошкарев А. В. Юридическая природа и сфера применения смарт-контрактов // *Modern Science*. 2019. № 10–3. С. 152–155.
7. Сафаргалеев Л. И. Смарт-контракт — программный код, а не договор // *Хозяйство и право*. 2019. № 5 (508). С. 21–34.
8. Шмелева М. В. Цифровые технологии в государственных и муниципальных закупках: будущее или реальность // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 12 (109). С. 36–42.
9. Юламанова А. А. Правовые проблемы заключения и исполнения смарт-контрактов // *Юридический факт*. 2019. № 50. С. 24–28.
10. Antsukh N. S. Legal regulation of international medical tourism in the era of digital technology // *Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения*. 2018. № 1. С. 35–40.

© Шайдуллина Венера Камилевна (VKShajdullina@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ДОПУСТИМОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Шершнев Михаил Николаевич

Аспирант, Сургутский государственный
университет
kpbb86@gmail.com

THE LABOUR ACTIVITIES OF CONVICTS OUTSIDE THE CORRECTIONAL INSTITUTIONS: THE VALIDITY AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

M. Shershnev

Summary. Objective: to Develop theoretical provisions on the effectiveness, permissibility and expediency of measures of re-socialization of convicts in the form of their work outside of correctional institutions.

Methods: methods of analysis, synthesis, deductive, formal-legal, statistical methods were used in the preparation of the material.

Results: proposed the concept that the current replacement of the unserved part of punishment by softer kind of punishment is applied in a modified form not only as incentives for positive actions of the convicted person for the period of punishment, but as a measure of re-socialization, the application of which should be aimed at the majority of prisoners.

Conclusions: The article concludes with the conclusion about the applicability of these practices and their role in the resocialization of prisoners.

Keywords: penitentiary system; resocialization; convicts; reoffending; labor activity of prisoners.

Аннотация. Цель. Разработка теоретических положений об эффективности, допустимости и целесообразности меры ресоциализации осужденных в виде их трудовой деятельности за пределами исправительных учреждений.

Методы. При подготовке материала использовались методы анализа, синтеза, дедуктивный, формально-юридический, статистический методы.

Результаты. Была предложена концепция, согласно которой существующая на сегодняшний день замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания применяется в видоизмененном виде не только в качестве меры поощрения за положительные действия осужденного за период отбывания наказания, но как мера ресоциализации, применение которой должно быть направлено на большинство осужденных.

Выводы. В завершении статьи делается вывод о применимости данных практик и их роли в ресоциализации осужденных.

Ключевые слова: пенитенциарная система; ресоциализация; осужденные; рецидив преступлений; трудовая деятельность заключенных.

Введение

На текущий момент проблема рецидива преступлений в России стоит не менее остро. Несмотря на снижение уровня рецидива преступлений в целом [8, с. 43], удельный вес рецидивистов среди лиц, совершивших преступления, по-прежнему крайне высок. Рецидивная преступность представляет собой повышенную общественную опасность, нежели совершенная впервые [10, с. 33], чем и обусловлена острота данной проблемы.

На сегодняшний день проблема рецидива преступлений широко обсуждается в научном сообществе. Наибольшее распространение имеют вопросы возник-

новения и предупреждения рецидивной преступности. Несмотря на различные формулировки причин рецидива преступлений, приводимые факторы, преимущественно, совпадают у многих авторов, отличаясь лишь степенью конкретизации.

Однако, отметим тот факт, что существуют различные подходы к понятию рецидива преступлений. Так, выделяют уголовно-правовой, криминологический и пенитенциарный рецидив преступлений [5, с. 63]. С учетом изложенного выразим мнение, что во многом отличия подходов к понятию рецидива преступлений и обуславливают различие в приводимых причинах его возникновения и увеличения.

Ф. Р. Хисамутдинов и А. Е. Шалагин приводят следующие причины и условия рецидивной преступности:

1. Социально-экономические факторы;
2. Нравственно-психологические факторы;
3. Нормотворческие и правоприменительные факторы;
4. Семейно-бытовые факторы;
5. Личностно-субъективные факторы;
6. Иные факторы [10, с. 33].

Предупреждение рецидива преступлений представляется нам ключевой задачей, стоящей перед обществом и государством, ввиду обозначенной ранее повышенной социальной опасности повторных преступлений, а также весьма значительной доли преступников-рецидивистов в общей массе лиц, совершивших преступления.

Материалы и методы

При подготовке материала мы опирались на теоретические предположения касательно возможности осуществления меры ресоциализации в виде обеспечения краткосрочных периодических контактов осужденных с обществом на свободе для предотвращения полной утраты социальных связей на период отбывания наказания, а также противодействия смене поведенческих паттернов за указанный период. В изоляции от общества осужденный адаптируется к условиям, в которых он пребывает продолжительный период, и десоциализируется еще больше.

Полная изоляция от «внешнего мира» влечет за собой ослабление исправительной функции пенитенциарной системы. Осужденные после отбывания наказания должны вернуться в общество и реинтегрироваться в него. Как следствие, контакты с внешним миром необходимо сохранить, соблюдая баланс между карательной и исправительной функциями исправительных учреждений.

Предлагая концепцию краткосрочных трудовых «каникул» для осужденных, мы предлагаем расширить контакты с обществом — не только с семьей, но и с посторонними людьми, что при освобождении способствует более быстрой и безболезненной реинтеграции в общество.

Литературный обзор

Влияние трудовой занятости осужденных в качестве меры профилактики рецидивной преступности находит свое отражение в работах Н. А. Беляева [4], Д. Д. Данилова [6], И. Г. Константинова [7] и др.

В данных работах освещаются вопросы роли труда в формировании личности заключенных, необходимости привлечения осужденных к производственному труду, являющемуся одним из основных средств воспитательного воздействия.

Весьма обширный список причин рецидивной преступности и мер ее предупреждения содержится в работах Н. С. Артемьева и А. Н. Бурчихина, И. В. Батыщевой и В. Г. Козырева, а также Ф. Р. Хисамутдинова и А. Е. Шалагина.

Вопросы психологического состояния осужденных на момент освобождения от отбывания наказания раскрываются в статье А. Р. Абуталипова [1]. На основании его идей мы смогли определить вектор движения в определении наиболее предпочтительных мер ресоциализации осужденных к лишению свободы в контексте поставленной цели.

Результаты и обсуждения

Говоря о мерах предупреждения рецидива преступлений, ученые называют такие меры, как совершенствование законодательства в соответствующих отраслях, повышение квалификации специалистов оперативных подразделений, создание специализированной службы постпенитенциарного контроля [2, с. 112]. Также предлагается выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений ранее судимыми лицами, оказание содействия в трудовом и бытовом устройстве лицам, отбывшим наказание [9, с. 286] и т. д.

Особенно выделим содействие в трудовом и бытовом устройстве указанных лиц. По мнению М. В. Степанова, на этом необходимо сделать акцент, как на формы поддержки, имеющие приоритетное значение для любых граждан [9, с. 286]. Полностью согласимся с автором. В соответствии с исследованием А. Р. Абуталипова, осужденные при освобождении испытывают гамму чувств, при этом преобладают «Душевный подъем и надежда изменить свою жизнь к лучшему», «Потерянность и растерянность», «Ощущение своей ненужности», «Страх перед будущим» [1, с. 157].

Повторимся — среди негативных ощущений, испытываемых освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы значительную часть (45,2%) занимают три последних из указанных выше. На наш взгляд, содействие в преодолении указанных негативных чувств может оказать гарантия бытового и трудового устройства.

Однако, на наш взгляд, для более полной реализации подобной меры необходима заблаговременная подго-

товка осужденного к освобождению от отбывания наказания.

Продолжительное пребывание в условиях, установившихся в исправительных учреждениях, особенно — в обществе лиц, демонстрирующих девиантную направленность личности, крайне негативно сказывается на последующей ресоциализации. Осужденные адаптируются к новым условиям, весьма отличным от таковых на свободе. Впоследствии, их повторная адаптация к старому образу жизни осложнена, что ведет к совершению повторных преступлений. Возникает замкнутый круг, при котором преступник неоднократно совершает противоправные деяния, за что подвергается уголовному наказанию, уже не в состоянии своевременно приспособиться к жизни в обществе.

Для вывода осужденного из подобного цикла нам видится целесообразным такой механизм, как трудовая ресоциализация, идея которой имеет весьма широкое распространение.

На наш взгляд, подготовка осужденного к освобождению должна осуществляться не просто заблаговременно, но задолго до фактического освобождения с учетом вероятности условно-досрочного освобождения в соответствии с положениями ст. 79 УК РФ. Для этого мы находим целесообразным более плавное смягчение условий отбывания наказания, чем предусмотренное сегодня.

Под более плавным смягчением наказания мы подразумеваем трудовую деятельность за пределами исправительных учреждений на краткосрочный период. При этом не должно быть полной изоляции от работников данного учреждения. За осужденными, безусловно, необходим контроль, при этом суть подобной ресоциализации заключается именно в периодических контактах с обществом на свободе. В итоге планируется, что заключенный будет постепенно привыкать к социальной жизни на свободе под контролем сотрудников исправительных учреждений, и после освобождения процесс адаптации к новым условиям будет значительно упрощен. При этом, необходимо учитывать личность осужденного. Данная мера может быть применена только при условии отсутствия выраженной агрессии против других людей.

Как мы уже говорили выше, отсутствие внешних контактов препятствует ресоциализации осужденных. Навыки, образ мышления, опыт, полученные за период отбывания наказания, мешает их реинтеграции в общество. Поэтому, помимо непосредственно отбывания осужденными наказания в виде лишения свободы, пенитенциарная система должна сделать дополнительный акцент на вопросах ресоциализации, в том числе недо-

пушения утраты социальных связей и социальных навыков осужденных.

Существующая на сегодняшний день система отбывания наказания не несет в себе исправительной функции в той мере, в какой это необходимо. Личность осужденного подавляется, он вынужден подстраиваться под существующие порядки, при этом данные порядки, повторяясь, не направлены на исправление. Для предотвращения рецидива преступлений, необходим баланс между карательной и исправительной функциями, при этом данные функции зачастую вступают в противоречие между собой. Ресоциализация не может быть достигнута исключительно методом «кнута», но при этом человек, совершивший преступление должен понести наказание в полной мере. Подобное противоречие мы находим обязательным к разрешению.

И именно в контексте исправительной функции мы видим перспективной трудовую деятельность за пределами исправительных учреждений. На сегодняшний день замена лишения свободы трудовой деятельностью применяется в качестве поощрения осужденным за примерное поведение, в то время как подобная мера (с предложенными нами изменениями) должна использоваться как средство достижения положительной динамики в поведении осужденных. Внимание к личности осужденного и ее положительным качествам, к проблемам, детерминировавшим совершение им преступления, повлекшего уголовное наказание, а также ребалансировка функций уголовно-исполнительной системы, направленная на значительное усиление исправительной функции, переход к отношениям внутри данной системы по принципу «строгий, но справедливый», остро необходимы на сегодняшний день для достижения заявленных целей пенитенциарной системы. В совокупности с последующей гарантией трудоустройства, в том числе на предприятии, на котором осужденным осуществлялась трудовая деятельность, подобный комплекс мер должен способствовать положительной динамике уровня рецидива преступлений.

Заключение

В рамках настоящей статьи мы предложили такую меру ресоциализации осужденных к лишению свободы, как трудовая деятельность за пределами исправительных учреждений, направленную на поддержание контактов осужденных с внешним миром. Данная мера — в теории — способствует повышению качества ресоциализации осужденных. При этом остро стоят организационный и финансовый вопросы, но при должной проработке данная мера может продемонстрировать необходимый результат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абуталипов А. Р. Социальная структура и социальные институты в современном обществе // Гуманитарий юга России. — 2020. — Том 9 (41). — № 1. — С. 152–169.
2. Артемьев Н.С., Бурчихин А. Н. Причины и условия рецидивной преступности и основные меры её предупреждения // Вестник ВятГУ. — 2015. — № 5. — С. 110–114.
3. Батыщева И.В., Козырев В. Г. Причины и условия рецидивной преступности // Наука и современность. — 2015. — № 35. — С. 220–223.
4. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях [Текст] / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. — 186 с.
5. Волконская Е. К. Понятие криминологического рецидива преступлений // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 9. — С. 63–66.
6. Данилов Д. Д. Формирование социально-производственной системы в учреждениях, исполняющих наказание: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: Москва, 2004. — 213 с.
7. Константинов И. Г. Приобщение осужденных к труду. Введение в исправительно-трудовую экономику. — М.: Всесоюз. науч.-исслед. ин-т МВД СССР, 1982. — 160 с.
8. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г. // [официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации] / Главное управление правовой статистики и информационных технологий. [Москва, 2020]. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения: 14.05.2020 г.)
9. Степанов М. В. Проблемы ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 4. — С. 285–288.
10. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А. Е. Рецидивная преступность и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2015. — № 3 (21). — С. 32–37.

© Шершнев Михаил Николаевич (kpb86@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сургутский государственный университет

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Baranov G. —Deputy Chairman of the Berezniki city court of Perm Krai, Berezniki
GennadyBaranov@yandex.ru

Belogash M. —associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
MBelogash@fa.ru

Bogomolova A. —branch of FSAEI of HE «SUSU (NRU)», Nizhnevartovsk
bogomolova_aa@list.ru

Chekulaev S. —Assistant, Far Eastern Federal University, Vladivostok
chekylaev@mail.ru

Chernysheva E. —branch of FSAEI of HE «SUSU (NRU)», Nizhnevartovsk

Chuvakhin P. —Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Senior Lecturer, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
chuvakhin.petr@yandex.ru

Danilyuk L. —Financial University under the Government of the Russian Federation; Advocate, Member of the college of advocates “Exlege”
Moscow.advocate@mail.ru

Degtyareva I. —doctor of Economics, prof., UGATU, Ufa
idegtjareva57@mail.ru

Doguchaeva S. —Candidate of physic and mathematical Sciences, associate professor Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
sv-doguchaeva@yandex.ru

Efimova O. —Litigator of the law company, OOO (Limited Liability Company) «Agency of intermediary regulation «Vicon»; Post-graduate student, Tyumen state University
apricon@yandex.ru

Esaulkova T. —candidate of economic sciences, All-Russian Research Institute of Labour of Ministry of Labour of Russia (Moscow)
sovet@vcot.info

Filichev G. —Doctor of Public Administration (DPA), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
gfilichev@gmail.com

Gorbunov V. —post-graduate student, Russian State Academy of Intellectual Property
vldgorb@gmail.com

Gribanovskaja I. —Far Eastern Federal University, Vladivostok
ira0-00.00@mail.ru

Gruzina Ya. —PhD in economics, associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
YMGruzina@fa.ru

Gudkov A. —Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
gudkovaniv@yandex.ru

Karpov O. —senior lecturer, Vladimir branch of RANEPa, Vladimir
okarp67@mail.ru

Khomushku S. —National research University Higher school of Economics, Moscow

Khristoforov N. —post-graduate student, All-Russian State University of Justice
khristoforov-n@mail.ru

Kozhuhov N. —Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Independent researcher

Krasilschikov A. —Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
krasilschikov@inbox.ru

Krishka V. —Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Altai State University (Barnaul)
kryshka@mail.ru

Kuzmicheva A. —associate Professor, Moscow aviation Institute (National research University)
allamai@list.ru

Kuznetsov A. —Ph.D. in History, associate professor, I.N. Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary)
kuznetsov-ak@mail.ru

Kuznetsova N. —senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
kuz1503@yandex.ru

Kuznetsova N. —senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
kuznezova-1963@mail.ru

Labudin A. —Doctor of Economy Sciences, Professor, St. Petersburg State Forest Technical University named after S.M. Kirov
labudin59@mail.ru

Lebedev N. —doctor of Economics, Professor, leading researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
ieras@inecon.org

Lomakin A. —Grand PhD in (Economic) sciences, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
lomakin-al@ranepa.ru

Lopatina O. —candidate of pedagogical Sciences, Professor, Khabarovsk State Institute Of Culture
Lopatina-OA@Rambler.ru

Lukashina A. —Vladimir Branch of RANEPA, Vladimir
Lukashina.angelina@mail.ru

Majorov I. —post-graduate student, All-Russian State University of Justice
majorov91@yandex.ru

Makaeva L. —graduate student, BashGU, Ufa
makaeva_liana@mail.ru

Matveeva T. —senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
matveeva33@mail.ru

Melnichuk M. —Doctor of Science (Economics), professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
MVMelnichuk@fa.ru

Metreveli E. —Graduate student, teacher, REU them. G.V. Plekhanov
metrevelieg@yandex.ru

Mishchenko V. —Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Mishin V. —Candidate of Economic Sciences, associate professor, Ryazan state radio engineering university of V.F. Utkin
vbm6565@mail.ru

Nemtsov D. —PhD student, Synergy University»
alesana.sanders@gmail.com

Puchkov O. —Doctor of Laws, Professor, Ural State Law University
puchkovandpartners@gmail.com

Puchkov V. —Postgraduate Student, Ural State Law University

Raush Ya. —branch of FSAEI of HE «SUSU (NRU)», Nizhnevartovsk

Rudikova S. —The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
rudikovasofia@gmail.com

Ryabinin D. —senior Major Case Investigator at Main, Military Investigations Directorate of Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow
rabinyn@intmail.net

Ryabova O. —Teacher, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
frau.lilya2012@yandex.ru

Rybina S. —PhD (Biology), Assistant Professor, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia
rybina.sn@yandex.ru

Semenov A. —head of department, North-Eastern Federal University, Polytechnic Institute (branch) in Mirny
sash-alex@yandex.ru

Shaydullina V. —PhD in Law, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
VKShajdullina@fa.ru

Shershnev M. —post-graduate, Surgut State university
kpbb86@gmail.com

Shumakova E. —Candidate of economic Sciences, associate Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok
shumakova.ev@dvmfu.ru

Stulova M. —National research University Higher school of Economics, Moscow
stulova_mv@list.ru

Taranov A. —post-graduate student, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
artyom848@gmail.com

Terekhova V. —candidate of law, associate Professor, Russian state University for the Humanities (RSUH), Moscow
wsamoilova@mail.ru

Tikhomirov E. —Candidate of Economics, Associate Professor, Moscow State Technical University named after N.E. Bauman
tihomirov@mgul.ac.ru

Tran Thi Thanh Nga — Post-graduate student, St. Petersburg State Forest Technical University named after S.M. Kirov
trannganv@gmail.com

Tyschenko G. —graduate student, Altai State University, Barnaul
gleb.tyshchenko.2017@mail.ru

Vasilieva J. —Ph.D. in History, associate professor, I.N. Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary)
kaf_advok@mail.ru

Volotkovskaya N. —assistant professor, North-Eastern Federal University, Polytechnic Institute (branch) in Mirny
volotkovska_n@mail.ru

Volotkovskaya Yu. —assistant professor, National Technical University “Dnieper Polytechnic”, Dnipro, Ukraine
kafeiagp@rambler.ru

Vorob'ev A. —Lawyer, post-graduate student, Russian state University of justice (RPA of the Ministry of justice of the Russian Federation), Moscow
advokat_lex@bk.ru

Zhirova A. —postgraduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vyatka State University»
448986@mail.ru

Ziablitskaia N. —doctor economical. sciences, branch of FSAEI of HE «SUSU (NRU)», Nizhnevartovsk

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).